

ВЛАДИМИР ЛАХТИН

ЗОЛОТЫЕ СОПКИ КОРЯКСКОГО НАГОРЬЯ

Воспоминания полевого геолога о разведке
Аметистового месторождения

р. Ичигинновая, сопка Аметистовая. 1985 г.

ВЛАДИМИР ЛАХТИН

ЗОЛОТЫЕ СОПКИ КОРЯКСКОГО НАГОРЬЯ

***воспоминания полевого геолога о
разведке Аметистового месторождения***

Посёлок Аметистовой ГРП. 1985 г.

***г. Петропавловск-Камчатский
2022 год***

ЛАХТИН Владимир Александрович

(краткая биография)

Родился 01 января 1945 г. в Петропавловске-Камчатском. В 1966 г.

окончил Новосибирский геологоразведочный техникум, техник-геологоразведчик. В 1991 году – Томский государственный университет, инженер-геолог.

Трудовую деятельность начал в 1966 году техником-геологом Куларской ГРП Янской ГРЭ. После службы в армии работал в угледобывающих предприятиях Кузбасса старшим техником-геологом, участковым геологом, геологом.

В 1975 году приехал на Камчатку, и почти два десятка лет трудился в Олюторской и Северо-Камчатской геологоразведочных экспедициях в качестве техника-геолога, старшего техника-геолога, горного мастера, геолога, геолога 2 категории. Как полевой геолог Владимир Александрович внёс большой личный вклад в разведку крупнейшего на Камчатке Аметистового золоторудного месторождения, которое с 2015 года находится в стадии освоения.

В 1994 году В.А. Лахтин переехал на постоянное местожительство в г. Киселевск Кемеровской области, но активно поддерживал отношения с Камчаткой. Он регулярно присылал в редакцию журнала «Горный вестник Камчатки» свои самобытные стихи и рассказы. В 2015-2020 гг. в журнале опубликованы его воспоминания о работе в Аметистовой ГРП.

В.А. Лахтин планировал издать книгу со своими произведениями, но не успел.... 15 июля 2020 г. он скоротостижно скончался в г. Киселевске Кемеровской области.

В книге «Золотые сопки Корякского нагорья» (воспоминания полевого геолога) публикуются воспоминания В.Лахтина о разведке Аметистового золоторудного месторождения, написанные в 2015-2020 гг., а также стихи, созданные в основном непосредственно в период работы на севере Камчатки.

В качестве иллюстраций использованы фотографии из личных архивов автора, В.Б. Уварова, Л.А. Безруковой и других ветеранов геологической службы Камчатки.

Корякское нагорье

Предисловие

На юго-восточной окраине Парапольского дола, вдалеке от дорог и водных коммуникаций, расположилась группа невысоких сопок, хранящих в недрах золотоносные кварцевые жилы. Это и есть месторождение Аметистовое.

Название «Аметистовая» геологи-поисковики сначала дали наиболее перспективной на золото сопке, обнаружив там развалы кварца неяркого сиреневого цвета. Сам по себе крупнокристаллический аметистовидный кварц не представлял никакой практической ценности, но, тем не менее, послужил поводом назвать сопку красивым именем. Организованная позже геологическая партия и само золоторудное месторождение получили такое же название.

Созданной в 1975 году Аметистовой партии, её коллективу предстояло провести на участках с рудопроявлениями золота поисково-оценочные работы и разведку по нескольким проектам. Этап за этапом, в течение двадцати лет, велись на месторождении горнопроходческие и буровые работы, составлялись проекты и писались отчеты. В результате общего труда людей, занятых на поиске и разведке, месторождение золота «Аметистовое» состоялось! С лета 2012 года на месторождении ведутся работы по добыче золотоносной руды. А 25 сентября 2015 года введена в эксплуатацию обогатительная фабрика и произведен первый слиток золота.

И как тут не вспомнить о самоотверженном и изобретательном труде геологов, инженерно-технических

специалистов и рабочих.

Автор этих записок тоже внес свою лепту в разведку месторождения, работая геологом в партии с самого её начала. В суровых условиях субарктического климата, под заунывный вой метелей зимой и комариный звон в ушах летом, все мы старались, каждый на своем рабочем месте, с пользой трудиться на результат общего дела.

Простой, без излишеств быт в партии был, мягко говоря, неприхотливым. Но люди к нему быстро привыкали. Житейские неудобства скрашивала природа, пусть и скупая на краски зимой, но примечательная и живописная летом и осенью; радовала людей хорошая рыбалка в реках и озерах и занятная охота в окрестностях партии.

Трудовому коллективу, в особенности геологам, работать на месторождении было интересно. Успех в реализации очередного проекта достигался не только благодаря рациональным расчетам, а во многом за счет романтического энтузиазма, как ни странно, это понятие звучит в современной постсоветской жизни. Заработанные деньги не играли большой роли, не являлись тогда определяющей жизнью самоцелью, как это наблюдается у нынешнего поколения людей.

В работе порой не обходилось без сбоев и ошибок, которые вызывали раздумья над их причиной. Но и везло тоже, как вознаграждение за упорный и умелый труд. И особенно было приятно геологам, когда приходили хорошие результаты пробирного анализа по содержанию золота в жилах, вскрытых канавой, скважиной или рассечкой в штольне.

Первоначально я замыслил написание отдельных очерков о канавниках, с которыми больше всего работал, и о геологах. Но потом пришла идея отобразить в непрерывной последовательности, год за годом, долгую Аметистовскую эпопею – со всеми этапами работы по проектным заданиям, с включением в повествующий обзор картины меняющегося со временем быта и воспоминания о многих примечательных людях.

Прошло порядочно времени с тех пор, как я жил и трудился на Аметистовом месторождении. Немало событий, тем более их детали, улетучились из памяти. Но всё-таки многое осталось в голове. Выплывали из памяти детали

эпизодов, правда, в смутных очертаниях, и приходилось допускать в текст вольную их трактовку. Старался всё же слишком не увлекаться авторской импровизацией.

Вспоминая события того времени, я обнаружил, что прочнее в память засели ранние годы, и хуже последние. Видимо, в мешанине всего происходившего в конце 1980 – начале 1990 годов, когда численность работников в партии значительно возросла, бытовые события перепутывались в памяти и утрачивали, каждое в отдельности, яркость впечатления. Поэтому временной отрезок в последних главах описан сжато, в отличие от более пространного изложения рабочей конкретики и происшествий в ранний период.

Значительное место в тексте уделено проходчикам поверхностных горных выработок (канавщикам в бытовой лексике), больше чем рабочим других профессий. Объясняется это моими частыми контактами с канавщиками, с которыми длительное время работал.

Фактуру этапов поисков и разведки (в их хронологической последовательности) находил я в номерах журнала «Горный вестник Камчатки», из интернета (в статьях геологов СКГРЭ). Да и в памяти много чего оставалось, главным образом, ход исполнения этапов.

Бытовую сторону жизни партии брал я из своей памяти, прибегал также к подсказкам людей, трудившимся со мной в Аметистовой партии. Связывался я с ними (с Е.С. Татаржицким, Р.Б. Газизовым, В.П. Зайцевым, Сергеем Брагиным, Василием Шевцовым) через интернет или по телефону. За оказанную помощь всем им моя благодарность.

В. Лахтин

пос. Корф

1. МОЯ СУДЬБА – АМЕТИСТОВАЯ ПАРТИЯ

Первый полевой сезон на Камчатке. Проблемы в Корфе.

На Камчатку, где я родился и куда захотел вернуться (писал в Геологическое управление, но в техниках-геологах, видимо, не нуждались, мне отказывали), попал авантюрным способом. Написал, что готов работать промывальщиком, тогда и пришёл желанный вызов из Олюторской экспедиции. По прилёту в Корф (2 июня 1975 года) я был оформлен геологорабочим и через неделю присоединился к коллективу Средне-Уннэйваймской съёмочной партии.

Стас Шелудченко, начальник партии, узнав мою специальность, предложил выполнять работу техника-геолога и отрядил в помощь расторопного рабочего Шамиля Муслимова. Таким образом, оказался я в двух ипостасях: техником-геологом и промывальщиком. Двумя лотками намывали мы с Шамилем за день гораздо больше шлихов, чем две другие пары в шлиховом отряде.

Работе с лотком научился в Куларской партии Янской ГРЭ у многоопытного Астрелина. С дальстроевских времен осел он безвылазно в заполярной Якутии. Много чего повидавший за свои полвека Астрелин не имел специального образования, но завершал жизненную стезю работой техника-геолога. Он считал, что нажитый опыт позволяет ему быть в геологии полезнее, чем начинающие свою карьеру малоопытные геологи. При случае любил указывать новичку на какой-нибудь промах в практическом деле. Сверх своей работы на смене (промывку шлама из скважин ударно-канатного бурения обслуживал техник-

геолог) по собственной инициативе контролировал работу промывальщиков не его смены: старательно перемывал отбуренный ими шлам и был доволен итогом своего рвения, если выявлял брак в работе промывальщика, и, соответственно, плохой контроль сменного геолога. За обучение промывке шлиха ему благодарен: полученный навык утерян не был и пригодился.

Полевой сезон закончился, и я с группой рабочих прилетел в Корф, на базу экспедиции. К этому времени я уже легализовался в партии техником-геологом.

Посёлок Корф расположен на самом широком участке длинной и узкой косы в заливе. Ни одного коренного дерева не росло на песчанистой почве, только луговое разнотравье. В посёлке – две большие организации: рыбокомбинат и геологическая экспедиция. И ещё аэропорт. Взлётная полоса порта настлана листами железа с рядами круглых отверстий в них. Обслуживал аэропорт население двух посёлков. До районного центра Тилички регулярно ходил паром, иначе – дорка. К месту переправы людей доставлял автобус.

Итак, с работой по специальности было улажено, и мне предстояло трудиться в коллективе геологов, с которыми за сезон сдружился. Казалось, окончательно обрёл я своё постоянное место в геологосъёмочной партии, где всё меня устраивало. Только вот с жильём проблема: по прилёту в Корф не нашлось мне нормального места для проживания.

Одно время экспедиция арендовала прибывающим на сезонные работы кадрам комнаты в двухэтажных деревянных домах, принадлежащих рыбокомбинату. И весной, перед вылетом в поле, я был временно устроен в одну из них. К осени срок договора об аренде комнат истек, никого из работников экспедиции туда не селили, тем более прилетевших с полей сезонных рабочих, ожидающих расчёта. Почти все они возвращались, откуда прибыли.

Мне, прилетевшему в компании сезонников, был доступен один вариант: поселиться, как и всем прибывшим с полей сезонным рабочим, в знаменитое в те годы экспедиционное общежитие, которое в народе носило название – «рейхстаг».

«Рейхстаг» располагался на хозяйственной территории

экспедиции, представлял собой аляповатое видом деревянное здание. Жили в нём штатные работники экспедиции, преимущественно холостяки. Одна из комнат в «рейхстаге» – «бич-холл» (существовал до середины 1970-х годов и славился памятными историями, случавшимися в нём). На вид просторная, ввиду отсутствия кроватей, комната. На стенах в стародавней побелке подтёки и грязные пятна; пол, если видеть днём, загажен мусором; временные жильцы подметали пол для ночлега, прежде чем расстелить спальные мешки. Столиком служил какой-нибудь ящик. Вокруг него, сидя кто на чём, часто собиралась шумная компания, состоящая в основном из увольняющихся сезонных рабочих. Ошивались там и всякие посторонние фигуры.

Таким образом, я оказался в «бич-холле».

Начальник партии Стас Шелудченко, к кому я обратился, придя на работу не отоспавшийся, развёл руками, – мол, сочувствует, и обещал уладить вопрос с жильём. «Если не получится в Корфе, – сказал он, – в Аметистовую партию переведём. На золоторудное месторождение».

Пока решался вопрос с жильём, я трое суток кантовался в «бич-холле». Неуютная, мягко сказать, обстановка не застигла врасплох: экстремальные моменты в жизни мне были ведомы. Я не стал чураться общения с людьми, которые по духу и образу жизни не были мне близки. Представилась возможность с интересом наблюдать, как преображаются полевые труженики после длительного воздержания от недоступных в полях соблазнов.

Получившие аванс сезонники в ожидании окончательного расчета коротали время распитием спиртных напитков. Вдвоем кто-то из них, сбегав в «чапок» (нестандартного вида ларёк, похожий на будку), находившийся недалеко от «рейхстага», притаскивали оттуда ящик «местнухи» – ягодного вина местного разлива. Пили также водку «Кубанскую» – дурно пахнущий сучок, который, как мне говорили, тарили в Тиличихах. Популярен был в то время и египетский бальзам «Абу-Симбел» – 45-ти градусный бурый напиток. Его следовало для смягчения вкуса немного добавлять к водке, но никому это в голову не приходило: наливали бальзам в кружку. На этикетке литровой бутылки изображался храмовый комплекс Рамзеса II, и перед тем,

как приложиться, выпивающие добрым словом поминали фараона. В горло бальзам шёл хорошо. Но если переборщить, а это случалось, у человека возникали галлюцинации, тяжесть в голове; известны были и смертельные случаи.

Один раз и я, чтобы прочувствовать единение с обитателями «бич-холла», испробовал вкус всех этих напитков и больше в пьяных оргиях шумной компании не участвовал. На ночь расстилал в углу свой спальник. К тому времени накал страстей, выпивающих утихал, но поспать нормально не мог. Кто-то среди ночи вваливался в «бич-холл», будил людей – начинался несвязный обмен громкими репликами; шум голосов утихал, и уже в спальнике рядом слышались возня и пыхтение: это Иваныч, повар с нашей партии, занят любовью: тискает в мешке молодую аборигенку, которую привёл на ночь. Неделей позже (я уже не ночевал в «бич-холле») кого-то там пырнули ножом в пьяной драке.

Следующим моим пристанищем был длинный барак на «Тайване». К нему через заболоченный лиман вёл узкий, местами прогнувшийся пешеходный мост. На пустыре за мостом стояли несколько бараков, каждое лето туда селили вербованных девчат. По окончании сезона бараки пустовали. Я и два геодезиста, Бурмакин и Шаров (они сделали свою работу и ждали расчёта, чтобы отбыть в Узбекистан, откуда прилетели), поселились в просторной комнате. Бурмакин, видя моё неважное настроение, предложил вместе с ними лететь в солнечный Узбекистан. Там, в Алмалыкской ГРЭ, говорил он, нужны геологи. Я даже подумывал согласиться, но всё-таки надеялся на обещание Шелудченко решить проблему с жильём. Перебраться в Аметистовую партию – этот вариант меня тоже устраивал.

Недолго мы жили на «Тайване». По вечерам навевывалась ватага местной шпаны. Вела она себя бесцеремонно: стекло в окне разбили, а Шарову – губу; мне тоже, лежащему на своей кровати, досталась пара оплеух.

«Мужики! Надо ноги уносить, айда к одной прекрасной женщине – возле бани живёт. Приютит душа добрая» - сказал Бурмакин.

Недолго думая, взяли мы свои чемоданы, перешли гуськом мост, и оказались, пройдя за баню, перед неказистым дощатым

строением – двухквартирным домиком. Бурмакин стукнул в одну из дверей. Не дожидаясь отклика, толкнул её. Вошли внутрь и оказались в кухне. Справа открытый, без занавески, проём в комнату. Оттуда вышла плоскогрудая женщина: на вид – лет около сорока, лицо худосочное, бледное, нос узкий, как у чирка.

«Принимай экспедишников, Нюра! – бесцеремонно начал Бурмакин. – Денёчка три-четыре нам перекантоваться. Не обидим, сама знаешь».

«Не баламуты, вижу, одинокую женщину не обидите», – хмыкнула хозяйка. Оглянув своё скромное хозяйство, на мне остановила взгляд. «Под твой рост, парень», – указала на протёртый до лоска диванчик в кухне. Затем обратилась к моим приятелям: «Один на кухне... раскладушку дам. Ну, а ты, – хозяйка на Шарова пристально взгляделась, напрягая память, – не вспомню, как зовут.... В комнате уляжемся! – кровать широкая». Женщина хохотнула.

Выходит, Шаров и Бурмакин с хозяйкой дома раньше пересекались. Когда успели с ней познакомиться, меня не интересовало, об этом их не расспрашивал. В мыслях был за пределами Корфа. Узнал вчера: так и не найдя мне приемлемый жилой угол в Корфе, отдел кадров предложил лететь в Аметистовую партию, – жить там в балке и документировать поисковые каналы. Борт туда дня через три.

Эти дни квартировал я у легендарной женщины, более известной для забредающих в её халупу экспедишных работяг под кличкой Утконосика. Охотно заходили в её жилище рабочие полевых партий, когда прилетали в Корф – отдохнуть по-своему после трудовой напряжёнки, освободиться от лишних денег.

Понятно, в то время прилетающим из партий рабочим в «рейхстаге» не было места, приходилось находить приют у какой-нибудь разбитной вдовушки, и таких в Корфе хватало.

Работала Утконосика на рыбокомбинате. С утра туда уходила, но уже часа через три возвращалась.

Шаров, как и решила Утконосика, где кому спать, в одну постель с ней ложился. Стало быть, ему обязаны за доброе к нам расположение хозяйки.

Два первых вечера прошли спокойно. А в субботу

Бурмакин с Шаровым (накануне они получили расчёт) притащили из магазина ящик болгарского вина: 12 бутылок «Варны» и немудрённую к вину закуску в банках. Утконосиха на скорую руку отварила в кастрюле куски соленой нерки, хлеб большими кусками нарезала; Бурмакин откупорил складным ножом банки с закусками...

Ящик с вином на пол возле диванчика поставлен, ко мне лицом за столом приятели и Утконосиха. Процесс заурядной пьянки, обозначенной Бурмакиным как прощальный ужин, два дня продолжался. В знакомом ходе нарастающего охмеления организм мой путём выработки в нём защиты от возможного перебора ухитрился приспособиться к принятию «на грудь» определенной дозы спиртного, после чего укачивало в сон.

А сухопарой Утконосихе всё нипочем! Её неубывающей активности в поглощении вина можно было позавидовать: запрокинув, как цапля, голову, вливала в горло очередной стакан, следом туда помидор из банки, потом долго стрекотала о своих достоинствах, не забывая откусывать от непритязательных яств. Заходили на огонёк сторонние люди, без приглашения пристраивались к компании, наливали себе вина; пили и ели в своё удовольствие. Когда вино закончилось, Шаров слетал в магазин за добавкой....

В понедельник с тяжёлой головой пошёл на работу. Со времени прилёта из полевой партии я занимался разбором и оформлением штучных и металлометрических проб, был в постоянном контакте с начальником дробильного цеха Николаем Смаровозом. На этот раз в дробилку идти не пришлось. Из двери камералки, когда подходил, вышла Клава Малахова.

Она – моя однокурсница по техникуму. На Камчатку, куда по традиции определялись отличники, попала за спортивные заслуги, как и Николай Булдышкин, тоже работающий здесь, в экспедиции. Оба – лыжные гонщики, в учёбе особо не блистали. Булдышкин в то время завершал своё пребывание на Камчатке работой в отделе снабжения. Года через два, будучи в отпуске, заехал я к нему в Кедровку (Кемеровская область); там он успешно освоил профессию помощника машиниста на тепловозе – вывозил с разреза уголь в думпкарах. Удивительные капризы судьбы: сам я прилетел на Камчатку из Кедровки, где Булдышкин

раньше не жил, а жили родственники его жены.

«После обеда борт на Аметистовую, готовься!» – оповестила Клава.

Мои дела с работой в порядке. «С коллегами попрощаться успею», – пошёл назад, к дому Утконосихи.

В кухне среди беспорядка, оставленного с вечера, сидели за столом рано вернувшаяся с работы Утконосиха и Бурмакин с Шаровым. Похмелялись. Я сказал им – улетаю. Стал заталкивать в чемодан свои вещи. Перед уходом пожал геодезистам руки. Захмелевший Бурмакин приобнял меня на прощанье, то же самое хотела сделать и пьяная Утконосиха: неуклюже встала с покачнувшейся табуретки, широко раскинула вперёд руки, ко мне направилась. Я поторопился выйти за дверь, и вдогонку её возглас: «Постой же! Дай и я обниму!».

Бодрым шагом, чуя возврат организма к норме, уходил я к своему будущему: к жизни и работе в Аметистовой партии.

Прибытие в Аметистовую партию

- Шустрей, ребята!.. Куда один! – вдвоём берите, – командовал Березкин (последняя реплика ко мне).

«Маршалл авиации», - уважительно шутили геологи, называя так расторопного экспедитора – невысокого, с седеющими усами ветерана ВОВ. Вездесущий он мужчина, часто с ним разминались при встрече.

Один из грузчиков, и я с Жорой Плотниковым (нас двое летело в Аметистовую партию) стаскивали с грузовика ящики с продуктами. Среди них праздничный груз к дню Великого Октября, включавший два ящика водки марки «Кубанская». Внутри бутылок побелевшая от ледяной шуги густая, как кисель, жидкость. «Понятно, водка стояла в холодном помещении, да и градус не тот», - подумал я.

В распахнутый зад вертолёт закатили по доскам несколько бочек с ГСМ, втокнули аккумулятор, что-то из запчастей для техники, и напоследок рифлёные стержни из арматурной стали. Жора пояснил: «Заточат – будут ломы». Принимал груз второй рабочий, укладывая в вертолёт, куда показывал пилот. Наконец, всё уложено, и вертолётчик сомкнул задние створки.

Я со спальным мешком и матерчатым чемоданом, в

котором всё нажитое на данный момент имущество, и Жора с 10-ти литровой канистрой сели в вертолёт. Канистру затарил он в магазине, перелив в неё ящик «Кубанской».

Грузовик отъехал, и борт оторвался от земли.

Удаляясь в сторону Тиличик, вертолёт набирал высоту. От вздрагиваний и ныряний в воздушных потоках Жорина канистра, которую рядом поставил, отодвигалась. Жора её поправлял, ставя ценную ёмкость между ног.

- К-куда к нам? – заикасто в моторном шуме прокудахтал Жора.

- Техником-геологом, канавы документировать.

- А-а, - потянул междометие Жора, - обижать не будешь?

Пока соображал, что к чему, он пояснил:

- Канавщики люди серьезные, не бичи. Понимать их надо.

- Знаю эту братию, с шурфовщиками в Якутии работал, пойму и канавщиков.

- Ну да, - недоверчиво буркнул Жора.

Давая Жоре понять, что мне интереснее разглядывать смену пейзажей по курсу полёта, повернул голову к иллюминатору и стал обозревать пространства заснеженной тундры.

Внизу – в разных сочетаниях форм тундровый ландшафт. Проплывали, оставляя позади замёрзшие озёра. Молодой лёд чистый, голубого цвета, только с краёв кое-где наплзли на лёд языки снежных застрогов. Снег покрыл землю недавно. Повсеместно на отлогих склонах ещё приметны полёгшие ветви кедрового стланика; над верхушками кустарника в ложбинах выделяются рощицы низкорослой каменной березы, из которой получают отличные топорщица.

Миновали Вывенку – главную реку в Олюторском районе. Контрастно с окружающим фоном блестел в её извилистом русле аквариновый лёд. Потом стали вырастать сопки. Вдоль одной из них пролетели ниже её вершины, обогнув с юга отрог Корякского нагорья.

Пролетев расстояние над неширокой долиной, в которой текла подо льдом река, вертолёт зарокотал басистым звуком и стал снижаться; в широкой уже долине совершал, клонясь набок, плавный разворот.

Показался вдруг, прижатый к излучине реки, геологический посёлок. Густо поднимались столбы белого дыма из труб. Жилые балки и хозяйственные постройки залеплены мокрым, выпавшим накануне, снегом.

Вертолёт отделился от посёлка на очередной разворот, и я стал внимательно вглядываться в окружающую местность, которую буду видеть, и ходить по ней семнадцать лет.

В просматриваемой панораме за пределами посёлка типичный для горной тундры вид. На юго-востоке широкую долину, которая за рекой взгорблена низкими сопками, окаймлял отдалённый хребет Корякского нагорья, и там выделялась самая высокая двуглавая гора с крутым подковообразным цирком и каменной иглой останца на склоне. Река, вдоль которой летели, круто поворачивала к посёлку, а с востока, от высоких сопok, снижалась к излучке прямая на всем её видимом протяжении речка и впадала в реку (название реки, как после узнал, Ичигинная, а её притока – Тклавая). От прижима сопки, что за посёлком, река делала очередной поворот, возвращаясь течь на север. В том направлении далеко просматривалась расширяющаяся к северу пойменная долина. Она объединялась с Парапольским долом: обширным, визуальнo плоским пространством, за которым возвышался Пенжинский хребет.

Покачивая корпус, вертолёт примерялся к посадочной площадке. И, наконец, сел. Через пару минут вращение лопастей остановилось, пилот открыл дверь, я и Жора из него вышли.

К вертолёту подошёл кряжистый мужик с коротко отросшей бородой, руку мне протянул. «Видать, начальство», - сообразил я.

- Лахтин. Так, ведь? И кем же сюда?

- Техником, - ответил ему, не добавив приставку, - геологом.

- Зубным техником? – гоготнул начальник, притворяясь неосведомлённым относительно моей персоны. Среагировать тоже оригинально я не осмелился, да и начальник перестал смущать и уже серьёзно сказал:

- Видишь за балками избушки? – показал рукой. – По левой стороне самая крайняя – в ней пока перекантуется.

Ничего больше не добавив, Владимир Леонидович

Смирнов – первый начальник Аметистовой партии, начал распоряжаться выгрузкой ящиков и бочек с вертолѐта. Как раз подошли люди, и подрулила «дэтушка» с пеной – железным листом, зацепленным к задку трактора трубчатым водилом.

Я пошёл, куда указал начальник. Перешѐл по обледеленному в овраге мостику – увидел возле длинного зелёного балка толпившийся народ: собрался он сюда в ожидании подвоза праздничного груза. Мне, разумеется, ничего не полагалось, и я проследовал дальше.

Два ряда рубленых домиков за оврагом. Потом узнал, что строились они летом самими жильцами, срублены были из сырого тополя, и за зиму от печного тепла бревна разошлись, на следующее лето собирались жильцы их осаживать.

«Вот и мое пристанище», - подошёл я к маленькой избушке. Пристроенного к ней тамбура не было, из щелей между брёвнами кое-где вылезли пряди пакли и подѣргивались на ветру. Рядом крутой обрыв в скованную льдом протоку.

Дѣрнул дверь избѣнки – та протяжно заскрипела, и я вошёл. Колыхнулась от впущенного ветерка обветшавшая бумага, отслоенная местами от стен. На полу – снег. Слева от двери жестяная печь-буржуйка, а за ней – высокие деревянные нары. Ни стола, ни табуретки... Что отметил – весь интерьер.

«Надо как-то обустраиваться, надеюсь, недолго здесь пробуду». Заметил валявшийся чурбан за печкой, поставил на «попа» и присел. «Отлично! - иронично усмехаюсь. – Теперь надо дров раздобыть».

Когда я шѐл к избушке, видел возле балков и домиков большие кучи кедрового стланика. Я поднялся и вышел. Совсем рядом – перед дверью соседней избы, неказистой и низенькой, обитой толем, а тамбур, с одной стороны, картоном от аммонитных ящиков, - лежала большая куча аккуратно сложенного кедрача. Подошёл к куче... Поворошив её, выдернул толстый длинный сук. Хотел ещё один выдернуть, но тут вышла из избы приземистая женщина в овчинном полушубке.

- Что это дрова-то ворует! Для тебя готовили? И кто такой?

- Извините, не догадался спросить. Сюда вот поселили, - указал на избушку, - нагреть её надо. Ещё не в курсе, где

приезжему дрова взять.

- Ладно уж, бери, - смягчила тон женщина. – Кто здесь недавно, от столовой тащат или им бульдозер «копытит» за речкой.

- Одолжите ещё топор на полчаса? – вспомнил о нём.

Женщина пошла за топором. Это была Даниловна, она жила тут с мужем Николаем Солодовниковым – он работал трактористом. Оба низенькие, под стать супругам изба с низким потолком. Солодовников сам её строил, с экономным расчётом под свой рост.

Приняв у Даниловны топор, воткнул его в кедрачину, захватил оба длинных хлыста за тонкие концы и потащил к избушке.

Не заходя в избу (надо ведь согреться работой, а потом уже марафет в остуженном жилье наводить), приступил к рубке. Мёрзлое дерево хорошо ломалось: надо толстый хлыст подрубить, потом его вывернуть и ударить по концу обухом.

Топор я отнёс, и Даниловна мне сказала:

- К пяти часам на склад подходи.

Я вернулся к избушке. Затащил нарубленные чурки и ветки, возле печки сложил; оторвал со стены бумагу, настрогал перочинным ножиком щепок от дощечки, которую подобрал, идя от Даниловны, и стал разжигать печку. От холода пальцы одеревенели. Но печку разжёл быстро. Когда в ней запылало, приставил ладони к поддувалу. Печное тепло возвращало пальцам гибкость.

Печка старалась, но теплее в избе не становилось: по-прежнему холодно. Дверь плотно не закрывалась: на стыке с косяком довольно широкая щель, в неё-то и входил снаружи морозный воздух.

Снег, какой намело в щель, толстым слоем лежал у порога, в глубину избушки намело меньше. Выкинул снег за дверь.

Подумал я о солярке. Утром надо в темпе раскочегарить печку: наверняка мороз выхолодит за ночь избу. Неизвестно, как тут с электричеством, - свечи нужны. Лампочка в избушке висела, нить накала, посмотрел, исправна.

Сунул я в разгоревшуюся печку толстые чурки, закрыл валявшейся возле печки консервной банкой поддувало, и вышел

на крепчающий к вечеру мороз.

«К Жоре двину», - почему-то решил я, хотя к Даниловне зайти проще.

Искал глазами встречного: спросить, где Жора живёт. А на улице никого. Кроме одной лохматой дворняжки. Частя лапами, мимо пробежала с опущенной к наезженному снегу мордой. И тут слышу доносившийся от избушки, что в другом ряду улицы, неразборчивый гул голосов. Гудела, видимо, большая компания. Вспомнил о Жориной канистре: «Великий Октябрь празднуют трудящиеся. С испытанием трудовым человеком одной бутылки пьянка долго не длится: за эти два часа, как отоварились праздничным грузом, выпили бы всё. Скорее всего, Жора там». Но заходить туда расхотелось: «Мало ли чего: новичок должен быть вежлив – придётся задержаться, отвечая пьяным на вопросы, кто я и откуда, пристанут с ними выпить за праздник и знакомство. А мне надо жильё привести в порядок».

Пока стоял и размышлял так, из тамбура неуверенной поступью вышел на мороз легко одетый пьяный мужчина. Его бедра и ноги плотно обтягивали коричневые женские колготы. Тут же, у стенки тамбура, освободил он мочевого пузырь. Отлид, так сказать. А я уже шёл назад.

Печка в избушке раскочегарилась в свою силу. Тонкая жечь в правом боку завишневела. А в избе стало уже темнеть. Взглянул на часы – пора на склад. И я вышел из убогой избёнки, ничего под вещи или продукты не взяв, да и не было рюкзака. – «Затарю во что-нибудь на складе».

Перейдя овраг, направился к большой палатке. С лицевой стороны обтянутая брезентом и посаженная в деревянную раму дверь. Толкнул её внутрь, и зашёл.

За ограждением стояла Даниловна. А уходил, как только я вошёл, низкий, плотно сбитый мужчина в лоснящейся от масел телогрейке, - похоже, муж Даниловны, - выходил с пустыми руками.

Перед тем, как Даниловна подала голос, окинул я взглядом содержимое склада. В глубине, по бокам, стеллажи, занятые нужными для работы и житейского быта вещами. На полу аккуратно расставленные в ряды ящики, бочки, стопка листов фанеры, разные железяки и прочий инвентарь. Для обогрева – две

печки в палатке, сделанные из железных бочек.

- Тебя вот жду, - заговорила Даниловна. – Говори, что надо.

- Ведро мне, чайник, кружку, – начал перечислять я вещи, - лампу керосиновую, свечи, спецуру, какая геологу полагается, тушёнку возьму, чай, сахар.... Пока это.

- Лампы керосиновой нет, валенок тоже, обещали первым бортом. Остальное есть. Продукты сам набирай – сказала Даниловна, и пошла к стеллажам отбирать спецовку.

...Обвязал я ватные пурговку и брюки магистральным проводом, в ведре уместилось остальное, в том числе продукты, закинул на плечи связку, и пошёл к себе в избушку. Матрац я оставил, положив на пустой ящик возле склада, – за раз всё не унести.

С востока поднимался рожок луны, звезды сверкали в чистом, с редкими облачками, небе. Ветер дул с севера. Всё это время, что был на морозе, исключая малое время, когда находился вблизи разогретой печки, ноги мои в летних ботинках сильно ооченели.

Придя к себе, бросил на нары спецовку, освободил ведро. Пошёл опять к складу – за матрацем.

За время моих неотложных дел печка затихла, в ней уже не потрескивали чурки, дотлевающие до серой золы, но ещё не рассыпались, сохраняя форму и оставаясь пятнами красными, протяжно и тонко иногда посвистывали. Кедрач и листвяк – отличные, калорийные на севере дрова. Лиственница здесь не росла, а кедровый стланик, на сопках и в низинах, где сухо, – повсеместно.

Взбодрил я печку, выбрав чурки потоньше, взял ведро и отправился искать прорубь в протоке. Тропку, натопанную вдоль бровки обрыва, я заметил раньше. Кое-где на ней были заледеневшие пятна от выплеска с вёдер воды, – наверняка, в прорубь вела.

Благо, луна освещала тропу – довела до проруби. Днищем ведра разбил тонкую плёнку льда и зачерпнул воду. Пошёл обратно.

В избушке темно. За делами совсем забыл, что надо попробовать включить свет. Лампочка оказалась рабочей, изба осветилась. Как узнал позднее, утром до рассвета и вечером до

полуночи, работал, используемый только для освещения жилья, карбюраторный движок марки УД-2, мощностью не более четырёх киловатт. Если кто-то включал уют, лампочки притухали или вовсе гасли.

Избушка не прогревалась до комнатной температуры. У печки хорошо: тепла достаточно, а отойдёшь от неё на пару шагов, уже прохладно.

Сполоснув чайник, налил в него воды и поставил на печку. Затем организовал себе нехитрый ужин. В темпе опорожнил банку тушёнки, а когда вода в чайнике, вскипев, начала из него выплескиваться, всыпал пачку китайского чая. Выпил после две кружки подряд бодрящего напитка, настоящего на мягкой камчатской воде.

Заглянув под нары, интересуясь, что там, увидел запылённую книжку. Достал её. Оказалось: повести и рассказы фантаста Саймака. «Есть с чем коротать вечер». Но беспокоила щель в дверях. Заткнуть её нечем, да и бесполезно: мало ли чего: придётся, например, выйти по малой нужде, если приспичит. Хотя, обычно, спал до утра, не вставая. Кроме того, заметил: в щель под окошком в избу тянул холодный воздух.

Прикинул: если пару раз встать за ночь – добавить в печку дров – должно до утра хватить. Для этого отложил наиболее толстые чурки. Тогда я не знал, что, если реже просыпаться и не вылезать часто из нагретого телом спальника, лучше годятся тополиные дрова. Тепла дают мало, но пыhtят и тлеют в печке долго. Их много летом наготовили, тут рядом – за протокой. Швырком называют здесь напиленные чурбаны.

Спальник из чехла я вынул и расстелил на нарах поверх матраца, под изголовье всунул ватные брюки. И сел с книжкой на сучковатый чурбан возле печки, который и был тем самым швырком. Дрова потрескивали, труба монотонно пела, и я углубился в чтение занимательной книжки. Где-то в полночь засунул в печь на жаркие угли чурбаки, забрался в мешок, и пытался уснуть. Лежал я в спальнике одетым, в рубашке и брюках, снял только ботинки.

Примерно, полтора часа длился мой полусон. Чувствую: ступни ног стали коченеть. Вылез я из спального мешка. Температура нулевая, может, и ниже. Расшевелил в печке

догорающие поленья, тонких веточек туда... И стал ждать, когда печь разгорится. Она разгорелась, и я дал огню очередной корм: засунул в печку толстые, какие оставались, чурки. Не снимая уже ботинок, снова залез в спальник.

... Прихватило морозцем уши. Из чемодана достал шерстяную шапочку и надел. Последние чурки пихнул в печку.

К раннему утру, а было около шести, дрова почти догорели. Стало быть, надо ещё. Столовая далеко, разве что, опять у Даниловны умыкнуть, пользуясь темнотой.

Мороз за двадцать и ветрено. В южной стороне неба и высоко над горизонтом во всем великолепии сияло созвездие Орион. Луны не видно. Подошёл к знакомой куче и выдернул изогнутый, средней толщины, сук. Притащил к избушке и стал думать: «Где топор взять?». «Удэшка», кстати, работала - свет был. В двух ближних зимовьях светились окна. К одному из домиков я подошёл. Открыл дверцу тамбура, нащупал вторую дверь и постучал.

- Кого это чёрт принёс? Нос чует – похмеляемся, - в голосе недовольства не было, прозвучал, как приглашение, и я зашёл.

Обстановка: трое нар с помятыми на них спальниками, низкая железная печка в углу; на стенках возле неё вбиты длинные штыри, на них валенки, сапоги, портянки, на гвоздях рабочая одежда. Под нарами квадратные ящики из-под ДШ, разные вещи и рухлядь.

Узколицый мужчина, с рыжеватой бородкой и баками, сидел на нарах. Двое его приятелей, оба в одинаковых бумазейных рубашках, сидели спиной к пышущей жаром печке - один на табуретке, второй на ящике.

Между нарами, на которых сидел рыжебородый, и столиком – на засоренном полу фляга с приклеенной на боку картинкой. На картинке (лист выдернут из какого-то журнала) генсек Брежнев и премьер Индии Индира Ганди. Но только, судя по головам. Головы у обоих лидеров кто-то вырезал и поменял. Смотрелось это забавно, особенно смешон был Брежнев: его голова – на плечах Индиры, одетой в пёстрое сари.

- Доброе утро! – начал я...

- Не всем оно доброе. Нам – да. Похмелишься? – сказал рыжебородый. Рука с кружкой тут же нырнула глубоко во флягу,

зачерпнула там и извлекла оттуда полную кружку мутной браги.
– Геологом, значит, на сопку...

Я не удивился: узнать, кто прилетел, тут запросто.

– Видел вчера: крутился возле халупы, где Васин жил с бабой. Места другого тебе шеф не нашёл? Напротив хибара, нары там освободились. Ну! – протянул мне рыжебородый кружку – согрейся.

Я заколебался. «Вот так сразу – бражку с рабочими пить... не годится и не хочется». Но кружку взял, подумав: «Чего уж там жеманиться. Немного согреюсь – веселей дрова стану рубить».

– Давай, за здоровье Брежнева! – ткнул рыжебородый пальцем в голову Индиры Ганди на картинке.

Белёсая, пахнувшая дрожжами брага с плавающими в ней размякшими хлебными крошками, почерпнутая у дна фляги, ушла в желудок. Брюшком вяленой рыбы (сельдянкой тут называют камчатский омуль) стал я зажевывать взмученный осадком напиток. Похмеляющиеся товарищи следом, взяв в огрубелые руки кружки, по очереди нырнули ими во флягу. И я, пользуясь моментом, когда сидящий на ящике приятель с разлохмаченной на голове шевелюрой допил брагу, обратился к нему:

– Можно топор на время?

– Топор тебе?.. – отвечал за товарища, допив брагу, рыжебородый, глядя на мои летние ботинки. – Ну и ну, северянин хренов... пока нет валенок, возьми вот, – нагнулся и достал из-под нар войлочные башмаки «прощай молодость». – Можешь потом выбросить это барахло. А топор – в сених, увидишь там, где ломы.

Машинально взял я с рук рыжебородого стоптанную обувку и вышел в тамбур, где сразу же увидел топор.

У дверей избушки быстро нарубил чурок, занёс, и стал оживлять печку. Когда она разгорелась, решил сходить за овраг, к наваленной возле столовой большой куче кедрача. «Нарублю дров в запас, пока у меня топор».

Две ходки сделал я за кедрачом. Нарубил дров, после чего отнёс топор.

Знакомство с поселком и окрестностями

Когда рассвело, решил прогуляться по посёлку.

Никуда заходить я не собирался. Разве что, к итээровцам зайти... «Ладно, после праздника зайду», - почему-то раздумал с ними сейчас знакомиться. Впрочем, из них никто пока не приходил ко мне в избушку поинтересоваться, как я решаю свои бытовые проблемы.

Дойдя до камералки, которая была заперта, обратил внимание на соседний балок без трубы над крышей. Дверь полуоткрыта. В балке кто-то находился: стук услышал.

Когда вошёл, увидел рослого, лет тридцати, мужчину, с шеи свисал белый шарф. Отрывал он топором в левой половине балка полку. На полу в куче лежали наполненные бороздовыми пробами мешки с канав. Посмотрел направо: там, в два яруса стеллажи вдоль стен, а на них аккуратно, рядами, камешки.

- Привет! – коротко поздоровался.

- Тебе мой тоже, - ответил мужчина, выпрямляясь ко мне лицом.

Постепенно разговорились. Мой собеседник Саня Шевцов исполнял на то время всякие простые работы – был у начальника партии, как говорится, на подхвате.

(У него, после узнал, два высших образования: имел специальность химика-технолога и ещё в какой-то альма-матер обучался, уже не помню).

Стеллажи Шевцов смастерил по указанию геолога Бориса Исакова. Разместил Исаков на полках образчики пород – получилась наглядная каменная карта месторождения: согласно порядку мест взятия образцов лежали рядами на стеллажах разноцветные камешки.

В разговоре получил от Шевцова информацию о порядках в партии, о людях. Сказал, почему меня в «офицерский» балок, где ИТР, не поселили: «Там полный комплект, нары в два яруса». Узнав, какую скверную ночь провел я в избушке, предложил:

- Слушай, давай в нашу хижину, она напротив. Место освободилось. К утру тоже колотун порядочный, а спим в кулях, как сурки, пока печка дышит; во всех хибарах так: брёвна рассохлись – из щелей дует.

Вспомнил я о намёке рыжебородого, сказал, что так и

сделаю.

Когда Шевцов, закончив работу, ушёл, я сразу же – к стеллажам. Вижу: каждый образчик промаркирован. На белом гуашевом мазке написана тушью привязка образца, и под каждым камешком бумажка с названием породы. Пропуски в рядах понятны: там, где заболочено, нечего взять.

Как раз это мне и надо! Опыт, конечно, придёт со временем, а тут такая возможность: вот, все они здесь – породные разновидности, которые будут встречаться в зачистках канав. *(До приезда на Камчатку я работал на угольном предприятии, имел дело с осадочными породами; знания о вулканогенных образованиях были подзабыты).*

Дубак в балке, что и снаружи. «Пойду, согреюсь сначала возле печки». Я на время покинул балок. А через полчаса вернулся. Брал, не снимая рукавиц, образец со стеллажа и внимательно его рассматривал, запоминал структурные и прочие особенности вулканических пород.

В свою избушку ещё раз возвращался – погреться у печки. А когда стало темнеть, вспомнил о предложении Шевцова переселиться в соседнее зимовье.

...От раскопчегаренной печки, когда я зашёл в соседнюю избу, пыхнуло мне в лицо тропическим жаром. Долговязый парень в майке сидел за квадратным столиком и пил маленькими глотками горячий чай. Шевцов поодаль, на нарах, - лежал на расстеленном спальнике и читал журнал «Новый мир».

Окинул я взглядом содержимое избы с закопчёнными стенами. Умещалось в избе четверо нар. На трёх из них поверх матрацев лежали расстеленными спальные мешки, на нарах у дальней стенки какой-то бытовой хлам и ведро с водой. Неприхотливый домашний скарб, вещи – развешаны, распаханы по углам, задвинуты под нары. Окно одно, но заметно шире, чем в покинутой избушке. На узком подоконнике пыльно, на нём засохшие комары.

Шевцов приподнялся с нар, оставаясь на них сидеть.

- Занимай этот топчан, - сказал он, указав на дальние нары.

Пошёл я в свое, так и не нагревшееся за сутки, пристанище. Заглушил там печку, собрал вещи, и за две ходки перенёс всё на новое место. Очистив нары от лишнего, расстелил матрац, на

него положил свой ватный мешок.

Вскоре пришёл третий жилец – круглолицый помбур с буровой, треногу которой видел на сопке. Буровая не работала, он там дежурил. Протянул помбур руку: «Гена» - сказал. Я тоже назвался.

Разогрел Гена на сковороде куски оленины, позвал разделить с ним ужин. Я охотно согласился – сел на короткую скамеечку напротив. Съеденное мясо и горячий чай, ввели меня в благодушное состояние; освобождался я от упрямства: преодолевать трудности в одиночку.

Зашумела «спидола» - ворвался в жилище бодрый тенор какого-то певца на «Маяке»

Внезапно свет потух в лампочке. Две керосиновые лампы, заправленные соляжкой, - одна на столе, другая на полке, - осветили комнату. Лёжа на боку, я дочитывал фантастику Саймака. Тусклый свет керосинок, доходя до моих нар в углу, вовсе ослабевал, глаза видели текст на пределе. Шевцов тоже читал. Над его головой лампа, и ему комфортней. Гена лежал на нарах ногами к жаркой печке, и курил папиросу, стряхивая пепел в консервную банку. Долговязый парень (имя его забыл) вышел занести в избу дрова. Нарубленный кедрач и чурбаны швырка, часть которых тоже порублена на крупные поленья, лежали в поленице у передней стены зимовья.

Два часа спустя лампочка замигала, и свет зажёгся. Он затухал часто, и все к этому привыкли.

Одиннадцать вечера – все мы в спальнях мешках. Печка, заправленная смолистым кедрачом, горела хорошо, жар ослабевал медленно. В полночь погасла лампочка, и я провалился в сон...

Надеялся хорошо отогреться за всю проведённую в ужасной холодрыге ночь. И проснулся тут от возни возле печки. Она притухла, и в избе стало прохладно. Гена засовывал в печь на горячие угли тонкий кедрач. Дав ему разгореться, положил сверху несколько поленьев швырка. Покурил возле печки и забрался опять в спальник.

До утра никто уже не просыпался. Морозный воздух с улицы, дождавшись (швырок в печке пыхтел, сопел... и почти сдох), свободно входил сквозь стены и не согревался; в итоге,

проникший в избу холод остудил её к утру до минусовой температуры, разве что, возле печки держался плюс.

Никому первым вылезать из мешка неохота. Осмелился вылезти из мешка Саня Шевцов. С озноба вздрагивая и потрясывая руками, быстро оделся, сунул ноги в валенки; пройдя к печке, рыжую дошку снял с гвоздя, надел её, и начал раскошегаривать остывшую печь.

Когда я уже работал, просыпались утром от звона будильника. Кто-то из нас покидал нагретый телом спальник первым и оживлял печку. Нагревалась изба нескоро, приходилось подниматься в холоде. Одежда, которую надо поскорее надеть, была накалена морозом, и я нисколько не преувеличиваю: когда касалась она тела, особенно голых ног, на которые напяливал обжигающие холодом брюки, - вздрагивал весь и приплясывал, второпях не попадая ногой в штанину.

На скорый завтрак Шевцов сварганил омлет из сухих яичного и молочного порошков. Накочегаренный в избу печной жар и горячий чай, довершивший нагрев организма изнутри, сделали своё доброе дело: с запасом калорий теперь можно прогуляться на морозном, с ветерком, воздухе. Наметил себе: спуститься к речке, посмотреть, что там...

В посёлке тихо. И собачьей переключки не слышно. Собак тогда было всего три, это потом развелось их множество. Любители поохотиться ушли с утра на лыжах проверить петли, расставленные в лесистой пойме Ичигинновыяма и в сторону Таловского озера – на лис и песцов. Те, кто остались в поселке, давно трезвы: бражка, у кого она была, вся выпита и фляги вымыты. Вновь замутить не проблема, и уже через трое суток популярный напиток готов к принятию.

Возможно, кто-то рыщет по посёлку, вынюхивает – не имеется ли у кого в запачке одеколончик или лосьон на опохмелку. Но эти спиртосодержащие жидкости водились в основном у женщин и итээровцев. Женщин, когда я прибыл в Аметистовую, всего двое работало: Лариса Мельникова – заведующая аммонитным складом, и Даниловна. Это уже после число их постепенно стало прирастать.

Опережая время, стоит сказать о такой оригинальной фигуре, как Гоша Козловский, любители опохмеляться питьевым

неформатом. Если вообразить бойкого на язычок Гошу в цивильном прикиде: худощавая фигура в коротком клетчатом пиджаке, на голове шляпа, забавные усики аккуратно подбриты, шустрые глаза туда-сюда бегают – похож будет на стародавнего сыщика, какого обычно показывают в кино. Начисто лишённый комплексов, запросто входил Гоша в балок, где жила женщина, и тотчас, упав перед ней на колени, дребезжащим тенорком начинал причитать: «Не дай умереть человеку! Сердце, - нагнув голову, прижимал к груди ладонь, - сердце останавливается! Пипец ему.... Спаси, душа добрая! – из пузырька грамулечку, сжался». Артистический дар Козловского и чутьё (знал, когда и к кому прийти) редко давали сбой: получал вожделенный флакон от женщины, не столько проникнутой сердоболием, а, скорее, забавило её Гошино лицедейство – не жаль с флаконом расстаться.

Пройдя по тропинке к проруби, где набирал воду, а затем по вздутому наледью льду в протоке, углубился в пойменный лес, который с внешней стороны огибала река. Ноги глубоко в снегу не утопали, если обходить места, где торчали верхушки занесённого снегом кустарника. Два вида деревьев в пойме, если не брать во внимание заросли рослого тальника. Это род ивы – чозения и душистый тополь. Сизовато-бурая кора этих деревьев отслаивалась крупными чешуями.

Проходя дальше, видел в занесённых снегом поленищах тополиный швырок. Вырубок много, пилили там, где толстые деревья. Вот только потом оказалось, что зря столько напилено. До сих пор, поди, усыхает швырок на вырубках, превращаясь в труху. Практика показала: плохое из него топливо, был востребован лишь в первую зимовку – для поддержания плюсовой температуры в продуваемых ветрами жилищах; сырой, заунывно бздел он ночью в жестяной печке.

Петляя в пойме, вышел к основному руслу реки. Между застругами снега, косо к руслу, блестел синеватый лёд. За рекой обширная ровная терраса, а дальше белели пологие сопки. Заметны на тундре чернеющие в разрытых сугробах мелкие сучья и ветки кедрового стланика. Это бульдозер «копытил» в тех местах кедрач на дрова. Тракторист ориентировался на сугроб, направляя туда бульдозерный нож. Мёрзлый стланик легко

ломался. Приехавшие с бульдозеристом люди вытаскивали сучья из порушенного сугроба и грузили на сани. Это зимой. А летом в свободное от работ время – топор в руки – каждый здесь живущий мужчина отправлялся на близлежащие сопки. Выбирал место, где кедрач рос гуще и был толще, перерубал лежащие на земле комли длинных, изгибающихся кверху, ветвей, отсекал тонкие боковые ветки и складывал кривые хлысты (бывали четыре-пять метров длиной) в большие кучи, за которыми потом приезжал трактор с саними.

На обрывистом мыске, там, где с рекой соединялся промёрзший до дна и забитый снегом ручей (недалеко уже от посёлка), увидел миниатюрную низенькую избушку с покатой крышей. Напротив двери, обращённой к реке, в семи шагах от неё во льду прорубь. Легко догадаться: поселковая банька.

В тесном дощатом предбаннике, когда вошёл, корка льда у порога. Внутри баньки – густой сумрак. Когда глаза к темноте привыкли, разглядел закопченные до черноты бревенчатые стены. В ближнем углу слева – большая железная печь, к ней приварен квадратный бачок под горячую воду. С другого боку прилажена каменка с речной галькой. Полок невысокий, под ним, ближе к двери, стояла бочка на две трети укороченная, куда наливали холодную воду.

Как помню, лет шесть эта банька обслуживала людей. Двоим моющимся было тесно, то и дело сталкивались задницами. Одежду после помывки, кроме верхней, надевали зимой в самой бане и, сняв с гвоздя шубу в холодном предбаннике, скорее к своему балку!

По найденной к бане тропе поднялся в посёлок, и скорее домой – отогреться. Гена как раз слезал по лесенке с чердака, держа за кость нижнюю часть оленьей ляжки (изба без тамбура, мясо хранилось на чердаке).

Оленину доставляли в партию из с. Манилы вертолётom или тракторами по зимнику, когда тундра окончательно замерзала. Как только привозили на склад мёрзлые туши выпотрошенных оленей, поселковые жители их быстро разбирали. Кто-то оленя целиком на плече утаскивал, а другой, распилив поперек тушу, забирал себе задок; передок с рёбрами уходил в последнюю очередь.

В избе жарко. Как раз к обеду я угадал. Насытились мы оленьим мясом в нехитром супе с разваренной сухой картошкой. Завтра уже поселковый повар будет кормить холостяков своим варевом.

Начало работы

За полчаса до начала рабочего дня, который начинается с девяти, пошёл я к столовой, видя в рассветном сумраке перед собой клонящийся навстречу из трубы дым. Камбуз в широкой избе. Возле двери, обтянутой войлоком, крутились две собаки, выжидая подачек. Туго открылась массивная дверь, и я зашёл.

Пахло подгоревшей кашей. Слева, вдоль стены, длинный стол из обструганных плах, с двух боков скамейки. В правой половине большая железная печь, обложенная кирпичом. Худошавый повар потчевал подходящих к фанерной перегородке людей: сначала немудреной прибауткой, а потом уже из бачка клал половником в миску порцию гречневой каши с мясом. Каша, как и другая еда на завтрак, готовилась загодя – вечером, а утром повар её разогревал. От быстрого разогрева на жаркой печке каша на дне бачка подгорала, а в остальной массе оставались мерзлые комки.

Взял я с рук повара миску с кашей, и едва сел за стол, ко мне подошёл парень в собачьей шапке, сказал: «Давай знакомиться, - руку протянул. – Сергей!» Я тоже назвал, после чего Сергей сразу к делу:

«Главный геолог в Корфе на больничном. Пока я один тут кручусь, буровая на мне и канавы. Теперь нас двое. Скоро будут ещё геологи. После обеда вместе на сопку ходим – канаву примем. Камералка, знаешь где, - подходи».

Сжато поведал мне Сергей о состоянии дел и ушёл. А я стал в темпе доедать кашу.

О Сергее Рычагове, когда я находился в Корфе, не слышал; в августе он появился в Олюторской экспедиции – после окончания Криворожского ВУЗа. Но знал, разумеется, что главный геолог Аметистовой партии – Шипицын Георгий Поликарпович, а вот видеться с ним не приходилось.

Процесс принятия пищи завершил я чаем с галетами.

«Надо сначала в сортир» – чувствую позыв организма.

Минуя камералку, направился к уже знакомому мне «кабинету задумчивости». Он за Жориной избушкой, на открытом всем ветрам месте.

Скособоченный параллелепипед сортира метра не полтора возвышался над сугробом. Дверца открылась настолько, чтобы в щель как раз втиснуться. Над очком присыпанная снежком горка затвердевшего дерьма, его нерегулярно скалывал и убирал кто-то из хозяйственных работников. В сильные морозы или пурги мужественно ждешь в сортире конца процесса, выскакиваешь из него, и скорее в балок! Женщины справляли нужду иногда в самом балке, и выносили ведро в холодный тамбур. Содержимое ведра схватывал мороз, образуя желтую корку льда, и ничем в нём уже не пахло. Надо только вовремя опростать ведро на ближайшей помойке.

Камеральный балок стоял напротив «офицерского». Он длиннее и обит листовой жстью, выкрашенной в зелёный цвет; тамбура не было. Ступенькой к дверям служил прикопанный в землю деревянный ящик из-под ДШ (детонирующего шнура).

Внутри балка небольшая железная печь, справа от неё широкий проём в собственно камералку. На всю длину камеральной комнаты стол, который держали косо прибитые рейки, у другой стены стол короче. Приделаны к стенкам полочки, на полочках и столах знакомая геологическая атрибутика: рабочие журналы, карты и непременно образцы руд и пород.

Левую половину балка занимал начальник партии; время от времени заходили и работали там с бумагами буровой и горный мастера. Начальник партии Смирнов в камеральном балке редко бывал, а жил он в самой большой избе, наиболее из всех утеплённой. Вместе с ним жили три канавщика и геолог Исаков, который вскоре отбыл в Корф и больше в партии не появлялся.

Сергей сидел за длинным столом. Перед ним развернутая синька с планом горных работ. Не успел я присесть на табуретку, начал меня Сергей вводить в курс дела, которым буду заниматься. Не по годам серьёзным оказался недавний выпускник ВУЗа (*в настоящее время он – доктор геолого-минералогических наук, работает в Институте вулканологии в Петропавловске-Камчатском*).

- Сюда ходим, - ткнул Сергей пальцем в отмеченное чёрточкой место на геологическом плане. Судя по рисовке горизонталей, канава выбита на пологом участке склона.

Потом Сергей рассказывал о геологии месторождения, и где на сопках ведутся горные работы: показывал это всё на плане. После вступительной лекции достал он с полки том проекта поисково-оценочных работ на месторождении, осуществляемых в данное время, сказал: «Почитай это». И я стал читать проект. Сергей вернулся к своему делу: помечал что-то на синьке карандашом.

На сопку пришлось идти, не дожидаясь обеда. В камералку зашёл горный мастер Виталий Кошелев, короткими фразами бодро оттрубил:

- Гаврилов корни достал. Полотно зачищает. Ждёт!

- Иди, переоденься, - обратился ко мне Сергей. - Бахилы эти сними, - указал на растоптанные боты «прощай молодость», - валенки надень. Поесть я возьму, там пообедаем.

Он заглушил поддувало печки консервной банкой и пошёл в «офицерский» балок. Я тоже направился к себе.

Где валенки взять, уже знал: валялись они под нарами Гены. Он их не надевал, в болотных сапогах ходил обычно. Я тоже, когда втянулся в работу, зимой и летом носил болотники, к зиме менял портянки на меховые чижы. В избе никого не было. Надел я ватную пурговку, достал из-под нар валенки. Оказались они просторными, ногам в них неудобно.

Сергей впереди, я следом – шли по наезженной и утоптанной дороге метров пятьсот, и свернули, находясь уже на склоне сопки, направо. Пошли по извилистой тропе на косогоре, и вышли на седловину протяжённой двугорбой сопки. Возле продолговатого сугроба с полёгшим под ним стлаником, стоял на санях балок. Туда направились.

В балке ожидаемая обстановка. Жарко горели дрова в печке, на ней закопчённый до черноты чайник; на полу лежали притупленные в работе ломы. К дальней стене, под окошком, пристроен квадратный столик, видом такой же, как в плацкартном вагоне. На широких нарах со всяким на них тряпьем, сидел взрывник Жора Плотников. Он курил папиросу «Север» и что-то рассказывал двум канавщикам; один из них

стоял возле печки, второй насаживал на лопату черенок из срубленной ольховой ветки.

Сергей поздоровался и спросил у Жоры: «Можно к Гаврилову?». Жора ответил, что можно, взрывать свои канавы никто уже не будет. Получив эти сведения, вышли из балка. К канаве шли по следу вездехода. Сергей показывал доступные зрению все важные для запоминания объекты: водил рукой в воздухе (в сторону расположения групп жил) и визуальную информацию дополнял словами. Я, разумеется, всё от него услышанное мотал себе на ус.

Подшли к канаве. Длина её около пятнадцати метров. Вдоль нижнего борта вал выброшенной породы; снег вокруг усыпан, утыкан породными обломками, а вниз по склону тёмный, с желтизной, шлейф – от газов.

Неподалеку от верхнего борта дымил костерок, в нём висел на суку чайник, сук прижат большим камнем и с подпоркой. Там же находились, накрытые грязным брезентом, два деревянных ящика из-под ДШ, в котором хранился и перевозился от канавы к канаве неприхотливый скарб канавщика. Местный синоним скарбу: шушлайки. Рядом ломы, кайло, округлая ложка-чищалка, вырезанная с лопаты и посаженная на черенок – для выгребов из шпура раздробленной ломом породы; немного дальше валялись три пустых картонных ящика, скреплённые рейками и жестяными лентами, в них затаривался в бумажных мешках аммонит.

Сгорбавшись, к нам спиной, работал в канаве Гаврилов: сухопарый, высокого роста мужчина в потёртой овчинной безрукавке, надетой поверх свитера, заканчивал зачистку полотна. Орудия треугольной совковой лопатой, сваливал он с бортов на железный лист осыпающийся грунт, лопата со скрежетом скользила по гладкому листу, легко и аппетитно вгрызаясь в породный свал.

Сергей, следом я, прыгнули в канаву. Беглого взгляда было достаточно: по всему полотну и в бортах обнажена однородная тёмно-серая порода, в трещинах линзы и клинышки льда, а выше коренных – крупные и мелкие обломки тех же пород, связанных мёрзлым и твёрдым, как камень, суглинком. Память подсказала (не зря рассматривал образцы на стеллажах в

холодном балке): андезиты. Позже, андезиты, вмещающие на месторождении золотоносные жилы, были переименованы в диоритовые порфириды.

Рычагов выбил молотком с борта крупный кусок, сказал:

- Промахнулся на этот раз. Канаву продолжим. Корни неглубоко, пусть ещё метров пятнадцать прирежет. Видишь вот, - опустил глаза на кусок породы, - андезит это, мало изменённый. Иногда встречаются такие реликты, обычно же на этой сопке породы хорошо пропилитизированы, а там, где разломы и в околожильных зонах, аргиллизиты. Они светлые.

Назидательно, точно ментор, пересыпал Сергей речь геологическими терминами, видимо, нравилась ему эта роль.

Когда закончили разглядывать образец, стал Сергей объяснять, на что я должен, документируя канаву, обращать внимание, какие делать замеры, как отличать истинные коренные породы от разрушенных и сдвинутых. Рассказал он о хитростях, к которым прибегают канавщики, чтобы спихнуть геологу недобитую канаву, о надувательстве при замерах высоты, когда канавщик аккуратно наращивал нижний борт выброшенной породой, умело имитируя естественный рельеф. «Нашлёпкой» назывался нарост борта. Местный термин от Сальмина, горного мастера, с которым я работал позже. Он даже обосновывал «правильность» применения этой уловки, ссылаясь на несоответствие расхода аммонита и выбитых кубов. Особенно летом, когда был значительный перерасход взрывчатки из-за сильной обводнённости канав и других каверзных осложнений, о которых отдельная тема.

Умеренный мороз позволял без спешки вести процедуру приёмки канавы. Гаврилов в это время, окончив зачистку, возился около костра – нагревал чайник. Сергей достал из наплечной сумки полевую книжку и, не снимая перчаток, бегло чиркал туда свои наблюдения, после чего вынул из кармана рулетку. Смерили длину полотна. Поднялся он наверх, приладил, прижав камнем, магистральный провод на высоком борту. Перейдя на другую сторону, вдел провод в дужку на конце ленты. Я, находясь в канаве, замерил глубину. Провод Сергей держал там, где из-под снега выглядывали свисающие в канаву ошметья мерзлого дёрна.

Закончив с канавой, подошли с Сергеем к костру. Гаврилов сидел на ящике и допивал с кружки чай. Получив указание продолжить канаву, взял он топор и лопату – пошёл расчищать снег на линии прирезки и вырубать там кустарник.

Небольшой мороз всё же достал. Начинал оживать и ветер: зашевелился сухой снег. Погрелись сначала у огня, затем Сергей притащил к костру аммонитный ящик и выложил на него из своей вместительной сумки пару консервных банок и галеты. Перочинным ножом вскрыл он рыбные консервы, и неприхотливый обед наш мы быстро съели. И выпили по кружке горячего чая, пахнущего ароматным, от смол, дымом.

Итак, усвоил я в этот день несложный порядок действий в документации и приёме разведочных канав. Геологический опыт осталось наработать практикой. Впереди множество принятых мной разведочных канав, работа в штольне.

Вид с Аметистовой сопки

2. ГОД ЗА ГОДОМ. ЖИЗНЬ И РАБОТА АМЕТИСТОВЦЕВ.

Старый геологический посёлок

Ко времени моего прибытия в Аметистовую партию в ноябре 1975 года работало в ней около сорока человек. Люди жили в старом посёлке (в 1982 году посёлок был перевезён на правый берег реки). Ютились все в зимовьях (рубленых из тополя избушках) и балках. Тогдашний геологический балок – продолговатый дощатый домик с двойными стенками, и внутри стекловата. Снаружи балок был обшит жёстью или толем, кое-где дополнительно – вентиляционным рукавом. К балку обычно пристроен тамбур из брёвен и досок, обшивка: брезент, рубероид, и местами заплаты из картона или фанеры.

За тыльной стеной «офицерского» балка (жили в нём итээровские работники) обрыв в неглубокий овраг, по которому в реку Ичигинную стекал ручей Дождливый. Под деревянным мостиком омут, оттуда близко живущие обитатели балков черпали воду. Зимой брали воду уже из проруби.

Основные жилые постройки партии располагались на правом берегу ручья Дождливого. Большинство строений – бревенчатые избы, поставленные в два ряда. Ближе к ручью стояли четыре балка, в том числе упомянутый «офицерский» и камеральный. Неподалеку от «офицерского» балка стояло неказистое бревенчатое строение, размером с будку. Это – кузня.

Орудовал в кузне своими инструментами кузнец, отзывающийся на кличку Вакула – косоглазый и чудаковатый в общении с людьми парень. Его работа в числе прочих – заточка

ступенных горняцких ломов. Надо сказать, канавщики не всегда доверяли Вакуле править ломы. Обычно сами затачивали свой инструмент. Для этой важной процедуры ставили обрезанную наполовину бочку из-под ГСМ с отверстиями. Вставленные снизу концы ломов схватывал огонь, пожирающий сухой кедрач в бочке. Затем раскалённые докрасна концы ломов отбивали небольшой кувалдой на литой стальной болванке. Один из канавщиков лом держал, а второй нацелено бил кувалдой по концу лома. Опытный канавщик справлялся с работой в одиночку.

В дождливую погоду на этой половине посёлка образовывалась непролазная грязь. Податливая к разрушению тундра была распахана тракторами, вытюжена прицепленными к ним пеной или санями. После затяжных дождей даже у гусеничной техники были проблемы в прохождении по вязкой и глубокой грязи. В ясную погоду грунт подсыхал, сохраняя глубокие колеи тракторного следа. Зимой посёлок, стоящий на высоком берегу и отгороженный от ветров с Паропола лесом в пойме реки, с севера меньше заносило снегом, чем с юга. Южные ветры чаще случались во вторую половину зимы; затяжные пурги надували с открытого пространства большие сугробы к стенам жилищ.

Почти все хозяйственные сооружения партии (за исключением аммонитного склада, который располагался в двух километрах к югу от посёлка) находились в северной стороне от ручья Дождливого. Место, как и везде в окрестностях старого посёлка, заболочено; более влажные участки заняты осокой и пушицей. А в пределах этой половины посёлка картина та же: территория разъезжена и утрамбована гусеничной техникой.

Сразу же за ручьем лежала на боку цистерна, куда заливалось дизельное топливо. За цистерной – вместительная, с пирамидальным верхом палатка, в которой хранился керн с буровых скважин. Рядом – накрытые тентом бочки с ГСМ и разное железо для буровой. Недалеко от палатки стоял одиночный жилой балок. Полозья балка землей не прикопаны, под днищем свободно ветер гуляет; под настилом из досок пол утеплен оленьими шкурами. Остальные строения расположены дальше, но уже кучно. Здесь рядом: бревенчатая столовая, за ней

просторная палатка, оборудованная под продовольственный и вещевой склады. Тут же поставлены три жилых балка с тамбурами. Возле балков и столовой кучи очищенного от веток кедрача, самая большая куча – напротив дверей столовой.

Поодаль от балков – вертолётная площадка; в основании – брёвна, а сверху – настил из толстых плах. Позже площадку перенесли по другую сторону ручья.

За избами в южной половине посёлка – обрыв к протоке Ичигинная. Протока летом пересыхала, за исключением дождливых половодий. Между нею и руслом реки – неширокая полоса пойменного леса. А за рекой – обширная и ровная галечниковая терраса, поросшая мхом и ягелем. Там повсеместно выделялись небольшие колки низкорослого кедрового стланика и кустарника. С весны и до середины лета узкие старицы и ямы заполнены водой.

По террасе, благодаря галечному подстилу, ходить легко: грунт твердый, под ногами не пружинит, в отличие от типичной тундры с кочками. К пешему передвижению по такой тундре, кочкастой и заболоченной, приобретался свой навык. Шамиль Муслимов, с которым шлиховал в съёмочной партии, учил меня ходить по-корякски: надо было идти плавной скользящей походкой, носки сапог разводить в стороны и не наступать на кочки (похоже на лыжный коньковый ход). Не всегда хорошо у меня это получалось, но всё-таки приспособился к ходьбе по тундре, выработав свой стиль.

К концу лета появлялось на заречной террасе много грибов: маслят и ярко-рыжих подосиновиков. И пастбище считалось отменным: до начала работ на территории Аметистового месторождения коряки пасли оленей. Потом оленеводы уже не подгоняли стадо близко к поселку. Они частенько не досчитывались оленей: рабочие партии ухитрились незаметно от пастухов подстрелить гуляющего в стороне от стада олешка. Но основная причина, скорей всего, в другом: взрывные работы отпугивали оленей, и стадо уже не переходило речку Тклаваям, отделяющую указанную террасу от протяженной долины, где тоже отличное пастбище.

К юго-востоку от посёлка, в полутора километрах – небольшое термокарстовое озеро; на нём расчищена полоса,

обозначенная флажками. Зимой на лёд садились прилетающие с грузом из Корфа самолёты Ан-2.

Едва слышав нарастающий с южной стороны гул мотора, Смирнов (начальник партии в 1975-1976 гг.) первым спешил на озеро. За ним торопливо шагали кто-нибудь из рабочих, а чаще итээровцы, которые в это время находились в посёлке. Разумеется, я тоже присоединялся к компании грузчиков; подходили мы к борту и в темпе его разгружали. Немного погодя подруливал к грузу трактор с пеной или санями.

Главный объект работ

Золоторудное месторождение Аметистовое, если смотреть с высоты птичьего полета, – это череда невысоких сопок, отделённых седловинами и перемычками; разделены они также широкими ложбинами, по которым стекали ручьи; склоны рассечены врезам распадков. Всё сопочное многообразие визуально располагалось полукольцом, выполаживающее в долину реки и обрывалось, иначе – обрезалось разломом.

Самая замечательная сопка на месторождении – Аметистовая, усыпанная повсеместно развалами кварцевых жил; зимой, конечно, этого изобилия не увидеть. От посёлка – наезженная тракторами дорога к сопке. Полкилометра в её сторону дорога пологая, а в саму сопку гораздо круче. Дорога делала объездной крюк и выходила к участкам на вершине сопки, где проводились горные работы, а также к буровой, – её треногу хорошо видно из посёлка. Люди, поднимаясь на сопку, крюк по тракторной дороге, идущей на подъём, не делали, сворачивали вправо – шли наверх вдоль косогора по извилистой тропинке и выходили на седловину между сопками, где велись тогда основные работы.

В полого снижающейся ложбине к сопкам Рудной и Мазуринской, стекал с перешейка ручей Рудный. На названных сопках тоже немало кварцевых развалов. Далее, на запад и к северу, располагались низкие сопки и холмы. И там были выделены группы жил. А всего на месторождении 10-12 групп, обособленных ранее съёмщиками.

Площадь месторождения, заключенного в пределах Тклаваямского рудного поля, 33 км². И наиболее богатая рудой, в

перспективе извлечения из руды золота, сопка Аметистовая.

Первопроходчики разведочных канав

На становление геологического посёлка (строительные и прочие работы) помимо принятых работников в штат партии, весной были набраны люди, большинство из которых осенью вернулись в Корф. Несколько человек остались в партии и продолжали завершать всякие недоделки. Позже, оформленные уже в штат, трудились они на своем рабочем месте.

Кто-то из этих оставшихся разнорабочих пробовал стать канавщиком. Многие не запомнились: вскоре незаметно «слиняли» из партии, успев выдолбить одну или две канавы.

Хорошо помню троих рабочих, нигде раньше на канавах не трудившихся; они задержались в партии, приобрели сноровку в работе шанцевым инструментом.

Одного из них застал поваром (фамилия – Овсянников), он кормил работников партии кашами и супами. Помимо оленьего мяса заправлял кушанья содержимым из консервных банок и сухой картошкой. На завтрак, когда он просыпал выход на работу, потчевал трудящихся сваренной вечером кашей, не успев разогреть её до нужной кондиции, - с полумёрзлыми в ней комками.

Весной оставил Овсянников поварское дело и решительно перешёл на проходку канав. Быстро обвыкся повар на очередном трудовом поприще. «Где я только не работал! – похвалялся Овсянников внушительным списком освоенных им профессий. – И лопата кормила: основательно могилы жмурикам копал!». Был не в меру словоохотлив, бытовые поселковые новости питали его интерес, насмешливо, с прибаутками, излагал подробности о пикантных вещах. А когда сдавал канаву, рот не закрывал – хвалил свою, сомнительного качества, работу. Выковырнув кайлом с кварцевой жилы большой кусок, несильно стучал по нему кувалдочкой и приговаривал: «Основательно тебя я, подружка, разделаю – мелко, мелко! Люблю это дело, сидел бы так, и весь день тюкал без спешки, основательно бороздочку выколю, и мне зачтётся за старание», – намекал Овсянников. Мол, не смотри, что вмещающие породы плохо вскрыты, зато жилы первым сортом сдаю. Отрезок канавы у него,

где находилась жила, обычно глубже, чем остальная часть, но это только зимой. Два года продержался он в партии, и был уволен после конфликта с горным мастером Сальминим.

С год, примерно, трудились два проходчика – Танклаев и Дзугутов. По фамилиям понятно: осетины. Широкоплечий Дзугутов – племянник Танклаеву, дядя пониже ростом, худощавый. В спарке оба работали на магистральной канаве, рыхлый слой которой снят бульдозером. Аккуратно сдавали мне очередной отрезок на добивке в той части магистрали, где ни одной рудной жилы вскрыто не было, а встречались мелкие жилки пустого кварца. В коренные породы углублялись они на целый метр, решив за счёт высокой категории компенсировать недостачу кубов, чтобы иметь приличный заработок. Тщательно зачищали осетины полотно неглубокой канавы, наращенной вдоль бортов внушительным навалом породы, в результате чего канава получалась в два роста Дзугутова. Из канавы, окончив зачистку, обращали ко мне дядя с племянником просящий поощрение взор и молчали. А их вид говорил: «Вот ведь как... досталась нам канавка! Ничего на ней не заработаешь. Ты уж приплюсуй чуток, аммонита много сожгли».

Жили осетины в избе у обрыва в протоку реки. В комнате (она же кухня и спальня) кроме осетинов жил канавщик Файззулин. Пристроились к ним и имели свои нары начальник партии Смирнов и геолог Исаков. Коренастый, с аккуратной купеческой бородой Смирнов, когда случалось быть под хмельком (позволял себе эту слабость, не в ущерб делу), затевал в избе борьбу с Дзугутовым. Подвыпивший Исаков, а человек он весёлый, сидел с гитарой на нарах и следил за процессом схватки. Темп аккордов менялся, в зависимости от темпа борьбы. Сам я этого не видел – канавщики мне рассказывали. Может, и приврали. Молодой и сильный Дзугутов, говорили они, всегда побеждал. Но начальника, думаю, это не смущало: какая-никакая, а всё-таки оздоровительная разрядка от дневной канители на работающих объектах партии.

Остальные канавщики на то время, когда я втягивался с ними в свою работу, имели стаж на проходке канав в других партиях. Из них можно выделить тоже троих, которые лучше запомнились. Самым опытным канавщиком слыл упомянутый

выше Файззулин – длиннолицый худой татарин. Носил он узкую до ушей бороду, на голову зимой надевал малахай (до весны работал в партии, а потом куда-то перевёлся). Серьёзно относился к делу умелый канавщик, к его работе претензий не было: не хитрил при замерах, полагался на свою способность с лихвой выполнить план. Больше ничем молчаливый татарин не запомнился.

Его коллега, который всегда план выполнял, – старательный хохол Тримпол. Набирал он свои кубы, не столько ловкостью в работе, а усердием: дольше всех задерживался на сопке, уже в густых сумерках появлялся с ломом на плече в посёлке. Особняком от остальных коллег как-то жил, пьяным его никогда не видел. Не типичный, скажу, канавщик. Мне не пришлось принимать его канавы, сдавал их Сергею Рычагову, не по годам серьёзному геологу (с ним мы вдвоём до весны, когда появились в партии ещё геологи, документировали выработки, иногда Смирнов присоединялся). Рычагов и горный мастер Виталий Кошелев нахваливали усердного канавщика. В основном по их рассказам сужу о человеке Тримполе. Он тоже вслед за Файззулиным выбыл неизвестно куда.

Ещё одного умельца владеть кайлом и ломом я запомнил, тем более года три работал он в партии – Виктора Афанасьева. Дело своё он знал, а усердия в работе не было, заработок мало его интересовал. Зато сам был интересен – в повторяющихся эпизодах за коллективным застольем по случаю поспевшей в избе у канавщиков бражки.

Обычным порядком опорожнялась от популярного напитка фляга, шумливые разговоры всем привычные – о работе в основном. И тут... молчавший до этого Афанасьев пододвигался из своего угла к фляге ближе, черпал оттуда кружкой, подносил ко рту, но не пил – в руках кружку держал; лицо его вдруг приобретало страдальческий вид, слёзы из глаз, и голос, дрожащий врезался в общий хор разговоров: «Китайцы!.. Гады, китайцы!» – восклицал неоднократно только эти слова Афанасьев, из-за чего обрёл себе кличку Китаец. Допытывались канавщики, как у пьяного, так и у трезвого Афанасьева, чем его китайцы обидели, но он только отмахивался от любопытных. Известно лишь: родом Афанасьев из Благовещенска. Видимо,

какая-то личная трагедия.

В партию прибывают новые кадры

В апреле, переводом из Агинской ГРП, прилетели геологи Людмила Афанасьева и Юрий Гаращенко. Смирнов к этому времени из партии отбыл, временно бразды правления в партии взял горный мастер Александр Сальмин, тоже недавно приехавший сюда работать. Небольшого роста и в очках, аккуратный в работе с бумагами и подотчётными материалами, смахивал он на провинциального бухгалтера.

Задолго до явления Сальмина работникам партии, канавщики, его знавшие, рассказывали о нём: мол, ушлый мужик по части закрытия нарядов, горняка не обидит, много лазеек знает, как по справедливости приплатить работяге. Улавливал я из их разговоров: канавщики намекали на либеральное отношение Сальмина к рабочим, и что выпить, как все нормальные мужики, не дурак.

Действительно, с приходом Сальмина заработки канавщиков заметно подросли. Использовал он, когда закрывал наряды, все виды вспомогательных работ, предусмотренных в ЕНВ. Ими обычно многие пренебрегают или не замечают. Знал хитрый мастер, куда списать перерасход взрывчатки, «темнил» со средствами взрывания: у канавщиков всегда имелись в заначке «лишние» немаркированные детонаторы.

*Первая база Аметистов ГРП
(зима 1975-1976 гг.)*

*В. Уваров – бур/мастер, А. Сальмин –
горный мастер, повар Л. Зайцева,
бурильщик В. Зайцев*

Вместо Смирнова начальником партии был назначен

Евгений Стефанович Татаржицкий. До лета не было его в партии, и всеми работами, кроме бурения, распоряжался Сальмин. Проходка канав и хозяйственные работы были в его ведении, а за бурение отвечал исполняющий обязанности старшего бурового мастера Виктор Борисович Уваров – инженер ПТО экспедиции. На буровой часто случались аварии, и Уварову приходилось не один раз за день взбираться пешком на сопку.

В феврале 1976-го года прилетел в партию молодой, но успевший поднатореть на проходке канав в Сергеевской партии Анатолий Жерехов. Несмотря на молодость, а было ему в то время 25 лет, пользовался среди канавщиков заслуженным авторитетом. Родился он в Корфе – местный, стало быть, кадр. Оптимальным образом сочетались в его работе мускульная сила и приобретённая сноровка в работе. На зависть возрастным канавщикам больше всех выбивал он с канав кубов.

Поселился Жерехов в «офицерском» балке. К тому времени и я там жил. Мой лежак был пристроен над нижними нарами. Под самый потолок взбирался я на ночлег, и пока свет в полночь не гас, лежал поверх спальника и читал литературный журнал. От жара раскалённой печки я потел, и пока в буржуйке бушевала огневая феерия, в спальный мешок не залезал. Никто ночью не покидал нагретый телом спальник, чтобы подкинуть в печку дров, и холод, поступающий из всех невидимых щелей, брал реванш: воздух в балке быстро остужался.

Частенько по вечерам в «офицерский» балок заявлялась Людмила Афанасьева с предложением поиграть в несерьёзную игру «фантики», придумывала она и другие игровые забавы. Жерехов тоже в охотку присоединялся к компании играющих.

Раскопчегаренная до вишневого цвета в трубе печка ровно гудела, на ней постоянно нагревался закопченный чайник. То и дело всыпал кто-нибудь в кипящую воду пачку чая, и, прервав игру, мы пили с эмалированных кружек круто заваренный чай. Потом игра продолжалась. Интересно было тешиться, если, скажем, выпало игроку по-собачьи пролаять. На громкий человеческий лай тут же откликалась лежащая в тамбуре собака по кличке Яр и скребла дверь. Собаку часто пускали в балок погреться, хотя необходимости в этом ей не было: на Яре, из породы лаек, густая и плотная шерсть. Запущенный в балок Яр

важно проходил в отсек балка, где мы играли, и ложился между нарами. Когда шерсть на собаке нагревалась, Афанасьева скидывала меховые сапоги и прислоняла ноги к теплому животу Яра, – почему-то ей нравилось это делать.

Трудовые будни канавщиков. Пьяный досуг в дни ненастья.

Почти весь февраль в том году стояли непривычные для этих мест сильные безветренные морозы. Канавщики рады были такой погоде: в мороз канаву не задувало снегом, а стужа не являлась помехой, так как специфика ручного труда на проходке канав требовала разнообразных и частых движений. Можно было, закончив очередной этап в работе, пойти в балок и выпить кружку горячего чаю, да и возле канавы, если далеко от балка, горел костер.

Каждый день, без выходных, поднимались горняки на сопку, и в меру своего желания иметь соответствующий усердию заработок, работали с разной интенсивностью. Жерехов легко справлялся с планом выработки, и до наступления сумерек находил время настрелять по дороге к посёлку полдюжины куропаток. Кто не утруждал себя напрячь мускулы ради приличного заработка, в балке подолгу распивал чай в компании с Жорой Плотниковым. Любителю почесать язык, Жоре, доставляло удовольствие иметь рядом с собой терпеливого слушателя. Заряжать шпуры и монтировать взрывную сеть Плотников выходил только к наименее опытному канавщику, остальные сами справлялись, и Жору только предупреждали о предстоящей отпалке.

В хорошую погоду не было повода расслабиться, и канавщики до марта месяца не замучивали во флягах бражку; сухие ёмкости были отставлены куда-нибудь в угол, и там скучали под набросанным на них всяким тряпьем.

В марте, наверстывая упущенную в феврале забаву, протяжно и уныло завывли пурги, наметая к балкам и зимовьям гигантские сугробы. Снег, взметённый свистящим порывом ветра, накрывал тундру и сопки непроглядной белой пеленой. У канавщиков эти дни активировались.

В занесённых по самую крышу избах приспело время замутить брагу! Обычно, трое суток стояла в тёмном углу за

печкой фляга, заправленная неприхотливым содержимым: дрожжами, сахаром и хлебными корками. От лишних глаз, фляга накрыта суконным одеялом или шубой. Но к предтече приятного момента брага предательски выказывала свое нетерпение: чувствительно благоухала в избе своим горьковато-кислым ароматом. На четвёртые сутки она считалась созревшей, готовой к употреблению.

К собравшейся в избе компании часто подруливал Сальмин. Визгливый посвист метели на улице глушил хруст его шагов, и заскакивал он, запорошенный снегом, в избу неожиданно.

– Ха! Собрались, гаврики.... Могу и наказать за изготовление самодельной бурды, – притворно стращал Сальмин компанию.

– Давай, Саня, хлебни и успокойся, – говорил ему Жерехов, сверкнув в углу рта золочённой фиксой.

Вставал с табуретки Овсянников и услужливо подвигал её начальнику.

– Основательно мы тут разбираемся, – в простецкой улыбочке расплывался пьяный Овсянников, – за что нас геологи не любят?! Как папы карлы пашем, а заработать не дают... Жмоты!

Сальмин мимо ушей пропускал никчемную реплику захудалого в деле канавщика; брал со стола кружку, черпал бражку, затем садился. Помня о том, что он всё-таки врио начальника, в захмелевшей компании долго не высиживал; принимал внутрь пару кружек и, ответив на возникшие к нему вопросы по работе, вставал с табуретки – уходил по своим делам или возвращался в свою миниатюрную курью избушку на краю оврага, откуда, какое-то время спустя, выходил и направлялся, одолевая встречный напор ветра, опять туда, где гуляли канавщики.

На буровой смена работала и в пургу, если снежная метель была умеренной, и вездеход мог забраться в сопку. Не раз бывало: в «офицерский» балок зайдёт утром кто-то из сменщиков и доложит Уварову об очередной проблеме с бурением. В сердцах выругавшись, Уваров одевался и шёл на сопку. Собачьи унты глубоко проваливались в наметённые за ночь сугробы,

порывы ветра взметали снопы снега, точно колючими прутьями хлестали ему по лицу.

Немного об охоте. Квартет новоприбывших канавщиков.

Отвыли, наконец, в северной Корякии затяжные пурги, обычно дующие непрерывно и с одинаковой силой по трое суток. День стал заметно прибавляться, начало пригревать солнце. Оживились куропатки – стали кучковаться, перелетая с дерева на дерево в пойме Ичигиннываяма. Из хорошего ружья можно за пару часов настрелять дюжину птиц. У Жерехова, из его вертикалки, стрельба лучше всех получалась; в основном, он и горный мастер Виталий Кошелев снабжали «офицерский» балок куропачьим мясом.

Лисиц, а их много водилось в окрестностях Аметистовой, трапперы-любители ловили в петли из нихромовой проволоки. Зимой, разумеется, охотились. Но и весной, пока лежал сухой снег, тоже лис промышляли. Несколько человек этим делом занимались, и самым заядлым и терпеливым ловщиком был Вася Попелло. Он недавно прилетел в партию, и работал тогда помбуром. Удачно в ту зиму поохотился: шесть рыжих красавиц снял Попелло с петель. Говорили ему поселковые женщины: «Зачем тебе столько, и куда ты их?». Заикаясь (был такой дефект в его речи), отвечал любопытным Вася: «Д-дарю красивым женщинам!».

Весной в Аметистовую партию прибыло на горные работы пополнение. Сразу четверо канавщиков: Тучков, Москвичев, Анохин и Ремезков. Пожелали в одной спарке работать. В «бичхолле», видимо, пересеклись их судьбы; скорешились тёртые, немолодые уже мужики, и решили артелью бить длинные канавы, насколько хватит терпение не разбегаться.

Тучков самый молодой, лет тридцати, – этакий бычок: плотный толстошей крепыш. Осенью встречал его в «бичхолле». Выходит, до весны «ошивался» он в Корфе. И что удивительно: я знал его двоюродного брата с Кемеровской области, и когда собирался лететь на Камчатку, толстощёкий кузен Тучкова говорил мне о брате, где-то по северам шастающем. В разговоре с Тучковым оказалось: он и есть тот самый брат – всё сходилось.

Наиболее колоритная фигура – Петр Москвичев. На вид статью не крепок, но жилистый, на голове кучерявый, с проседью волос, – смахивал на цыгана. Эту свою внешность оправдывал тем, что лихо, с коленцами, пускался в пляс, когда случалось порядком захмелеть. Нечасто и только в кругу коллег горняков демонстрировал он под настроение плясовую удалу.

В противоположность подвижному Москвичеву, Алексей Анохин небольшого роста, толстогубый, в движениях медлительный. В беседах и когда вслух рассуждал, что с ним часто бывало (говор у него вятский), растягивал слова, успевая обдумать следующую фразу. Такая манера речи позволяла ему на профсоюзном собрании выдать в короткой реплике незамысловатый афоризм, который долго помнил коллектив партии. Любил нахваливать себя, как искусного и продуктивного умельца выбивать канавы любой сложности. На практике оказался заурядным канавщиком, но старательным.

Самая подвижная часть тела у Анатолия Ремезкова – его голова. Вертясь на гибкой шее, моментально, точно насекомое богомол, реагировала она с высоты долговязой фигуры на всякое живое движение. Рубашки, пиджаки у него обычно в клетку, на голове помятая, с высокой тульей, шляпа. Ремезков – мужчина контактный. После прихода с сопки, в своём балке не задерживался, и дотемна шлялся по другим жилищам. Был в курсе, где затевают замутить брагу, знал сроки готовности каждой фляги. Впрочем, мало кому в посёлке было это секретом, не исключая начальника.

Поначалу работа спорилась, сорокаметровую канаву сдали геологу чисто. Видно: канавщики с опытом. А неформальный лидер в артели, несомненно, Москвичев.

Второй отрезок той же длины принимал я. Пришлось видеть разлады между артельщиками. Невольно наблюдал, как Москвичев подгоняет нерасторопного Тучкова и часто спорит с Ремезковым: он позволял себе дать слабину в работе.

В итоге распрей Тучков и Ремезков отделились от артели, каждый стал работать самостоятельно. Москвичев с уживчивым и терпеливым Анохиным остались вдвоем, ещё около года держались в одной спарке.

Пришло лето. Комары досаждают.

С середины июня установились тёплые дни. Тополя в пойме, редкие колки каменной березы в распадках, что за рекой, кустарники – всё это видовое разнообразие северной флоры обрели молодую листву; а в распадках сопки – в ярком лимонном цвету оставались ещё красоваться с момента выхода их из-под снега вечнозелёные рододендроны. Затопленные весенним половодьем низкие участки в пойме Ичигиннываяма и старицы обсохли, и там зарастал травой древесный и прочий мусор, оставленный отступившей водой. На сухой террасе за рекой, на пёстром ковре мха и ягеля, покрывающем под тонким слоем почвы галечник, местами плотно рассыпаны, словно мелкие кружочки конфетти, красновато-сиреневые цветочки с ароматным фиалковым запахом; там же цвела и более рослая разновидность камчатской фиалки.

Комары пока мало беспокоили людей и собак, основной их навал ожидался обычно к началу июля, и спать тогда без марлевого полога над нарами, мягко говоря, некомфортно. Особенно, когда вслед за комарами появлялись мокрец и мошка – паскудный бич божий любому теплокровному существу, не исключая людей. Человек всё-таки придумал от гнуса защиту.

Накомарник – белую матерчатую шляпу с проволочным ободком и чёрной сеткой – можно взять на складе; и люди, а это, главным образом, недавно с материка приехавшие, носили накомарники. Но вот давние старожилы приспособились к изобилию кровососущих насекомых: ходили без накомарника, от назойливых атак гнуса лицо и руки защищали «дэтой» (беловатой эмульсией в стограммовых флаконах). Была раньше «дэта» на спирту, но по причине её немудренной перегонки в приемлемый для закалённых желудков эрзац-напиток, которым рабочие охотно похмелялись, такую «дэту» перестали на склад завозить.

Я тоже не надевал накомарник; от комаров, отмахивался, прихлопывал назойливых насекомых по несколько штук разом.

Работа на Мазуринской сопке

С началом комариного изобилия (летом 1976 г.) почти всех канавщиков перевели работать на Мазуринскую сопку. Мне в помощь отрядили студента Славу Сусликова, прибывшего на

преддипломную практику из Душанбе. (На следующий год он вернулся и работал геологом на Первой речке).

Обширная вершина сопки на большей своей части была относительно ровной и голой. Слежавшийся щебень на ней зализан суглинком и кое-где покрыт чахлым мхом и лишайником. Пройдя по сопке километр или чуть больше, взгляду открывается широкая седловина, за которой уже сопка Рудная.словно пограничный столб, торчит на уступчике той сопки каменный останец.

Седловина вылизана дождевой водой, и без какой-либо растительности. Цвет её красновато-охристый, и повсеместно на ней разбросаны крупные и мелкие обломки молочно-белого кварца; от вечного лежания глыбы пожелтели и обросли мхом.

Бульдозер хорошо потрудились: пропахал на вершине сопки, и дальше, через усыпанную кварцевыми валунами седловину, магистральную канаву. Оттайка грунта позволила углубиться, в среднем, на один метр.

На заболоченном уступе склона, недалеко от вершины, поставили мы со студентом палатку; она, видимо, для туристов: брезент с белыми и красными полосами. Натянули брезент на каркас из тонкого бруса и реек, соорудили двое нар из привезённых досок, поставили жестяную печку и посадили квадрат толстой фанеры на вкопанное лиственничное бревно – получился столик.

Уютно в палатке. А выйдем из неё поутру – любимся широко открытым взору Парапольским долом. Высвечивается в низкой дымке тумана перламутровая вода многочисленных озер, и самое большое из них Таловское озеро; оно совсем рядом, стоит лишь спуститься по склону сопки, пройдя пять километров. И, конечно, мы там побывали. Сусликов, помню, обломок агата на обратном пути от озера нашёл.

На Мазуринской сопке в то лето ни одной рудной жилы вскрыто не было. А те, что подсекли, не представляли интереса: всего лишь мелкие и пустые, без видимой минерализации, жилки молочно-белого кварца. Имелись, правда, положительные на золото результаты пробирного анализа по ряду штuffов, взятых выборочно с кварцевых развалов, а также из жил, вскрытых двумя или тремя канавами, пройденных вручную, без взрывных

работ (работала в 1974-м году на месторождении Ичигинская партия). Но до тех жил – на седловине и сопке Рудной – предстояло добраться в последующие годы.

Всё лето мы там прожили. В посёлок являлись, до него час ходьбы, помыться в бане, получить целевые указания от главного геолога (Шипицын к лету уже был в партии) и забрать почту. Письма доставлялись в партию почти с каждым бортом, газеты и журналы, примерно раз в месяц.

Литературные чтения

Печатную периодику работники партии выписывали разнообразную, и обязательно толстые литературные журналы. Чтобы не повторяться, договаривались подписчики, кто какой журнал выписывает, но это правило не всегда соблюдалось: рядом живущие и общающиеся между собой читатели зачастую дублировали подписку. Зачем на журналах экономить, если печатные издания дешевы, а деньги для оплаты подписки незаметно вычитались экспедиционной бухгалтерией.

Читали разные журналы: научно-популярные, другие тематические и толстые литературные. Почти все рабочие и, безусловно, ИТР, подписывались на периодику. Среди скучных писаний известных соцреалистов, попадались в советской литературе интересные романы и повести писателей-деревенщиков. Набирали тогда художественную силу Распутин, Астафьев, Белов. Публиковались в те годы вещи Пикуля, Нагибина, Крона. Роман Крона «Бессонница» довольно сложная проза, затрагивающая нравственные проблемы, тем не менее, роман бурно нами обсуждался. Успел и Василий Аксенов всунуть в «Новый мир» свою занятную повесть «В поисках жанра» – как раз перед изгнанием его из страны, совпавшем по времени с началом военной компании в Афганистане.

Канавщики, правда, не все, тоже много читали, и участвовали в обсуждении прочитанных произведений. Необычного, как некоторые могут полагать, в этом нет. Многие из тогдашних канавщиков были люди достаточно грамотные, со средним и неоконченным средним образованием, даже в институтах кто-то обучался.

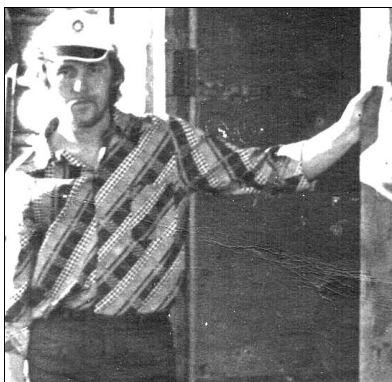
Значительная часть свободного времени, особенно в

тёмные зимние вечера, заполнялась чтением книг, журналов, слушанием с приёмников «Океан» и «Спидола» музыкальных и прочих трансляций, в том числе «Голоса Америки» и «Немецкой волны».

Собравшись, бывало, в рабочем балке (в это время готовился взрыв на одной из канав, они близко все расположены), проходчики могли перевести общий разговор к литературной теме. Охотно, например, обсуждали они напечатанный в журнале «Наш современник» скандальный в то время роман Валентина Пикуля «У последней черты» – о старце Распутине. Кто-то из канавщиков старательно переплёл вырванные страницы из нескольких номеров журнала, и собранный воедино роман, подшитый в чёрный дермати́н, хранил бережно у себя, давал в руки желающим прочесть занятное повествование о старце.

Геолог Сергей Рычагов

Параллельно с работами на Мазуринском участке продолжалась проходка канав на сопке Аметистовой. Прослеживались канавами, главным образом, рудные жилы, которые были прочерчены на геологическом плане по результатам прошлых работ геологов-съёмщиков.

Геолог Сергей Рычагов

*С. Сусликов, справа – В. Лахтин.
На горе Мазуринской. 1976 г.*

Определяя место зарезки, приходилось учитывать всякие косвенные примечательности. Не ставить же канавщика туда, где на плане в масштабе 1:2000 проведена черта искомой жилы. В

первую очередь, набираясь опыта, замечал я погруженные в почву обломки бурого полосчатого кварца, и считал, что наверняка попаду на жилу. Как оказалось на практике, далеко не всегда было верным решением полагаться на очевидные признаки. Жилы могли влиять, смещаться по разломам, а кварцевые валуны, обросшие от долгой лёжки мхом, находились часто в стороне от коренного тела, даже на ровных участках сопки, откуда им вроде сложно далеко скатиться.

Геолог Рычагов, был ответственным за место зарезки канавы. На мало изученном участке, он, кроме изучения геофизических профилей и данных геохимии, пробовал пользоваться методикой М.М. Василевского. Этот известный мэтр вулканологии разработал свой поисковый метод: на анализе мелких кольцевых структур, наложенных на более крупные, и которые, если целенаправленно искать, можно всегда распознать по особенностям рельефа и геологическим признакам. Помню, идеей фикс называл Виктор Хворостов (главный геолог Аметистовой партии с 1979 г.) предлагаемый Василевским метод поиска рудных месторождений на основе анализа кольцевых структур в их разнопорядковой иерархии, телескопических и орбитальных.

Позже, когда Рычагов учился в аспирантуре, я к нему приезжал и заходил в Институт вулканологии. В беседах с ним впечатлило меня тогда его оригинальное суждение: мол, на облако, зависшее над кольцевой структурой, эта самая структура каким-то непонятным образом влияет, придавая проходящему облаку круглую, под стать себе, форму. Показывал он мне аэро- и космические снимки, главным образом, американские, почему-то засекреченные особистами, – говорил: штатовские снимки чётче. На них действительно различима компактная облачность округлой формы, как, впрочем, и другие облачные сгущения иной конфигурации. На своей рабочей карте рисовал Рычагов большой кружок, сопоставимый с округлой облачностью на космическом снимке. Говорил: «Крупные структуры легко распознаются, мелкие надо искать на местности».

Участь в аспирантуре под руководством Василевского, летом 1978-го года он приезжал в Аметистовую партию и скупулёзно выискивал на месторождении мелкие кольцевые

структуры, всякие неоднородности. Кружками разной величины был густо заполнен на картинке в его монографии один из хорошо изученных участков Аметистового месторождения (мелкие кружочки были посажены на «орбиты» в кольцевых разломах – по несколько штук в каждом, или телескопически вкладывались в крупные структуры).

Я был тогда далёк от воззрений «кольцевиков», но то его убеждение насчёт облака казалось мне слишком мудрёным.

Впрочем, по части определения места канаве, ошибался Рычагов редко; старательно выверял, куда наверняка поставить канавщика. На Аметистовой сопке, более изученной, промахи у него были единичны.

Это он определил место замечательной канаве № 165, а я отмерил от опорного репера её положение на местности. Вскрыта была мощная, 10 метров в сечении, жила «Чемпион», известная тогда под № 37. Результат пробирного анализа впечатлил: ряд метровых бороздовых проб показал содержание золота около или выше 100 г/на тонну.

Тамара Василенко (она в то время была главным геологом партии) сразу же вдохновилась написанием проекта с проходкой по рудному телу «Чемпион» разведочной штольни. Осенью 1979-го года штольня была зарезана. Чтобы обмыть зарезку меня отправил за шампанским в поселок Манилы Локман Эркенов (ведущий инженер экспедиции – он руководил проходкой штольни на начальном этапе работ). Слетав на вертолёте, привёз я на обмывку ящик шампанского.

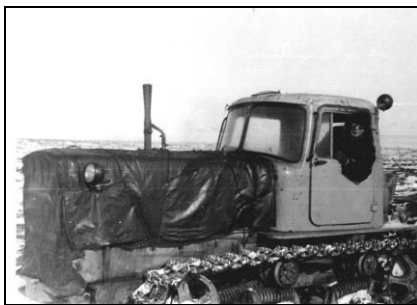
Горно-геологические сложности. Казус с Сальминим.

Проходчиков, как и следовало ожидать, шибко доставала вода в канавах. Быстро в неё обращался тающий на солнце лед, которого вдоволь в мёрзлом грунте. Геологам тоже вода докучала. Не позволяло паскудное месиво, смешанное с грязью и обвалившимся с бортов щебнем, досконально осмотреть, описать коренные породы и нормально взять бороздовые пробы. Не всегда перед приемом канавы давала результат выбивка воды «куропатками» (аммонитом в целлофановых кульках), с расходом лишнего детонатора. А после хлопка взрыва, приглушённого всплеснувшей грязной жижей, спешили чуть ли не бегом

горняк и геолог к дымящейся газами канаве: проходчику её надо зачистить, а геологу осмотреть полотно и разметить интервалы отбора бороздовых и точечных проб.

*Проходка канав взрывом «на выброс».
Лето 1975 г.*

*Трактор в Аметистовой ГРП
Зима 1975-76 гг.*

Имелся в одном экземпляре портативный насос, но в работе он был неэффективным: его клинило, он «выдыхался» — не справлялся с откачкой мутной воды. Обычно ведром вычерпывал канавщик воду, со скрежетом елозя им по затопленному водой полотну. На какое-то недлительное время обнажалась кварцевая жила или глинистая зона с непонятным, но, возможно, интересным содержанием. Всё это надо было успеть зафиксировать взглядом, замерить, и в спешке, без соблюдения правил отбора, отколоть по ширине жилы крупные куски, и уже, вынеся их из канавы, кувалдочкой раздолбить помельче и покласть в полотняный мешок. Помещалось в него 12-14 кг породного материала. Так называемые касситеритовые мешки, пошитые из темно-зеленого брезента, редко тогда завозились в партию; они охотно использовались работниками партии в качестве тары под продукты и мелкого инвентаря.

Не все канавы получалось добить до коренных пород. И на недобитые канавы составлялся акт, объясняющий, почему горняк не справился с задачей. Важным условием в проходке сложных канав был индивидуальный опыт канавщика. Сноровистый проходчик обычно справлялся с задачей. У него редко канавы активировались: на недобитой канаве он заметно терял в заработке. Вот только приёмка этих канав была нудной и неблагодарной работой. Особенно, когда случалось документировать такие

канавы с жилой. Приходилось много чего упускать ради основного задания: отбора бороздовых проб по коренной жиле.

Сальмин (на фото) был искусственным докой в составлении актов на брошенные канавы – не придраться. Заодно перерасходованный аммонит за счёт недобитых выработок мог списать. Знал, как это сделать – комар носа не подточит.

Нельзя сказать, чтобы с канавщиками у Сальмина были панибратские отношения. Не любил зануд и жалобщиков, или кто хитрил, тщетно стараясь хитростью превзойти его самого. Схитрить, он считал, можно только в пользу дела, а не чтобы обдурить начальника и своих товарищей. Попавшего ему под горячую руку нерадивого, к тому же и наглого работягу, мог запросто изгнать из партии – обоснование найдется.

Ну, а проверенные работой и жизнью стародавние кадры, – с компанейским начальником, так сказать, из одной кружки хлебавшие и привыкшие к манере Сальмина неожиданно появляться в разгар коллективной пьянки, к которой он ненадолго присоединялся, – относились к нему уважительно.

Запомнился курьёзный случай, надолго у работников партии он стал притчею во языцех. Эпизод неприятный, но всё-таки о нём расскажу.

Прилетели как-то летом в партию важные персоны: свои экспедиционные и из Петропавловска-Камчатского во главе с начальником КТГУ Р.А. Ремизовым – ознакомиться с состоянием дел на месторождении. Перед их прилётом дня три шёл непрерывно дождь; посёлок почернел, всюду блестели лужи. На вспаханной гусеничной техникой территории образовалась непролазная грязь, в ней вязли даже собаки.

Выйдя из вертолётa, Ремизов со свитой направились к камералке. Навстречу им от своей курьей избушки шёл Сальмин, увязая сапогами в загустевшую грязь. Неуверенно двигался, его пошатывало.

Из балков и от рабочих мест в посёлке вышли люди –

получить письмо или просто из любопытства: узнать, кто прилетел.

Важное начальство, одолев расстояние от вертолётной площадки, задержалось возле камералки: заметило с трудом передвигающегося по грязи начальника партии. Перед камеральным балком и подходящим к балку Сальминим, мелко рябила от небольшого ветерка широкая лужа. Остановился перед лужей Сальмин. Он и высокое начальство встретились глазами.

– Шагай смелее, чего застрял?! – грубовато сказал кто-то из спутников Ремизова, поняв, что Сальмин банально пьян. Но продолжил:

– Покажи, расскажи нам, что имеешь, чего наработал.

Сальмин не стушевался. Отреагировал на слова приезжего чиновника заносчивым восклицанием, видно, не осознавая сам, какой несуразный ляп выдал начальству и публике:

– Имею всё!.. От соплей до бриллиантов!

Стронул свою фигуру Сальмин, вытаскивая из грязи ногу, но, потеряв равновесие, упал на четвереньки. Его руки уперлись в край лужи, а ноги в болотниках, приняв горизонтальное положение, оставались в грязи.

– Безобразие!.. – удлиняя звуки согласных, произнес Ремизов.

Находящийся в группе начальства горный мастер Кошелев поспешно пригласил группу зайти в камеральный балок. Он и Сергей Рычагов ознакомили прилетевшую комиссию с положением дел в партии.

Затем все вместе прошлись по посёлку, посетили ряд производственных и бытовых объектов. После чего комиссия вернулась к поджидающему их вертолёту и улетела в Корф.

За несоответствующее образу начальника поведение Сальмин отделался строгим выговором. Скоро и Татаржицкий прилетел. Сдал Сальмин дела и присоединился к Кошелеву – оба какое-то время делили работу горного мастера на проходке канав.

В зимовье у рабочих. Поединок орлана с собаками.

К работе и неприхотливому поселковому быту привыкал я без проблем; жизнь в затерянной на окраине Парापольского дола геологической партии мне нравилась, стало даже казаться – давно

здесь нахожусь, будто реализовал своё дежавю.

Почему-то вдруг захотелось ближе сойтись с людьми непрестижной, но очень востребованной в геологии профессии, больше о них узнать. Смутно в то время держал в голове задумку – поведать когда-нибудь в прозе обо всем виденном в партии, и ради этого стоит ближе познакомиться с рабочими.

В «офицерском» балке шестерым итээровцам жить всё же тесновато: в одной половине, где я имел свой угол, нары в два яруса. И решил я временно пожить в избе, где жили канавщик Тарасов, тракторист Карпизенков (прозвище Карпуза) и взрывник Жора Плотников. Люди разных профессий.

С Анатолием Карпизенковым познакомился ещё в «бич-холле». Трезвым тогда его не видел, а в «бич-холл» он захаживал, чтобы присоединиться к компании выпивающих – своих знакомцев и прочих обитателей, ютящихся в накуренной комнате «рейхстага». Остался там на одну ночь, а жил в другом месте.

В партии Карпизенков, освобожденный от соблазнов большого посёлка, оказался рассудительным и хорошо знающим своё рабочее дело человеком. Старательный трудяга, и в быту крайне неприхотлив. Его спальный мешок и матрац под ним, до предела залоснённые, давно потеряли первоначальный цвет, на свету блестели и пахли всем букетом горюче-смазочных жидкостей. Он часто отдыхал на нарах нераздетым, с «беломориной» в пожелтевших зубах. Сколько его знал, постоянно видел в одежде, затёртой техническим маслом и вонько пахнущей соляжкой; всегда был наготове выполнить любое задание начальства. Трактору С-100, на котором работал, не давал долго «расслабляться» в простое: быстро исправлял неполадки.

Из гусеничной техники работали в первые два года от основания партии три единицы: трактор Карпузы (с отвалом бульдозер), дэтушка и старый, работающий на бензине, вездеход, который постоянно разувался, съезжая по курумнику и когда сдирал гусеницами мох, под которым мерзлая твердь.

Жору Плотникова (с ним понятно: виделись на работе часто) знал лучше остальных. Ему лет под сорок. Комплекцией он сухощавый, с коротким, слегка вздёрнутым носом. Неизменно на его голове островерхая вязаная шапочка, пропахшая газами; к

холодам менял её на шапку с кожаным верхом. Мужик он хозяйственный. Любил создавать пусть и простенький, но всё-таки уют в избе. Нары его были опрятны, следил, чтобы пол постоянно подметался.

Затеял он в то лето, когда я у рабочих поселился, перестлать в избе пол. А я тогда имел дополнительную работу: заведующий аммонитного склада. И приносил в избу дощечки, разобрав на складе освобождённые из-под ДШ ящики. Жора, никому не доверяя работу, аккуратно застелил дощечками пол.

– Фамилия меня в плотники определила, – рассказывал Жора давнюю историю, прибывая к полу очередную дощечку. – Начальник завода, куда хотел устроиться слесарем, сказал: «Плотников, значит, фамилия. Как раз плотник мне нужен – приму плотником». И я стал плотничать.

Из Корфа, куда он регулярно, один раз в квартал, отправлялся, находя для вылета причину, привозил в 10-ти литровой канистре водку. Всех желающих выпить угощал Жора, и был доволен, что доставил людям радость.

Поневоле приходилось мне находиться в компании шумно выпивающих трудящихся. И чтобы на равных вникать в темы разговоров, наливал себе в кружку немного водки. После чего, обычно с Жорой, заносило меня с ним на отвлечённые от дел в партии, разговоры. Жору хлебом не корми – любил направлять разговор к корифеям квантовой физики. Чувствовалось: кое-что нахватал он себе в голову из научно-популярных журналов. В его торопливой заикастой речи одно за другим назывались фамилии с обязательным присоединением к ним имени: Макс Планк, Поль Дирак, Нильс Бор.... Не вдаваясь особо в суть достижений этих знаменитостей, смаковал поддатый Жора, чётко произнося каждое из этих полных имен. Любопытным и странным для заурядного взрывника представлялось мне его увлечение квантовой физикой.

Тарасов – третий в избе жилец – грузный плечистый мужчина средних лет. Этот канавщик был малоразговорчивым, и запомнился мне по его странному хобби: держал на чердаке поочередно – сначала дикого гуся, а когда его на волю отпустил, принёс птенца, похищенного им из гнезда орлана на скале. Терпеливо вырастил он хищную птицу до определённого

размера. Неуклюжую, но, видать, способную уже летать птицу, вытащил он с чердака, привязал шнуром когтистую ногу орлана к колу, который заранее вбил посреди улицы. Орлан, видно, к нему привык, и не сопротивлялся.

На потеху собравшимся зевакам стал Тарасов натравливать шляющихся поблизости собак на пернатое чудище. Коротколапый Бич и рослый щенок Пиночет охотно, не надо им команды, подступили к привязанной птице. Годовалый оболтус Пиночет бесстрашно ринулся в атаку, целясь укусить орлана за расправленное для отпора крыло. Юный хищник, взъерошив перья и издавая птенячий писк, умело среагировал: больно долбанул задиристого щенка клювом в морду, чуть в глаз не попал. Обалдевший от неожиданного выпада птицы, Пиночет тонко взвизгнул, и жалобно заскулил протяжными руладами. Затем, придя в себя, ограничился залиvistым издали лаем. Более опытный забияка Бич, – несмотря на малый рост, он непременный участник всех собачьих разборок, – намеревался без голоса подкрасться сзади и сомкнуть в оперенной ноге птицы острые клыки. Орлан был начеку. Он приплясывал и активно работал крыльями. Хитрость Бичу не удалась: вёрткая птица живо обернулась и в подскоке вытянула вперед ноги. Бич успел отвести морду, и когти пернатого хищника вонзились ему в бок. Он отскочил, пятнышки крови выступили на его короткошерстном боку.

Бездарно закончилась у собак атака на хищную птицу. Тарасов не повторял больше этой забавы, и вскоре отпустил окрепшего белоплечего орлана на свободу.

Наступление холодов. Заготовка кедрача на зиму.

Очередная зима (перед 1977 г.) пришла в обычный срок.

С началом устойчивых ночных морозов снежная линия хребта Уннэй-Тунуп с каждым днем заметно опускалась в долину реки. А в середине октября выпал большой снег, выбелив уже всю тундру. На реке окреп лед, только в отдельных местах оставались подёрнутые тонкой корочкой полыньи. Запорошенные снегом они еще какое-то время дымились паром. Но крепчали морозы, снег прибавлялся, потянула с севера в ветреные дни низкая позёмка; протяжённые снежные заструги и

сугробы придали тундре типичный зимний рисунок.

Возле каждого жилища возвышалась порядочная куча кедрового стланика. Кедрач, вырубленный летом в ложбинах сопок, укладывался возле жилищ аккуратно: отборные длинные хлысты лежали горизонтально или ставились в конус. Кедрач в других кучах набросан, как попало: под разными углами торчали обломки сучьев разной длины. Этот кедрач наломан на террасе за рекой недавно. В морозную погоду он ломкий; бульдозерный нож вгрызался в сугроб, где виднелись верхушки полёгшего стланика, и переламывал в нескольких местах вывороченные из-под снега длинные ветви. Всё это разнообразие: толстые обрубки комлей и хлысты с ветками жилицы тут же загружали в сани; бульдозер вёз наломанный кедрач в посёлок – к столовой и балкам. Кучу потом заносило снегом, и было проблемно отобрать и выдернуть с кучи нужный для рубки сук.

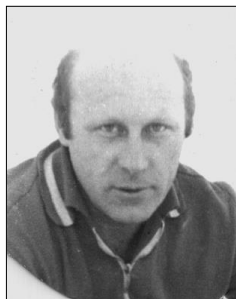
Коли зашла речь о кучах кедрача, нельзя забыть о неудобстве, доставленном как-то раз начальнику партии Татаржицкому. Одно время с ним и ещё двумя итээровцами я жил в «офицерском» балке. Находясь в балке, имел Евгений Стефанович привычку подолгу вглядываться в мутное, снаружи загаженное комарами окошко: следил в доступном для обзора секторе за движением людей и проезжающей мимо техники. Глазом хорошо просматривался склон ближайшей сопки. В том направлении объект его внимания – петляющая по верху косогора тропа, метрах в пятистах от балка. Зорким был глаз у Татаржицкого, примечал все детали. Например, замечает он группу людей, спускающихся с сопки. «Да-а-а, рановато с трудовой вахты идут трудящиеся, - вслух проговаривает начальник, чувствуя меня за спиной. - Анохина вижу, впереди всех вышагивает... Жерехов спускается с двумя ломами, Альникин вперевалочку, за ним ещё двое...», - продолжает комментировать ранний сход работников Татаржицкий.

И однажды его интерес испортил геофизик Быковских

(тоже жил в «офицерском» балке). Привёз он на тракторных санях наломанного в тундре кедрача и разгрузил кучу прямо перед окошком. Закрыв шефу обзор. Мечется шеф у окошка: то к левому краю окна припадёт, согнувшись и выворачивая шею, то с правой стороны пытается что-нибудь разглядеть. Никак не получается. Поняв, что бесполезно, до весны оставил начальник свой интерес: к этому времени куча дров в печке сгорит.

Начальник партии Е. С. Татаржицкий

Евгений Стефанович Татаржицкий, надо отдать ему должное, трудовой процесс в партии завёл в тихую гавань — с неторопливым, но отлаженным ходом работ на объектах. Приструнил Сальмина, фамильярно начальствовавшего в его отсутствие, и тот оставил на время свои замашки потворствовать канавщикам частым выпивкам. В отличие от Гоши Шипицына, который ненадолго появлялся в партии и не имел своего спального места, Евгений Стефанович первым делом облюбывал себе постоянные нары в «офицерском» балке — у окошка с солнечной стороны. И если возвращался из Корфа, где жила его семья, месяц или дольше руководил трудовым процессом.

Следил Татаржицкий за всем происходящим на работах бдительно, не упускал из виду любую серьёзную оплошность в работе. Как ответственный руководитель, понимал свою задачу: из площади с рудопроявлениями надо сделать хорошее месторождение. Еженедельно он совершал обход работающих бригад на сопках, заглядывая во все места, куда доставал глаз начальника.

В манере его комментариев к какому-либо происшествию, не связанному с работой, присутствовала в интонации, обращённой на шалости трудящихся, слегка насмешливая ирония. Трудно вывести начальника из равновесия; на повышенный тон в разборке с нерадивым рабочим никогда не шёл и личных конфликтов с ними не имел, как это часто случалось у Сальмина.

Застольные празднества в старом посёлке. И не только...

Приближался праздник – Новый год. Для меня он здесь второй. Но сначала расскажу, как обыкновенно геологи Аметистовой партии отмечали главные советские праздники. Тогда ещё в старом посёлке.

Праздничный груз – еду и выпивку – доставлял накануне борт с Корфа. Из спиртного работникам партии полагалась обычно бутылка водки «Кубанская» и вино – тоже бутылка на человека. Дополнительно геологи заказывали в Корфе коробку болгарского портвейна или сухого вина (в картонной коробке помещалось 12 бутылок).

Из еды ко всем праздникам предлагались неизменно: болгарские помидоры в стеклянных банках, балыки, другие лакомства, и что-либо из деликатесов, – например, фрукты: ананас и манго, в одном экземпляре на душу.

Собирались ИТР-овцы отметить праздник сначала в «офицерском» балке (геологов и руководящих технарей было ещё мало, всем хватало места), и позже – в большой палатке, оборудованной под клуб.

Несколько праздников отметили в камералке. Она, с лета 1978-го года, находилась в бревенчатой избе, где до этого жили канавщики. Надо о ней рассказать подробнее перед тем, как описать наглядную картину застолья в один из праздников, на тот раз именно в камеральном помещении.

Изба с виду неказистая, особенно тамбур, уже довольно обветшалый, сбитый из старых досок и обшитый вылинявшим толем; в тамбуре лежало и валялось всякое: сложенные в поленницу дрова, бороздовые пробы в полотняных мешочках, крупные куски кварца из рудных жил, и много чего ещё. Напротив дверей тамбура стоял на растопыренных ножках деревянный козёл, на котором мы распиливали двуручной пилой толстый кедрчак, идущий на корм прожорливой печке.

Внутри помещение тесное, с двумя замутнёнными окошками; с уличной стороны окна занавешены целлофановой плёнкой. Посредине камералки длинный самодельный стол, и вдоль стены, точно верстак в столярке, такой же длины приделан стол, но поуже, – завалены оба журналами, картами, тут же образцы пород и руд; к стене подвешена графика на синьке,

свернутая в рулончики. Потолок низкий. Зайдет, бывало, Татаржицкий в камералку, и, если в хорошем настроении, с места, выбросив ногу вверх, бил сапогом в потолок.

Собравшиеся на праздничное застолье геологи и технические мастера рассаживались на свои табуретки. Стол сервирован различными закусками и горячими блюдами. Благо, что рядом печка: несколько кастрюль стояло на горячем железе. Кушанья готовили наши изобретательные женщины (находились искусные мастерицы кулинарного дела). Продукты со склада. Там всегда имелись мясо, сухая картошка, яичный порошок и прочая снедь.

Итак, все за столом. Кто-то из старших геологов (начальник партии и главный геолог обычно отсутствовали, улетев в Корф) произносил короткий спич, после чего все чокались. С глухим звуком (всё-таки не хрусталь, и не чешское стекло) вздрагивали в руках обыкновенные рюмки и гранёные стаканы; выпивали геологи вино и приступали к еде...

И вот уже – многоголосый шум разговоров наполнял помещение. Принятие в организм винного напитка, вслед за тостами, повторялось; спустя время, обходились уже без тостов.

Повеселев от выпитого, пели мы старые хиты – о геологах и флибустьерах. Энергичный хор голосов чеканил слова песни:

*Пьём за яростных, за непокорных,
За презревших грошевой уют.
Вьётся по ветру весёлый Роджерс,
Люди Флинта песенку поют...*

Дальше ещё веселей. Включали магнитофон, и, расчистив от лишнего площадь пола, отплясывали шейк. Сменив пляс на танцы, в тесноте танцующие переступали ногами, толкая своей спиной или партнёрши соседнюю пару.

Когда вино заканчивалось (некоторые с самого начала предпочитали крепкий напиток), пили молодые геологи, да и принаряженные геологини не воротили носы, желтоватую водку «Кубанская». Изо рта после принятия, шибая в нос, выдыхались скверно пахнущие пары спирта; рука, опережая мысль, рефлекторно тянулась к закускам. К себе отношу такую реакцию, но коллеги тоже морщили физиономию, а кто-то, точно алкоголик, втягивал в ноздри запах свежееиспеченного хлеба,

уткнувши нос в хлебную мякоть.

Когда всё принесённое на праздничный стол было выпито и съедено, участники застолья уходили из камералки – по одному или небольшими группами. Кто-нибудь, менее остальных одуревший с водки, оставался прибрать на месте пиршества. Ну, а что происходило потом в балках, где жили геологи, – ясное дело: обязательно кто-то припрятал бутылки с вином или водкой, и праздник в узком кругу имел продолжение за полночь.

Возвращаюсь ко времени встречи Нового 1977 года.

В тот раз устроить новогоднее застолье геологи решили в низенькой избе, которую занимали раньше Солодовниковы: кладовщица Даниловна и её муж-тракторист. После убийства четы из партии, в избу перенёс свои вещи Сергей Рычагов, не любивший отвлекаться на излишние разговоры и несерьёзные затеи в «офицерском» балке. Позже к нему присоединился Юрий Гаращенко. Занимался он документацией буровых скважин, а Рычагов по-прежнему, в отсутствие главного геолога, оставался за старшего среди коллег.

Сделаю тут отступление и расскажу коротко о взаимоотношении двух амбициозных, но очень разных по характеру геологов.

Общаясь с геологами, Гаращенко (*на фото*) высказывал свои замечания по ведению буровых и горных работ в Аметистовой партии. В характере собранный и деловитый, он уже приобрёл опыт на разведке Агинского месторождения. И указывал начинающему делать карьеру Рычагову на его промахи в делах. Ревностно выполняющий свои обязанности коллега принимал критику и подсказки старшего товарища во внимание, но продолжал действовать в основном по-своему.

Надо пояснить: инженер-геолог Гаращенко за некую моральную провинность на прежнем месте работы вынужден был покинуть Агинскую партию. В нашей экспедиции приняли его на работу старшим техником-геологом, понизив тем самым статус. Замешана была в его опале, полагаю, и Людмила Афанасьева,

вместе с ним прилетевшая; она тоже сначала трудилась на должности техника-геолога. По крайней мере, ходила такая молва. Так ли это? Не знаю точно, сужу, отталкиваясь от разговоров среди геологов. Я не особо вникал в бытовые и семейные тайны.

Несмотря на несоответствие их квалификации с занимаемыми должностями, если иметь в виду разницу в наработанном опыте, Гаращенко и Рычагов между собой ладили, и были друг другу полезны в общей работе.

Наблюдательный Гаращенко говорил о своем коллеге:

- Серёга – весь правильный. Лишних слов не скажет, и больше – о работе. Не всякую художественную книгу возьмётся читать, а выбирает по степени её полезности: не стоит, мол, на несерьёзную книжку зря тратить время.

Перехожу к встрече Нового года.

Всё происходящее за столом и около него можно себе представить каждому, кто работал в геологии. Остановлюсь только на отдельных моментах, предшествующих бою курантов. Документальной подлинности в событии нет, воссоздавал сцены из обрывков памяти, собрав их из запомнившихся эпизодов.

Прошлым днём, борт из Корфа привёз праздничный груз. Этим бортом улетел в Корф Гаращенко, остальные геологи были все на месте. Свои доли из праздничного груза мы отнесли в избу Рычагова, где он с помощницей организовывал встречу Нового года.

Большой низкий стол, оставшийся от Солодовниковых, своим размером устраивал собирающуюся в избу компанию. Участников ожидалось человек десять. Тесновато, правда, получалось за столом, но привычно: в нашем ли неприспособленном, без излишеств, быту замечать неудобства. Новогоднюю ёлку в избе изображал пучок ветвей кедрача, втиснутых в 5-ти литровую бутылку; украшали «ёлочку» снежинки-оригами и несколько стеклянных шаров.

Возле избы, хрустя сапогами, прохаживался Сергей Рычагов. Вышел он из дома то ли полюбоваться звёздным небом, то ли освежить голову на морозе. Но будучи деликатным в манерах, он выделял подходивших к избе коллег, сопоставимых с его ростом и выше, и предупреждал:

- Осторожно там, перед дверью. Голову нагибай.

Все знали особенности избушки, срубленной под низкий рост прежних жильцов. Но предупредительный хозяин счёл нужным напомнить об этом. Входявшие в избу гости снимали с себя верхнюю одежду и бросали на кровать в одну кучу. Приплюснутый объём комнаты наполнялся шумом голосов.

Украшенный многоцветьем закусок стол обставила вместе с Рычаговым кладовщица Лариса, единственная из собравшихся, не имеющая отношения к геологии. Она вернулась из своего жилья уже принаряженная и суежилась около стола, распределяя по нему ложки и вилки, которые принесла с собой. В разрезах чёрной юбки, от её движений, высоко оголялись ноги.

Женщины-геологини тоже не лыком шиты: одетые в тонкие джемпера и платья, выказывали они истинную конструкцию своих фигур. В повседневном труде на морозе фигуры молодых женщин, экипированных толстыми куртками, полущубками, да ещё ноги в ватных брюках (когда приходилось взбираться зимой на сопку), были подогнаны под единый стандарт, с прибавкой мнимой полноты.

- Тук-тук! – голос и стук за дверью. Открылась, поддавшись со второго рывка, тяжёлая дверь, утеплённая старым одеялом. В избу, напустив перед собой пара, вошла запоздавшая Людмила Афанасьева.

Все в сборе. На столах всё расставлено.

- Давайте, друзья, старый год проводим, - в голосе без восклицательной интонации, буднично произнёс слова Рычагов.

Дружно все выпили, и руки потянулись к закускам...

Включена негромко была «спидола», чтобы не прозевать боя курантов.

Вот и этот миг, когда надо поднимать стаканы с шампанским! Церемония с разливанием завершена... «С Новым годом, товарищи! – подытожил поздравительную речь «с кашей во рту» голос Брежнева из «Спидолы».

Ну, а дальше... пусть каждый полевой геолог домыслит из своих воспоминаний продолжение встречи Нового года.

Смена жилья. Рабочие Черемных и Тучков.

В октябре предыдущего 1976 года я перешёл жить в

соседнее зимовье. И тоже с рабочими. Мотив перехода запамätовал, скорее всего, имел какой-то пустяшный разлад с Жорой Плотниковым. И не только это было причиной: интересовали меня люди разные, с оригинальным поведенческим характером; в близком общении с ними оставлял в памяти опорные вехи, к которым привязывались другие, хуже запоминающиеся впечатления, а также события.

Двое нар занимали разнорабочий Черемных и канавщик Тучков. Третьи нары, возле печки, оставались свободными, и там я обустроил себе место. Скарб свой затолкал под нары (весь он умещался в личном ящике из-под ДШ, в нём хранились мои вещи и всякое барахло, с которым не имел привычку быстро расставаться). На стену, небрежно обклеенную серой бумагой (первоначальный её цвет бледно-горчичный), приладил две картинки из журнала «Огонёк».

Черемных, сухой мужичок с землистым цветом лица, – субъект постоянно чем-то недовольный, ворчливый. От нервного возбуждения, которое часто у него случалось, правое плечо его дёргалось, одновременно и ступня, тоже правая, отрывалась от земли.

Одна из его обязанностей – качать воду в ёмкость, которую трактор тащил на санях к буровой. Летом проблем не было, а вот зимой, когда в морозную темень выходил из нагретой избы.... Шагая от двери к проруби, уже загодя материл громогласно насос, поимённо кляня все его детали: поршень, клапаны и обледеневший шланг, будто это было понимающее человеческую брань существо. Гуляющие допоздна собаки шарахались от него в стороны: мало ли чего – пнёт сердитый дядя под брюхо. А когда возвращался с реки, – на телогрейке ледяной бисер от замёрзших водяных брызг, – бросал её на табуретку возле печки и разряжался долгой тирадой. Неизменно в адрес коммунистов завершал бранный послы: артистически демонстрировал сцену, дёргал названные части тела и комично искажая дикцию:

- Комуныки... вашу мать! Бля, и тут достали!..

Казалось, какая связь: возня с механическим насосом, с которым возникали проблемы, и коммунисты? В своей тираде скоро уже оставлял бранить насос – переходил к разносу всякого начальства, в котором подразумевал полное тождество с

партийными функционерами.

Неуживчивый, склонный к частой перемене мест, Черемных недолго поработал в партии и вскоре бесследно исчез куда-то.

Алексей Тучков, с которым в Корфе сложилось короткое знакомство, и поводом к нему в случайном разговоре послужил факт нашего проживания, разделенное временем, в одном посёлке Кемеровской области. Причём, хорошо знали общего знакомого, и решение переселиться к земляку, связано, отчасти, с этим фактом.

Широкогрудый крепыш Тучков, как и многие тут, человек был особенный. Канавщик он заурядный, работал в меру своего притязания на заработок. Деньги тратил в основном на еду и выпивку; отпуск проводил в Тиличихах, где ждал его кров и стол одинокой женщины. Чего не отнять у Тучкова – был доволен собой и жизнью, какую имел в данный момент.

Особую метку вписал он в мою память: обладал редкой устойчивостью к опьянению спиртными напитками. Убеждался в этом не раз. Расскажу подробнее об одном эпизоде, где он подтвердил свой замечательный «талант».

Мой вылет в Корф. Погрузка цемента в вертолёт.

Как-то летом полетел я в Корф по личному делу: купить себе одежду взамен изношенной. Со мной вылетели два канавщика: Ремезков и Тучков, - выпросили у начальника разрешение на вылет, придумав повод.

По прилёту в Корф, прямо с аэропорта канавщики направились в Тиличихи, я – в общежитие. Место нашлось в одной из комнат «рейхстага», на этот раз прилично там устроился.

Камеральной группы от Аметистовой партии в экспедиции в то время не было. Купив нужные вещи, я разгуливал по Корфу, знакомился с людьми, и ждал обратный рейс в Аметистовую.

С небес задождило – три дня нелётная обстановка. А на четвёртые сутки небеса очистились. Зашедший утром в «рейхстаг» Березкин, экспедиционный руководитель полетами, сказал: «Три борта в Аметистовую, шагай в порт. Там ваши хлопцы сидят.... Загрузите цемент на два рейса, третьим

улетите».

Я быстренько в порт. Подойдя к вертолётной площадке, увидел «хлопцев», с которыми вылетал из партии. Сидели они, ссутулившись, на штабели бумажных мешков с цементом; бывалая шляпа Ремезкова нахлобучена под самые глаза. Тучков гляделся бодрее. Увидев меня, взглянул на часы, сказал:

- Борт через полчаса подрулит. Есть деньги? – Я кивнул. – Одолжи сотню, с Толяном в магазин слетаем.

Немудрено догадаться, на что им деньги. Соврать соседу по нарам не мог – дал Тучкову купюру с «Ильичом». Воскресший из задумчивости Ремезков живо снялся с цементного мешка; коротконогий Тучков и долговязая фигура его товарища скрылись за углом здания.

«Хлопцы» обернулись быстро, и вот несут ящик водки! Их лица повеселели, шляпа Ремезкова, выглядевшая до этого помятой, выпрямилась и сидела нормально – выше бровей. Ящик поставили за решетчатым ограждением, где лежал какой-то инвентарь, накрытый брезентом.

- Давай, сюда! – крикнул Тучков. – Рюкзачок мой захвати.

Рюкзак я им отнёс и стал наблюдать за приготовлением к выпивке. Участвовать в ней, разумеется, не собирался, но не знал, как реагировать в таком случае. Правильно ли это: мешать болеющим с похмелья рабочим наладить здоровье. Оно понятно: наравне с рабочими буду загружать на борт мешки, и какой тогда им я начальник.

Тучков достал из рюкзака вяленую рыбину, крупно нарезал ножом на куски. Блеснул неожиданно гранёный стакан в руке Ремезкова: влил в него, чуть ли не до краёв, водку из бутылки, и, выгнув длинную шею, как пьющая воду птица, опорожнил стакан. Тучков проделал то же самое, но быстро – одним махом. Стакан мне протянул.

- Взбодри мускулы! – сказал Тучков, видя, что я жестом отнекиваюсь. – Верный приём: энергии прибавит водка, мешок сам будет летать.

Мне стало любопытно: «Может, не врёт земляк, и стоит попробовать». Носка тяжёлых грузов не в новинку, с разным содержимым ворочал я мешки, но в трезвом состоянии. Весил я тогда ниже нормы, и в рост не вышел, – приходилось

напрягаться, взваливая на плечи тяжелый мешок.

Я решил, и налил себе полстакана. К местной «Кубанской» водке никак не мог привыкнуть, организм с трудом её принимал, тянуло тут же выbleвать отторгаемый желудком эрзац-напиток. Чтобы этого не произошло, торопливо закусывал, после чего мысленно произносил успокоительную мантру. Это уже спустя годы, уверенно обходился без медитации.

Показались вертолётчики, и с ними Березкин. Пилоты направились к стоящему неподалеку вертолёту, Березкин – к нам.

Ящик на виду, поверх белых головок рыбная закуска на картонке. Косым взглядом обвёл «маршал авиации» наше укромное место. Тучков успел опорожнить второй стакан, и сейчас жевал рыбу. На мне глаза остановил Березкин.

- Будешь ответственным. - И перевёл взгляд на рабочих.

- Головы поправили? Вот и довольно. Ящик уберите с глаз долой.

Хмыкнул загадочно Тучков, стакан и рыбу в рюкзак спрятал.

- Понимание есть, Пантелеймоныч. Чуток подзарядились, махом вертолёт загрузим! – хлопнул Тучков ладонями по ляжкам.

Прикатил к штабелю вертолёт. Вышел пилот, и приладил ступеньки.

Сдвинул Ремезков со штабеля мешок, ухватил за края, и понёс к вертолёту. С мешком влез в салон, и там остался: принимать и укладывать груз.

В самом деле, выпитая водка сработала, как допинг: носил и скидывал груз автоматом; организм знал, какое нужно приложить усилие к каждому действию с мешком. Борт загрузили быстро, и он улетел. Мы одни остались на полосе, следующий рейс через два часа.

Мужики сразу к ящику. Пил Тучков с прежней бравостью: рот максимально открыт, и край стакана не прилипал к губам. Ремезков с водкой справлялся медленнее.

- Организму для заряда непременно выпить надо! – стихами отчеканил Тучков девиз, видя мою отстранённость от процесса.

Легкое опьянение после работы улетучилось, и я согласился принять на грудь ещё полстакана, обещая себе не

повторять больше.

С загрузкой второго борта справились тоже легко. Ремезков, правда, утратил прежнюю ловкость в работе, вертолётчик, стоящий перед дверью, чаще подсказывал ему, куда следует укладывать мешки.

Вертолёт ушел в небо, а Ремезков с Тучковым поспешили к водке. Сковырнул Тучков косичку с белой головки – продолжили канавщики насыщаться спиртным. Запылённая шляпа Ремезкова съехала набок, и сам он окривел: косо держа стакан, медлил его опростать – разглагольствовал о своих подвигах. Язык отставал от мысли, и многие слова произносил усеченными. Потом как-то неожиданно его задница сползла с ящика, на котором неудобно умещалась, тело повалилось на землю.

А Тучкову хоть бы что: молодцевато вливал в рот водку, после чего неторопливо закусывал рыбой. Округлые щеки зарумянились, но речь оставалась внятной: коллега в «отрубе», моим ушам доносил своё виденье жизни. Возможно, кому-нибудь имеет смысл позавидовать: не столько луженой глотке Тучкова, а более того – его феноменальной печени, способной в момент обезвредить спиртные яды.

Улетели мы третьим бортом, загруженным продуктами; сели в вертолёт ещё люди с нашей партии. Бутылки с ящика (четыре пустых штуки остались лежать) Тучков запихал в свой большой рюкзаки.

Обзорный очерк о канавщиках

В моем повествовании немало будет сказано о канавщиках. В предыдущих главах я уже рассказал о некоторых из них. В этом обзоре попытаюсь дать общее представление о категории трудящихся, с которыми длительное время я трудился, принимая у них каналы. О давних кадрах, так сказать, «зубрах» канавной проходки, прочно укоренившихся в геологии, – особый разговор. Сначала о тех, которые приходили работать на каналы при моем участии в разведке месторождения.

Надобность в горных рабочих, при их текучке, была всегда. И вынуждала отдел кадров экспедиции пополнять штат нужными работниками.

Обычно это были холостяки, в большинстве своём люди

пьющие. Прежде чем попасть в геологию, эти люди, успевшие хлебнуть в жизни лиха, работали в других организациях Камчатки. Войдя в разлад с начальством, либо по причине характера, склонного к перемене мест, обращали они внимание на геологические партии, где жизнь для их вольной натуры представлялась более подходящей. Кто-то из случайных приятелей, знающих специфику труда в геологии, рассказывал им по пьяной лавочке о преимуществах полевой жизни, и последние сомнения исчезали.

Разузнав всё о работе в геологии, вольный казак определялся с выбором: пойдёт на сопку трудиться проходчиком – бить там канавы или шурфы. Надеюсь в первую очередь на приличный заработок, смутно ещё представляя условия труда.

Являлся он в геологическую экспедицию, и, если была в кадре надобность, устраивался в полевую партию горнорабочим. Получал аванс, и, спустив на спиртное деньги, садился в вертолёт – летел к месту работы.

И оказывался искатель подходящей жизни там, «куда Макар телят не гонял». Например, в небольшой, на сорок дымов, поисково-разведочной партии. В спарке с опытным горняком учился стажёр бить на сопках канавы. И приходило понимание: нужна особая, «лошадиная», так сказать, выносливость в работе, стоическое отношение к предсказуемым и неожиданным оказиям в жизни, чтобы устоять на первых порах, прежде чем набирался опыта.

Не все свыкались с тяжёлым трудом канавщика, некоторые пасовали уже с первым выходом на сопку. Только самые терпеливые, без «вшивости» и борзости в характере, встраивались в коллектив горных проходчиков. Осознавал состоявшийся канавщик своё место и статус. Постепенно он матерел, подражая, вплоть до лексики и жестов, бывалым старожилам.

Предварительную адаптацию и знакомство с работами в геологии получали сезонные рабочие, которых каждую весну набирал отдел кадров в съёмочные партии. Самым отважным к поворотам судьбы было легче потом стать канавщиком, если к этому шагу располагали в дальнейшем обстоятельства.

Из Города и посёлков Камчатки прибывали на «весновку»

в полях зрелые мужики, отколовшиеся от семьи, и бедовая молодёжь. Многие из них тяготели к авантюрным поступкам, не в их правилах было размышлять медленно о перспективах своих решений.

Сначала сезонники в удобном месте листа съёмки устраивали базу партии. Потом шла основная работа. До первых серьёзных заморозков находились рабочие в распоряжении геологов. Заняты были лотковой промывкой на шлих аллювиальных отложений в ручьях, отбором на «металлке» геохимических проб, выполняли другие несложные, но энергозатратные за счёт ходьбы до работы. Отшагав за день по распадкам и сопкам немалый километраж, некоторые сильно умаивались, особенно на «металлке»: к окончанию маршрута в рюкзаке рабочего скапливался увесистый груз.

Скоро они привыкали к длительной ходьбе и работе. Полевая специфика труда на чистом горном воздухе, в сочетании с днями, когда выпадала возможность расслабиться на занятой рыбалке, начинала им нравиться. Уже присматривался кто-то из сезонников к труду канавщиков, работающих в горном отряде той же партии.

Не отягчённую заботами молодёжь привлекала в первую очередь самобытная субкультура горных копателей – особенным поведением и лёгкой приспособляемостью ко всяким в жизни превратностям и обстановкам. Самые решительные из сезонников, имея близкую склонность к такой жизни, были не прочь избрать стезю копателя канав.

Не было редкостью встретить в горном отряде «ссылного» канавщика, трудившегося недавно в круглогодичной партии. За длительный прогул был одним приказом он уволен, а другим принят на работу, но уже в сезонную съёмочную партию. Опытные кадры всегда ценились, и начальник съёмочной партии рад был заполучить проверенных в деле рабочих. Опальный горняк, отработав сезон, возвращался в разведочную партию. Не все, правда, «ссылались» к съёмщикам за проступок – по своей охоте там тоже работали старые кадры.

Пришла очередь рассказать о таких кадрах, много чего в полевой жизни видавших, капитально «сросшихся» с лопатой и ломом в их нелегкой самоотверженной работе.

В разведочной партии основной костяк рабочих, занятых на шурфах и канавах (на ком, собственно, держится проходка), люди, давно состоявшие в их нынешнем статусе, преимущественно среднего возраста. Естественным образом вписались они в здешнюю экосистему, многие не помнят, когда покинули родные места. Если кто-то в могилу уходил, то никем не посещаемый прах обретал вечное упокоение на кладбище в Тиличихах. За время моей работы в Аметистовой партии в гробовой покой ушло трое канавщиков.

Покорение горняков 1970-1980 годов, работавшее тогда в геологии, уже проводило куда-то в неизвестное состарившихся дальстроевцев, но продолжало сохранять их бытовые привычки и образ жизни. Харизматичные преемники становились новыми авторитетами, примером для подражания цеховому братству.

Немало из этой братии тех, кто после отбывтия тюремного срока прочно связал жизнь с геологией. С ними понятно: бывших эков (по лагерной классификации «мужиков») притягивал к полевой жизни неподатливый распорядку трудовой режим, зависящий не только от капризов погоды, но и от сложившихся с незапамятных времен вольных привычек. Изрядно потёртые жерновами системы, которую покинули, они быстро адаптировались к условиям полевой жизни. Физический труд во всех видах им был понятен, в умелых руках шанцевый инструмент взлетал правильно, можно сказать – красиво!

Нередко кто-то оказывался временно на так называемом «бичу». Находиться «на бичу» необязательно быть уволенным с работы. Согласно здешним обычаям, это означало: по прилёту из партии (скажем, чтобы зуб удалить) – на недельку, а то и дольше, затеряться в Корфе или забичевать в Тиличихах.

Например, можно было причалить в барак или частный дом, где денежному на первых порах гостю всегда рада приветливая разведёнка. В комнатухе у неопрятной вдовушки могли «размагничивать» натруженное тело и расслабляться несколько человек, но вдовушку ублажал, если оставались на это желание и сила, обычно один из них. Мужикам, умаявшимся за день на «размагнитке», – с выпивкой и громкими разговорами, – бросала на ночь хозяйка один или два пыльных тюфяка, затёртые байковые одеяла, что-либо из старой зимней одежды и всякие

тряпки. Неприхотливые гости расстилали на замусоренном полу общую постель в ширину комнаты и рядком ложились. Постепенно утихали шумные вздохи и выкрики. Были и другие варианты нахождения «на бичу», сообразно личным предпочтениям и в зависимости от обстоятельств.

Вышедший из запоя прогульщик являлся в контору экспедиции, и, если у начальства было намерение сохранить ценного кадра, получал основательный «втык». Находили ему наказание и отправляли обратно в партию. В случае длительного загула работника увольняли, но по установившейся традиции скоро опять принимали на работу, чаще в другую партию. Северные надбавки сгорали.

От геолога Вениамина Зайцева слышал я о необычной инициативе, практиковавшей начальниками съёмочных партий, с целью заполучить к началу полевого сезона проверенных в деле работяг, которые не при делах и бичевали, кто, где мог.

В «облаве» участвовал кадровик Шкарупа, который лучше других знал, где искать стародавнего кадра. И вскоре они находили в Корфе или Тиличихах нужных людей. Ослабших и плохо соображающих, часто нетрезвых, везли бичей, дав особо страждущим похмелиться, на вертолётную площадку. Там их ждал расторопный экспедитор Берёзкин, распоряжающийся погрузкой на борт инвентаря и продуктов в сезонные партии. Вертолёт, покачавшись над землёй, устремлялся с креном в повороте на подъём, и улетал.

Монотонный шум мотора и вращающихся лопастей усыплял похмелившихся бедолаг. Спустя час полёта, вертолёт приземлялся на заросшей мхом и ягелем террасе у порожистой речки. Выйдя из вертолёта, бич вскоре врубался в действительность. Глотнув свежего горного воздуха, он выпрямлялся и охватывал трезвеющим взглядом гористую местность: видел привычный, давно ставшим родным, ландшафт.

Приступив к работе, восстанавливал доходяга прежние физику и психику, становился нормальным общительным человеком, проявлял, ставшие латентными в зимнем загуле, деловые и социальные качества.

Особняком на проходке канав держались люди, выпадающие из когорты канавщиков старой закваски. Таких

были единицы, и отличались они своим отношением к заработку: без траты денег впустую. Стимул понятен: не позволяя себе разнообразить жизнь в пресловутой «размагнитке», они имели цель скопить сумму и отбыть восвояси. Типичных канавщиков, живущих в старой традиции, заработок тоже стимулировал, но обычно уходил сквозь пальцы, когда приспевала пора «расслабиться» в Корфе. А если улетал кто в отпуск на материк, ничего серьёзного там не приобретал, и возвращался, разве что, с канистрой водки, купленной в Корфе на последние деньги. Обязаловка – угостить товарищей по прибытии с отпуска – дело, считали они, святое.

В Аметистовой партии иногда временно трудились канавщиками работники иных профессий, но не по своей воле. Провинившийся рабочий в наказание отправлялся на сопку бить канавы, если он на это соглашался и был в состоянии отбыть наказание работой, знакомой ему только по наблюдениям. Как-то случилось мне видеть в канаве тракториста Карпизенкова (на два месяца его разлучили с трактором). Натянув до паха болотные сапоги, выкидывал Карпизенков из грязной канавы породу, и, надо сказать, у него это неплохо получалось.

В продолжение обзора о канавщиках покажу в коротком рассказе, как обычно проводили они время своё во время затяжной метели. В одной из глав описана подобная сцена, здесь она показана в типовом варианте более подробно.

Бражный пир во время пурги

Приход непогоды канавщики вычисляли загодя по опыту жизни в пенжинской тундре. Над посёлком уже активно носились вороны и громко каркали; чаще садились на помойки – успеть до начала пурги склевать всё для себя полезное. Выхватывали нахальные птицы из-под носа собак какой-нибудь съестной кусок и с ним взлетали на столб. Красные закаты и густеющая хмарь на северо-востоке предвещали близкое ненастье.

Вынужденный простой не слишком удручал канавщиков, и, надо полагать, радовал, если пурга случалась к концу месяца. Многие успевали справиться с планом и заработать свои триста «прямых». И теперь, можно сказать, их ждал праздник.

К началу коллективной гулянки (расслабиться после

напряженной работы на сопке, постоянно обдуваемой морозным ветром) у канавщиков в их жилищах созревала брага. Тепло ей во фляге у печки, «добреет» уже четвёртые сутки. Созревал пьяный напиток (в просторечье – бурдюк) всегда вовремя.

Ещё с ночи начинала гудеть вдруг тундра; в унылый вой то и дело вклинивались свистящие взвизги метели. Короткошерстные собаки просились в тамбур; другие псы, с густой шерстью, находили себе место под стеной балка и сворачивались под сугробом клубком; вздохнув напоследок, они смыкали глаза и там засыпали.

А в жарко нагретом балке, где собиралась компания, начиналось понятное действие. Брага приветствовала собирающуюся в балке компанию специфическим кислым запахом. Спокойный вначале говор собравшихся нарастал. И вот он уже в своей кульминационной силе: с шумным галдежом, одновременно в несколько голосов от басов до фальцета. Поодаль от балка, если к нему приблизиться, разнозвучье сливалось в монотонный гул. Внутри балка (с закопченным потолком, стены оклеены обёрточной, с рулона, бумагой) сидела на нарах, табуретках компания канавщиков. Были трудящиеся и иных профессий, включая постоянного участника сборищ радиста Аркашу Кузнецова. Аркаша (царство ему небесное: утонул в каком-то водоёме, находясь в отпуске), человек в полтора метров ростом, со старообразным, не по возрасту, лицом, был, с его слов, зятем известного поэта Александра Кушнера. Ввинчиваясь узнаваемым фальцетом в разноголосицу компании, где в основном о работе галдёж, он вскакивал на своего крылатого конька – авиацию: взмахлёт пересказывал не раз повторяемые байки о полётах, стараясь других перекричать.

На полу, с уроненными и раздавленными на нем окурками, стояла, красуясь у всех на виду, точно важная особа, виновница торжества: 4-х ведерная фляга, в которую поочередно, как бакланы за рыбой, ныряли кружки. Пили бражку без всяких команд и тостов, каждый насыщался по своей потребности. Кончалась во фляге брага, направлялись под свист непроглядной метели, одолевая сугробы, к другому балку или избе – там ждала канавщиков аналогичная ёмкость.

Гулянье продолжалось два-три дня. Начальству загулы

были нежелательны, но оно понимало, относясь к ним, как к неизбежности: трудящимся, уставшим на тяжелой работе, необходима релаксация души и тела.

Отославшись после загула, стародавние канавщики удивительно скоро входили в норму. Ритмичные удары ломом в мёрзлую породу способствовали хорошему разогреву телу; выходил через кожу, пропитывая нижнее белье, дурно пахнущий брагой пот.

Вскрытие канавой № 165 рудной жилы «Чемпион»

В начале 1977 года главным геологом Аметистовой партии

назначили Тамару Василенко (*на фото*). В поле до лета она не показывалась, направляла геологические работы, находясь в Корфе.

Увидел её впервые в мае, когда прилетел в экспедицию оформить отпуск. Она была подвижной и компанейской женщиной, лет тридцати. В красных брюках и светлой блузке, с распущенными волосами сидела Василенко в своей квартире, куда я вошел, чтобы вкратце поведать начальнице о состоянии дел на объектах в партии. Произвела она впечатление энергичной, воодушевленной планами женщины. Выслушав меня, сказала:

- Пробирные анализы по 37-му телу хорошие! Прямо – блеск!.. Составим проект на штольню. Чего уж оттягивать – вперёд, и с песнями!

Действительно, многообещающей на золото жилой оказалось 37-ое рудное тело (впоследствии – жила «Чемпион»), дав стартовый толчок разведке месторождения, растянутой, как получилось, на пятнадцать лет.

Решению о проходке разведочной штольни предшествовал, конечно, отличный результат пробирного анализа, полученный с навесок бороздовых проб, взятых из канавы № 165. Богатое содержание золота в пробах было подтверждено тремя канавами, выбитыми ниже по склону.

Принимал названную канаву я. Про историю с проходкой этой выработки следует рассказать особо.

Место зарезки канавы наметил Рычагов, остававшийся за старшего среди геологов.

В то утро, когда я шёл в камералку, по незаезженному техникой снегу ковровым белым потоком струилась позёмка, обещающая усилиться до метели: небо мутное, тучи ускоряли движение.

Не успел я снять пурговку, как Сергей уже к делу:

- Вот сюда поставь Москвичева, - ткнул Сергей пальцем в синьку с планом работ. – Канавка может оказаться здесь глубокой, но Москвичев с ней справится.

Записал я привязку будущей канавы и стал дожидаться вездехода с аммонитом. Сергей, приходивший обычно на работу раньше, уже позаботился: попросил взрывника Жору остановиться возле «офицерского» балка.

Со стороны аммонитного склада подрулил к камералке вездеход. Откинув навес брезента, я увидел ссутулившегося Жору Плотникова: он сидел на ящике и докуривал папиросу. Рядом с вездеходчиком Володей Морозовым – горный мастер Сальмин. Выгнув назад голову, вглядывался он на вершину сопки, которую заволакивала бледная муть начинавшейся пурги. Заскочил я в кузов вездехода, и машина, тарахтя гусеницами, поехала к сопке.

В балке, расположенном на плоской вершине, оказался Татаржицкий, пришедший сюда с буровой. Он совершал обход работающих объектов, и сейчас с Москвичевым пил чай, дожидаясь горного мастера. Кроме них – никого в балке, все проходчики работали на своих канавках.

- Смотрю я, – обратился к Сальмину начальник, по привычке глядя в окошко, – труженики с канав возвращаются, – увидел он кого-то из канавщиков. - Что тут поделаешь, не заклиматило. Отвези аммонит тем, кто остаётся трудиться, и пробы с канав заberi.

Надо сказать, в умеренную пуржистую погоду некоторые канавщики оставались работать. Главным образом те из них, кому необходимо было завершить очередной цикл проходки и успеть зарядить пробитые ломом шпурь. Занесённая снегом

канавы в рабочую погоду отпаливалась, тем самым не надо было выгребать из неё снег – эту задачу выполнял взрыв.

Анохин зашёл в балок. Сняв с рук затёртые ломом верхонки, повесил их на верёвку над печкой. – Метёт вона как, – в медлительной манере речи, пожаловался Анохин на погоду, честно глядя Татаржицкому в глаза. – Зарядил.... Пущай заносит.

Не счёл нужным начальник что-то отвечать канавщику – уже выходил со мной и Москвичёвым из балка: вызвался помочь мне определить место канавы.

Хлестнул порыв ветра – колко освежил расслабленное печным теплом лицо. С мутных небес косо частил снег, как просеиваемый с мелкого сита. Ветер нёс его по склону вниз, не поднимая пока высоко.

Нашел я реперный знак, отмерили с Татаржицким от него расстояние. Место намечаемой канавы оказалось перед оврагом. Западный её конец уходил за борт обрыва. Сказал Москвичеву:

- Надо, Петя, взять ближе к оврагу. Метров двадцать отсюда зарежь, - показал ему точку и направление. Точка приметна: кривая ольховая ветка торчала в снегу.

Москвичев широкими шагами отмерил длину и воткнул в сугроб лом, который принёс с собой.

... Прошла неделя. В ясную морозную погоду отправился я пешком на сопку принимать канаву. К ней подойдя, увидел внушительный на бортах навал породы; сразу заметил в снегу, рядом с навалом, глыбы жильного кварца. Обмазанные ярко-оранжевой глиной, только что выброшенные с коренной жилы взрывом, много их лежало возле канавы и дальше, воткнутых в запыленный снег.

В глубине канавы работал Москвичев. Совковая лопата шумно скрежетала по железному листу: подцеплял и выбрасывал канавщик на борт породу.

«Да... - мысленно поразился я удаче, - точно на жилу попал, и, видать, мощная!»

Закончил Москвичев зачистку, и я, ставя ноги во врытые лунки в торце канавы, спустился на очищенное полотно. Интервал с жилой выделялся красноватым цветом и двумя конечными уступами: опытный канавщик, знающий, как удружить геологу, постарался показать товар лицом, тщательно

расчистив оба контакта с вмещающей породой. В западном конце, правда, очистка канавы уступом и заканчивалась. И было неясно: вся ли жила уместилась в полотно канавы, или продолжалась под наносами?

В наклонной позе стоял Москвичев, упёршись руками в черенок лопаты: ждал молча одобрения своей работе.

- Корни хорошие, - говорю Петру, беглым взглядом пройдясь по низу высокого борта, наращенного дополнительно набросом породы.

Взял я в руки кайло и начал им работать, исследуя жилу с торца перед оврагом. За чётким уступом смог лишь расковырять немного охристой глины.

- Петя, - говорю канавщику, - поработай здесь ломом, удлини зальбанд, сколько сможешь. (Геологические термины понятны старым канавщикам).

Москвичев, вылезший с канавы за мешками, стоял наверху: выжидал команды спуститься на отбор бороздовых проб. С охапкой мешков и ломом он слез в канаву. Стал размашистыми ударами выдалбливать нишу под наносами.

А я продолжал орудовать кайлом, намечая интервалы для взятия проб. В итоге, когда замерил жилу, оказалась она чуть более десяти метров в сечении. Текстура жилы в большей части полосчатая, цвета полос и завитков: серые, с вкраплением зерен сульфидов, и охряно-ржавые, с обилием глинистых минералов. Висячий бок жилы тоже чёткий. Дальше, до конца канавы, – жёлтая порода.

Нишу Москвичев сумел пробить до полуметра. Одной борозды в зальбанде недостаточно, а продлить канаву в овраг сложно и рискованно.

(Виктор Хворостов, сменивший в 1979 году главного геолога Василенко, нарёк 37-ое рудное тело «Чемпионом», и вполне заслуженно).

Канаву № 165 позже перебили, удлинив её к западу. Мощность жилы совпала с моим замером, и пробирный анализ дал схожий результат с предыдущим анализом. «Чемпион», раздутый тектоническими сдвигами, имел солидную мощность метров триста по простиранию, а дальше, на северо-восток, постепенно утончался, становился безрудным; золото, образно

говоря, ушло в оперяющие жилы: «Гюзель» и «Марию». В штольне «Чемпион», после ответвления от него жилы «Марии», выхолаживался в тектонический шов, набитый дробленой породой.

Горняк Шведов и его злосчастная канава

Неторопливым ходом шли зимой работы в Аметистовой партии. К тому времени число геологов пополнили Зоя Соколова и Женя Баркова, работавшая здесь полтора года назад.

Соколова, набравшая к сорока годам типичный для её возраста вес, была в делах неторопливая и аккуратная. Она, как и я, занималась в основном документацией канав. В партии работала с лета прошлого года.

Этой зимой соединился с ней муж (или сожитель?) Константин Шведов, знакомый мне по Средне-Унэиваямской партии, где работал взрывником. Средних лет мужчина, поджарый и долговязый, впалые щёки обрамляли курчавые баки.

- Канавы осилит: лось здоровый! - весело сказал мне Татаржицкий, когда поинтересовался о способности Шведова выбивать глубокие канавы. Мне нужно было знать, куда его ставить.

Поставил я его на Центральную группу жил – пройти, недалеко от магистральной канавы, короткий отрезок, длиной десять метров. Глубины до коренных пород там небольшие.

Началась, растянутая на две недели, возня Шведова с неподатливой канавой. Усердия не отнять, но потуги – добраться до коренных – уходили впустую. В первый раз дня через три вызвал меня Шведов принять работу. Стоял он в канаве, а почти вся фигура, кроме ног, возвышалась над бровкой.

Подошёл я к канаве. С чего-то радостный Шведов выпрыгнул из канавы, говорит мне восторженно:

- Зону зацепил! По всей длине глина, и кварц попадаетеся.

В узкой и мелкой, менее метра, канаве через равные промежутки «стаканы» на месте шпуров. В полотно действительно много вязкой метасоматической глины, но также немало твёрдых обломков разного цвета, в том числе монокварциты. Мне стало ясно: работа ещё далека от завершения. Сказал Шведову, чтобы продолжал дерзать с

канавой.

Ещё два или три раза вызывал меня Шведов. Я приходил и видел: «а воз и ныне там». Сопротивлялась канава холостым отпалкам, только ямки, куда всыпал зернистый гранулит, становились шире.

Заинтересовалась моим упрямством Соколова, мол, шибко я придираюсь к Косте.

- Измучился он канаву долбить. Разлом там.... И ниже будет то же самое - глина. Ты уж прими его работу.

Злополучную выработку, в конце концов, пришлось активировать; канаву позже добил другой проходчик. На той злосчастной канаве закончилась для Шведова работа на сопке, скоро и в партии его не стало.

Работал на сопке ещё один горе-канавщик. Имя Андрей, а фамилию не помню. Парень не был искушён ни в хитрости, ни в смекалке, к тому же глуповатый. И отличался тупым упрямством в работе.

Помню одну из канав, с горем пополам им добытую.

В ту пору, на исходе зимы, зачастили протяжные ветра и снегопады. В метельные дни канавщики не поднимались на сопку. Но не таков был отважный Андрей: выходил на работу и в пургу, когда не слишком дуло и свистело. Трудно ему давалась углубка канавы. Но он стоически принимал «нежелание» горных пород сдаться неумелому канавщику: невозмутимо продолжал попытки, не ропща уже на моё нежелание принять недобитую канаву.

В третий раз поднимался я к нему. Но сначала завернул к балку. Подойдя близко, увидел в белёсом мареве дверь, подпёртую ломом. Я развернулся и пошёл к канаве. Ветер поднимал и взмучивал снежную массу – бросал мне в лицо, закрытое трикотажной балаклавой. Только глазам и векам доставались холодные укусы снежинок, истёртых ветром в мелкую крошку, и летящих в вихревом потоке гудящим роем.

Подошёл я к месту, где работал настырный канавщик.

Вихри сверху вдували на полотно снеговую пыль, оседающую плотным слоем. Слой ещё тонок: недавно полотно зачищено. Андрей сидел в торце канавы на ящике из-под аммонита. Налипший к бровям снег уплотнился, с ресниц

свисали тусклые сосульки.

- Спускайся домой, - говорю вставшему с ящика Андрею, - точечные пробы сам отберу.

Такие новички, как Андрей, не задерживались на канавах долго. Поработав бездарно месяц или два, отдавали они инструмент старожилам и улетали в Корф.

«Бывшие интеллигенты»

Продолжая рассказывать об отдельных людях, отличающихся чем-то особенным в характере и манерах поведения, следует сказать о, так называемых, «бывших интеллигентах» (кавычки – намёк на одну из версий расшифровки аббревиатуры слова «бич»), - о тех, кто трудились в партии простыми рабочими. Таких было двое.

С Александром Шевцовым я познакомился в первые дни, как только прилетел в Аметистовую партию. О нём рассказывал, но кое-что добавлю.

Подтянутый, всегда опрятно одетый Шевцов, не утративший в своей наружности и, в меньшей степени, бытовой лексики черт интеллигентности, в остальном мало чем отличался от своих коллег-рабочих. Общаясь с ним, нельзя было догадаться, что перед тобой человек, окончивший два ВУЗа. Разве что, в решении кроссвордов выказывал обширную эрудицию: заполнял практически все квадратики.

Пьяным на моих глазах он не бывал, ограничивался нахождением в лёгком подшофе. Его умеренный интерес к алкоголю удивлял: в моём представлении, люди, кончавшие ВУЗы, но оказавшиеся не у дел в работе по профессии и вынужденные трудиться на низших рабочих должностях, обычно из числа неудачников, которым из-за тяги к спиртному, уготовано судьбой не изменять тесному приятельству с Бахусом.

Какой судьбоносной волной прибило его в геологическую партию, где три года трудился Шевцов простым рабочим, - о причине у него не спрашивал.

Когда он вернулся в камчатскую столицу, то работал уже на инженерной должности. И однажды я посетил Шевцова. Жил он с женой Ириной в её квартире. Я зашёл к нему в неудачное для разговора время: шея Шевцова была обмотана белым кашне

(поймал ангину, и слова произносил со свистящими звуками). Пропустив в больное горло стакан вина, он уже больше не пил. По причине нездоровья о своей прошлой и текущей жизни говорил неохотно. Так и осталась для меня загадкой, какая причина подвигла его поработать несколько лет в геологической партии.

Трудился Шевцов в партии, как уже писал, сначала разнорабочим, но затем перешёл на бурение скважин помощником буровому мастеру Василию Попелло. Себя он там отметил неплохо: больше остальных звеньев бурильщиков давали они с Васей метража. Заслуга в этом, главным образом, Попелло, но и Шевцов старался.

Два разных по характеру человека, видать, сработались и сдружились, даже свою литовскую фамилию (неблагозвучную, по его мнению) Попелло впоследствии сменил и стал тоже Шевцовым. Объяснял, правда, - мол, новая фамилия от жены, случайно совпавшая с фамилией его напарника. Но что-то смутно я представляю, когда и с кем успел Вася оформить брак. Подруг и сожительниц у Попелло, пока работал он в Аметистовой партии, на моей памяти у него было несколько, но та, с которой он, якобы, недавно заключил брак, никогда в партии не появлялась. Притом, надо заметить, отлучался Попелло из партии ненадолго, разве что в отпуск. А, возвратившись из отпуска, с упоением и пикантными подробностями рассказывал слушателям о своих встречах с разными женщинами. По характеру своему Вася в ту пору не склонен был оставлять вольготную холостяцкую жизнь.

Второй оригинальной фигурой с высшим образованием был Ястребов. После промежуточных мыканий Ястребова в других местах, курьёз судьбы снарядил его всей необходимой канавщику амуницией и причиндалами – оказался бывший интеллигент, окончивший два факультета в медицинском ВУЗе, на сопке с ломом в руках.

Увидел его впервые, когда сдавал он мне канаву на Мазуринской сопке. Это было зимой. Уныло и беззвучно тянулась по плоской вершине сопки ковровая позёмка, ветер перемещал в южном направлении и с постоянной скоростью сухой снег, - и это при безоблачном небе.

Ястребов находился в неглубокой канаве и выкидывал оттуда, после последней отпалки, породу. Обелённый наметающим в канаву снегом, он выпрямился, увидев меня над канавой. В его бровях, от выдыхаемого изо рта воздуха, образовались белые корочки, а на ресницах сосульки; уши затёртой с вылезающим мехом лисьей шапки плотно закрывали щеки.

Снял Ястребов с рук верхонки вместе с варежками под ними, и, разминая пальцы, дуя на них выдыхаемым паром, заговорил, точно актёр на сцене:

- Рученьки вот мои! – распрямляет и показывает мне узкие ладони. – Никак не хотят приспособиться к холоду, не желают паразиты душе и остальному телу без усталости служить – на хлебушек зарабатывать.... Ну, не гады они!?

Канавы оказались пустой, и я не стал придирается к некачественной добивке и зачистке полотна.

Ястребов недолго продержался на канавах, улетел из партии – искать более подходящее место работы для своего непрочного организма.

Канавная проходка вблизи жилы Чемпион. Буровая бригада.

Под контролем внимательных глаз и ушей Татаржицкого в спокойном режиме трудились той зимой канавщики, нечасто оставляющих работу для разрядки психического состояния. Буровикам особый глаз не требовался: дисциплина у них в порядке.

Поисково-разведочные горные работы велись в то время на площади, примыкающей к 37-му рудному телу (жила Чемпион). Саму эту жилу уже проследили по простиранию. Собственно золоторудное тело (на совмещённом плане горных работ) имело длину чуть более 400-от метров. После ответвления от Чемпиона жилы Гюзель, не стало золота в безрудном уже теле – тектоническом шве, отгороженном от рудного тела поперечным разломом.

Худо-бедно работала на сопке единственная буровая установка. Подолгу она задерживалась на пробурке очередной скважины. Сверлил станок крепкую породу алмазными коронками, с промывкой водой. Шло сильное, особенно зимой,

поглощение воды в скважине, и дэтушка едва успевала подвозить на буровую воду. В доставке воды принимали участие геологи. На буровой они в смены дежурили, как только приближалась рудная зона в скважине.

Обычное колонковое бурение в сложных горно-геологических условиях было неэффективным. И начальство экспедиции задумалось о наладке бурения скважин пневмоударниками. Пока готовилась доставка в партию оборудования для пневмоударного бурения, рабочую бригаду отправили в Хаилино – бурить скважины на уголь. Вернулись они из Хаилино в сентябре. К тому времени всё было готово к началу пневмоударного бурения; налаживал технологический процесс Виктор Уваров. Прибыли и кадры, знающие работу с пневмоударниками: Екименко, Киреев, Иванов.

Обязанности старшего бурового мастера исполняли сменные мастера. Самый известный из них Владимир Зайцев – сухощавый, лет тридцати, мужчина с неряшливой черной бородкой, скрывающей землистые щёки; бороду он иногда сбрасывал и выглядел тогда старше своих лет. Из-за проблем с бурением бывал часто нервно взвинченным, и себя в работе не жалел. Успокоительной отрадой в его полевой жизни было чтение литературных журналов. Обычная поза Зайцева, когда зайдёшь к нему вечером в балок, – лежание на нарах с подогнутыми коленями и в руках журнал. Читал из художественных вещей всё подряд, и, судя по его сосредоточенности на чтении, все писания, публикуемые в журналах, были ему интересны.

Весенняя охота на гусей

Раньше обычного пришла в этом году весна.

В середине апреля, на склоне сопки, где интенсивно велась проходка канав, обнажалась земля, закиданная выбросами глыб и щебня с канав; ольховые кустики и ветви кедрача, сидящиеся уже с земли подняться, были загажены густо усыпанной серой пылью. И вот, что странно: апрель всё-таки, но я увидел тогда возле старой канавы... крупного комара, безразличного к моей особе и выбирающего себе приличное место для посадки – на какое-нибудь травяное растение, где меньше пыли.

Чем ближе время двигалось к маю, тем оживлённее становились разговоры аметистовцев о предстоящей охоте на гуся.

Не было более развлекательного времени, как это случалось в тёплые майские дни: мужское население шло в эту пору в район Таловского озера огласить тундру стрельбой из залежавшихся в чехлах ружей и настрелять пернатой дичи – на замену поднадоевшим консервам и солонине.

Первые гуси-разведчики, опережая основной косяк, появлялись в начале мая. Следом шли стаи гусей, а чуть позже и уток. Пролетев колеблющейся в воздухе вереницей над последней сопкой, за которой уже Парापольский дол, от стаи отделялись группы усталых птиц и начинали кружить над всхолмленной тундрой, выискивая места для кормёжки. Отдельные ватажки гусей садились на тундру вблизи Таловского озера.

Озеро подо льдом, но уже в нём намечаются трещины. В утренние часы поверх льда слуд – гладкая, как слюда, наслойка замёрзшей за ночь воды. К полудню в солнечную погоду по льду разливается вода, выпертая из трещин, и проплавляет размякший лёд. По льду возле лужиц снуют юркие пуночки, что-то в талой воде находят и склёвывают.

Две недели кряду тундру обдувал тёплый воздух, и снег сходил быстро. В первую очередь протаивали до земли верхи пригорков, холмов, борта протоков, стариц – все эти и прочие выпуклости плоской, в общем, долины. И уже начинал там оживать мелкий кустарник, испуская запахи набухающих почек.

Всполошилось население посёлка! В какой балок ни зайдёшь, только и разговоры – о гусях и предстоящей охоте. Геологи, рабочие – все они спешно готовят охотничье снаряжение. Не отходя далеко, прямо в посёлке кто-то тестирует бой своего ружья: стреляет по озерным чайкам, уже прилетевшим с юга; садятся те на вытаявшие помойки, ходят по куче и склёвывают пищевые отбросы, – там и настигает их хлесткий выстрел.

Ранним утром сбор охотников возле камерального балка. У всех за плечами вместительный, но пустой рюкзак –

морщинистый, как схлопнутый пузырь. Ружья охотничьих калибров есть у каждого стрелка.

Кучковаться с разговорами недосуг – скорее в путь! Бросив на землю недокуренные папиросы, охотники бодро зашагали к перевалу, за которым в 8-ми километрах Таловское озеро. Солнце из-за хребта уже выскользнуло и начало набирать силу. Шёл и я со всеми. Но без ружья. Пострелять в гусей из своей одностволки обещал дать канавщик Кожарнович. Он шёл впереди и придавал остальным темп хода. Следом двенадцать серьёзных мужиков вышагивало в подъём расстояние.

Зашли на перевал, и стало видать озеро. Слегка желтоватое, оно блестело в лучах солнца. День обещал быть погожим и тёплым. В синеве неба ни единого облачка. А далеко за озером красовался Пенжинский хребет, подёрнутый бледной воздушной дымкой. Куюл, речной исток из озера, с перевала заметен хорошо: поблёскивал на его виляющем русле зеленоватый лёд. В низине за перевалом снег глубокий; охотники идут по углублённому в снег следу, проложенному тракторной колонной с саними. В ноздреватых снежных бортах свисают сосульки, под ногами обнажена местами тундра; след от полозьев саней, ушедшей не так давно колонны, гладко выутюжил мёрзлые кочки, ободрал и пригнул к земле сломанные ветки кустарничка.

Наконец, вот оно – озеро! Высоко в небе, с мелодичным трубным кликом, летит группа журавлей. А следом, с более низкой высоты, опускается на тундру, за озером, стайка гусей. Знаток определили по голосу: казарки.

- С мясом будем, мужики. Вона, как летают! – покрестьянски рассудил толстогубый Анохин, провожая взглядом вереницу чернопёрых птиц.

Нашёлся, вмёрзший в обледенелый мох, большой алюминиевый чайник. Анохин его оторвал от земли вместе с примёрзшим к днищу дёрном, вытряхнул из чайника снег и пошёл к озеру. Принёс нарубленный топориком лёд. Заполыхал костёр, огонь вскипятил в чайнике воду. Заварку туда... пьём торопливо из кружек чай. Кто-то не стал чаевать; ступив на хрустящую корку слуда, припорошенного ночным снежком, направился к дальнему берегу озера, до которого в узком месте верста с гаком.

Отстающим арьергардом ватага охотников двинулась вслед за ушедшими. Под ногами потрескивало. Заметны были намечавшиеся во льду трещины. Место охоты – слабо всхолмлённая тундра. Обширные прогалины перемежаются с осевшими сугробами снега, наметённого в заросли ивняка и стланика.

Рассредоточились охотники. Кто здесь не в первый раз, быстро ушли к своим знакомым местам. А новичкам пришлось сориентироваться. Долго не размышляя, каждый поодиночке пошёл туда, где рассчитывал словить фарт. Кожарнович двинулся на запад, и я с ним.

Наступая сапогами между кочек, прошли мы два километра. Наткнулись на торфяной бугор – высокую земляную кочку, поверх которой травяная шапка, напитанная прелой сыростью. Рядом поднявшийся из-под снега кедрач, а чуть поодаль заросли голого тальника. Можно в кедраче затаиться и контролировать в прицеле площадь тундры до самого озера. До него метров пятьсот. В развилке двух кривых сучков, вплотную пригнутых к земле, я устроил себе сидячее место: положил на суки пустой рюкзак и неудобно сел. Лучше не приспособишься.

У Кожарновича место засады за бугром. Нарвал он с кедрача лапника и сел на него, подогнув под себя левую ногу.

Пролетела со стороны озера и далеко от нас стайка уток. Вскоре услышали два подряд звучных выстрела.

– Пошла потеха, – тихо сказал Кожарнович. Ко мне не оборачиваясь, он оглядывал пустую высоту над собой.

Но вот... заметили мы оба низколетящих в нашу сторону двух крупных гуменников. Видимо, устали старые птицы, – покинули они стаю и решили передохнуть, пощипать подножного корму. Не долетев до скрадка метров двести, сели гуси на продолговатый холмик. Видеть гусей мешала густая поросль ивняка, росшего перед тем холмиком.

– Зайди незаметно, Володя, и вспугни их. Может, повезёт – на меня вылетят, – шёпотом сказал Кожарнович. – Подальше заворачивай, иди кошкой.

Поднялся я с сука, размял на месте ноги, и двинулся совершать большой полукруг. Сам думаю: «Хрен их знает, заметят меня птицы, пока иду, и улетят не в ту сторону». Под

ногами ничего не потрескивало: шёл по начинающей размякать тундре; обходил сохранившиеся сугробчики, боясь с хрустом проломить сапогами некрепкий наст.

«Молодцы, гуси! Сидят еще!» - похвалил я гусей.

И всё-таки не удалось мне обхитрить чутких птиц – услышали мои шаги. Одновременно, я и гуси, начали шумные движения. Вытянув вверх руки и махая ими, бежал я к тыльной стороне холмика, наивно полагая, что отрежу гусям обратный путь. Гуси могли улететь куда угодно.

Замысел Кожарновича всё же удался. Оба гуся шумно взлетели и повернули в сторону скрадка. Грянул одиночный выстрел – передний гусь вертикально рухнул на землю. Из кустов вышел Кожарнович и подобрал мёртвую птицу.

– Повезло! - на меня летели. Хорошо вспугнул, – похвалил мою прыть меткий охотник. Затолкал Кожарнович в рюкзак гуся и пошёл на своё прежнее место.

Я надеялся: следующий выстрел будет мой. Но почуявший фарт охотник, что неудивительно, обо всем забывает, сосредоточенный на ожидании повторной удачи. Тем более, дальше от нас небо оживилось пролётами прибывающих со стороны Таловского озера птичьих стай и групп. Вдалеке тут же участилась очерёдность ружейных выстрелов – одиночных и дуплетом. Замолкла весёлая переключка мелких птах, тонко пискнула мышь под травяной кочкой, и больше из норки не высывалась.

А нас птицы почему-то облетали стороной. Пролетали небольшими стайками далеко от засады, и к нам не заворачивали.

Кожарновичу, видимо, надоело выжидать, когда надоумит гусей завернуть к нашей засидке, – сказал:

– Отлить пойду, и покурю там. А ты сиди и жди.

Достал он из пришитого внутри телогрейки кармана несколько патронов, оставил мне ружьё, а сам пошёл к кустам ивняка.

Присел я на его место, держа в руках старенькое ружьё, с обшарпанным, в царапинах, прикладом, стал вглядываться в разные стороны неба.

Наконец, дождался... Инстинктивно втягивая к плечам шею и затаив дыхание, смотрел я на летящих низко гусей. Летело

шесть птиц. Курок давно взведён, оставалось не промазать в быстро приближающуюся с пискливым криком группу казарок.

Бабахнул коротким треском дробовой заряд, дымок из дула... Гуси шарахнулись в стороны, разделившись на пары, и полетели дальше. «Вот, черти! – досаду на промах. – Опять долго ждать?».

Настоящего охотничьего азарта я не испытывал, может потому, что не приходилось раньше охотиться на дичь. Азарт, понимал, приходит с первым удачным выстрелом, и нужно терпение.

Выжидание интереса, а он бы пришёл, попади я в гуся, продолжалось недолго. Подошёл Кожарнович.

– Гуси высоко летели. Дробь ослабла, в ширину её разбросало. Давай, теперь я посижу, а ты покури в тальничке. Не дыми только, в снег выдыхай.

Отдал я ружьё и далеко отошел к месту, где он курил. Присел в частоколе тальниковых стеблей на кочку и стал разглядывать небо. В разных направлениях пролетали небольшими стайками птицы. Летели слишком высоко и в стороне от нас. Приглушенная расстоянием ружейная стрельба слышалась отовсюду. «Везёт же некоторым», – позавидовал я охотникам, выбравшим более удачливые места для засады.

Терпеливо сидел за бугром Кожарнович.

И наконец-то! Перелетев озеро, стайка гусей, ведомая звонко гогочущим вожаком, повернула к месту нашей засидки. Навстречу идущей на посадку стае пальнул охотник. Один из белолобых красавцев начал сваливаться с неба.

Мы оба поспешили туда, где гусь упал. И не сразу его нашли. Место, куда он падал, было открытое. На вершине плоского увальчика глинистые пятиугольники с бордюрами из мелких камешков, да кое-где жухлый лишайник. Снег там почти весь растаял, оставались лужицы талой воды. Раненному гусю, казалось, негде спрятаться, но он всё же набрёл на потайное место. Обессилев (рана серьёзная), гусь затаился в ямке, которую выкопал какой-то зверёк.

Гусь выдал себя сам: подал слабый, с хрипотцой, голос. Когда подошли, он трепыхнулся в попытке подняться, но не смог. Обречённым взглядом жёлтых глаз смотрел гусь на людей.

Поднял его Кожарнович за шею, резко дёрнул, а затем крутанул. Обмяк белолобый гусь.

Вновь занял я место стрелка, в надежде изловчиться и попасть в гуся. Обнадеживала ситуация в небесах: участились пролёты птичьих ватажек, ведомых крикливыми вожаками.

Денёк выдался на удивление тёплым. Участки тундры, остающиеся под снегом, нагревались лучами солнца; снег увлажнился, радужно сверкали в нём капельки воды в тающих кристаллах. Оживающие ветки кустарника, на которых заметны узелки почек, источали особый для каждого из видов растений аромат.

Довольно большая стайка звонко кричающих уток, выписывая шумным махом крыльев полукружья, приближалась к засидке. Я изготовился, поджидая летящих на меня птиц. Уже хорошо был замечен зеленоголовый селезень. Осторожно вёл он растянутый в две колеблющиеся линии косяк. Поворачивал зоркий вожак в обе стороны голову, высматривая перед собой тундру, грудь его покачивалась в воздухе, как на волнах лодка.

Всё-таки заметил меня глазастый селезень! Не долетев на убойное расстояние, вожак пронзительным свистом подал стае тревогу и круто свернул направо. Оставалось мысленно выругаться и безнадёжно выстрелить вслед удаляющейся стае. Разумеется, заряд ушёл впустую в небеса.

Подошёл Кожарнович. Пока я сидел в засаде, он удалился подальше и поел на мшистых полянах дряблой ягоды: шикши и голубики. Губы его от ягодного сока посинели.

– Без фартухи как-то тоскливо, – досадуя на неудачу, сказал ему. – Пойду к озеру, погуляю. Охотников там нет, мешать не буду; может, нагоню тебе оттуда стайку.

– Вожак летел больно ушлый, – объяснял напарник мой промах. – Надо замереть до подлёта и не шевелиться. Навык придёт..., научишься! – ободрял он меня. – Из своего ружья желательно. Не сразу получается, если не бил птицу раньше. Ступай, а я посижу здесь, завалю ещё парочку. От меня только подальше уйди.

Я направился к озеру. В основном, с той стороны налетали птичьи стаи, и от стай отделялись ватажки, нацеливаясь выбрать где-то в долине хорошее место для отдыха: пощипать там

корешков пушицы, поклевать ягод. Остальные птицы в стаях, не снижаясь, летели дальше вглубь Парапалы.

Хлюпая сапогами по налитанным талой водой снежным лепёшкам, шёл я по ровному верху увальчика (там мы искали подранка) – удалялся от насиженной засады в сторону Таловского озера, но не к тому месту, откуда мы вышли на парапальскую тундру, а правее по ходу.

За спиной глухими тресками доносилась ружейная стрельба охотников. Вспугнутые выстрелами, ватажки гусей и уток летали в разных направлениях. Остающиеся в стае птицы дугообразной шеренгой или вытянувшись в неровную линию летели высоко, но их гвалт слышал отчётливо. По бархатистому, как у кларнета, звуку различил в небе летящих лебедей. Благородные птицы тоже желанный объект охоты, попадись они в верный прицел.

К местам охоты с радостным карканьем спешили вороны. Крупные, с добрую курицу вездесущие стервятники. Перекликаясь между собой басистым карканьем, летели они поодиночке и группами, поднимались повыше и зорко высматривали с высоты местность. Их активность понятна: надо в суматохе совместного пиршества успеть выхватить от птицы шматик мяса.

Росомахи и лисы, разумеется, не дремали, они тоже рады гусиной охоте, и могли опередить или прогнать двух-трёх неуклюжих в поедании добычи воронов. Но когда воронья слеталось к подранку много, лисы пасовали.

Особую тактику вороны применяли по отношению к охотникам. Вымысел это или нет, слышал я от кого-то, мол, хитрые вороны умеют обмануть стрелка, ищущего раненную птицу, которая могла далеко уковылять от места падения. Несколько самых горластых воронов затевали в стороне от места, куда улепётывал раненный гусь, крикливую перебранку. И охотник шел туда, полагая найти и обездвижить подранка. Вороны-обманщики следили за плутанием охотника, и, убедившись, что человек перестал искать и возвращается к своей засаде, летели куда надо.

Шагал я по размякшей тундре и далеко отошёл от места нашей засидки. Скашивая перед собой в обе стороны взор, любовался скудным на краски весенним пейзажем Парапалы.

Тянуло с пригретой тундры в чувствительный нос запахи: кисло-прямый, как намокшее сено, оттаявших блёклых трав, и терпкий, с горчинкой, тальника и ольховой поросли.

... Оглянулся: со стороны дальнего озера кто-то меня догонял. Когда фигура стала различимой, узнал в ней Жерехова. Рюкзак его, нагруженный дичью, обрёл грушевидную форму и свисал до задницы. Лямки на груди он придерживал руками, и шёл слегка согнувшись.

– Ну, ты даёшь! Под завяз гусей набил. Место, значит, хорошее выбрал, – восхитился я удачливой охоте Жерехова.

– Лебедю одной дробиной прям в голову жажнул, чуть в глаз не попал! Гуменников пару и трёх белолобиков к нему до кучи, – хвалился довольный стрелок. В подтверждение сказанного, захватил руками углы рюкзака и с показным усилием вздёрнул.

– Хорошему стрелку всегда везёт, – сказал я одобрительно и без зависти, зная, каков Жерехов в охоте на куропадок. – А я вот гуляю тут, глазами птиц сбиваю. Стрелял пару раз – послали меня гуси подальше.

– Такого лёта, как утром, не будет уже. Надо уходить, – лёд на озере размыло, трещины пошли... Идёшь со мной? – спросил Жерехов.

– К Кожарновичу вернусь, с ним уйдём; хочу посмотреть, сколько гусей завалил без меня.

– Ну, как знаешь. Многие уже домой утопали, он, небось, тоже. А не хреново тебе порожняком с охоты?

Снял вдруг Жерехов с плеч рюкзак, дёрнул петлю шнурка и вытащил за шею рыжеголовую утку.

– Связь это. Какой красавчик! – болтанул Жерехов селезенью. – Возьми себе на жарёху.

От неожиданного подарка я не стал отказываться и засунул утку в пустой рюкзак. А Жерехов, вскинув на плечи свой замечательный груз, пошёл вперевалочку к Таловскому озеру, оставляя за собой во мху вмятины.

Я возвращался к нашей совместной с Кожарновичем засидке, прошёл полкилометра, и тут мне расхотелось продолжать туда путь. «Скорее всего, Жерехов прав: ушёл Кожарнович, к тому же никто не стрелял в тундре». Солнце уже

скатывалось к северо-западу.

Я решительно развернулся и пошёл к Таловскому озеру – месту, откуда мы утром вышли со льда на берег.

Озеро, когда к нему подошел, сильно преобразилось. Хрупкий слуд, который с утра был запорошен снегом, превратился в разжиженную снежницу или вовсе стаял, и поверху льда – лужи талой воды. «Сам лёд, конечно, должен быть крепким», - думал я. Точно о глубине озера не знал, но полагал, что оно мелкое, до дна промёрзло, и узкие трещины во льду не опасны. Поэтому пошёл по льду смело. Слащавым звуком чавкали болотные сапоги в мутной и хлюпкой снежнице. Местами лёд протаял глубоко, и я дивился: за день столько воды на льду!

К середине пути стали появляться во льду глубокие трещины, и даже разводы. Они неширокие, и я легко перепрыгивал с льдины на льдину. Но вот – передо мной оказался развод шире предыдущих, к тому же протяжённый. Да и везде, куда ни помотришь, водные трещины. И по хлюпкой снежнице не разбежишься, чтобы перепрыгнуть – можно поскользнуться. «И как тут быть?».

Я встревожился. Отвороты сапог натянул выше колен и стоял в нерешительности. Вода мутная, и дно не проглядывалось.

И тут все сомнения разрешились сами собой. Рыхлый и подточенный снизу водой лёд на краю развода вдруг подо мной подломило, и я провалился! Почти на полную высоту болотных сапог ушёл под воду – «по яйца», как обычно говорят.

Спешно шагнул я к противоположному краю развода и неуклюже забрался на льдину.

С облегчением убедившись, что озеро неглубоко, уже увереннее передвигался по льду. И стал рассуждать на ходу: «Подлёдную воду с верхнего Куюла тянет в нижний исток из озера; снизу вода лёд подпирает и растапливает – во льду образуются разводные трещины.

Ближе к береговому припаю стали встречаться продолговатые и круглые ямы, наполненные водой и ледяным мусором. И вдоль припая зияла в горбатом льду трещина, но пустая. Утром, присыпанная снежком, она была незаметна.

Возле палатки, когда к ней подошёл, на коряге, тремя

суками вдавленной в землю, сидел без дела Жерехов и смотрел в мою сторону. Неподалёку от него слабо горел костер. На полчаса он опередил меня, почаёвал здесь в одиночестве (остальные охотники тут, видимо, не задерживались) и решил подождать, заметив мою фигуру на ледовом озере.

– Давай к костру! Обсохни. В лужу, что ли, падал? – поинтересовался Жерехов.

Я ему объяснил, как оказался в воде между льдинами.

– Прямоком, значит, топал. Понятно.... Надо по ходу левее брать, там лёд прочнее и сырости меньше. А напарник твой минут десять, как ушёл. О тебе спрашивал. Сказал ему: по тундре гуляешь, и глазом стращаешь гусей, они с испуга к нему летят. Как ты ушёл, он с твоего нагона двух казарок свалил, – благодушно шутил Толян. – Ружьё себе купи. С ним интереснее, и глаз скорее набьёшь.

Словоохотливый Жерехов говорил, а я добавил в костёр сухих веток, снял болоньевую куртку и пристроил её сушиться на вкопанный с наклоном сук. Тушёнку подогрел в банке, и с голодухи съел махом. В чайнике, стоявшем на золе костра сбоку, оставался чай, густой, как чифирь, и я его допил.

...Возвращались в посёлок с Жереховым не спеша и молча, одолевая пологий, но затяжной подъём на перевал. Забравшись на него, пошли уже веселее.

Закончилась моя первая вылазка на Таловское озеро и его окрестности. Я, в общем, остался доволен охотой и приятной прогулкой по весенней тундре Параполы.

Перехожу жить к Рычагову. Его интересы и цели.

Весной 1977 года выбыл из партии Юрий Гаращенко. Он вернулся на прежнее место работы – в Центрально-Камчатскую экспедицию. И я переселился на его место в избе, к Рычагову. К этому времени мне расхотелось жить с рабочими; всё, что хотелось узнать о бытовой стороне их жизни, получил в достаточной мере: в двух избах и в течение года с лишним жил с ними бок о бок, многие особенности в их поведении стали мне понятны. Это помогало в работе – учитывал особенные черты их характеров при возникавших с ними разногласиях.

От четы Солодовниковых остались в избе две железные

койки. На одной из них, ногами к печке, спал Рычагов. Под прямым углом к его изголовью стояла у стены вторая койка, её я и занял. Позже над моей кроватью, на стене, оклеенной серой бумагой, появились акварельные рисунки – оживил ими в лубочном стиле убогий интерьер низенькой избы. Высота комнаты, примерно в мой рост, позволяла мне не нагибать голову, а среднерослому Сергею приходилось это делать.

До середины осени жил я в той избе с Рычаговым, пока он не отбыл в Петропавловск-Камчатский делать карьеру вулканолога в камчатском филиале ДВО РАН.

Наблюдал я за Сергеем, и он поражал меня особой, внешне неторопливой устремленностью к работе. Наши вечерние беседы почти всегда сводились к геологии, его внутренняя энергия невольно заряжала и меня, несмотря на его флегматичную натуру.

Именно с той поры мой интерес к геологии и к месторождению, в частности, сильно возрос. До этого к своим делам по документации канав я относился без вдохновения; тупо, можно сказать, выполнял в своей работе то, что требовалось по инструкции, старался только добросовестно исполнять геологические задания. А теперь, близко с Сергеем общаясь, неловко было выказывать свою дремучесть в геологических знаниях, выходящих не дальше, чем положено знать документатору горных выработок.

Стал я организовывать свои мысли более изобретательно. Но понимал: знаний не хватало. И когда началась компания по подписке газет и журналов, выписал себе пару геологических журналов и одну заумную (на мой тогдашний багаж знаний) монографию, название которой уже не помню. Потом регулярно каждый год выписывал эти журналы и книги по геологической тематике. Уже осознанно читал нужные статьи. Моё образование техника-геолога и первые шаги работы на вулканогенных полях были, мягко говоря, недостаточны, чтобы хорошо понимать и усваивать научные тексты от узких специалистов в области геологии. И всё-таки кое-что полезное для полевой работы вобрал себе в память.

В те дни, как только я перешёл в избу к Сергею, занимался он вечерами приятным для него делом. Кто-то из корфских

геологов дал Сергею на время известную среди геологов книгу Альфреда Ритмана «Вулканы и их деятельность». Аккуратно и скрупулёзно переснимал Сергей затрёпанные страницы книги; четыреста пятьдесят страниц со всеми на них иллюстрациями отщелкал он своим ФЭДом, и с вечера до поздней ночи печатал текст книги, извёл на интересное для него дело кучу фотобумаги.

Своё свободное время Сергей тратил на чтение серьёзных книг по геологии: готовился поступить в очную аспирантуру. Названная монография А. Ритмана являлась тогда его любимой книгой. Я тоже прочёл её с интересом.

В беседах с Рычаговым я уловил, что Сергей в своих воззрениях на геодинамику придерживается фиксистских взглядов: структурная организация земной коры, в этом он уверен, следствие исключительно вертикальных движений энергии и вещества. Меня это удивляло, так как прежняя парадигма советских геологов (классическая геосинклинальная теория) была вытеснена к тому времени тектоникой плит.

Не стану касаться его аргументов, хорошо только помню интерес Рычагова к брекчиям, образование которых он связывал с динамикой «вертикального тепло-массопотока» и помещал их в систему кольцевых структур разных диаметров. В своей кандидатской диссертации: «Кольцевые структурно-вещественные ассоциации...» именно рудным брекчиям уделил он особое внимание. Книгу позже Сергей мне подарил, и в предисловии, где он отмечал геологов, оказавшим ему какую-либо помощь в работе, я нашел и свою фамилию.

В декабре 1978 года, в ожидание самолёта на материк в отпуск, я заехал к Сергею в его неприглядное пристанище, недалеко от Сероглазки. Он снимал там квартиру – в небольшом флигеле во дворе, больше похожем на сарай, рядом с домиком хозяина.

Сеней у флигеля не было, вход в жильё прямо с улицы. Изнутри дверь утеплена ватным одеялом и поверх его холщовой тканью; когда дверь открывали, густой морозный пар входил в избу вместе с вошедшим. Кухонка тесная; значительное место, не из-за размера, а по отношению к площади кухни, занимала кирпичная печь. Напротив, у другой стены, небольшой столик, над ним полки, заставленных посудной утварью; лежали там и

книги. Между столиком и фанерной перегородкой в следующую комнатушку — низкая лавка, застланная солдатским одеялом; Сергей на ней отдыхал, когда до поздней ночи работал над диссертацией. В перегородке проём в миниатюрную спальню, где едва помещались деревянный топчан и детская кроватка.

Рычагов к тому времени был женат, его женой стала бывшая студентка Галина Бондарь, проходившая в 1977 году практику в Аметистовой партии. Сын Ваня родился два месяца назад.

Стесненный не располагающей к излишеству домашней обстановкой, Сергей сжился с бытовыми трудностями, переносил их стойко. Мне пришлось наблюдать такую картину: сидит Сергей за столом, перед ним чья-то монография и он отмечает нужные ему абзацы; на коленях у него плачущий младенец Ваня, которого отец успокаивает и одновременно продолжает внимательно глядеть в книгу.

Рычагов защитил диссертацию в 1980 году. Но на этом не остановился, и в 2003 году стал доктором наук. Заведует сейчас лабораторией геотермики в Институте вулканологии, изучает гидротермальные системы Камчатки, решает по договорам и прикладные задачи. Можно отметить, что к его рекомендациям по методике обнаружения рудоносных зон геологи Аметистовой партии относились скептически, усматривая, как уловку, его подгонку перспективных на золото участков, главным образом, по имеющимся результатам горных работ. Там, где у него густо сконцентрирована иерархия кольцевых неоднородностей, как правило, наиболее отработанный канавами и скважинами участок месторождения. Например, на участке Северном, где впоследствии была вскрыта канавами и траншеей золоторудная жила Юника, мелких колец, нанизанных на более крупные и указывающие, по мнению Рычагова, на хорошую перспективу обнаружения рудного тела, совсем немного.

Я считаю, что Сергей Рычагов, трудясь в качестве полевого геолога в Аметистовой партии, сделал много полезного в изучении месторождения. Несуетливый, без гонора и причуд, он чётко и аккуратно выполнял свои обязанности, и часто оставался в полевом посёлке за главного у геологов: Шипицын и сменившая его Василенко обычно отсутствовали в партии

подолгу.

Две студентки

В июне 1977 года прилетели в партию две практикантки: Галина Бондарь из Свердловского горного института и Ольга Карпович из Осинниковского техникума (Кемеровская область). Пока не были они определены к месту своей практики, мне поручили познакомить студенток с месторождением непосредственно на сопках, где велись горные работы. Они ходили со мной принимать у горняков канавы.

Ольга, блондинка неяркой внешности, но весёлая и подвижная, не слишком вникала в мои рассказы и показы всего того, что должна усвоить в первую очередь. Надевала Ольга на себя в прохладную погоду старомодную болоньевую курточку красного цвета, порядком уже вылинявшую, и которую, когда ей становилось жарко, кидала, куда попало. Она быстро сориентировалась во всех нюансах бытовой жизни в партии и оценивала её по-своему: чувствовалось, что наметила себе выбрать жениха и остаться на Камчатке.

Желание Ольги Карпович осуществилось. Горный мастер Виталий Кошелев стал её мужем, когда Ольга, защитив диплом, прилетела к нему в Корф. К тому времени Виталий работал в производственно-техническом отделе экспедиции. Думаю, выбор жены для него удачный. По его отзывам Ольга умелая хозяйка: вкусно готовит блюда, и хорошая мать.

*Студентка Галя Бондарь
(впоследствии – Рычагова), 1977 г.*

*Студентка Ольга Карпович
(впоследствии – Кошелева), 1977 г.*

Галина Бондарь – худощавая, с тонкой талией девушка, но крепконогая в ходьбе и выносливая – отличалась намерением пройти здесь хорошую, с пользой для себя, практику. В характере своём Бондарь впечатлительная, романтически настроенная девушка. Прогуливаясь со мной и Ольгой по сопкам, с неподдельным интересом любовалась она красотами окрестных пейзажей. А по вечерам собравшаяся в «офицерском» балке мужская компания ИТР-овцев слушала под гитару бардовские песни в её исполнении. Негромкий с бархатистой картавинкой голос магнетически действовал на слушателей, выбирала она самые трогательные лирические песни.

Галя своими достоинствами очаровала Сергея Рычагова, была скромна и не навязчива, что для Сергея важно: сам был, на мой взгляд, по натуре застенчив, и, кроме как уверенно вести разговоры на тему геологии, не умел находчиво и с юмором общаться с кокетничающими женщинами. Впечатлённый артистическим даром Галины, Рычагов записал все песни в её исполнении на магнитофон.

Неудивительно, что помощницей себе в дальние маршруты на вулканно-генных структурах Спрут и Акрополь, Рычагов выбрал Галю. На этих объектах он, кроме поисков рудопоявлений по проекту, увязывал наличие рудных признаков с системой мелких кольцевых неоднородностей, – в подтверждение идей своего будущего руководителя М.М. Василевского.

До осени маршрутил Рычагов с Галей Бондарь на тех объектах, и каких добился он результатов, не помню. Но главным его достижением стала, разумеется, возникшая между ним и Галей притягательная симпатия, приведшая к супружескому союзу. В подвиге к этому союзу первую скрипку, мне так кажется, сыграла Галина. Возможно, сужу так, исходя из того, как она, щипля гитарные струны, тихо пела в «офицерском» балке о парне, который не догадывался об интересе к нему девушки, при этом недвусмысленно косила глаза на Сергея.

Прилетая в Петропавловск, я часто останавливался (в ожидании самолёта на материк и обратно) у четы Рычаговых. Всякий раз убеждался: нашел Рычагов с бывшей студенткой Галиной Бондарь общий язык и понимание. С ней ему было

комфортно проводить время. Помогала она мужу и в подготовке диссертации. Хозяйственные дела и уход за детьми (родились у них двое детей, с разницей в три года) вела в основном жена; муж по привычке своей значительное время уделял геологии. Когда дети подросли, Галина долго работала в специализированной партии по камчатским самоцветам. Прелести и трудности полевой жизни были ей необходимы, как рыбе вода.

Попала она как-то, будучи одна в маршруте, в ужасную ситуацию. Неожиданно, перед густой зарослью малинника, к которому она вышла из берёзовой рощи, на неё напал медведь-подросток. Скорее всего, он сам не ожидал встречи с человеком, увлечённый поеданием сладкой ягоды.

Ничего не оставалось Галине, как отважно бороться с напавшим молодым зверем. Мне она рассказывала:

– Рывкнул на меня, проклятый, подбежал и с ног сшиб. Дальше, как в тумане: руками, ногами отбрыкивалась, сапогом под брюхо ему дубасила, кричала, может быть, – не помню уже. Слюной меня медведь измазал, и кусал только, а лапами не хватал. Ключицу сломал, и на плече от зубов раны. Как меня оставил в кустах лежать, а сам ушел, тоже плохо помню. Еле доползла до нашего лагеря, хорошо, что недалеко был. Потом больница.

Есть сочинённые мной однажды в стенгазету стихи о выпускниках ВУЗа, прибывших на работу в полевую партию. Эти стихи, никому конкретно не относящиеся, применимы ко многим схожим ситуациям, и в какой-то мере созвучны теме данной главы.

*Гадаем на девчат, сошедших с вертака.
Та, в капюшоне, с жилкой домовитой,
Блондинке – взять оленя б за рога,
перо орла ей дай! И бус из мидий.
«Ах, девочки! – какие облака!» -
чернявенькая вся полна наитий.*

*Восторженно кричи всему: «Виват!» -
зарю, туману, ягодным полянам -
во весь глазами карими охват;
недолго (пёс зимы завоюет рано)*

*роскошествует осени наряд
огнисто-золотистой икебаной.*

*Зимой ты под щитом одежд от выюг.
А домогается оснеженного дива
противный ветер уж который круг.
Не утешенье, что лицом красива,
когда гнетут оковы ватных брюк
фигуры девичьей извивы.*

*Но вот ты дома. Полушубок с плеч!
В печь сунешь дров, солярку на поленья
туда плеснёшь – и разгорится печь;
с трубы тепло пойдет к вселенной,
и часть его зимовье обогреть,
изящное чтоб вызволить колено.*

*В сенях, с мешка, возьмёшь олений зад,
на чурке топором его разрубишь;
заманчивый почуяв аромат,
собаки дверь скребут. А ты им – кукиш!
Подумав, бросишь крошек - пусть едят,
а ласковую суку приголубишь.*

*Озябнув, точно лёгкая газель,
скорее к печке! Низом, под ногами,
холодный белый змей ворвётся в дверь,
но огненными с пылу языками
съест змей его другой, сражаясь на манер
дракона, выдыхающего пламя.*

*Кисть рыжая из лампы чад струит,
над чердаком труба с пургой бранится,
в расколотой жеоде аметист
поблёскивает важно гребнем птицы,
а чёртик, что на ниточке висит,
ожил с тепла и стал на ней крутиться.*

Гость явится. Топор возьмёт в углу,

*сук надрубив (он, мёрзлый, неупругий),
дров наломает, сложит на полу...
как лотос свой бутон, распустит... «Руки?»
Слова! тебе приятные: «Люблю!»
Чирик-чирик...». Лишь после эти штуки.*

Работа и жизнь на Интересном

С середины мая и до конца июня 1977 года я находился в отпуске. Когда вернулся, в работе партии мало что изменилось. Заканчивались на близлежащих к посёлку сопках работы по реализации поисково-оценочного проекта. Оставалась ещё одна задача: на ВТС Интересном, находящемся примерно в 12 километрах от посёлка, вскрыть канавами обнаруженные съёмщиками кварцевые жилы и оценить Интересный на золотую рудоносность. На возвышенных бортах ручьев Ложбинка и Интересный в приличном количестве валялись заросшие мхом крупные и мелкие обломки кварца в основном молочно-белого цвета.

При промывке лотком донного материала в этих ручьях попадались знаки золота величиной с булавочную головку. И что интересно: в местах, где попадали в лоток крупные золотишки, в донном галечнике во множестве блестели кристаллы гранатов. Их цвет разный: преобладали розовые и зеленоватые оттенки. Смутно себе я тогда представлял обстоятельства совместного нахождения в речном аллювии золота и гранатов. А ещё раньше кто-то из геологов находил там кристалл шпинели.

Сопка на Интересном, обрывающаяся в долину р. Ичигинваяма. 1978 г.

Владимир Лахтин с пробами. 1977 г.

Породы, которые вмещали основные жилы, я называл андезитами. Так было принято их называть до прихода в партию геологов из Сергеевской экспедиции. С той поры породы, вмещающие кварцевые жилы с рудопроявлениями золота и других металлов, стали именоваться субвулканическими аналогами андезитов (диоритовыми порфиритами).

Когда начал работать на Интересном, меня смущали игнимбритоподобные породы. В их массу были включены тёмные стекловатые линзы, схожие с типичным фьямме. А на склоне одной из сопок, перед долиной Ичигинваяма, сохранился вертикально обрезанный с одной стороны останец, сложенный слоистыми туффитами. Полями в охристом суглинке на протяженной вершине сопки лежали в делювии тонкоплитчатые обломки пород. Примечательных кварцевых жил там не оказалось.

Отчёты съёмщиков о геологическом строении ВТС Интересного я не имел возможности прочитать. Знал то немногое, что мне рассказала Тамара Василенко.

Геологам было важно получить результаты по содержанию в жилах золота и серебра. И бригада горных проходчиков взялась за дело. Первоочередные канавы обозначил на плане Сергей Рычагов, после чего отправился со студенткой Галей Бондарь в дальние поисковые маршруты и вернулся оттуда в сентябре.

Горнякам, а выехало на Интересный семь канавщиков, предстояло вскрыть несколько кварцевых жил. Была задача: минимум два или три пересечения на исследуемую жилу. Сопки на Интересном крутые, места заложения канав, главным образом, на пологих участках и вершине.

Палатки мы поставили на терраске ручья Ложбинка. У меня – отдельная небольшая палатка, горняки жили по несколько человек в более просторных палатках и с ними горный мастер Сальмин. Виталий Кошелев, второй горный мастер, осуществлял доставку с базы партии взрывчатых материалов.

Канавщики старались выполнить план и расслаблялись редко. Всего два раза за лето замучивали они во фляге традиционную бражку. Сойдя по случаю созрева браги пораньше с сопки, собирались все в одной палатке: теснились в ней мужики, пристраиваясь сидеть, кто на чём. Ёмкий сосуд

опорожнялся за пару часов. Браги, конечно, было недостаточно, чтобы уложить всех вповалку, но летом, как я заметил, «причащались» горняки веселящим напитком реже и в меньших объёмах, чем зимой.

Наутро отоспавшийся Сальмин гнал рабочих на сопку. Освежив в ручье головы, уходили горняки к своим канавам, находящимся далеко друг от друга и на разных сопках. А Сальмин, проводив глазами канавщиков, настраивал рацию – сообщить на базу чего он достиг с выполнением плана, и сколько мешков аммонита нужно привезти на участок. Затем шёл на сопку, и, если было нормально с проходкой, сидел у костра с Жорой Плотниковым – взрывником, поправляли вместе здоровье крепким чаем. Не только на похмельную голову, таким был обычно его распорядок дня. В остальное рабочее время сидел он в палатке за бумагами – обдумывал, как похитрее и толковее закрыть горнякам наряды.

Результаты анализов нескоро приходят из геохимической лаборатории в Петропавловске, но первые вскрытия канавами кварцевых жил открыли глазу безрудный с виду жильный кварц, за исключением жилы в борту ручья Ложбинка. Вскрытая жила порядочной мощности (более 3-х м в сечении) была усыпана по трещинам синевато-серым порошком сульфидов и сульфосолей. Проведённый пробирный анализ выявил содержание серебра в жиле – более пятисот граммов на тонну. Тонко рассеянного в жиле золота оказалось мало: около 1-2 г/т. Пришлось ещё раз задуматься: откуда же в ручьях крупное золото?

Через несколько лет, Вениамин Зайцев и я целенаправленно шлиховали аллювий ручьев на Интересном. Находились там дней десять, уже поздней осенью. Жили в двухместной палатке без печки. Спальники, когда утром просыпались, были покрыты инеем. Какие результаты получили и как проводили на досуге время, об этом рассказ впереди.

Аварийная ситуация с трактором ДТ-75

С наступлением осенних холодов бригада канавщиков (и я с ними) вернулась на базу партии. Ускорила возврат горняков на прежнее место работы потеря в болоте трактора ДТ-75, доставлявшего на Интересный грузы, главным образом,

взрывчатку. Дэтушка, долго не зная отказ в работе, провалилась в одно из разжиженных глинистых «окон» в тундре. По самое брюхо погрузился трактор в болотную яму.

Собрались около увязшей дэтушки горняки и начальство – в лице горного мастера Сальмина. Пришёл с базы испытанный в разных оказиях трактор С-100. Корневский, сидящий за рычагами в тракторе, ждал команды. Подходили к «несчастной» дэтушке люди с лопатами, а кто и с ломом – пытались ей помочь вылезти из грязи. Сфокусированные очками Сальмина лучи солнца точечными отблесками усиливали его решительные команды.

Но все усилия оказались напрасными. Корневский побоялся приблизиться к дэтушке на расстояние длины троса. Выйдя с трактора, обошёл он тряское болото, потоптался на дальних подступах к нему, выбирая стартовую позицию для своего трактора. Сел снова за рычаги, и задом стал приближаться к дэтушке. Но, увы: гусеницы стали погружаться в трясину.

Не удалась тогда попытка вытащить дэтушку из глинистой ямы. Вызвали её из болотного «плена» уже зимой, обколов ломами мёрзлый грунт, в который прочно вмёрз трактор.

Убытие С. Рычагова в Петропавловск, история с дровами

Вернулись с дальних полей Рычагов со студенткой. Галина дождалась вертолёт и отбыла в Корф, затем – домой на Урал. Спустя два месяца, Сергей тоже начал готовиться к отлёту в Петропавловск – поступать в аспирантуру. И вскоре стал диссертантом у своего руководителя М. Василевского.

В последний день перед его вылетом в Корф отправились с ним на лыжах в сторону Тклаваяма. Где-то там лежала куча кедрового стланика, нарубленная Рычаговым в начале лета. Ноябрьские пурги уже успели скрыть невысокую кучу под снегом. Место я запомнил.

Лежал кедрач в снегу, потом усыхал летом под солнцем до следующей осени. А когда я вспомнил о куче и пошёл проверить на месте ли дрова, ничего там не увидел, кроме древесного мусора. Оказалось, что кедрач ушёл на потребу столовой печки – его обнаружил и вывез к столовой Татаржицкий, посчитав дрова бесхозными. Себе в избу никто в партии чужие дрова не

умыкал, и, если куча исчезала, то оказывалась возле столовой.

«Лечение» отита одеколоном

До весны 1978 года я оставался в избе один. А перед Новым годом у меня от простуды возник отит. Оглох на оба уха, сильно болела голова. Штатного фельдшера в партии тогда не было. Как назло, и погода надолго испортилась; три дня заунывно выла пурга, а когда утихла, нелётная обстановка была уже в Корфе.

В моё неважное положение сочувственно вошла геолог Людмила Афанасьева. Принесла она флакон одеколона и решительно подступила к кровати, на которой я лежал оглохший. Громко что-то мне говорила, близко наклонясь к больному уху, – еле различал отдельные слова. Затем последовали её манипуляции с флаконом одеколона. Прямо из флакона стала самозваная фельдшерица капать одеколон в оба уха. Сам я тогда думал: хуже не станет, может, получу какое-нибудь облегчение. Но после такой процедуры оглох основательно.

Потом я узнал: ни в коем случае нельзя при остром отите закапывать в уши спиртосодержащие жидкости. К счастью, на другой день погода везде наладилась, и я улетел в Корф, а оттуда автобусом в Тиличики – в районную больницу, где пробыл две недели. Слух полностью восстановился.

Объединение двух экспедиций в одну структуру

В 1978 году коллектив Сергеевской ГРП, свернув все работы, завершил неожиданно много нашумевшую эпопею: разведку месторождения золота, прирастив государству полтора десятка тонн драгоценного металла. Геологи с сожалением покидали золоторудный объект, который, как считали они, не успели довести до ума. Оставалась лишь слабая надежда снова туда вернуться.

Неудивительно, когда много труда и знаний в объект вложено, душа прикипает к своему детищу и не хочет легко с ним расстаться. Надежда на возвращение угасает медленно.

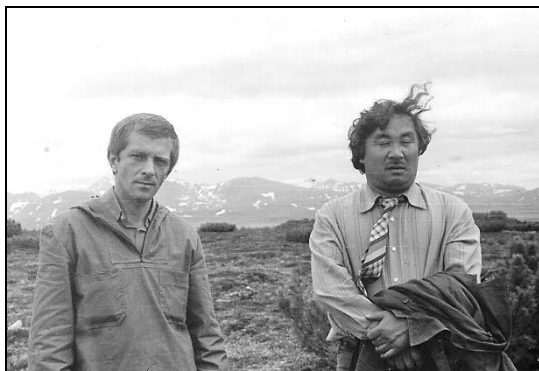
Предсказуемым образом экспедиция на Первой Речке, которая не так давно отпочковалась от материнской Олюторской ГРЭ, вновь соединилась с «мамой» на корфской косе, передав ей более удачный для обширного региона логотип: Северо-

Камчатская. Освобождённые кадры почившей экспедиции разъехались кто куда. Разведчикам (геологам и рабочим), приобретшим ценный опыт на разведке месторождения, корфское начальство предложило перейти работать в Аметистовую партию. Дальновидные молодые геологи, ознакомившись со структурной позицией рудопроявления Аметистовое, сочли объект перспективным и приняли приглашение работать на новом месте.

Весной того же года в Аметистовую ПРП прибыли первые ласточки: геологи Вениамин Зайцев и Виталий Федотов. А на следующий год уже значительная часть геологов и рабочих влились в коллектив Аметистовой партии. Приход туда поднаторевших на разведке геологов и буровых специалистов дал ощутимый толчок вялотекущим работам на Аметистовом месторождении.

Геолог Вениамин Зайцев

В работе аккуратный и собранный, а в расслабленном состоянии душа компанейская, Вениамин Петрович Зайцев (тогда его звали проще – Веня) был на подъёме деловых и творческих возможностей. Сальмин, знавший его по работе в Сергеевской партии, говорил: «Прилетит Зайцев, наведёт у вас, геологов, порядок!». Был недоволен он частым передёргиванием канавщиков с одного места работ на другое: страдает, мол, план от недобора кубов. Кому что, а Сальмину кубы подавай.

В.П. Зайцев, П.М. Тян (гл. инженер СК ГРЭ)

Зайцев после окончания Ленинградского горного института прошел двухгодичную офицерскую службу в Советской Армии. Он не сожалел об оторванном у геологии времени и считал, что много для себя полезного извлёк из почётной службы Родине. В дивизионе, где он служил, особенно его восхищала хитроумная конструкция зенитной пушки, которую изучил хорошо, и мог о ней говорить обстоятельно и с удовольствием. Бравым и жизнерадостным офицером, видать, был Зайцев, приобрёл в армейской службе гусарские замашки, сохранил и разнообразил их на гражданке. В трезвости и навеселе одинаково он оптимист – бодр и активен. Замечал наблюдательный Веня и, с юмором – языком и жестами, показывал сцены курьёзных и смешных историй, случавшихся в экспедиции и других местах.

Юмор – свойство характера и отдых души, а в геологическую работу Зайцев вникал серьёзно, не умничал – набирался опыта практическим делом. Как только прилетел с Корфа в партию, его белая косынка, затянутая на затылке, светилась уже на сопках.

Поселился Зайцев в балке радиста, и сразу оживил стоящий на отшибе балок своим присутствием. Радист, сутулый и угрюмый видом Вадим Кравец, сменил недавно подвижного, с весёлым нравом, Аркадия Кузнецова, утонувшего в пруду, находясь в отпуске. «Опутали русалки тиной и утянули на дно» – есть такое поверье, когда мужики спяна тонут.

«Кадры пьющие, но дело своё знают», – говорил о радистах Татаржицкий. Они оба до работы в геологии трудились в аэропортах, обслуживая авиационные полёты. Аркаша Кузнецов, его хлебом не корми, сорокой «трещал», когда подопьёт, о перипетиях своей работы в авиации. И если с уст собутыльника срывалась неточность в авиационной терминологии, пусть и плёвая, он резво вскакивал и кидался в спор.

Вскоре к Вене Зайцеву переселился геолог Роман Пак, среднеазиатский кореец. Он месяцем раньше прилетел в партию и поселился сначала у меня. Общительный Веня, видимо, скучал в соседстве с угрюмым и малоразговорчивым радистом, и переманил Романа жить к себе. Общаясь с Романом, вспомнил Зайцев время своего пребывания в Ташкенте, куда заезжал

однажды. В охотку он рассказывал, сообщая занимательные факты, о потайной в узбекской столице жизни, и о которой до перестроечных времен мало кто в СССР догадывался.

В роли гида водил Зайцева по Ташкенту местный авторитет Рашид, одно время работавший в Сергеевской партии. Памятными остались Зайцеву посещения значных уголков в Ташкенте, где он с интересом следил, например, за ходом азартных игр. Играли азиаты в карты и традиционные для них нарды. Садился за игорный столик и Рашид, к которому (это Зайцев отмечал) со стороны умельцев работать руками и мозгом было особое уважение.

С ещё многим чем ознакомил Рашид любознательного Зайцева, открывая ему глаза на скрытую от внешнего глаза под условной ширмой жизнь, где свои понятия и законы, далёкие от их понимания человеком с правильным советским воспитанием.

«Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись», – удостоверился Зайцев в истинности расхожей цитаты из Киплинга.

Рашид после убытия из Сергеевской ГРП жил какое-то время на родине, но возымела ностальгия по жизни на камчатском севере, и он прилетел в Аметистовую партию повидать перебравшихся туда друзей-сергеевцев. Привёз он с собой большой арбуз; собравшиеся в камералку геологи и мастера ели его с удовольствием, до твёрдой основы обгрызли арбузные корки. Погостил Рашид в партии с неделю, покормил обоюдно «соскучившихся» друг по другу комаров и улетел в свой солнечный Ташкент.

Геологическая карьера Зайцева только начиналась. Предстояло ему в служебном росте пройти все ступени и помахать в одно время, как сам говорил, «шашкой» начальника геологического отдела ПГО «Камчатгеология».

Взрывник Игорь Луковников

В конце марта, когда ничего в погоде не предвещало весны, прилетел бортом из Корфа Игорь Луковников.

В Сергеевской партии Луковников трудился взрывником. Было ему тогда лет сорок. Внешность его заметная: среднего роста мужчина, лысый, со слабо выраженными на лице

азиатскими чертами, правый глаз у него незрячий, от того и взгляд направлен косо; этот дефект не мешал ему прочитывать вечерами много книжных страниц.

Предваряя дальнейшие о нём упоминания, где он действует в ряде эпизодов, следует прежде сказать, какими особыми чертами он отличался от других рабочих, благодаря чему запомнился многим, трудившимся с ним в те годы в экспедиции.

Не работой Луковников прославился, где он был профессионалом в своем деле, а исключительным образом жизни и манерами, с которыми слыл большим оригиналом и обладал немалой для взрывника эрудицией во многих областях знаний. Но свой интерес обращал в основном на миры потусторонние, спускаясь воображением в дебри эзотерического загробья. Даже во снах там бродил, и уверял, что, мол, это его прежние жизни; надеялся на очередную, более удачную реинкарнацию.

Вместе с тем, наделён был Игорь Николаевич сложным характером. Бывая в дружбе с Бахусом, но без загулов, хотя в одноразовый приём выпивал крепко, на полную раскрутку отпускал пружины своего темперамента, выходящие иногда за рамки приличия.

Старожилам партии запомнился Луковников прежде всего увлечением фотографий. Множество снимков отпечатал он в тесном узком балке, где жил; многие ИТР-вцы и рабочие хранят при себе свои изображения на его черно-белых фотках.

С грубоватой галантностью охочь был Игорь Николаевич общаться с женщинами, но с теми, которым было интересно услышать от трезвого Луковникова занятные вещи, далеко отстоящие от обыденной сутолоки жизни. Серьёзных женщин, звёзд с неба не хватающих, Игорь отпугивал неожиданными для них выходками, особенно в пьяном состоянии.

Зато приезжающие в партию студентки, не все, правда, так и льнули к его приземистому, обшитому старым рукавом со штольни, балку. Являлись к нему сначала по делу: проявить и отпечатать (было им нестерпимо) отснятые их фотоаппаратами виды с лицами и пейзажами. Освоившись с обстановкой, прислушивались они уже к лишним банальностям суждениям поселкового гуру на темы, уводящие от данной конкретики к суждениям о всяком постороннем и потустороннем.

Это был его конёк – рассуждать с философским уклоном на религиозную тему. Висел на стене у изголовья его топчана, где он спал на двух матрацах, квадрат сукна в рамке с прикреплёнными на нём металлическими иконками и крестами. А интерес, как уже сказано, проявлял к восточным религиям и оккультным знаниям.

Хранил Луковников в большом сундуке, который ласково называл софушкой, и на котором ночевали иногда пьяные гости, коллекцию книг самиздата; книги эти привозил от московских друзей. Лежали в знаменитом сундуке машинописные тома: «Агни-йога» Елены Рерих, сочинения Кастанеды, Гуджиева и много чего ещё. Запрещённые к печатанию в СССР книги давал желающим прочитать, в том числе студенткам.

Любил рассказывать Луковников, какую имел однажды стычку с особистом из КГБ. А причиной его встречи с представителем серьёзной организации послужил сделанный Игорем запрос в редакцию одной из азиатских стран – выслать ему том Библии. Насторожился не любящий шутить особый отдел, встревожился. И отправил в командировку чекиста. Прилетел чекист в Сергеевскую ГРП и провёл тяжёлый разговор с нарушителем советского образа жизни, пригрозил Луковникову, что в следующий раз, когда повторит такого рода поступок, легко не отделается.

Восхищало впечатлительных практиканток, когда он, достав с коробки тростниковую палочку с берегов реки Ганг в Индии, зажигал её. Она тлела в затемненной комнатухе, источала благовонный аромат, перебивающий запах табачного дыма, и затем демонстрировал им свою способность: высекать из подведённых близко пальцев обеих рук видимые ниточки психической энергии.

Я сам был этому свидетель: несколько бледных, как тонкая паутинка, нитей (руки Игорь держал под столом, где темнее) он действительно растягивал и сжимал между пальцами; видимо, сумел тренировками сконцентрировать на сближенных кончиках пальцев разноименные заряды.

Прилетел Луковников в партию вместе с Валентином Зайцевым – оба работать на канавах. Татаржицкий, объясняя мне, почему он опытного взрывника (с Игорем я уже познакомился)

определил в канавщики, сказал:

- Полезно ему дурь корфскую выбить, пусть ломиком помашет. Выбьют с Зайцевым пару канав, поставлю взрывником.

Задал я им канаву. Сноровистый Валентин в его привычном темпе взялся за дело. Напрасно пытался Игорь угнаться за напарником: когда он с хрипотцой дыша, выкидывал со своей половины канавы породу, Валентин на другом конце уже заканчивал очистку полотна под сдачу. Заданный напарником темп Луковников не выдерживал: пыхтел и отплёвывал сгустки слюны, в мускульном напряге фигуру его шатало, сдвинутая набок вязаная шапка открывала потную лысину.

- Что мы, как лошади, давай перекурим, - отшвырнув лопату, сердито зывал Луковников к передышке.

- Заряжено одинаково. Ты свои лунки хреново выдолбил и борта плохо осыпал: свала у тебя больше, - отвечал Зайцев. - Учись, пока я жив, - издевательски добавлял младший по возрасту напарник.

Было очевидно, Валентин Зайцев, чтобы ускорить отставку Игоря с канавной проходки (мешал заработать больше денег), не давал ему в работе послабления: подгонял, покрикивал, зло подшучивал над его нерасторопностью.

Горный мастер Сальмин, дружески расположенный к Луковникову (не раз вместе бражничали), сказал Татаржицкому, что довольно уже Игорю упражняться с ломом – не его работа, второй взрывник нужен.

Вскоре Луковников перешёл работать взрывником.

Подготовка к работе на флангах рудного поля

Перед коллективом партии в этом году стояла задача закончить полевые и горные работы, ведущиеся параллельно по двум проектам: поисково-оценочному – на самом месторождении, и поисковому – на флангах рудного поля: Акрополь, Спрут, Омега, Интересный. На участке Интересном помимо поисковых маршрутов предстояло продолжить проходку канав, начатую в прошлом году.

Роман Пак дожидался прибытия на практику студентов, чтобы с ними и техником-геологом Раей Фахреевой отправиться исследовать фланги Тклаваямского рудного поля. Параллельно

Вениамин Зайцев назначался руководить поисковыми работами на участке Интересном. Он и горный мастер Сальмин занялись приготовлением к выброске на участок бригады горняков со всем их проходческим снаряжением. Документировать горные выработки предстояло мне.

На чаёвке у речки. В центре – Роман Пак, справа – Рая Фахреева.

Сергеевский проходчик Степан Лозян

В конце мая нагрянуло в Аметистовую партию пополнение горняков. Пятеро бравых с виду мужчин во главе с неформальным лидером горняцкой братии Лозяном. Колоритная личность Степан Лозян – он стоит того, чтобы сказать о нем больше.

Статью Лозян мужчина запоминающийся: рост выше среднего, плечистый, с широкими и цепкими ладонями, приспособленными, как нельзя лучше, чтобы махать, долбить грубым шанцевым инструментом.

Замысловатым, видимо, зигзагом притащила его судьба с хлебных равнин западной Украины к затундренным горным пейзажам Корякии. На путях-дорогах, приведших его на Камчатку, вошёл он в свой зрелый возраст. Хитроватый, не лишённый смекалки, набрался он в извилистом пути разного опыта, прежде всего житейского. И самым полезным приобретением для него стало не давать с души вылазок всяким сентиментальностям. Выделялся ещё Лозян грубоватым характером, доходящим до бесцеремонного хамства. «Да какой

Степан мужчина! - восклицал в кругу подвыпившей компании Валентин Степанов, тоже сергеевец, поначалу работавший с Лозьяном в спарке. - Мужлан, как есть мужлан!»

Усвоив в жизни на северах понятия о товарищеской справедливости, сам их не всегда придерживался, допуская разные хитрости, и не со всеми коллегами был на дружеской ноге. Но хорошо его видной фигуре шла роль судьи и карателя в пьяных разборках. Определял он в гуляющей компании зачинщика скандала и применял к нему силу: осаживал забияку крепкой зуботычиной. Хохлацкое балагурство, которым обладают жители Гуцульщины, также ему было присуще: как в трезвом, так и в пьяном состоянии отпускал товарищам смачные шуточки, любил подтрунивать над стажёрами, которых обучал горняцкой работе со всеми в ней сюрпризами и хитростями.

Отчетливо вспоминаю я рабочий эпизод на выбивке одной из канав, в котором участвовали Лозян и его стажёр. Но прежде чем о курьёзном эпизоде поведать, надо отдельно рассказать о горно-геологических условиях в том месте, где находилась канава.

Первая для стажёра канава находилась на плоской вершине Аметистовой сопки. А там, всем известно, в период оттайки вечномерзлых пород было сложно добить канаву до коренных и без проблем сдать геологу. Осложнялась проходка наличием значительной толщи наносов, состоящих из мелкого сыпучего щебня, а перед коренными породами смущал канавщика, иногда и геолога, мёрзлый слой, так называемых, ложных коренных с обилием в трещинах льда. По ледовому подстилу блоки пород смещались со своего первоначального положения, и геологи такие «коренные» браковали, заставляли горняков углубляться дальше. Проблему с верхним талым слоем решили проходкой бульдозером длинных магистралей. Оставалось, через мёрзлый слой добраться до коренных пород. Проходка коротких канав велась, главным образом, зимой.

В начале моей работы на месторождении часто бывало, что я и другие геологи принимали ложные коренные на добивке за настоящие, и приходилось впоследствии перебивать интервал в магистральной канаве, где положено быть рудным жилам, и вторично брать пробы с коренной жилы. Явно безрудные отрезки

добивать не имело смысла.

Стажёром у Лозяна оказался молодой парень, прибывший работать в нашу партию из какого-то южного села на Камчатке. Имя и фамилия парня были, кажется, Алексей Михайлов.

Поработал он летом рабочим на съёмке, полевая жизнь парню, не жалующемуся на свое здоровье, пришлась по душе, и захотел вскутить этой жизни сполна – на более серьёзной, с хорошим заработком, работе в разведочной партии. Тест на «вшивость» в бич-холле прошёл он успешно, в гульбе с авторитетными выпивохами лишился заработанных в поле денег. Авторитеты, из находящихся в Корфе канавщиков (а таковыми простодырый парень считал всех рабочих, кто давно прижился в полевой геологии), подсказали ему пути устройства на денежную работу, и Алексей после недолгих мытарств оказался в Аметистовой партии.

Его первый с наставником Лозяном выход на сопку совпал с крайне промозглой погодой. Пора была осенняя, притом октябрь-месяц. С утра частил мелким крапом холодный дождь, а к полудню уже крупяной снег густо повалил с низких небес. Грунт ещё не промёрз, и отрезок магистральной канавы после взрыва наполнила вода. Образовалось разжиженное месиво из обломков пород и глины.

Случайно оказался я в то время возле канавы, возвращаясь с Мазуринской сопки. И наблюдал такую картину:

- Слезай, дружок, в канаву, - говорит стажёру Лозян и мне подмигивает, чтобы помалкивал и не вмешивался в действие предстоящей потехи. - Выкинь с неё всю эту хрень.

Бросил Алексей в канаву озадаченный взгляд и спустился в неё с лопатой. Крупа снежная барабанит по его новой брезентовой куртке.

«Выгребать лопатой эту мерзость!..». Стоит парень в сильно обводнённой канаве, натянув выше колен отвороты болотных сапог, увязают они глубоко в жиже, чавкают, когда он переступает с лопатой, не зная, куда её воткнуть. «С чего и как начать?..»

Присел на корточки наставник – хитро наблюдает с высокого борта за бестолковыми передвижениями стажёра в канаве. В такт беззвучному смеху его подбородок и плечи

подрагивают.

Стажёр не смотрит в его сторону и силится догадаться: как в непонятной ему ситуации поступают опытные горняки? Ситуация на его взгляд безнадёжная, вместе с тем боялся осрамиться в первый же день выхода на работу.

- Вылезай, дружок! Хватит трясины месить - говорит Лозян, натешившись смятением стажёра. - В ящике целлофан. Бери его, «куропаток» навяжем – моментом выбьем всю эту мразь!».

Выкидывает стажёр лопату и неуклюже вылезает из канавы.

«Момент, блин..., только не в работе», - кисло он усмехается и, опустив плечи, сгорбленной походкой идёт к ящику с горняцкими шушлайками.

В услышанном слове «момент», как я предполагаю, возникла у простодушного парня ассоциация с нечто приятным: ресторан, девочки, например. Как раз об этом говорил ему, вероятно, философствующий забулдыга в бич-холле: мол, приятные стороны жизни заключаются в моменте, вся остальная деятельность – унылая череда рабочих дней и ожидание очередного удовольствия в моменте.

Досадовал парень на свою несообразительность: не разглядел подвоха, бездумно подчинился дурацкой команде авторитетного горняка. «Выходит, подвести новичка под монастырь, соображает парень, тоже приятный момент». Новичок надеется: дождётся и себе таких забав.

Без всяких философий в голове, Лозян, верный своей манере – грубо подшучивать над доверчивыми простаками – находил для себя момент удовольствия и в рабочей обстановке.

Канавщик Валентин Степанов

Вместе с Лозяном в партию прибыли Валентин Степанов, Дронь и ещё трое канавщиков, фамилии которых уже не помню, да и недолго поработали они на месторождении.

Из них, наряду с Лозяном прочно закоренился в партии Валентин Степанов, бывший моряк. Долговязый и сухой по комплекции, обладал Степанов завидной в работе выносливостью. С Лозяном в спарке, когда оба трудились на Интересном, и после, один, легко зарабатывал свои триста

прямых. Иногда случались проблемы с сердцем, и приходилось ему вылетать в Корф на лечение.

С собой Валентин привёз гитару-семиструнку без одной струны и с обшарпанной декой. Когда случалась в работе передышка, шумно он вваливался с гитарой в компанию коллег, веселящихся возле ёмкого сосуда с брагой. Будь это в балке на базе или в палатке на сопке, где более раскрепощался, размашисто бил Валентин по аккордам, пел скабрёзные куплеты под одобрителный гул пьяных товарищей. В репертуаре у него были всего две песенки, которые исполнял на бис неоднократно.

Позже к нему, в два захода, приезжала тёзка-жена Валентина, и Степанов на то время, согласно каламбурному близкозвучию с фамилией, остепенялся, получал отдельное жилище и заводил в хозяйстве собаку и кошку.

Запомнилась его знаменитая собака Тайга – широкогрудая дворняга с лохматой чёрной шерстью. Она обладала замечательной особенностью: рожать щенков, которые полностью наследовали облик (по-научному – фенотип) кобеля-отца. Им чаще других являлся Ингул (чистокровная лайка), который свободно, как и все собаки, шлялся по посёлку. У меня, кстати, взятый от Тайги щенок, когда вырос, превратился в нормальную лайку по кличке Герда.

О собаках

В порядке отступления от хода главных событий расскажу о поселковых собаках, количество которых возрастало с каждым годом.

Многоликий собачий контингент в Аметистовой партии, как и во всех геологических посёлках, всегда был заметной и неотъемлемой частью поселкового пейзажа. Почти все работники партии заводили себе хвостатых спутников.

В ограниченном пространстве посёлка всё на виду и можно было, наблюдая за жизнью собак, изучить характерные особенности в поведке каждой собаки, выделяющейся отличительной чертой в поведении.

Например, оригинальный талант демонстрировал Шапка – заводной чёрный кобель со свисающей низко с боков длинной шерстью. Завлекательным было у Шапки хобби: долго, с

километр и больше, преследовать в резвом беге взлетевший с площадки вертолёт. Многие собаки находили в этом занятии для себя забаву. Шапка переигрывал всех. Дождавшись гула заведённого мотора, изготовлялся, сидя на задних лапах, для прыжка. Борт отрывался от земли – и Шапка не зевал: тут же бросался под фюзеляж вертолета! Какое-то время вертолёт зависал над площадкой, и прыгучий пёс, несмотря на неуклюжую росомашью внешность, высоко прыгал, силясь лапами, зубами достать хвост или любой выступ в днище фюзеляжа. Вертолёт, скособочившись перед разгоном, устремлялся вперёд. Стремительным галопом Шапка кидался вслед за ним! Размашистыми прыжками, парно переставляя лапы, нёсся он по кочкастой тундре, и где-то за дальним пригорком исчезал из виду. Другие собаки ограничивались короткими пробежками и лаем.

Разномастные, всех размеров собаки – густошерстные лайки и лохматые дворняги – свободно разгуливали по посёлку. И среди дворняжек – короткошерстный и тонконогий Абрек, собака Эркенова, по недоразумению попавшая в условия лютой зимы. Эркенов, ведущий инженер экспедиции, мало находился в партии, а, прилетая сюда, жил в разных местах. И несчастная собака в отсутствие хозяина не имела своего угла в чьём-нибудь тамбуре. Больно было смотреть, как в морозную ночь содрогается мелкой дрожью Абрек под стеной балка, обрабатывает языком и зубами окоченелую лапку на тонкой, как бамбуковая лыжная палка, ноге. Днём, чтобы не остужалась кровь в артериях, он всё время был в движении: рыскал по замёрзшим помойкам, хотя недостатка в пищевых подачках ему не было. Что и говорить, в мужестве собаке не откажешь.

Собакам нравилось сопровождать своих хозяев, куда бы они ни направлялись, а если хозяин долго не покидал базу, увязывались следом за кем-нибудь из людей или бежали за вездеходом. Нередко случалось, что, потеряв убывшего с партии хозяина либо по своей тяге к дальним путешествиям, собака уходила по зимнику с тракторной колонной и не возвращалась.

Конфликтовали в посёлке псы не часто: богатые пищевыми отбросами помойки были давно поделены. И там же, возле помоек, проходили собачьи свадьбы. Собиралось на важное для

них событие псы всех размерных габаритов – наблюдали, не вмешиваясь, вязку кобеля-лидера с загулявшей сукой.

Иной хозяин, вырастив сильного пса, пробовал испытать его боевые качества: стравливал набравшего силу питомца с авторитетным на то время псом. Шумно комментировали люди-зрители процесс схватки. Крупные псы отчаянно бились за право лидерства в собачьей ватаге, и не всегда мог отстоять действующий вожак право её возглавить.

Заступив в партию начальником, привёз с собой Татаржицкий годовалого кобеля по кличке Босс. Пёс недолго жил у него. Ввиду частой отлучки начальника в Корф, пришёл Босс ко мне. В облике черношерстного пса было много от лабрадора. Соответственно и характер, свойственный этой породе, игривый и добродушный.

Невзлюбил Босса тогдашний лидер уличной своры Пиночет – драчливый, хитрый и злопамятный пёс, сменивший недавно в лидерстве убившего Джеймса, длиннотелую рослую овчарку. Увидев на улице Босса, Пиночет тут же подбегал к нему и бесцеремонно, не морща предварительно морду, вцеплялся клыками в ухо и, подержав его в пасти, разжимал челюсти. Босс, по-щенячьи взвизгнув, улепётывал от него подальше. Видимо, Пиночет чувствовал в Боссе будущего серьёзного соперника.

Повадка у Пиночета в собачьей разборке была особая. Не терял он время на предупредительную позу и жесты, нападал обычно исподтишка. И был злопамятный пёс изобретателен в своей хитрости. Однажды он ловко покараулил своего давнего обидчика. Зашёл пёс вечером в тамбур балка, где жил обидчик, и спрятался в тёмном углу за поленницей дров. Терпеливо дожидался Пиночет возвращения человека, пнувшего когда-то ему под бочину. Дождался! Обидчик вошёл в тамбур. Из темноты неожиданно выскочил Пиночет и сильно цапнул обидчика за руку, зная отлично: ногу в сапоге прокусить – не будет так больно. Рассчитал смекалистый пёс, что не только большой укус, но и внезапный прыжок из засады, вместе более эффективны. Можно и в штаны наложить.

Верховодству Пиночета пришёл конец через два года. Набрал к этому времени Босс на калорийной кормёжке вес и силу. Заматерел. Состоявшейся инициацией его возмужания

сослужил поединок Босса с чёрным немецким догом. Привёз собаку побыть ей тут пару дней Виктор Уваров. Поселковой собачне внушил дог к себе уважение высоким ростом, крупной прямоугольной мордой и мощными челюстями.

Пиночет, неожиданно с ним столкнувшись, вспомнил собачьи жесты. Осторожно, с остановками, приблизился он к догу и, стоя к нему параллельно, повернул вбок голову; встретившись с догом глазами, сморщил морду, клыки чуть обнажил – показал, что они в порядке, глухой рык покатал в горле. Этим он ограничился и медленно, не желая терять достоинства перед собаками, удалился восвояси. Дог слабо реагировал на жесты местного вожака. Достаточно было ему тоже разомкнуть пасть, чтобы догадливый Пиночет понял, с кем имеет дело.

Не знаю, кому пришло в голову, и это ему удалось, сравнить спокойного недрачливого Босса с немецким догом. Начальный момент драки я не застал. Собачий бой, когда я подошёл, был уже в разгаре.

Поселковый народ собрался – глазел на разъяренных псов, дерущихся не по-собачьи. Точно два борца на ринге, грудь к груди, стояли собаки на задних лапах, обхватив передними, как в клинче, шею друг друга и, увёртываясь оба от клыков соперника, вертели головами и глухо рычали. Значительно тяжелее Босса, дог напирал и отодвигал соперника с удобного для него места на бугорке: голова лабрадора, где он стоял, была почти вровень с головой дога. Из всех сил, напрягая спинные и грудные мышцы, Босс сопротивлялся натиску вислоухого пса, уши которого так и просились, чтобы достать их зубами. У него самого одно ухо было до крови прокушено, да и догу досталось: на свисающем, как тряпка, бархатистом ухе тоже кровавая рана.

Неизвестно, чем бы окончилась драка, но вышел из балка Уваров, подобрал с земли палку и бесстрашно подступил к хвостатым борцам. Огрел палкой сначала Босса, закричал на своего дога и ткнул палку между мордами, измазанные стекающей с языков слюной. Осели псы на все лапы, и Уваров смог отогнать свою собаку. Босс отступал почётно. От замаха на него палкой огрызнулся и отошёл поодаль; челюсти были сомкнуты, но тихий рык, с перерывами, слышался ещё долго.

С той поры слава Пиночета пошла к закату. Во время поединка Пиночет был рядом, внимательно следил за ходом схватки; собачьего ума хватило, чтобы оценить боевую готовность Босса. И, видимо, посчитал проигрышным номером отстаивать роль вожака у собак.

Миролюбивый по своей породе лабрадор пренебрегал правом лидера: контролировать собачьи свары и решительно пресекать попытки наглых псов посягать на чужую территорию. Но одно право пришлось ему по душе: без проблем случаться с суками. И вскоре жители посёлка заметили: стали появляться у сук в помёте щенки, окрасом чёрные и тупорылые; вырастали часто дворнягами с неказистой внешностью. Особенно портил он породу лайкам. За свою активность в производстве нежеланного потомства Босс поплатился жизнью.

Застрелил Босса на сопке Гоша Козловский. Вознегодовал он, когда увидел, что ожидаемые от кобеля-лайки щенки у его суки, все, как один, чёрной масти и короткомордые. Оттащил Гоша убитую собаку к старой канаве, сбросил туда. Такой вот нелепой гибелью оборвалась жизнь дружелюбного и сильного пса. Ещё до того, как останки Босса скрыл сползающий с бортов щебень, тело до белых костей обглодали стервятники.

В добавление к рассказу о собаках (от Вени Зайцева слышал): одна из геологинь в Сергеевской партии вела родословный учёт собачьего племени, знала от какого пса щенки у той или иной суки, вплоть до третьего колена прослеживала родственные связи собак.

Студентка Марина Соловейчик

Поисковый отряд с бригадой канавщиков, и во главе отряда Венья Зайцев, был готов к отъезду на участок Интересный. Роман Пак, возглавивший второй полевой отряд, тоже подготовился к отправке на дальние участки рудного поля и ждал прибытия из Корфа студентки.

Где-то в полдень (я в это время находился в своей низенькой избе) приземлился на бревенчатый квадрат площадки вертолёт. Минут через пятнадцать вижу из окна: подрулил к моей избе вездеход, остановился; из-под брезентового навеса на задне кузова неуклюже, спиной ко мне, и на спине набитый вещами

рюкзак, вылезла девушка. Стоя уже на земле, потянулась рукой в кузов и достала спальный мешок. Из кабины выпрыгнул Сальмин – идёт к моей избе, дверь открывает.

«С чего бы это ко мне?», - озадачился я, но времени для предположений не было, надо встречать гостей.

- Принимай студентку, Володя! Побудет у тебя до вечера, потом ей место найду. Можешь у себя оставить, - мигнул карим глазом горный мастер, оставшийся в отсутствие начальника за главного.

Поднялся я с табуретки – встретить девушку, но она уже была в тамбуре и негромко стукнула два раза входную дверь.

- Заходите, Марина, - опередил меня Сальмин.

Практикантка вошла – сероглазая, с дугообразными бровями шатенка; из-под косынки вылезала на лоб кудрявая прядь волос. На ней была желтая куртка, надетая поверх свитера. Широкие бёдра, контрастирующие с тонкой талией, плотно обтягивали горчичного цвета брюки.

- Вы, Марина, не стесняйтесь, будьте, как дома. Расскажет вам Володя, - дёрнул Сальмин в мою сторону голову, - о наших делах и порядках. А вечером зайду, найдём для вас местечко.

Сальмин ушел. Остались вдвоём с Мариной.

Разглядывала Марина, сев на табуретку, непритязательный, без излишеств, интерьер моего жилища; задержала взгляд на разрисованной мною стене...

С чего-то надо начать: вводить неожиданную гостью в специфику быта у нас в партии.

- Давайте, Марина, обед организуем. Столовая не работает, сами пока варим себе. Есть картошка, пожарю на сковородке. А после в камералку сходим.

- Неплохая идея! - оживилась студентка, видимо сама проголодалась. - Несите картошку, я почищу.

Вытащил я из-под кровати картошку, которая хранилась в пробном мешке (её оставалось на одну жарку), отдал мешок Марине. Показав, где что находится, вышел за дровами в тамбур – в печке едва тлели обгоревшие поленья.

Через полчаса обед был готов. Сели за стол, накрытый серой бумагой с засохшими на ней пятнами жира и несколькими красными мазками, оставшимися от раздавленных комаров.

Приступили к еде. Нашлась к картошке и банка маринованных помидор. Всё это с аппетитом съели и уже за чаем разговорились.

Марина рассказала, что она из Свердловска, приехала сюда на первую свою производственную практику. Фамилию назвала. Она у нее была благозвучная – Соловейчик. Такую фамилию обычно носят евреи. И у неё в пятой графе паспорта, с которым, спустя годы, она доверила мне слетать в Корф, написано – еврейка.

Выяснилось, Марина хорошо знакома с Галиной Бондарь, учившуюся, как и она, но двумя курсами старше, в Свердловском горном институте (о Гале Бондарь, ставшей женой С. Рычагова, я уже рассказывал).

Незаметно повели беседу о литературе. Когда она сказала, что её любимый писатель – Александр Грин, стало понятно: романтический настрой души с перезвоном гитарных аккордов не скоро пойдёт на спад.

Возле камералки. Второй слева – Виталий Федотов, третья (стоит спереди) – Марина Соловейчик, вторая справа – Рая Фахреева. по краям снимка – студентка и студент

Так и оказалось. Окончив ВУЗ, в третий раз прилетела она в партию, уже окончательно, и долго не изменяла идиллическому восприятию жизни. В период до замужества была идейной и активной комсомолкой. С энтузиазмом взялась она за выпуски к праздникам стенной газеты «Поиск», и меня, вышедшего из

комсомольского возраста, привлекла в этом участвовать. Начальник писал передовицу, Марина – короткие заметки и комментарии под рисунками, а я сочинял стишки с сатирическим уклоном; был поневоле и художником, не особо имея к живописи дарования.

Нескольким рудным жилам, большим и малым, она присвоила имена книжных героев. Одну из них назвала Ассоль, по имени героини повести Грина «Алые паруса», а на участке Спрут прижилась на геологических картах жильная компания: Белоснежка и семь гномов.

Всё это было у неё впереди. А тогда, после обеда, пришли мы с ней в камералку. Роман Пак, с которым студентке выпало работать в полевом отряде, отсутствовал. На своих местах за длинным столом сидели Люда Афанасьева и Виталий Федотов, только что вернувшиеся с сопки. Разговорчивый Виталий, с лёгким характером парень, более обстоятельно, чем я до этого, ознакомил Марину с нашей работой на месторождении.

Вернулись после работы в мою избушку. Не рассчитывая, что Сальмин помнит о своем обещании найти для Марины местечко, предложил ей остаться пока в моей избе, а сам перебрался в соседнюю избу к канавщикам.

Несколько дней, до своего отъезда на Интересный, ночевал я у канавщиков и навещал Марину – помогал ей справляться в хозяйстве.

Марина оставалась в посёлке дольше. Всё это время наши геологи не позволяли ей скучать в избушке. Собиралась в ней по вечерам весёлая компания геологов, и допоздна звенела гитара, перешибая звуками писк влетевших в избу комаров; голоса собравшейся молодёжи пели бардовские песни. Вдохновляться вином нужды не было, да и откуда вино взяться?

Бражка, правда, была доступна, но большинство молодых геологов ею пренебрегали, и к праздникам, другим торжествам и случаям заказывали или сами из Корфа привозили магазинную выпивку. Не гнушались иногда выпить бражки, если представлялся случай, я и Веня Зайцев.

Обустройство быта и работа на Интересном

На участке Интересном, куда на вездеходе прибыл наш

горно-поисковый отряд, Зайцев, Сальмин и я поселились в балок, который заранее притащил трактор. Стоял он на высокой поляне, ниже протекал небольшой, но говорливый ручей. Канавщики поставили три палатки на старом месте.

Живописный пейзаж Интересного, сопки которого были круче и выше, чем в окрестностях посёлка, - с глубокими врезами узких распадков, шумные ручьи обрамлял спутанный кустарник, - не испортили прошлогодние канавы: их мало, они осыпались, в бортах пробилась к свету кустарниковая растительность.

Скоро пришёл с базы бульдозер Корневского и взрыл отвалом на голых склонах талый слой для последующей углубки взрывом. Три недлинные борозды прошли по солифлюкционным осыпям, где среди плитчатой породы белели кварцевые обломки.

На короткие магистрали и в места, где канавы зарезались с нуля, Зайцев расставил проходчиков. Сам он, на второй день после приезда на участок, повязал белой косынкой голову, рюкзачок нацепил на плечи и отправился в поисковый маршрут. Меня позже, когда я был свободен от приёмки канав, он тоже вовлекал в маршрутные вылазки на отдалённые от горных работ сопки.

Производственными делами, наладкой быта и контролем над всем этим заправлял Сальмин. В трезвой манере общения с горняками был строг. Панибратство с ними допускал, будучи в благодушном состоянии, то есть, когда навеселе. И если на кого-либо серчал, то в обращении к старому знакомцу переходил на вы.

В балке, как только в нём расположились, соорудил он в ящике из-под ДШ уютный бар для бражки. Во избежание утечки тепла обложил стенки ящика войлоком. Помещались туда четыре стеклянных банки, но ставил обычно две.

Веня Зайцев потешался над стараниями горного мастера, когда тот любовно обихаживал бродивший в склянках бурдюк. Нарисовал тушью Зайцев на внутренней стороне крышки забавный шаржик: физиономию, похожую на Сальмина, изобразил с усами тремя штрихами в обе стороны, как у проказливого кота. Сказался армейский обычай: врисовывать в фуражки молодым офицерам такого рода шаржи. Сальмин

принял рисунок, кот ему нравился.

Бурдюк через неделю выявлял готовность к принятию. Сальмин, рано утром вылезший из спальника, поднимал крышку бара и, улыбнувшись своему котовому изображению, отвязывал на горле банки марлю, напитанную густой пеной. Затем наливал в кружку тёплую брагу, сдувал от придвинутых к браге губ хлебные комочки и пил медленно, без отрыва; выплёвывал потом прилипшие к языку крошки.

Мы с Зайцевым не пили его брагу. И он никого из рабочих не звал в балок, только себе продлевал удовольствие. Обычно с утра, для взбодрения организма и подачи рабочим зычных указаний, выпивал не больше двух кружек. Мозги его сразу, как он говорил, становились ясными, как стёклышко.

Проходка канав велась в тех местах, что и в прошлом году. Самых умелых, проверенных в сергеевских горах канавщиков, Степанова с Лозяном, поставил Сальмин на добивку бульдозерной канавы, рядом с лагерем. Остальных горняков разброедал дальше, где короткие канавы в зарезке «с нуля».

Клял Лозян бульдозерную зачистку, разрытую на крутом косогоре: не обещала канава дать кубов на хороший заработок, много сил уходило зря. Щебень на голом косогоре, не удерживаемый никакой растительностью, с бортов непрерывно осыпался, горнякам приходилось выкидывать много лишней породы. При этом верхний борт выполаживался и канава раздувалась вширь.

Наторевший в комбинациях с ЕНВ Сальмин знал выход, исправил он аховое для проходчиков положение. Ссылаясь в составленном им акте на горно-геологическую обстановку, выбитую канаву заактировал и подсчитал кубы по фактическому сечению. Тут надо сказать, нормировщик экспедиции подобные акты принимал неохотно, поэтому нестандартную обстановку следовало обосновать толком. У Сальмина получалось как в аптеке.

В то лето на Интересном работало десять проходчиков. Среди них два «пацана» (называли их так тёртые канавные «кони») – вислоусый, похожий на турка, Мустаев и голенастый Сингин, сын бурильщика, приехавший к отцу учиться в физической работе самостоятельности и заработать себе денег.

Уговорил Сальмина старший Сингин взять сына временно в горняцкую бригаду.

Работали он и Мустаев вместе, и канаву свою добивали, благодаря способности Мустаева усваивать полезные советы от горняков. Его напарник был неловок в работе ломом и быстро уставал выдалбливать лунки; Мустаев на него тогда покрикивал.

В своеобразной манере трудился на канавной проходке Иван Киреев – кряжистый вологодский мужик. Обычно канавщики, чтобы не утруждать себя в тягостной лопатной работе, разрыхленную после взрыва породу не выкидывали, а заряжали навал, и следующий взрыв его выбрасывал. И так до последнего цикла. Киреев же, возне с заряданием предпочёл мускульную силу своих длинных рук. Как заведённый автомат, во взятом им темпе вгрызался он лопатой в развороченную взрывом породу (железный лист не использовал, крупные глыбы выкидывал руками), вычищал канаву, и уже в мёрзлый грунт втыкал лом, продолжая углубку.

Инцидент с дракой

И опять же не пропущу тему, ставшей уже банальной, о пьяной размагнитке канавщиков после месячного цикла непрерывной работы. И на этот раз дождались горняки случая расслабиться.

Кто-то из них, сергеевец Дронь, кажется, заказал в Корфе ко дню своего рождения ящик водки. Доставлена была на участок водка позднее, но как раз ко времени выполнения горняками плана.

Пару бутылок принёс Дронь к нам в балок. Сальмин взял бутылки в руки и предупредил:

- Чтобы ладом всё было, орёлики.

Одну бутылку «Кубанской» Сальмин схоронил себе на «потом», а когда пришёл с маршрута Зайцев, выставил вторую бутылку на стол. Ещё утром наловил Сальмин в реке крупных хариусов, и «моментом», как обозначал он любой спешный для его действий процесс, пожарил на сковородке рыбу. Ну и как тут геологам не дать душе и телу ослабление!

Канавщики ещё раньше приступили к выпивке.

Свойство водки «Кубанской» – быстро и эффективно

ослаблять натруженный организм, одурять головы – сработало с ожидаемым эффектом. На всю катушку развязала языки компания, до бойкого голосистого галдежа раскалила общество хорошая, в смысле количества, выпивка.

Можно не продолжать описание знакомого из предыдущих глав процесса, но дружное застолье спустя час от начала гуляния прервалось шумным скандалом. Причину, с чего всё началось, неважно знать доподлинно, а что за ней последовало, расскажу.

Вошедший в турбулентное течение поток голосов перешибла буйная стычка между Киреевым и другим канавщиком Валентином Зайцевым. Рослый и широкоплечий Зайцев, когда хорошенько напьётся, становился кичливым, к тому же задиристым. А предтечу скандала провоцировал он восхвалением своих профессиональных и других качеств, а кто с ним был не согласен, да еще подсмеивался, тому надо было остеречься: мог запросто, без предупреждения, отвесить под глаз оплеуху.

Запальчивый горняк на этот раз отреагировал на смешок Киреева иначе. Пустой кружкой по разлохмаченной голове Киреева ударил он с размаху. Опешил тот, не знавший, каков Валентин Зайцев в ярости. В драке Киреев, несмотря на силу, какую имел, искусным не был. Он с нар не успел вскочить, Зайцев уже кулаком нанёс удар по лицу. Пьяные товарищи загалдели, задвигались суматошно и стали разнимать дерущихся. Опрокинулись и покатались по застланному досками полу пустые бутылки.

В это время Лозян в кругу сергеевцев (в другой палатке) неторопливо набирал свою дозу спиртного. Не забывал каждый раз перед тем, как поднести ко рту кружку с водкой, сказать имениннику здравицу.

Шумный гвалт и резкие выкрики соседей заинтересовали Лозяна и его товарищей, вышли они из своей накуренной палатки, уже и соседи тоже вышли и топчутся на утрамбованной сапогами поляне, отталкивают и держат стремящихся сблизиться драчунов. Опытный в подобных разборках Лозян, узнав о причине кипежа, определил виновного.

- Отпустите его, - сказал он двум горнякам, удерживающим Зайцева, - дайте, я ему разок приложу.

Замешкались Мустаев и кто-то второй с ним, держащие сзади своего буйного товарища, тот уже рвался к Лозяну: «А надо ли послушаться и отпустить?».

Не успели отскочить они в стороны, Лозян приложил силу: плюнув в плотно сжатый кулак, отвёл взад локоть и резко двинул кулак вперед! Зайцев с удара в скулу покачнулся, и Лозян уже коленом в пах закончил разборательство с зачинщиком скандала. От болевого шока фигура Валентина перегнулась в пояс, и с минуту оставался он в этой позе. Хотя и устоял на ногах, был явно в нокауте.

Ещё долго и шумно обсуждали рабочие случившийся инцидент.

- Пусть знает: нашлась ему управа. Шибко выпендривается дядя, теперь не будет, - сказал кто-то из молодых канавщиков.

Охота на домашних оленей

Прошёл месяц после той знаменательной пьянки, и Валентин Зайцев отличился вновь. Но вляпался в другую нехорошую историю, как, впрочем, и все канавщики. Я тоже поддался общему настроению и активно участвовал на одном этапе того события: в браконьерском действе, приведшем к отстрелу нескольких домашних оленей.

Роль Валентина Зайцева была основной. Надоумил всех нас и организовал охоту на оленя, пасущегося далеко от стада, он. Никто не мог предположить, что в итоге дерзкой охоты будет убито Зайцевым четыре оленя.

Сальмин одобрил затею, дал согласие на отстрел одного блудного олешка, считая, что охота пройдёт втихую, и коряки не скоро заметят недостачу одной оленьей головы. Можно и договориться с пастухами, замаяв убийство оленя бартерной сделкой. Хотелось Сальмину, да и всем нам, отведать свежей оленьятины.

Палатка коряков-пастухов находилась далеко от нашего лагеря – где-то там, за холмами в предгорьях хребта. Основное стадо, как и палатка, тоже невидимо. Но отдельные ватажки оленей могли уйти за километры от главного стада, и пастухи какое-то время теряли над ними контроль. В поиске отбившихся оленей коряки, может, бродили где-то поблизости, но как

разглядеть на обширной за рекой местности пастуха? Его трудно засечь невооружённым глазом: открытые участки заречной тундры перемежались с влажными ложбинами, где много кустарника, и пастух в нём мог остаться незамеченным.

Предусмотрительный Валентин учёл и это: имел в своем загашнике бинокль и на рискованное дело взял его с собой. Что касается звука выстрела, который ухо коряка, находящегося где-то далеко, могло насторожить, то на этот счёт можно меньше опасаться: стреляли в окрестностях лагеря часто.

Пастухи тоже имели при себе бинокли, и надо быть осмотрительным, чтобы не высветится крупным планом за преступным деянием. У коряков бинокли были с дальновидящей оптикой.

Утром того злополучного дня сходил Валентин на разведку. И увидел за рекой, совсем недалеко от лагеря, блуждающую в тундре оленью пару. «Пока далеко не ушли, надо сейчас идти», - поторопил Зайцев горняков, желающих вместе отправиться на охоту.

Канавщики по этому случаю сделали себе выходной, работа на канавах отменялась. Все были взбудоражены предстоящим участием в охоте; большинство, конечно, будут издали выжидать результата. Не было только Лозяна – уехал накануне на вездеходе в посёлок с травмированным пальцем. Начальник отряда Веня Зайцев в погожую погоду время не терял – отправился рано в очередной маршрут, не зная о намерении всполошившейся горняцкой дружины убить оленя.

Сальмин, с утра оповещенный о замысле канавщиков добыть мясо, песком возле ручья чистил большую кастрюлю, для варки в ней оленьей свеженины.

День стоял солнечный. Монотонно, как шум радиоприёмника на пустой волне, гудела в знойном воздухе мошकारа; паузы среди этой мелочёвки, словно тяжёлые бомбардировщики рассекали с басистым жужжанием воздух, ища подходящий для пикирования объект.

Втроём, впереди Валентин с охотничьим карабином на плече, охотники перешли вброд реку. Сопровождающим Валентина горнякам отводилась роль загонщиков, на стрелка должны нагнать вспугнутого оленя, если будет в этом

необходимость.

Остальные, в том числе и я (скорее из-за любопытства, для коллекции впечатлений увязался с ними) перебрались на каменистый островок в русле Ичигинваяма и, примостившись на корнях старого тополя, закурили; стали ждать результатов от злоумышленной охоты, и если нужно, готовы оказать помощь.

Перебравшись на другой берег и, пройдя по ложбине до развилки, поднялись охотники на взгорок. Провёл Валентин биноклем по открывшейся взору панораме. И сразу высмотрел пасущихся недалеко пегих рогачей, паслось их около десятка. Но количество оленей не смутило Зайцева. Ещё раз внимательно оглядел он всё вокруг – пастухов не обнаружил, и, разадоренный дурным умыслом (как говорят: моча в голову ударила), решил завалить столько оленей, сколько сможет.

Процесс самой охоты, вернее, отстрел Зайцевым четырёх оленей, остался за кадром. Если так «удачно» получилась у него стрельба, значит, повезло с выбором места, откуда он стрелял; и загонщики не сплеховали, и олени набежали на стрелка скученной группой. Кроме всего этого, напуганные выстрелами олени имеют привычку притормаживать ход и оглядываться, стрелку это на руку. Как уж доподлинно происходил отстрел домашних оленей, не знаю, но факт налицо: четыре оленя было убито, и лежали они в разных местах. Зайцев, видимо, убив меткими выстрелами сразу двух оленей, преследовал шарахнувшихся от него рогачей, стрелял вдогон; раненные олени, отбежав расстояние, падали и прощались с жизнью. В числе убитых было важенка с олененком и два самца, и один из них крупный рогач.

Находясь на речном острове, мы не знали, что убито столько оленей. «Мажет что ли?» – предположил Мустаев, считая количество выстрелов. Все знали: нет смысла и пользы убивать много оленей. В эти жаркие дни мясо долго храниться не будет, протухнет. Отправить мясо в посёлок, тоже плохая идея: осторожный Татаржицкий вряд ли будет в восторге от халявного подарка. Лучше оставить начальника в неведении.

Минут через двадцать, когда стрельба прекратилась, на том берегу возник один из охотников – Кузьменков. Он крикнул:

- Идите все сюда! В темпе надо разделать оленей, пока

коряки - тьфу-тьфу! - не учуяли.

Нечего раздумывать, надо спасать положение. Натворил дел борзой стрелок, усугубил количеством убитых животных наше, мягко говоря, хулиганство, подставил отряд под коллективную ответственность. Вряд ли тут скроешь содеянное.

Перешли мы с острова всей гурьбой на берег и поспешили вслед Кузьменкову, удалявшемуся вверх по косогору. Почти у всех в нашей группе были ножи, Сингин и кто-то ещё несли в рюкзаках топоры.

Увидели первого мёртвого оленя. Лежал он на боку, длинная губастая морда уткнулась в ягельную подстилку на мшистой поляне. Бездвижные глаза оленя-самца широко открыты, в шее кровавая от пули рана. Среднего размера был олень, весом на глаз около центнера.

- Вы оставайтесь здесь, сдерите по-быстрому шкуру, - обратился ко мне и Сингину бывалый в таких переделках Кузьменков. - Ножи с собой?

Почему-то он посчитал, что я сведущ в деле снятия шкур и в потрошении убитых животных. Запасливый Сингин ответил, что нож и топор у него есть.

- Шкуру сдерёте, кишки и требуху с брюха выкиньте, схороните в какой-нибудь ямке, мхом забросайте от лишних глаз. Зверьё к утру растащат всё и сожрут. Задние ноги не отрубайте - тащить к реке тушу будет удобнее, а там её разрубим.

Остались мы с Сингиным возле туши оленя. Остальных Кузьменков повёл дальше - показывать места, где лежали другие убитые олени.

С чего начинать? Сроду ни с какого животного не снимал я шкуру. На бледном лице юного Сингина проглядывалась брезгливая гримаса, сразу видно: плохой мне помощник. Стоял он поодаль и ждал моих действий. Не то, чтобы подсказок, никакой инициативы ожидать с его стороны не приходилось. Самому придётся сообразить, как ободрать оленя.

«Голову сначала надо отделить», - пришла мне мысль.

- Давай, Лёша, руби оленю голову, - говорю я Сингину.

Лёша Сингин достал с рюкзака топор и, отвернув взгляд от цели действия, размахнулся... и ударил оленя по рогам.

- Мазила же ты!.. - я крикнул. - Смотри, куда бьёшь.

Сингин кое-как отрубил голову. Неточными ударами раскромсал он у оленя шею, густая кровь выступила из перерубленной гортани.

Настала моя очередь приступить к делу. Некоторые знания по снятию шкур с крупных животных я всё же имел: в основном из книжных рассказов про охоту. «Сначала надо положить оленя на спину» – решил я. И вместе с Сингиным его повернули, а под бока, чтобы туша не сваливалась, подложили вырубленные топором земляные кочки.

От шеи и в направлении паха я начал разрезать шкуру. Лезвием вверх повёл нож по груди, потом по вздутomu животу. С непривычки нож шёл туго. Но кое-как справлялся. Затем продольными и кольцевыми надрезами я обработал ноги. И теперь предстояла непривычная работа по сдиранию шкуры.

Опуская подробности, как я оголял оленя. Разумеется, не получилось, как у охотника. Умения с терпением не хватало, причём торопился: кромсал шкуру лишними надрезами, лоскутами ее сдирал. Сингин помогал тушу переворачивать. Кирпично-красная, с белыми жировыми прослойками туша лежала на спине. Навык по изъятию внутренностей у меня был: приходилось не только наблюдать, но и участвовать в разделке свиных туш. Анатомия та же.

Наконец управились с этим неприятным делом. Лоскутья шкуры, нижние конечности передних ног и рогатую голову снесли в овражек, присыпали землёй и накрыли мохом. Оленью требуху на месте оставили – на корм хищным птицам и зверькам. Мог и медведь набрести и на халяву получить хорошую пирушку, заодно отсанитарить место.

Мимо нас, не останавливаясь на перекур с разговорами, Кузьменков с Дроном протащили обработанного оленя. Лишь крикнул Кузьменков, чтобы не мешкались и волокли нашу тушу следом. Поволокли и мы своего обесшкуренного оленя. Мазала туша кровью, особенно рваная шея, тундровую зелень, оставляя понятный всякому зверю и человеку след; растительный мусор прилипал к окровавленному мясу.

Расстояние до реки небольшое, метров четыреста по пологому склону. Но туша, мы её тащили, неловко уцепившись за копыта, была тяжелой, и два раза останавливались на перекур.

В кустах у ручья, вблизи его втока в Ичигинваям, Валентин Зайцев распоряжался разделкой ополоснутых в ручье оленьих туш. Кузьменков на обрывистом мыске принимал от разделщиков мясо, вложенное в промытые целлофановые мешки из-под аммонита. Торопливым движением пальцев он завязывал мешки магистральным проводом, другой конец проволоки цеплял за надёжную тальниковую ветвь и опускал мешок в глубокий речной омут. Мешков не хватило, две пластины рёберной грудины от крупного самца зацепил он проволокой и погрузил в проточную воду, в стороне от омута.

Приключение с нагло убитыми оленями на этом не закончилось. Вечером того же дня два коряка пришли в лагерь. И, вполне ожидаемо, – сразу к нашему балку. Коряки и раньше приходили в лагерь и общались с Сальминым, которого считали за главного в отряде. А неделю назад бригадир-коряк привозил на ездовом олене вложенную в кожаный баул заднюю половину оленьей туши – в обмен на какое-то имущество. Жирное мясо (такого не было в зимнем привозе из Манил) всем лагерным коллективом за три дня съели.

Надо же так совпасть: коряки заходят в балок, а Сальмин в это время доваривает в вычищенной накануне кастрюле отборные куски оленьятины. Кроме нас, жильцов, включая и Веню Зайцева, который уже высказал свой осудительный вердикт случившемуся событию, находился в балке Жора Плотников.

Предательский аромат мясного бульона вместе с густым паром выходил из-под приоткрытой крышки. Крышка подпрыгивала.

- Хё! - коротко хихикнул сухонький абориген, - однако я с Петром олешка кушать будем. (Из-за спины пожилого коряка его спутник высунул тёмное, закопчённое костровыми дымами лицо со щетинистыми усиками).

Находчивый Жора сообразил, что ответить:

- Какой разговор! Отличное мясо вы нам привезли. Последние вот остатки варим. Покурите пока мои цивилизные, - достал с кармана Жора пачку папирос «Беломор».

- Не-е, в стадо идти надо, олешки далеко ходят. Пришёл – чай надо, начальник обещал, - лаконично отвёл коряк приглашение, назвал цель своего прихода в лагерь.

Растерявшийся было Сальмин вспомнил: в добавление к тому, что отдал корякам в обмен за полтуши оленя, обещал дать блок чая, и заказал привезти его с базы. Обещанный блок китайского чая в бумажной обёртке лежал у него в ящике под нарами.

- Помню, сосед, помню! – воспрянул, широко улыбаясь, Сальмин. Нагнулся к нарам и достал запыленный блок.

Коряки ушли. Но, видать, заподозрили нас в совершенном грехе. В манере рассудительных пастухов не торопиться оглашать свои догадки без достаточных на то оснований. Пастухи, разыскивая отбившихся от стада оленей, может, уже наткнулись на грубые следы нашего охальничества. Скоро и возвратившийся к стаду бригадир узнает, что мы натворили.

Позднее, осенью, было разбирательство с жалобой пастухов. Начальство партии, чтобы замаять инцидент и не дать ходу огласке дальше, кажется, откупилось, и дело замяли.

Ну а мясо, оставленное в речной воде и которое не могли съесть за короткое время, скоро утратило пищевую ценность. Проще говоря, протухло: обесцвеченное в лежании под водой, стало дряблым и слизким, пощипано мальками и личинками насекомых, загажено прочим речным планктоном. Пришлось испорченное мясо выбросить. Думаю, медведю оно сгодилось. Наверняка, возвращаясь с рыбных мест, косопалый на него наткнулся и сожрал. В природе ничего зря не пропадает.

Владимир Шинкарев

Позволю себе отступить от последовательного описания событий в Аметистовой ГРП, и расскажу в отдельном очерке об интересном человеке, с кем был знаком в начале моей работы в Олюторской экспедиции.

Немногие в СКГРЭ знают: проходил в 1975-ом году в Средне-Уннэйваймской съёмочной партии практику студент ЛГУ Владимир Шинкарев, ставший впоследствии известным художником, основателем и лидером знаменитого в 1980-х годах прошлого века движения художников «Митьки». Кроме занятия живописью, написал он, работая геологом, а потом кочегаром в котельной, занятую, с оригинальным юмором повесть «Максим и Фёдор», распространённую сначала в самиздате. По книге этой,

повествующей о разгульной жизни в питерской коммуналке двух необычных пьяниц, приверженцев дзэн-буддизма, создан анимационный кинофильм. Известны кругу почитателей его таланта другие книги, в их числе «Митьки», тоже с юмором написанная повесть, – о бесшабашной жизни друзей-художников автора.

В 1990-х годах нетрадиционный художник Шинкарев получил широкую огласку. Его картины, скупые на краски, где преобладает серый цвет, стали экспонироваться публике на выставках; приобретали полотна Эрмитаж, Третьяковская галерея, другие крупные музеи, в их числе музеи Нью-Йорка и Лондона.

Летний сезон 1975 года я работал в Средне-Уннэиваямской партии техником-геологом, но в кадрах числился рабочим 4-го разряда. В начале июня доставил меня в поле вертолёт. Коллектив геологов и рабочих в то время находился в базовом палаточном лагере и ожидал прилёта начальника Стаса Шелудченко, чтобы начать полевые работы.

Жил я на базе партии в 2-х местной палатке с Шамилем Муслимовым, рабочим-промывальщиком в шлиховом отряде. Искусный в плотницких работах Муслимов умело обустроил палатку, жить в ней было удобно.

Но прежде, как я стал выполнять работу техника-геолога, мы оба числились промывальщиками. И, как все сезонные рабочие, пока совместный отряд – шлиховой и геологосъёмщиков – находился на базе, привлекался я к хозяйственным работам; главным делом, распиливал на козлах с напарником кедрач для полевого камбуза. Кашеварил там бойкий на язык повар Иваныч. Болтливому мужику было лет за сорок, старше всех в лагере, и непонятно, что его потянуло в поля в столь зрелом возрасте.

В свободное время я бродил вблизи лагеря, интересуясь видами местной флоры, или ловил в ручье на удочку хариусов. Рыбий молодняк жадно схватывал даже пустой крючок.

Накануне прилетел борт из Корфа. От места посадки вертолёт спустился с пригорка вездеход, в котором сидел на ящике парень. Вездеход остановился возле продуктовой палатки. Парень с большой сумкой вылез с кузова. Подошедший к нему Костылев, исполняющий обязанности завхоза, показал рукой

палатку, рядом с нашей. К ней парень пошёл и там поселился.

В палатке, куда я на второй день зашёл познакомиться с прилетевшим студентом, лежал на нарах худощавый парень с коротко отращенными усами. Растянулся он во всю длину нар, в руках держал перед глазами книжицу в мягкой обложке. Переломилась, издав звук, сухая ветка лапника под спальным мешком, – поднял парень торс, свесил с нар ноги и протянул руку. Познакомились, назвав свои имена.

Название книжки, которую он держал в руке, – «Кьеркегор». Я слышал о таком философе-экзистенциалисте. Узнав, как зовут новичка, и что он студент из Ленинграда, сказал я о себе. Начатый после знакомства разговор о датском философе, стал отправным пунктом к приятельским отношениям.

Рассудительно просвещал меня студент, и мне оставалось делать умный вид, что кое-что понимаю. Но я ровным счётом ничего о философии Кьеркегора тогда не знал, вставлял в рассказ студента лишь короткие, мало что значащие реплики. Он скоро это понял и перешёл к теме живописи. С упоением рассказывал студент о незабываемом впечатлении, когда подростком увидел одну из картин Марка Шагала. «Целый час стоял я перед полотном в музее, – говорил он, – поразила меня его картина».

Прилетел Стас Шелудченко. Коллективом геологов и рабочих провели мы на одном участке отбор металлометрических проб. И приступил отряд, передвигаясь на вездеходе, к основной работе: геологической съёмке и шлихованию разветвлённой сети ручьев, стекающих по распадкам в обе стороны от водораздельного хребта.

В шлиховом отряде три спарки. Со мной ходил в маршруты расторопный Шамиль Муслимов. Студент шлиховал со своим рабочим, и над нами была старшей Клавдия Малахова.

Как уже отмечал, Клава – моя однокурсница, и для меня стало неожиданностью столкнуться с ней, когда устраивался работать промывальщиком в экспедицию. В группе, где мы учились, Клава была девушкой спортивной, кандидатом в мастера спорта по лыжам. Она охотней общалась с парнями, чем с подругами, с которыми не очень была дружна.

Помню один эпизод на буровой практике. Пошли с ней выкрасть на окраине села гуся, чтобы запечь его, обмазанного

глиной, в костре, и съесть. Молодого гуся совместными усилиями мы поймали, и надо было сделать его бездыханным. Гусь трепыхался в моих руках, но я не знал, как сделать ему кирдык.

- Давай сюда! - бесцеремонно выхватила Клава у меня гуся. Ловким движением рук вывернула ему шею, и она повисла, как шланг, лишённый напора воды.

Шлих мы с Шамилем брали во всех ручьях, даже там, где стока воды не было. Вода, на отдельных участках русла, проваливалась под землю. Тогда Шамиль нагружал в лоток песка и галечника и забирался с ним вверх или шёл вниз, где вода выходила на поверхность; строил там запруды и промывал материал на шлих. Оборачивался напарник с лотком шустро, не ленился взять пробу в самом верху распадка. В добросовестной отдаче работе у Шамиля был свой интерес: нравилось ему, когда в лотке отмывались блестящие зёрна красной киновари, и чем больше их в лоток попадалось, тем более раззадоривал его азарт. Я тоже работал с лотком, и нам удавалось в зигзагах маршрута намыть шлихов больше, чем намечалось нормой.

Ориентировался я в маршруте по аэроснимку. Понятливый Шамиль иногда подсказывал, как лучше проложить ход маршрута, чтобы быстрее справиться с заданием. Непременно у вершины сопки, где распадок выклинивался, устраивали с ним чаёвку – там комаров меньше. Вместо чая пили у костра голубичный компот: поспевшая к концу июля ягода везде рядом.

Переезжая на вездеходе с одного места на другое, останавливался отряд и ставил палатки возле очередной крупной речки. Каждая стоянка отличалась своим пейзажным колоритом. А ландшафты Корякского нагорья везде живописные, и они особенно вдохновляли студента Шинкарева.

Как к удивительной причуде относился коллектив партии к его любованию вечерними закатами. Ради того, чтобы проследить до последнего луча изменяющуюся панораму неба, красочно разрисованную заходящим солнцем, забирался он, возвращаясь с маршрута, на самую высокую сопку вблизи лагеря и долго стоял на вершине. «Нигде, как на Камчатке, не видел я таких красивых закатов», - восхищенно говорил студент, объясняя своё неудержимое желание, несмотря на усталость от ходьбы за день, влезать по осыпям курумника на вершину сопки.

Популярными в то время у геологов в полях были транзисторные радиоприёмники «Океан» и «Спидола». Выносил кто-нибудь из палатки свой приёмник, и все слушали музыкальные передачи. Регулярно шёл песенный концерт для работников БАМа; трудовая эпопея строительства ветки ЖД стартовала недавно. А рыбакам, находящимся в море, радиостанция «Тихий океан» передавала по заявкам свой концерт.

Поздним вечером приёмник окружали люди, интересующиеся политикой, и Шинкарев переводил с английского «вражеские» передачи, дополнительно к новостям от «Голоса Америки», вещающего на русском языке. Был тогда короткий период оттепели между нашей страной и США, и «Голос Америки» не глушился.

Знал студент наизусть много стихов. Интересовали его тогда поэты серебряного века. Особенно ему нравился Николай Гумилев, запрещённый к изданию поэт. Наизусть, с вызывательным пафосом, читал Шинкарев его лучшие стихи.

В сентябре были сделаны все полевые работы, отряд вернулся в базовый лагерь. Геологи в камеральной палатке приводили в порядок документацию, затаривали в коробки и ящики вещественный материал. Студент занимался тем же и ждал вертолёт – лететь первым бортом в Корф.

Шамиль Муслимов придумал к проводам Шинкарева, в общении с которым был тоже на дружеской ноге, мероприятие: выгонку спирта из дэты. Собрал он в лагере стограммовые пузырьки и приступил к изготовлению самогона. Вылил Шамиль дэту в кастрюлю, поместил в неё на кирпиче чашку, второй чашкой плотно накрыл кастрюлю. Когда нагретая на печке дэта стала испаряться, подливал Шамиль в верхнюю чашку холодную воду; спиртосодержащий пар конденсировался и наполнял внутреннюю чашку.

Получилось у него в итоге грамм триста крепкого самогона, сохранившего убойный для комаров запах дэты. С бутылкой из-под вина, куда перелил самогон и добавил воды, пошел Шамиль к ручью. Бурлящей в порогах водой охладил он свое изделие.

Когда всё было готово, позвал я на прощальный ужин

Шинкарева.

Откинув брезент, просунул студент в палатку голову. Шамиль играючи встряхнул перед его носом бутылку. Шибанул студенту в ноздри неприятный запах – брезгливо он отпрянул, сморщив чувствительный нос.

Разместились втроем за столиком. В сковороде перед нами соблазнительно пахнущие хариусы, открыты две банки с тушенкой и кучка галет на столе. Разлил Шамиль по кружкам самогон и, хлопнув звучно ладонями, громко крикнул; жест и горловой звук означали: надо выпить!

Студент опасливо взялся было за кружку, потом разжал на дужке пальцы: ждал, когда Шамиль выпьет. Не очокуриться ли? Видимо, серьёзно студент полагал, что это возможно. Шамиль, дабы взбодрить наивного, неопытного в таких переделках студента перед тем, как выпить, сказал:

- Даже коммунисты пьют самогон. С дерьма его выгнать, и такой сожрут за милую душу, если им подать. Смотри, как с ней расправляется простой советский работяга!

С намеренно показушной красотой процесса Шамиль неторопливо вылил самогон в рот и так же медленно, подцепив ложкой кусок тушенки, стал мясо пережевывать. Следом и я поднял кружку. Пил, сдерживая дыхание, чтобы не шибал в нос отвратительный запах, провоцируя рвотную реакцию.

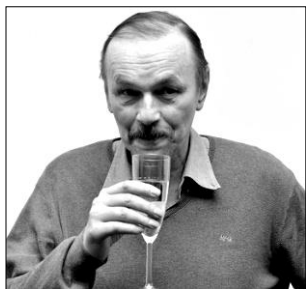
Шамиль с аппетитом уже ел рыбу.

Студент, убедившись, что опасности для жизни нет, снова взял в руки кружку, но выпить медлил: увидел моё поморщенное лицо и судорожный рывок к закуске. Наконец он решился. Гадливо дыхнул в кружку, и двумя глотками протолкнул самогон в горло; потянулся к кружке с водой, и всю её опростал.

Надо думать, именно в тот прощальный вечер, приобрёл Шинкарев навык к употреблению всяких дешёвых и суррогатных напитков.

Позже, в период так называемой гласности, когда о Шинкареве стали говорить и писать в средствах информации, я узнал, что был он одно время членом общества анонимных алкоголиков. Но, судя по дальнейшей его судьбе, от пагубного пристрастия он избавился. И только в его книге «Митьки», с неподражаемым юмором написанной, можно узнать, как жил в то

время Шинкарев, общаясь с друзьями, такими, как и он, художниками-неформалами, – пил с ними вино «агдам» и прочие крепленые вина, прозванные в народе косорыловкой.

До своего признания работал он несколько лет кочегаром в котельной, остальное время занят был писанием картин. Свои основные литературные вещи написал Шинкарев в кочегарке, и к писательскому творчеству больше не возвращался (за исключением написанной им спустя 20 лет книги «Конец митьков»). Занят был, совершенствуя мастерство, рисованием только картин. Они все у него одного формата – 60 x 80 см. Верный своей манере, рисовал он картины в чёрно-белых тонах, лишь немного прибавлял для оттенков голубой или коричневой краски. Последний цикл своих работ он назвал «Мрачные картины».

Одну из картин ещё непризнанного Шинкарёва я случайно приобрёл в декабре 1978 года. Во время своего отпуска мне захотелось ознакомиться с достопримечательностями Ленинграда. По приезду в северную столицу передо мной встал вопрос: где на несколько дней остановиться? В привокзальной гостинице мест свободных не оказалось. И тогда я вспомнил о Владимире Шинкареве. В адресном бюро узнал его адрес и встретился с ним.

Жил Шинкарев весьма скромно, но меня принял как старого знакомого. В комнате, в которой он обитал, все свободные места стен были увешаны картинами. Во время импровизированного застолья, когда мы обсуждали его творчество, он и предложил мне купить любую из его картин за сто рублей. Добавив, что мог бы и подарить, но ему нужны деньги на краски.

На выбранной мной картине была изображена женщина с чёрными провалами на месте глаз и прижатым к её груди ребёнком. Фон картины, оттеняющий изображение, чёрный, и только в правом верхнем углу добавлено немного бледной голубизны. Когда я вернулся с картиной в партию, повесил её на стену над своими нарами, в том месте на голубоватом фоне мне

чудились какие-то дополнительные фигуры.

Текущее состояние дел в Аметистовой партии

С отпуска я вернулся в феврале 1979 года. Татаржицкий уже оставил руководство партией, и начальником был временно поставлен Вениамин Зайцев.

Решительно на первых порах взялся Зайцев за дело. Понимая, что надо хорошо знать моторную технику, особенно устройство дизеля, изучил он в учебнике и инструкциях особенности дизельного мотора. И теперь знал: обмануть его отговорками о неисправности техники будет трудно.

Текущую геологическую работу контролировал Роман Пак. Тамара Василенко, главный геолог, сидела в Корфе и участвовала в написании проекта на штольню № 1 по рудной жиле Чемпион.

К этому времени вся рудная часть Чемпиона была пересечена канавами с интервалом 40 метров, кое-где – через 20. На глубину пробурен ряд скважин, и выявлено, что размах золотого оруденения в среднем чуть более ста метров в глубину, ниже мощное тело выклинивается в несколько сближенных кварцевых жил с сульфидной минерализацией в основном свинца и цинка. Но практически без золота. По предварительным расчётам обещал Чемпион дать государству не менее 20-ти тонн золотого металла.

Буровой станок работал исправно. Налаженная работа с пневмоударниками значительно ускорила бурение скважин. Бригада незаметно пополнялась новыми людьми. Прибыли в партию Дубовой и Попов, вместе со своими жёнами. Галина Попова – смешливая молодая женщина стала работать с нами, геологами; занималась она в основном оформлением проб с канав и скважин.

На канавы добавляются новые проходчики

Николай Колбанцев ещё раньше, летом прошлого года, прилетел в партию и поселился в избе у Жоры Плотникова. Серьёзный, рассудительный он канавщик, со своей наработанной философией жизни: работать ровно и не суетиться, не выпячиваться перед товарищами и быть незаметным начальству. Возраст для канавщика у него солидный - 45 или даже чуть более лет. Но посмотреть на его торс, когда обнажится до пояса, –

мужчина крепкий: живот подтянут, пресс с мускульными кубиками.

Альникин тоже в прошлом году прилетел в партию. И облюбовал себе место в зимовье, где недавно жили Москвичев с Анохиным, – те перешли в другое жилище.

Уединённо жил в малой избушке на краю посёлка Альникин, медлительный и нелюдимый мужик. Сразу, как туда поселился, сладил под свою особенную бражку ёмкость: обтянул аккуратно войлоком 4-х литровую жестяную банку из-под томата. Ту же томат-пасту из других банок выкладывал он в бродильную банку, добавлял воду и сахар и ставил ёмкость возле печки. Вовсе без дрожжей замес через несколько дней вызревал. Густой и неприятной на вкус получалась у него томатная брага.

Никого не звал к себе Альникин – пил бражку один. Кончалась брага (опоражнивал он банку не сразу, растягивал удовольствие на два-три дня), вновь готовил себе «фирменное» пойло.

Один раз, помню, изменил он своей привычке: не пить томатную брагу за один присест. И с утра (зимой это было), навеселе из дома вышел – ехать на тракторе с прицепленными санями на работу. Альникина покачивало, залез он кое-как в сани, примостился на заднем краю. Канавщиков развеселило его состояние, они стали отсылать пьяного товарища назад в избу. Не послушался их Альникин, остался в санях. «Не бздеть! Пока едем, оклемаюсь», – задористо он выкрикнул, смущая канавщиков выдыхаемым в их сторону перегаром.

На подъёме в гору выпал он вдруг из саней, а трактор, пыхтя мотором, шёл дальше. Кто-то крикнул трактористу остановиться. Сальмин, сидевший в кабине, открыл дверцу и выглянул из неё. Увидев неуклюже поднимающегося со снега Альникина, сказал:

- Какого хрена он нужен на сопке? До дому пусть топает!

И действительно: потоптался Альникин на месте, рукой махнул и повернулся задом к уходящим саням.

Валерий Мокренко прибыл из Корфа в марте. До этого отбывал в колонии срок за хулиганку и после отсидки выбрал себе новую стезю – работать в геологии канавщиком.

Ему было около тридцати лет. Имел долговязую и тощую

фигуру, узкие плечи, на жилистую шею посажена с оттопыренными ушами подвижная голова. Несмотря на худобу, физически был силен: руки – длинные и крепкие, уверенно держат лом и лопату; сразу видно: к землекопной работе привычен.

Как и многие канавщики, старательно наращивал нижний борт канавы, надеясь на прибавку лишних дециметров. И если не сходились с ним в замере высоты, он сильно обижался. Худое лицо его морщинилось и делалось грустным. Этим выразительным преобразованием лица рассчитывал меня разжалобить, что иногда ему удавалось. И лишний дециметр он отработывал на совесть: тщательно выколачивал в жилых зонах борозды, услужливо суетился, облегчая мою работу.

Мокренук – неперемный завсегдатай всех выпивок с канавщиками. По пьяной лавочке, если посчитает, что нарушены понятия о справедливости, принятые в лагерной зоне, которые и здесь должны соблюдаться, имел опасные стычки с Лозяном. Тот жил по своим правилам, уверенный в собственной силе.

Был случай: схватив со стола нож, бесстрашно кинулся Мокренук к Лозяну. И лишь немалыми усилиями пьяных канавщиков удалось отгородить извивающегося как уж жилистого Мокренка от контакта со свирепым Лозяном, на котором повисло трое коллег.

О пожарах в тундре

Исход весны и начало лета в Пенжинском районе выдались сухими, без дождей. Свежая растительность начала только появляться, травяной сухостой в тундре легко возгорался от машинально брошенного окурка. Пожары в тундре в это время года случались часто.

Помнится один незабываемый пожар на пологом увале за Мазуринской сопкой. Возвращался я как-то с тех мест в посёлок и увидел на седловине увала неровный фронт огня, а за ним выгоревшую чёрную поляну. Не раздумывая, бросился я, нарвав веток стланика, тушить огонь. Но не тут-то было. К огню не подойти: он продвигался быстро широким фронтом. Удавалось заглушить огонь только вне фронта, где от выброшенной вперёд искры образовывался новый очаг.

Извилистый фронт огня резво продолжал движение. Почувяв в себе силу и безнаказанность, огонь, словно живое существо, «придумал» нешуточную забаву: фланги огневой линии стали брать меня в кольцо. И я понял – надо спастись бегством. Огонь, подгоняемый ветром, словно чувствуя престижную для себя поживу, настигал меня почти с той скоростью, которую я развил, от него убегая.

Пришёл я в посёлок и сразу к начальнику. Нашёл его в балке. Исполнял временно обязанности начальника кто-то из технических мастеров. Он только что отобедал и лежал на нарах, заложив обе руки за голову. Выслушав меня, сыто зевнул и ответил:

- Это далеко, и ветер в ту сторону. Пусть там горит. Выгорит на той сопущке трава, в низине остановится. Дальше ручья огонь не пойдёт.

Мои аргументы, что пожару ручьи не преграда, и выгорит большое пространство в тундре, на временного начальника не подействовали.

Бездействию в тушении пожара противопоставила себя лучшим образом стихия: поздним вечером пошёл дождь. Но допущенный к своей свободе пожар успел перед дождем обуглить весь увал и часть низины. На увале вперемежку с кедром росло много кустов высокой ольхи с искривленными сучьями. Огонь, подойдя к тесно росшим кустам ольхи и стланика, замедлил свое движение и до пепла всё сжечь не смог. Сожрав на кустах все тонкие веточки, языки пламени лишь жадно облизали корневые и прочие крупные ветви, превратив ольховую рошу в наземное кладбище корявых черных скелетов.

В остальных ситуациях, когда возникал в тундре пожар, население партии действовало оперативно. Не имело значения, далеко от партии возник пожар или близко. Большая территория на участке Парапольского дола входила в зону ответственности нашей партии. Других людей вблизи нет.

Обычно, в случае отдалённого от места горных работ пожара, замеченного, например, пролетающим пилотом, наш радист получал по радиации приказ: своими силами ликвидировать очаг возгорания. Люди и техника направлялись к очагу пожара, и все дружно его тушили, будь это днём или ночью. Если пожар

случался слишком далеко от базы, прилетал вертолёт. И люди летели в сторону Парапольского дола, где на высушенных солнцем холмах бушевала огневая стихия.

Я тоже один раз участвовал в тушении пожара на Парapoле. Надели мы на плечи ранцевые огнетушители, которые лежали в вертолётe, в ручье набрали в ранец воду и пошли впрыскивать в огонь водяные струи.

Место пожара представляло причудливую мозаику: крупные и мелкие «кляксы» выгоревшей тундры перемежались с нетронутыми огнём целиками; огонь охотно выгрызал места наименьшего сопротивления, обходя влажные участки в низинах. Приходилось тушителям далеко друг от друга рассредоточиваться, чтобы успеть загасить все большие и малые изолированные места пожара.

Зарезка штольни № 1. Переход канавщиков на сопку Рудную

В мае прилетел в партию Локман Эркенов, ведущий инженер ПТО экспедиции. С его прилётом начались подготовительные работы к зарезке со стороны ручья Рудного штольни № 1. Место устья было выбрано рядом с канавой № 505. К зарезке штольни и для последующих в ней подземных работ, Эркенов привлёк знающих своё дело специалистов: горного мастера Артюхова и нескольких подземных проходчиков.

Расчистил бульдозер под выездное полотно площадку перед устьем штольни, горняки произвели врез в скальные породы, закрепили устье и приступили к сооружению эстакады.

В это же время наземных проходчиков перевели работать на Мазуринскую и Рудную сопки. Соорудили канавщики на седловине между сопками три палатки с жестяными печками внутри, а четвёртую палатку поставили немного дальше от остальных. Как раз в ней предстояло мне обосноваться.

Студентка Глаголева и другие практиканты

В конце июня на место начальника партии прилетел Валерий Виноградов. Вместе с ним прилетела студентка Татьяна Глаголева *(на фото)*.

- Тебе в подмогу девка, - сказал он. - Бери её к себе на сопку. И будь с ней поосторожнее – девка с норомом.

Пришлось смастерить мне в палатке вторые нары. А печку

я раньше приволок с давно неработающей взлётной полосы для самолетов АН-2. Находилась полоса, уже заросшая травой и мелким кустарником, на галечной террасе Ичигинваяма. А перед обрывом в реку ютилась ветхая, оборванная ветрами палатка, где ржавела жестяная печка. Вытащил я оттуда печку и принёс в свою палатку.

Студентка оказалась общительной и любопытной, заводной

на разные инициативы. Ко всему, что находила привлекательным в жизни партии, был у неё интерес. Лицо её смуглое, на голове взлохмаченные короткие волосы: жёсткие и плотные, точно ворсистая чёрная шапка на голове. Татьяна мне поведала, что в роду её были

цыгане, и частью в своём характере удалась в их расу. Родной брат Татьяны жил в Венгрии, и (это только мое предположение) её цыганские корни, возможно, оттуда. Там живёт много цыган. Сама же Татьяна родом из Дивногорска в Красноярском крае.

Смышлёная студентка быстро освоилась с документацией канав. И перезнакомилась со всеми канавщиками. Все они казались ей людьми приятными и порядочными. По натуре добросердечная, она жалела канавщиков, что хлеб свой насущный им приходится добывать тяжёлым физическим трудом.

Примером её милосердия была реакция на случай, когда проходчик Роман Махл неосторожным ударом кайла умудрился поранить себе колено, чуть выше сустава.

Вместе с Татьяной шли мы в то время к его канаве. Когда подошли, увидели окровавленное колено Махла, которое он приготовился обвязать лоскутом нечистой тряпки, наплевав на рану слюней. Татьяна натурально, без притворства ужаснулась видом раны, и побежала в нашу палатку за бинтом и йодом. Прибежала скоро назад, наклонилась перед сидящим на ящике Махлом – стала бережно обрабатывать неглубокую, надо сказать, рану.

Кто-то из канавщиков подсказал Татьяне замутиль для меня в ведре бражку. Мол, Володя, уверял хитрый горняк студентку, одобрит правильный поступок. Я же полагаю, что он рассчитывал (если брага достоятся) помочь мне опорожнить ведро.

Татьяна так и сделала. Принесла она с базы сахар и дрожжи, и в моё отсутствие по подсказанной ей процедуре замутила в эмалированном ведре бражку. И когда я, удивлённый её выдумке, неожиданной от студентки, был поставлен перед фактом, то не знал, как поступить. Ведь она старалась, на её счёт взяты на складе продукты для браги.

И смех, и грех, как говорится. Решил я оставить бражку дозревать в палатке, а когда поспеет, отнести ведро канавщикам. Строгий геолог, а начальник уже точно, вылил бы эту брагу, и проблеме конец.

Татьяна, не дождавшись дозрева своего напитка, отправилась с канавщиками, выполнившими план, на Таловское озеро. Там она сутки с ними рыбачила, после чего два дня жила в посёлке.

Непременно, как и все любопытные студентки, посетила она балок Игоря Луковникова. Он с удовольствием фотографировал Татьяну. Одну и в группе лиц.

Тем временем, зная сроки готовности, я продегустировал бражку. На вкус она не отличалась от изготавливаемой канавщиками. Как и надумал раньше, отнёс я ведро в ближнюю палатку, где жили Москвичев с Анохиным. Обрадовались они бражке, хвалили Татьяну, сумевшую её изготовить. «Понимает нас студентка, дай ей бог здоровья», - говорил Анохин, поднося ко рту кружку.

Сознаюсь, я излишне потворствовал прихотям студентки, инициативной на непредвиденные поступки. В их числе было и такое её неукротимое желание: присутствовать на дне рождения канавщика Зинченко. За глаза, а кто-то и напрямую, звали его Зинойкой. В трезвости – он спокойный и немногословный мужик, а выпивший был болтливым, похвалялся своими мнимыми достоинствами.

Отмечал он в тот раз своё сорокалетие.

Отговорить Татьяну от её решения мне не удалось.

Пришлось идти с ней вечером к дальнему балку на Мазуринской сопке, где собрались канавщики. Сетовала Татьяна, что нечего подарить имениннику... и тут она заметила куст можжевельника. Обломала с куста несколько можжевельновых веток с синими ягодами и сразу повеселела.

В балке, куда мы вошли, было неопрятно. Пол грязный и забросан окурками. Пьяные канавщики, числом десять мужиков, в разноразмерной гудели, точно рой разнокалиберных (по высоте голосов) насекомых; общий гул пронзали четкие, с матом, выкрики. Одни из них сидели на широких нарах, забросанных всяким тряпьем, другие расхаживали по балке. Останавливались возле фляги на табуретке, черпали кружкой брагу и отходили, освобождая место в тесном балке товарищу.

Все дружно обрадовались приходу Татьяны. Подскочил к ней Зиновий. Галантным действием, но неуклюже, шаркнул подошвой болотного сапога, прибавив на полу грязи. Принял он от неё пучок можжевельновых веток, и тут же бросил на нары – спешил уже с кружкой к фляге: зачерпнуть оттуда и подать кружку студентке.

Татьяну не смутила неприглядная обстановка и шумная компания. Взяла она в руку кружку, ко рту осторожно поднесла... и отхлебнула неопытным глотком горькую брагу. Сразу поперхнулась, закашляла (не доводилось раньше пить ей этот хмельной напиток) и выплюнула на ладонь хлебные крошки.

Наконец, она поняла, куда попала.

Канавщикам было в диковинку её присутствие, и они назойливо к ней лезли со своими услугами, грубо шутили. Кто-нибудь, со студенткой сблизившись, словно хотел убедиться: не чудится ли ему необычная гостья, трогал её за плечо, не позволяя, впрочем, себе более вольные штучки. Зиновий ревниво следил за происходящим в балке и вмешивался, если у кого-либо высказывалось из рта матерное словечко.

- Какого хрена тут командуешь! - крикнул ему Мокренко, по-бычьему нагнув к низкорослому Зиновию шею.

Тот ответил. Назревал скандал. И, воспользовавшись суматохой, велел я Татьяне уходить со мной из балка. Она послушалась, и мы ушли.

Месяц пробыла Татьяна со мной на сопке. Потом, до конца

её практики, жила в посёлке, занимаясь документацией скважин.

С практики вынесла она с собой неизгладимое впечатление. Ностальгически вспоминала Татьяна геологов и рабочих, с кем рядом работала. В письме из Иркутска мне писала: «Что новенького? Как проходчики? Как И.Н. Луковников?». Отчёт по практике прошёл у неё на «отлично».

В том же году проходили у нас практику ещё шесть студентов. Пять девушек и парень. Все они, кроме Татьяны, под руководством Романа Пака исследовали фланги Тклаваямского рудного поля.

В том отряде второй сезон находилась Марина Соловейчик. С прошлого года она заметно пополнила.словно важная матрона (её так и называли за глаза), наравне с Паком поучала младших студенток полевой работе. За ней был прошлогодний опыт.

Марина сожалела, что не получилось, как хотела, поработать на документации канав. На следующий год она получила такую возможность. Уже молодым специалистом, серьёзная девушка с энтузиазмом взялась за дело, к которому в ту пору у неё был интерес. Сменила меня на канавах, я ушёл работать в штольне.

С одной из тех студенток, Натальей (из Осинниковского техникума), выпало мне, спустя годы, встретиться в Томске – оба учились заочно в университете. Я не сразу её узнал. В партии она была в рабочей одежде и с обыкновенной причёской. А тут явилась предо мной стройная дама в чёрном платье и с пышной русой косой на спине.

После учёбы мы обменивались письмами. Работает она в городе Березовском главным геологом шахты. Однажды, в смутные времена на рубеже веков, приехала она ко мне в Киселевск, где я живу сейчас. Сказала, что нашла для меня работу главного геолога на севере Кемеровской области, недалеко от места, где сама работала. Я туда поехал (на шахту им. Волкова), но увольняющийся геолог раздумал освобождать должность.

О Рашиде Газизове и не только

Рейсами из Корфа подтягивались на работу в Аметистовую партию сергеевцы – рабочие и ИТР. Из геологов первым в том

году прибыл Рашид Газизов, проведя на материке длительный отпуск. Он прилетел в начале лета.

Накануне прошёл сильный дождь и в посёлке, в наезженной его части, образовалась непролазная грязь. Люди, спешащие к вертолёту, были все в сапогах. Но и в них загустевшая на солнце грязь не позволяла идти быстро. Одна из поселковых жительниц передвигалась в коротких резиновых сапожках. И тут оказия: её левый сапожок застрял в колдобине, наполненной липкой грязью. По инерции движения нога из сапожка вышла, и женщине пришлось в неудобной позиции изловчиться, чтобы вернуть сапожок на замаранную ногу.

Как всегда, ходом вминая трясины и отшвыривая с гусениц лепёшки грязи, спешил к вертолёту трактор с санями, и в них люди – разгружать борт. А все остальные поселковые жители, двигаясь пешком, спешили из любопытства: узнать, кто прилетел, что борт привёз, и в надежде на письмо с материка.

Почту в Корфе поручали кому-то из летевших, и тот с пачкой писем выходил из вертолёта. Пачку у него из рук тут же выхватывала нетерпеливая женщина. Люди её окружали. Крутились с грязными животами собаки. Перебирая письма, женщина сообщала фамилии, и адресаты, находившееся на площадке, забирали свои письма.

В штиблетах из тонкой кожи, с котомкой за плечами и чемоданом в руке, вышел из вертолёта Рашид. Грустным взглядом окинул он с вертолётной площадки, затоптанной сапогами, близкую до первого балка местность. Точно обширной пахотой взрыта она тракторами. Вывороченные комья тундровой почвы сгладил дождь, в колеях загустевали лужи, на тропе к посёлку склизко.

Но уже спешил к вертолёту Виталий Федотов. С сапогами, держа их в обеих руках за голенища. Подбежал к Рашиду Виталий, его сокурсник и близкий товарищ, поставил на площадку болотники. Рашид переобулся, и оба в сапогах уверенно преодолели расстояние до «офицерского» балка.

Веня Зайцев, окончив свое руководство общим трудовым процессом в партии, в это время в посёлке отсутствовал. А главный геолог Тамара Василенко (ставшая уже Деревянко, сойдясь с обладателем этой фамилии) больше не появлялась в

посёлке.

Переживала Тамара тогда, я полагаю, свою личную драму. Будучи по характеру общительной женщиной, любившей в компании выпить с коллегами в свою меру, наравне с мужской половиной, вдруг, на фоне возникших неурядиц в её жизни, стала уединяться от общества. И одна или с мужем Деревянко напивалась уже с перебором и на работу приходила часто навеселе. Так ли это – рядом я не был, и сужу из разговоров о ней своих коллег. В итоге – спилась Тамара Ильинична.

Года через два увидел её в корфской больнице. Пришёл я туда лечить больной зуб и дожидался, сидя на скамье возле зубоврачебного кабинета, своей очереди. Она подошла ко мне. На ней – рабочий синий халат, выцветший от стирки, на голые ноги надеты высокие галоши.

На скамью рядом присела, уныло мне говорит:

- Вот, Володя, до чего я докатилась: санитаркой здесь работаю.

Повздыхала Тамара, опустив голову, вяло поинтересовалась делами в Аметистовой партии, и отошла – выполнять свою нынешнюю работу.

На её место, на должность главного геолога, был назначен Виктор Хворостов. В посёлке Аметистовой партии он появился в августе 79-го года.

Рашид Баянович к этому времени, получив хорошую практику в Сергеевской ГРП, слыл достаточно опытным геологом-разведчиком. Откровенный в своих высказываниях, Сальмин о нём и Вене Зайцеве так говорил:

- Толковые ребята! Знают свое дело. В компании с ними выпить и поговорить приятно, куда бы ни завёл пьяный язык. Но больше о работе, как всегда у нас.

Кстати, о пьющих геологах. Тут я опять отвлекусь.

Хворостов как-то, на базе своих наблюдений за геологами экспедиции, сделал выборку и выявил любопытный факт. С удивлением он обнаружил, что самые толковитые и дельные геологи, добившиеся успеха в работе и карьере, – все они, как правило, люди пьющие. А те, кто пили мало или вообще трезвенники, ничем особенным не проявили себя.

Сам Хворостов – геолог успешный, быстро сделавший в

экспедиции карьеру. Но выпивал редко, пьяным его никто не видел. Правда, об одном случае, нарушавшем образ малопьющего Хворостова, рассказал мне проходчик Жерехов.

- Были с ним на охоте – лося преследовали на моем «буране», - рассказывал в подпитии Толя Жерехов. – Упустили его, он в лес ускакал. Остановились. Мороз, и телу не смешно. Развели мы костер, и водка у нас с собой. Витюша приложился первый. Из горла пил. Крутанул бутылку – винтом пошла в рот водка, грамм триста за раз выглохтал. Потом с тушёнкой вторую бутылку прикончили.

Начав работать, Газизов оправдывал характеристику, данную ему Сальминим. Как и все геологи-сergieevцы, приехавшие на работу в Аметистовую партию, первым делом он по-кавалерийски, но пешим ходом, пробежал по сопкам. Отметился в течение дня на всех действующих объектах.

Особенно его интересовали дела с зарезкой штольни. Как старшему геологу, ему предстояло курировать подземные горные работы и на первых порах вести штольневую документацию, ставшую эталоном для геологов-подземщиков в партии.

Сравнивал он бытовую жизнь в Сергеевской партии с аметистовским бытом не в пользу последнего. «Во всём неухоженность, в балках у мужиков грязно, окна комарьём засраны, их никогда не моют», - отмечал Газизов, щепетильный насчёт аккуратности.

Сам он свои дела вёл аккуратно. Усидчиво, любя правильные цифры и линии, трудился Газизов в поселковой камералке. Требовал и от подчинённых ему техников и геологов такой же отдачи в работе.

Находясь, согласно классификации Хворостова, в числе толковых пьющих геологов, изредка перегибал палку. Снимая с души скопившийся негатив, два-три дня подряд пил он горькую. Всё же и в похмельном состоянии не бросал работу или думать о ней. И поэтому его редкие кратковременные паузы в работе (загулами их назвать нельзя) проходили малозаметно для глаз аметистовцев.

Трудился Рашид Баянович Газизов в Аметистовой партии до её роспуска. С его руководящим участием уже в должности главного геолога экспедиции был написан и откорректирован

отчёт по детальной разведке месторождения.

Чехарда в руководстве Аметистовой партии

После убытия из партии Татаржицкого (в конце 1978 года он отбыл в Москву в отпуск, а когда вернулся из отпуска, остался работать в Корфе) началась в Аметистовой партии частая замена её начальников. Ненадолго задерживались в партии кадровые начальники, ещё меньше работали временные исполнители обязанностей начальника. И лишь более года стабильно, в один заход, руководили партией («махали шашкой» – по образному выражению Вениамина Зайцева) Павел Мегал и Виктор Романов. Были начальники, которые по несколько раз, обычно в два захода, но бывало и в три, руководили всеми работами в партии, и было непонятно: официально кто-то из них назначен начальником, или временно исполняет его обязанности.

Не вдавался я в причины, почему происходила частая сменяемость наших начальников. Некоторые отставки были понятны, другие нет, – экспедиционному начальству в Корфе во всех случаях было, наверно, виднее. И в самой экспедиции происходили позже подобные пертурбации. Ничего удивительного в этом нет.

Могу ошибиться в очередности прибытия к нам новых руководителей. Думаю, не столь важно, если точно не укажу период их руководящей деятельности.

В одном только 1979 году несколько раз происходила смена начальства.

Валерий Виноградов – главный инженер и начальник

Дольше остальных в тот год исполнял обязанности начальника Валерий Виноградов. Его, если брать в расчёт весь период жизнедеятельности партии, дважды назначали главным инженером, и один, может, и два раза – начальником.

Долго Виноградов здесь не задерживался. Его отзывали обратно в Корф, где он занимал разные руководящие должности, одно время был главным инженером экспедиции.

Но один раз случился у него с кем-то из вышестоящих начальников конфликт, и он попал в опалу. Я не выяснял, каким проступком был он лишен доверия начальства. Виноградов вынужден был уволиться и уехать куда-то, но вскоре вернулся и

вновь стал ведущим инженером экспедиции.

Как рассказывали коллеги, опала и следовавшие за этим предложения уволиться или понижение в должности были обычным явлением в камчатской геологии. От того же Вениамина Зайцева (у него были на этот счёт свои сведения, за достоверность которых не ручаюсь) я слышал: мол, не избежал и Юрий Павлович Рожков, действующий начальник Северо-Камчатской ГРЭ, зигзага в своей восходящей карьере: понижен был однажды в должности до техника-геолога.

Прибытие в партию Виноградова главным инженером совпадало обычно с внедрением на буровых установках какого-либо новшества по бурению скважин. Виноградов считался опытным и прогрессивным специалистом, интересующимся достижениями западноевропейских коллег. В разговорах с нами он часто нахваливал зарубежную буровую технику, о которой по понятным причинам не принято было отзываться восторженно.

К деятельности Виноградова в делах партии буду ещё не раз обращаться в следующих главах.

Локман Хусейнович Эркенов

Л.Х. Эркенов на моей памяти тоже совершил несколько заходов в Аметистовую партию.

Незаурядный человек, и в первую очередь умелый горный инженер, Локман Хусейнович имел большой опыт руководящей работы. По национальности он, кажется, карачаевец, с Северного Кавказа. В экспедиции Эркенов работал главным инженером, заместителем начальника экспедиции. Два раза его, в 1981 году и с конца 1984 по 1985 гг. назначали начальником Аметистовой партии. В другое время приезжал руководить срочными или новыми работами, оставаясь в партии на месяц или дольше.

«Толковый мужик! – уважительно говорил об Эркенове Веня Зайцев, обычно скупой на похвалы корфскому начальству. – Выкрутасы работяг про неисправную технику не прокатят, Локман в любом моторе разберётся, и, если надо, – сам полезет под трактор и под что угодно. Хваткий мужик и строгий!»

Эркенов не церемонился с рабочими, которые плохо выполняли его указания, хитрили, скрывая свою недоработку, а бывало и нагло реагировали на претензии в работе. Мог Локман

Хусейнович и силу применить к нарушителю дисциплины или тому, кто позволял себе дерзкую выходку.

И в подтверждение этого, видел я однажды комичную сцену на вертолётной площадке в исполнении Эркенова (на тот момент начальника партии) и канавщика Анохина. Пытался тогда Анохин, не спрашивая разрешения начальника, улететь прибывшим в партию бортом в Корф.

Было это осенью. После долгих сентябрьских дождей в посёлке везде слякотно. Но с утра установился солнечный день. В вертолёт, готовый к обратному рейсу, садились пассажиры, улетающие в Корф. И тут... в белоснежном, ни разу, видать, ненадёванном плаще, без вещей, выскочил из-за спин людей Анохин и прыгнул на ступеньку перед дверью вертолёта.

- Эй-эй! Куда?! – быстро среагировал Эркенов, стоявший близко к вертолёту.

Анохин отмахнулся, шагнул в проём, но не успел занести туда вторую ногу – начальник ухватился за фалду плаща и резко дёрнул на себя. Потерял Анохин равновесие и плюхнулся на затоптанную грязными сапогами площадку. Неуклюже он с деревянного настила поднялся, – плащ на нём лишился безупречной белизны. Все ждали его слов: умел Анохин потешить публику, находя в своей медлительной манере верные для этого слова:

- Слята-ал... – растяжно произнёс он единственное слово, но последующий жест его (в обе руки захватил низы расстёгнутого плаща, руки развёл в стороны и помахал полами плаща, как крыльями) имитировал короткий полёт – с вертолёта на площадку.

Летом и осенью 1979 года, уже это я отмечал, шли подготовительные работы к зарезке головного штрека по жиле Чемпион. К тому времени Эркенов организовал доставку тракторной колонной из Сергеевской партии нужного оборудования и крепёжного материала. Зарезка первой штольни проходила по его инициативе, в планах работы на тот год подземные работы не предусматривались. И уже в начале 1980 года была выгружена в рудный отвал с вагонеток первая руда с жилы Чемпион.

С его руководящим участием можно ещё вспомнить

выкопку на правом берегу Ичигинваяма котлована под фундамент будущей ДЭС, а также строительство общежития для пребывающих в партию новых работников.

Недостроенное общежитие, сложенное из привезённого с Сергеевки бруса, который разобрали из такого же строения, и каждый брус аккуратно пронумеровали, сгорело осенью 1980 г.

Как мне помнится, в ту ночь истошно лаяли поселковые собаки, разбуженный народ выходил из балков в старом посёлке и в недоумении от случившегося глядел через реку, где на том берегу полыхал высоким пламенем остов общаги. Сухой брус сгорал быстро. Конкретного виновника в неосторожном обращении с огнём или преступном умысле тогда не нашли.

Наиболее значимыми в деятельности Эркенова стали построенные через реку в районе устья штольни № 3 два моста. Сначала – узкий (пешеходный) из стальной арматуры и перфорированных листов железа, а позднее на том же месте – капитальный деревянный мост, по которому могла проехать вся имеющаяся в партии моторная техника.

Половодье реки. Вид с «эркеновского» моста

Отыскав нужную литературу по мостостроению, он сам проектировал мост и лично руководил строительством. Его капитальный мост, построенный по соседству с пешеходным, выдерживал напор паводков. И только с двух концов моста в

большой паводок водой заливало деревянный настил и утрамбованную насыпь за мостом.

Разлившаяся вширь речная вода (обычно в мае, а бывало и дождливой осенью) затопляла большую площадь, прилегающую к новому посёлку; к крайним со стороны реки балкам посуху было не подойти. Пешим передвижениям людей от посёлка до моста служили мостки – длинный дощатый тротуар, приподнятый на сваях.

Не будучи ещё в партии начальником, и, приезжая сюда с целью налаживания срочных или новых работ, Локман Хусейнович своим авторитетом и активностью затенял действующего начальника. Создавалось впечатление, что главным руководителем в партии фактически являлся Эркенов.

В его непростой карьере тоже случались кульбиты с понижением в должности, но благодаря своему опыту и умению достигать нужной цели Эркенов быстро восстанавливался на руководящей работе.

Виктор Хворостов, главный геолог Аметистовой партии

Как было отмечено выше, первыми ласточками из сергеевских геологов, прибывших в Аметистовую партию, были Вениамин Зайцев и Виталий Федотов. А к лету 1979 года к ним присоединились геологи Рашид Газизов и Людмила Безрукова. На исходе августа того же года прибыл Виктор Петрович Хворостов, назначенный её главным геологом.

Рационально мыслящему Хворостову ума и смекалки в 30 лет было не занимать: без раздумий занял он должность главного геолога в Аметистовой партии. Активному и честолюбивому геологу с амбициями сам бог велел подниматься по карьерной лестнице! Да и сама работа на новом месте обещала быть интересной. Кому же, как не ему, считал он, следует возглавить геологическую службу в партии.

Не успел вертолет, с которым прилетел в партию Хворостов, вернуться в Корф, Виктор Петрович уже поднимался на ближайшую сопку. Оранжевую, из шерсти вязаную шапочку на его голове, огоньком мелькающую на буро-зеленом фоне сопки, далеко было видеть канавщикам и буровикам, когда он к ним направлялся.

Как потом выяснилось, посетив участки горных и буровых работ, он далеко удалился за пределы рабочей зоны, и дошёл до Таловского озера; наблюдал там тренировочные полёты подросшего птичьего молодняка. Хворостов любил охоту, и когда бывал во время птичьего перелёта в посёлке, не упускал возможности пойти одному или с компанией на Таловское озеро пострелять в гусей и уток.

Наслышанный о небрежности в ведении геологоразведочных работ в бытность предшественников главных геологов, Хворостов с началом трудовой деятельности на новом месте намерен был показать себя строгим и взыскательным начальником, и не только для геологов. Как показал стиль его работы, Хворостов не ограничивался состоянием дел лишь в геологии; он активно вникал и вмешивался в любые производственные процессы, которые были в компетенции начальника партии и горных мастеров.

Надо отдать ему должное: ознакомившись с материалами поисково-оценочных работ, исполненных в несколько этапов предшественниками, и разобравшись с особенностями площади с золотым рудопроявлением, он понял, что надо засучивать рукава и включать мозги – делать из рудопроявления Аметистовое крупное месторождение золота! И предпосылки для этого, безусловно, были.

Наверняка была у него цель карьерного для себя роста: хотел отличиться, показать себя умелым руководителем и специалистом, не говоря уже о профессиональном интересе к рудопроявлению, которое ещё не обладало статусом месторождения. Все данные для успешной карьеры у него имелись.

«Новая метла по-новому метёт». Основательно подверг он критике проделанную за четыре года в партии работу. Прежде всего, нелестные характеристики достались Тамаре Василенко, а особенно – Сергею Рычагову. Рычагов не являлся главным геологом, но Хворостов, изучив работы предшественников, знал: фактически Рычагов, ввиду редкого пребывания в партии главного геолога Шипицына, оставался за старшего среди геологов. Подозревал Хворостов Рычагова и в том, что тот в работе своей следовал рекомендациям вулканолога М.М.

Василевского, фиксистские представления которого Виктор Петрович отвергал, и даже высмеивал.

Василевский летом 1975 года прилетал в Аметистовую ПРП. На свой лад и под свои идеи определял он участки на сопках, наиболее подходящие для постановки там горнопроходческих работ. Рычагов тогда с ним познакомился и воспринял его идеи о структурных неоднородностях как руководство к практическому применению.

И всё же, вряд ли Рычагов уклонялся от проекта по надуманным соображениям – знаю его пунктуальным исполнителем намеченных в проекте работ. Видимо, Хворостов мог так считать: мол, заверял втихаря Рычагов канавами заведомо бесперспективные участки на сопках по методике Василевского.

- И это вместо того, – возмущался Хворостов, – чтобы сосредоточить горные работы на самой перспективной Аметистовой сопке! Вмещающие породы там более всего, чем на соседних сопках, обработаны метасоматозом.

Чрезмерно, по мнению Хворостова, уделялось внимание флангам рудного поля и малоперспективным участкам на самой Аметистовой сопке.

Сам я думаю, что Хворостов преувеличивал роль Сергея Рычагова в руководстве горными работами. И если ошибались геологи в стратегии, то ошибались коллективно. Работали в то время более опытные, чем Рычагов, коллеги: геологи Юрий Гаращенко, Людмила Афанасьева. Гаращенко, хоть прибыл в партию с понижением в должности, и работал полтора года, охотно подсказывал Сергею (жили они вместе), как правильно принимать решения в сложных ситуациях.

К Тамаре Василенко были те же претензии, но положительно отмечал Виктор Петрович её роль в форсировании горных работ по наиболее продуктивному рудному телу № 37. Ко времени прихода Хворостова на должность главного геолога названное рудное тело было прослежено канавами и скважинами, всё было готово к зарезке штольни. Эркенов уже прибыл в партию и руководил на расчищенной до горизонтального уровня площадке подготовительными работами.

Вернувшись из двухдневного похода по ближним и дальним участкам, собрал Хворостов геологов и выговаривал им

свои замечания.

- Прошёлся я по участкам с канавами, – в критическом настрое начал он говорить, и больше всего обращал свой взор на меня и Людмилу Афанасьеву, старожилов партии, – и что вижу? – продолжал он.

- Точно пьяный бык поссал! – грубой метафорой предварил Виктор Петрович «разбор полётов». – Канавы как попало, под разными углами друг к другу, бессистемно... (сделал главный геолог паузу). – На магистралях, отдельных участках, где хорошо видно – жил нет, породы неизменённые, – зачем туда канавщиков ставить?... А ещё – мешки с пробами возле канав валяются, а в одном месте, под ольхой, кучку истлевших мешочков с «металлкой» видел.

Людя Афанасьева объяснила Хворостову причины недоработок, сославшись на обстоятельства, мало зависящие от полевых геологов, и согласилась с вескими замечаниями главного геолога по части планирования и ведения горных работ. Хворостов примирительно закончил своё выступление, сказал в концовке:

- Месторождение мы сделаем! Будем, ребята, пахать..., но не как лошади – тупо и только по команде, а с умом – по ситуации нужна своя инициатива.

О названии рудных жил

С приходом в партию Хворостова был взят привычный у геологов на рудных месторождениях обычай: давать продуктивным жилам собственные имена, взамен цифр. Не раздумывая над вариантами, Хворостов назвал самое мощное рудное тело на Аметистовом участке жилой Чемпион. Пройдясь позже по склону в сторону ручья Рудного, увидел Виктор Петрович на полянах оранжевое изобилие ягоды морошки. С удовольствием и аппетитом поел он спелых ягод, а придя в камералку, вписал на рабочей синьке – плане геологоразведочных работ, название безымянной жилы в том месте – Ягодка. К тому времени жила была подсечена канавами, и по ней пришли хорошие результаты пробирного анализа.

Дальше следует рассказать об истории с названиями рудных жил и наиболее крупных разломов, которые мы

придумывали исходя от собственной фантазии.

Охотно подхватила почин с наименованием жил Марина Соловейчик. Я уже отмечал мотивы, которые побудили её назвать одну из жил романтическим именем Ассоль: увлекалась она тогда писательством Александра Грина. Другое её детище – Белоснежка и семь гномов (группа жил на участке Спрут).

Рашид Газизов нарёк жилу, отходящую от стволовой жилы Чемпион, красивым татарским именем Гюзель (красивая). Впечатлила она его причудливой полосчатой текстурой. А в свою очередь оперяющая жила со стороны лежачего бока Чемпиона получила от всех нас, геологов, имя Мария – в честь только что родившейся дочери Людыв Безруковой.

Не хватило, видать, фантазии выбрать для основной рудной жилы (2-я группа жил) подходящее имя, и названа была она просто – Фантазия.

Не преминул и Вениамин Зайцев отличиться в названии своей жилы. В честь имени отцов – своего, Хворостова и Марины Соловейчик – назвал он жилу Петровская.

Единственная рудная жила с подсчитанными в ней запасами золота и серебра осталась безымянной, сохранив лишь цифровое обозначение – № 21. Попытался, правда, кто-то из геологов дать жиле название, придумал слово – Приз, но почему-то не прижилось это имя. Видимо, на приз (в смысле хорошего сюрприза) жила не тянула: менее метра была мощностью.

Получили свои имена и сохранились на планах и картах ещё несколько крупных и малых рудных жил. Наиболее известные из них: Ичигинская, Изюминка, Геофизическая. Некоторые рудные кварцевые жилы по простиранию выхолаживались в разломные швы, заполненные сильно передроблённой породой и глиной. Ринг, например. Да и «патриарх» всех жил на Аметистовом месторождении Чемпион выглядит в северном конце штольни № 1 как тектонический шов: с мелкодробленными, обохренными окислами железа породами.

Нескольким жилам и я дал названия. Прижились два моих имени: Ринг и Юника. Понятно, английское слово «ring» не соответствовало первому значению – кольцо, а назвал так жилу, рудный интервал которой оказался коротким, по второму значению слова: площадка для бокса. Канава, вскрывшая жилу,

выбита на округлом и лысом уступе, окаймлённом кедровым стлаником.

А Юника, расположенная на участке Северном, получила от меня имя по месяцу июню. В этом месяце, вернувшись из отпуска, начал я там работать.

Жильное тело Юника на участке, где грунт на пригорке посуше (в обе стороны по простиранию жилы – заболоченная тундра), оказалось мощным, местами свыше десяти метров, и с богатым содержанием золота, включая зальбанды. Но раздутый отрезок жилы короток – не более ста метров, если не изменяет мне память. На восток Юника резко утончается до безрудной жилки белого кварца, мощностью 30 сантиметров. А на запад канавы добыты не были, только одна скважина подсекла на глубине жилу с содержанием золота. Позже, по большей части широкого рудного интервала, была пройдена траншея, подтвердившая богатое содержание в руде золота. Скважины тоже дали положительный результат.

Намечалась проходка по жиле штольни, но в перестроечные времена трудовая деятельность на месторождении застопорилась. Из-за недофинансирования пришлось все работы в партии сократить, а вскоре и свернуть. Оставалось заканчивать аметистовую эпопею написанием отчёта по детальной разведке.

А вообще, геологическая обстановка там мало ещё понятная и сложная. Участок Северный следует доразведать, довести до ума.

Николай Кизюлин, техник-геолог

Вслед за Хворостовым в партию прилетел ещё один сергеевец – техник-геолог Николай Кизюлин. Его жена Нина позднее прибыла, и её устроили работать на аммонитном складе сторожихой. А сам Кизюлин присоединился ко мне – документировать поисковые и разведочные канавы. Разговорчивый и компанейский, излишне порой самоуверенный, редко сомневающийся в своих действиях как правильных, так и сомнительных, на канавах он вскоре отличился.

На магистральной траншее, пройденной бульдозером вдоль русла близко протекающего Ичигинваяма и которую документировал Кизюлин, при добивке полотна были вскрыты

недалеко расположенные друг от друга две рудные жилы. Одна из них получила естественное название: Ичигинская (рядом, где вскрыта жила, одноименная река), а с названием соседней жилы история получилась курьёзная.

Как раз в то время очередной заезд в Аметистовую партию совершил Хворостов. В камералке в тот день геологи принялись обсуждать, как назвать вторую жилу, вскрытую на магистрали. Первое слово, конечно, за Кизюлиным.

- Изюминка! – осенило вдруг Николая находка имени. – Ягодка есть, – скосил он взгляд на Хворостова, автора названия той жилы, – а теперь пусть будет и Изюминка..., виноград слаще морошки, – некстати добавил Кизюлин.

Хворостов в это время рассматривал штольневую документацию в рабочем журнале. Услышав последние слова Кизюлина, он поднял голову, – может, не понравилось сравнение жил не в свою пользу: Ягодка – его крестница. Но выражение лица у него было спокойным – умел Хворостов контролировать свои эмоции.

- Одного ягодного названия достаточно, – серьёзно начал говорить Виктор Петрович. – По-моему, будет лучше, если жилу назовем Кизюлинка. Согласны, коллеги?

- А что! – как на занятную шутку среагировала Афанасьева, – заслужил Коля себе жилу-тёзку!

Кизюлин не ожидал такого поворота к выбору имени. Видать, посчитал, что главный геолог всерьёз предлагает нелепое, как дразниловку его фамилии, название. Обиделся Николай и стал возражать против чести «увековечить» свою фамилию в рудной жиле. Хворостов, удовлетворённый смятением Кизюлина, благодушно рассмеялся тихим смешком и успокоил Кизюлина, примирительно сказав:

- Оставим, пусть будет Изюминка, хотя и Кизюлинка тоже неплохо.

Кизюлин не придерживался должной субординации в обращениях с начальством, не тушевался и позволял себе панибратские штучки перед любым начальником, если тот был его ровесником или моложе. Показательным примером в его фамильярном поведении с начальником (в тот раз с главным геологом Хворостовым) послужил забавный эпизод.

С утра, во второй нерабочий день после вчерашнего праздника (коллектив партии отмечал годовщину Великого Октября), встретились в камералке, зайдя туда по разным случайностям, я, Веня Зайцев и Коля Кизюлин. В камералке работал в одиночестве Хворостов – трезвый и с ясными глазами, как чистые стёклышки. У нас же троих физическое состояние было не ахти..., во рту сохло, и следовало бы здоровье поправить. Мы трое молча переглянулись блёклыми глазами и поняли друг друга.

Кизюлин быстро сориентировался, что надо сделать: решительно подступил к сидящему за столом Хворостову, положил ладонь на развернутую на столе синьку, сказал прямо, без обиняков:

- Доставай, Витя, бутылку, отдай её нам. Ни к чему ей на праздник скучать в зачанке.

Хворостов в рабочее время не позволил бы подчинённому с собой фамильярничать, но в нерабочие дни не был педантом, отлично понимал жизнь в полевой геологии. Поэтому отреагировал спокойно: «Уйди, Коля, не мешай мне, обойдётесь без бутылки».

И тут, неожиданно для меня (Зайцев в сторонке стоял невозмутимым, ждал положительного результата), Кизюлин наклонился перед Хворостовым, подойдя к нему сбоку, и обхватил руками за талию.

- Не отстанем, пока не отдашь!

Виктор Петрович вывернулся с объятий, встал со стула, и под продолженным напором Кизюлина, уже словесным, наконец, сдался.

- Хрен с вами, алкоголики, достали уже!

Прошёл Хворостов к дальнему углу, где стоял его чемоданчик, открыл и вынул из него вожделенную бутылку «Кубанской». Отдал он её Зайцеву.

В «офицерском» балке мы бутылку, говоря простым языком, оприходовали.

Нина Булычева, техник-гидрогеолог

Весной 1980 года в коллектив геологов, постоянно находящихся на месте полевых работ в партии и насчитывающий

тогда десять человек (Хворостов, как все главные геологи до него, в партии задерживался ненадолго), добавилась Нина Булычёва.

Закончила она Старооскольский геологоразведочный техникум, получив специальность техника-гидрогеолога. Приехала с мужем Олегом. Олег Булычев пошёл работать бурильщиком, а Нине на первых порах доверили заведовать

Нина Булычева и В. Лахтин

аммонитным складом, где она проработала месяца четыре. Потом Людмила Афанасьева взяла её к себе в подмогу – учила гидрогеологиню документировать керн на скважинах. А года через два, когда через реку был построен напротив штольни № 3 первый мост, железный, поручили ей дополнительно

делать регулярные замеры уровня воды и вести метеонаблюдения.

На отшибе посёлка стоял незаселённый бревенчатый домик – кособокий и обветшалый. Собаки-кобели, направляясь к сопке и пробегая мимо той избушки, непременно останавливались и метили мочой ближний к дороге угол избы. Зимой на том углу образовывалась жёлтая корка льда. Как раз этот домик был предложен для жилья чете Булычевых.

Искусным в плотницких работах оказался Олег Булычев. Сначала Олег выбрал избе новое место, недалеко от камералки, и трактор перетащил туда домик. После этого он ещё больше скособочился. Но Олега не смутило ветхое состояние избушки. Раздобыл он имеющийся в партии стройматериал – где-то самовольно взяв брёвна и доски, а где-то выпросив у начальника – и уже через месяц старая избушка сильно преобразилась.

Тут надо отметить, исходя из опыта жизни в Аметистовой партии (думаю, везде так в полевой геологии), – надеяться новоприбывшему специалисту на особое внимание, помощь или поблажку со стороны начальства не стоит – больше самому надо проявлять инициативу и смекалку. Олег это сразу понял и

правильно сориентировался. Видать, уже был у него опыт жизни в полях.

Пока Олег Булычев переделывал на свой лад жилище в уютное семейное гнездышко, жена его сблизилась по работе на аммонитном складе с Игорем Луковниковым, взрывником.

С миловидным лицом и стройной фигурой Нина Булычева в те годы выглядела привлекательной юной женщиной. С годами изменялась мало, только лицо к тридцати её годам немного потускнело.

Луковников, ценитель женщин с приятной для мужского взгляда наружностью, положительно оценил единственным своим зрячим глазом видимые совершенства молодой женщины. Правда, не внешность была для него главным достоинством особ прекрасного пола. Важнее ему была готовность женщины проявить интерес в общении с ним на разнообразные темы, и чтобы собеседница спокойно и с пониманием относилась к его неожиданным выходкам, когда бывал банально пьян. Находясь в подпитии, женщине, не понимающей его особую манеру общаться, давал громогласно, чтобы свидетели слышали, краткую характеристику: «Дура!».

Общаясь с Игорем по работе, а потом, заходя к нему гостьей в балок, тест на взаимопонимание Булычева прошла успешно: часто навещала Луковникова, и о чём они там беседовали, я не интересовался, к взаимоотношениям знакомых мне людей любопытен не был. Известно мне только, как и немногим людям, проявившим интерес к содержимому его знаменитого сундука, что доставал он оттуда машинописные тома популярных в мире эзотериков и давал Нине прочитать. Читала ли это она, не знаю. Я не замечал у Булычевой интереса к вещам, где надо напрягать голову. Но с удовольствием для себя позировала перед фотокамерой Игоря.

Немного о бытовой жизни взрывника Луковникова

На штольне по жиле Чемпион в начале 1980 года наладилась проходка головного штрека и рассечек. Луковников работал там взрывником. Свой старенький, со всех сторон обшитый вентиляционным рукавом балок, стоящий в старом посёлке возле речки, он перевёз к месту своей работы и поставил

на поляне, недалеко от устья штольни. Рядом с его балком стоял невзрачный балок поменьше, и жил в нём электрик Войт. С ним вместе одно время проживал горный мастер Кручевский.

Немолодой уже Войт, лет за сорок ему, в своей работе был старательный, а в общении с людьми непривычно для здешней жизни вежлив; к соседу своему Луковникову при встречах обращался по имени-отчеству и на вы. Луковникова он тоже приучил обращаться к себе соответственно. Изредка, когда случался большой перерыв в их работе, пили они вместе водку, привезённую бортом с Корфа, и шумно разговаривали, доводя друг другу свою правду жизни; у них она была, судя по разговорам, нелегкой – поколесили по свету.

В один из таких дней (на штольне проходка не велась, и Луковников с утра был заряжен спиртным, на этот раз брагой) к нему в балок вошёл Олег Булычев. Перед этим ушел к себе Войт, не любивший долго в гостях задерживаться, и когда выпивал, знал свою норму.

Интересно было Олегу узнать, какая причина влечёт в балок взрывника его жену, намеревался ближе с ним познакомиться.

Знакомство состоялось. Подскочил Игорь к вошедшему Олегу и в своей манере, когда находился подшофе, обеими руками захватил руку Олега и продолжительно тряс её в таком оригинальном рукопожатии. И тут же предложил гостю выпить с ним браги.

Какой у них доподлинно был разговор, знаю немного со слов Луковникова. Мне Игорь примерно так поведал о встрече с Олегом Булычевым: «Удовольствие получил от беседы с Олегом! Брагу, что оставалась, с ним допили. Чувствую, ревнует он меня к своей жене. Его я успокоил, говорю: я ведь старенький, но за женой всё-таки следы, не ровен час – умыкнут от тебя.

Павел Дионизович Мегал, начальник партии

Осенью 1980 года начальником Аметистовой партии был назначен Мегал Павел Дионизович. Отчество указывало, что корни новоприбывшего начальника на западной Украине, оттуда, видать, родом. Где он до этого работал, мне неизвестно, но, несомненно, северянин, и говорил по-русски чисто, без

украинского акцента.

В старом посёлке, который существовал до 1982 года, в один и тот же балок, стоявший на левой стороне ручья Дождливого рядом со складом, селились обычно начальники партии. Можно сказать, балок «генеральский», в отличие от ставшего уже притчей во языцех «офицерского» на другой стороне ручья.

Чаще всех в «генеральский» балок заселялся Валерий Виноградов. Он недавно был здесь начальником и отлаживал вместе с буровым инженером Виктором Уваровым пневмоударное бурение на единственной пока буровой установке. Как-то незаметно для меня он отбыл в Корф, а вместо него непродолжительное время делами в партии руководил Локман Эркенов, но концентрировал он свою деятельность в основном на организации подземных работ в штольне.

Энергично на первых порах взялся Мегал за порученное ему дело – наладить и запустить на всю катушку работы в партии, чтобы экспедиционному начальству было любо отчитываться перед руководством ПГО «Камчатгеология». Не колеблясь в своих первых начинаниях, заставил убраться с партии прочь несколькими рабочим; попали под его горячую руку и два канавщика, проявивших борзость в общественном поведении. Ну, а горные работы, впрочем, ни шатко, ни валко шли в прежнем темпе, что и до него.

Немного погодя, к нему приехали жена и сын, только что закончивший среднюю школу. Жена, которую редко можно было видеть прогуливающуюся по ухабистым тропам посёлка, работала на дому. По заказу геологов что-то там вычерчивала тушью на кальке. А сын, молодой парень, был пристроен горнорабочим на штольню.

Никак не поколебленный Павлом Дионизовичем рабочий ритм в посёлке и на сопках продолжал биться прежним ключом. И сам Мегал стал менее заметен, начал осторожничать в своих действиях, не позволял себе где-то переборщить и что-то не доделать. Никакой отсебятины – всё по инструкции; старался начальник, чтобы комар носа не подточил.

Но разве такое возможно в геологической партии с лимитным, издавна привычным финансированием? Чтобы ладом

везти упряжку с возом разных работ и забот, начальству надо быть изобретательным. Верным поступком будет где-то схитрить, проявить смекалку.

Подточил всё-таки комар свой нос в деле начальника. Допустил Павел Дионизович свой главный и последний на посту начальника промах. После чего он с работы уволился, и в экспедиции его больше не видели. А случилось следующее.

С запуском штольни и с увеличением буровых установок население партии прибавлялось, а разрастаться посёлку вширь не позволяла местность, представляющая собой кочкастую тундру, увлажнённую летом надмерзлотной водой. Гусеничная техника основательно распахала тряскую тундру – вплоть до ближних сопок разъезженная тракторами площадь. В разнонаправленных рытвинах поблёскивают красно-синие маслянистые плёнки.

А на противоположном, правом берегу Ичигинваяма – ровная каменная терраса, весьма обширная. Туда в скором времени намечалось перевести старый посёлок со всеми его домами и балками, построить там всю необходимую инфраструктуру.

И уже завозился туда тракторами материал для строительства нового аммонитного склада. Поэтому необходим был мост через реку. Когда требовалось перейти на ту сторону, переходили реку вброд, но в весеннее половодье и в период затяжных дождей пешком реку не перейти, люди переправлялись на тот берег на резиновой лодке, не без риска для себя: течение во время половодий было бурное.

Взялся Мегал мост проектировать. Так и сяк он прикидывал, советуясь с людьми. Из имеющегося на базе материала: брёвен, досок и бочек из-под солярки, к весне 1981 года был построен деревянный мост. Место было выбрано недалеко от старой баньки, которая из-за малой вместимости едва справлялась с регулярным обмывом населения посёлка. Опорными быками для моста послужили железные бочки, наполненные речным песком и гравием. Речное дно было в том месте неглубоким, бочки на треть их высоты вкапывались в грунт, состоящий из слабо сцепленного илом гравия.

Совсем недолго простоял мост, в первый же большой паводок мост напором воды разломало и смыло. Бочки-быки с

русла были выворочены, они опрокинулись, их постепенно уносило вниз по течению... Полное фиаско стараниям Мегала.

О майских половодьях. Случай с опасной переправой

Норовиста и коварна река Ичигинваям в пору больших половодий. Таков характер всех горных речек, и у каждой свои индивидуальные особенности. В спокойном её состоянии, протекая мимо посёлка в широкой долине, была для переправ неопасной. Через реку уверенно переезжала гусеничная техника, пеший народ перебирался на тот берег в болотных сапогах. Задрав отвороты сапог до паха, люди переходили реку в порожистых местах, где были косы и отмели. Где поглубже, требовалось усилие, чтобы устоять на ногах.

Но не тут-то было, когда приходила пора майского половодья или после обильных дождей, случавшихся чаще всего осенью.

Старый посёлок стоял на высоком берегу и был неуязвим для затопления большой водой. А вот обширную лесистую пойму за протокой (летом протока пересыхала) полностью затопляло майским половодьем.

Стремительно в мае прибывала вода в реку, принимающую по пути в своё бурлящее русло воду притоков, больших и малых. Особенно быстро заполнялась водой пойма, когда взламывался соседний приток Тклаваям. Резво нёс водный поток, торжествующий в своём бурливом неистовстве, обломки льда; льдины с треском сталкивались, прервав ход, медленно разворачивались и вдогонку устремлялись за передними льдинами; часть льдин заносило в тупиковые заводи.

Не избегала участи быть частично затопленной широкая за поймой галечная терраса, с настилом поверх галечника мха и ягеля, и куда собирались наши руководители перевезти посёлок. Летом многочисленные реликтовые старицы и временные водотоки с ближайших низких сопок пересыхали, но в половодье все они заполнялись прибывшей водой. С некоторых стариц, коротких и глубоких, ещё долго вода не уходила, и в знойные дни можно было окунуться в теплую воду.

В одно из таких половодий, но не максимально буйное (вода уже начала спадать), поплыли через реку на лодке горный

мастер Сергей Брагин и с ним четыре человека. Целью переправы была транспортировка аккумулятора к заглохшему трактору на противоположном берегу. Вместе с Брагиным в лодке находились два молодых канавщика, инженер по ТБ Санько и завскладом Ковальчук.

С высокого мыска в посёлке наблюдала за происходящей переправой группа зевак во главе с Васей Попелло. Вася следил за передвижением лодки и с неуместной весёлостью комментировал каждое изменение в ситуациях переправы.

Вёслами мощно работал рослый Брагин, на голову возвышающийся над товарищами. Корпус его совершал размашистую амплитуду в раскачке. Раскачка получалась неритмичной. Брагин ставил вёсла в разные положения, чтобы выправлять прыгающий ход лодки, которая передвигалась относительно реки диагонально. Её на стремнине больше сносило вниз по течению, чем она приближалась к берегу. Один из канавщиков стоял в наклоненной позе на носу лодки, держал в руках шест и бесполезными движениями пытался достать дно и оттолкнуться, когда лодку слишком разворачивало. Санько и Ковальчук суматошно передвигались в лодке, меняя центр тяжести, если лодка сильно кренилась набок.

И вот на водовороте лодку вдруг неудержимо и резко развернуло вперед кормой по течению, и её ускоренно, как с горки, понёс шумный поток к затопленным кустам ивняка.

- Сейчас перевернутся! – предрекал неизбежный итог переправы Вася Попелло. - Посмотрим, как поплывут! – предвкушал он потеху, не задумываясь, что кто-то мог не справиться с сильным течением и утонуть.

Накликал он беду.

С берега непонятно было, отчего лодка, так и не выйдя за пределы стремнины, вдруг перевернулась. Возможно, тяжёлый аккумулятор при наклоне лодки сдвинулся к борту и усугубил ситуацию, или натолкнулись на что-то под водой – никто из потерпевших бедствие толком не понял, что произошло.

Брагин потом рассказывал, как они спасались, когда с опрокинутой лодки выпали в воду: «Я сидел ближе к левому борту. Когда лодка резко перевернулась, кто-то из канавщиков ласточкой перелетел через мою голову. Не успел я опомниться,

как сам с головой ушёл в ледяную воду, а падал с лодки на спину, и мысль была: как бы аккумулятором меня не пришибло. Мы все были в фуфайках, на ногах болотные сапоги. В том месте, куда выпал с лодки, было глубоко, больше моего роста. Перевернувшись в воде – голова уже в воздухе. Мельком заметил, как рванул к ближним кустам Ковальчук, чуть не утоп, мне потом говорил. Руками со всех сил я работаю, сапоги бы скинуть, да куда там.... Кое-как доплыл до берега. А Санько унесло течением. За лодку он уцепился, и его понесло далеко вниз по реке. Через полдня пришёл в посёлок. Канавщики тоже смогли доплыть. Аккумулятор на дно ушёл».

Возвращение Марины Соловейчик

Примерно в то же время, когда начальником в партию прилетел Мегал, прибыла, окончив в Свердловском горном институте учёбу, Марина Соловейчик.

Поселили её в крохотную комнатуху, в балке на двух хозяев. В этой своей каморке, где едва помещались железная печка, столик и неширокий топчан, жила она всё то время, пока существовал старый посёлок. Балок, в котором она ютилась, через два года перевезли на новое место за реку. Продолжая в нём жить, в 1983 году она вышла замуж. Муж её – Михаил Махиборода, тоже молодой специалист-геолог, присоединил вторую часть балка в единое для семьи жилище, в котором до пяти лет рос их сын Егор.

У Соловейчик уже был опыт работы в Аметистовой партии: два летних сезона трудилась она здесь. Проходила геологическую практику в поисковых отрядах Вениамина Зайцева в первый год и Романа Пака в следующем году – на доисследовании флангов Тклавайского рудного поля.

Вновь с Романом встретиться ей не пришлось. За месяц до её прилета Роман Пак уволился и отбыл на материк. Трудился он после Камчатки в Средней Азии, стал кандидатом геолого-минералогических наук, защитив диссертацию по результатам работы в Восточном Устюрте.

Как и хотела Марина, определил её Газизов, ответственный за все горные работы, на канавы геологом. А меня Газизов решил взять себе в помощь на штольню.

Один только раз сходил я с ней на сопку Рудную, где в то время работали все канавщики. Кроме общей методики по документации канав, просветил её в учёте всяких мелочей, которые необходимо знать, работая с норовистыми и обидчивыми канавщиками.

Понятливая Марина запомнила всё, что я ей говорил. Познакомил её почти со всеми, работающими на тот момент, канавщиками, которые собрались в рабочем балке. Предупреждал Марину и о специфических нюансах, с которыми предстоит ей сталкиваться в работе, охарактеризовал вкратце каждого проходчика. Марина мои рекомендации усвоила, но оставалась себе на уме.

Проходка канав велась тогда на восточном склоне сопки Рудной. У подножья сопки взяты были в 1974 году поисковой партией Полунина штучные пробы, показавшие в пробирном анализе хорошее содержание золота. И надо было подсечь и проследить канавами на том участке рудную жилу, чьи обломки (мы полагали) попали в полунинские штучки.

Посредине склона, привлекая к себе внимание геологов, лежал, наполовину вросший в землю крупный валун кварца, по виду схожего с рудными образцами на сопке Аметистовой. Вычислив вероятное простирание жилы, задал я проходчику Москвичеву канаву. Выбил он её, но вместо рудной жилы, мощностью, по крайней мере, с полметра зацепил он небольшой прожилок безрудного на взгляд кварца. Наши геологи посоветовали мне выбить рядом канаву. Та вообще оказалась пустой. С другим направлением ещё пару канав в том месте выбили проходчики – и тот же отрицательный результат.

Вроде бы некуда жале деться – перерезаны хитрой «беглянке» все пути, но жилу, кажется, так и не нашли ни в тот год, ни после. К тому же вскоре в том злосчастном месте случилась авария с трактором. Два дня вызволяли рабочие трактор, провалившийся в какую-то естественную яму на сопке, повредив двигатель. А в ноябре 1980 года всех канавщиков отправил начальник партии Мегал на участок Спрут, находящийся за рекой, примерно в 15 километрах к востоку от базы. Марина Соловейчик с ними поехала.

Месяца два жила она в балке вместе с канавщиками.

Разумеется, выделили ей канавщики отгороженное занавесками место в балке. И как уж она там ладила с мужиками, доподлинно не знаю. У неё, когда она вернулась перед Новым годом в посёлок, я не спрашивал, и она со мной не делилась впечатлениями о бытовой стороне жизни на Спруте.

О начале моей работы в штольне

В то время старший геолог Газизов в основном вёл документацию забоев и стенок штольни, часто помогала ему в этом Людмила Безрукова – зарисовывала очередное сечение жилы и отбирала с пробоотборщиком бороздовые пробы.

Мощный Чемпион не помещался в забое, и через 40 метров по уходке зарезались в обе стенки штрека рассечки. Пробы в забое, сразу же после отпалки, проветривания, погрузки руды погрузочной машиной в вагонетки и откатки из забоя в отвал, надо было отбирать через каждые два цикла проходки. Забой продвигался вперёд примерно на 3 метра.

Пока велась проходка головного штрека по жиле Чемпион и рассечек, Газизов с Безруковой успевали отобрать в забое пробы. Но примерно через четыреста метров, считая от устья штольни, ожидалось с висячего бока Чемпиона ответвление жилы Гюзель. Тогда уже необходимо было проходить два штрека по руде.

Штольня №1.

Горный мастер А. Волков и В. Лахтин

Мне предстояло в короткие сроки научиться зарисовывать на развёртке плоскостей (кровли, стенок и забоя) текущее положение жилы в данном интервале проходки, после чего устанавливалась крепь. Пока интервал не был закреплён,

проходчики выделяли геологу с пробоотборщиком время для документации. Работал я в то время с рабочим Тракаем.

Дождавшись очистки штрека от наваленной взрывом руды, спешили мы с Тракаем к забою, пахнущему газами. Намечал я Тракаю на высоте груди полосу для борозды, а сам выполнял рисовку геологической ситуации на развёртке штрека.

Расторопный Тракай, наловчившийся в работе с Газизовым, быстро и ловко с помощью зубила и кувалдочки, применяя и кайло, откалывал кусочек за кусочком жильный материал на пробу. Иногда попадались в забое гладкие, зализанные подвижками блоков плоскости. Тракай в этом случае громко матерился; зубило после ударов по нему кувалдочкой с плоскости соскальзывало, и в нарушение правил отбора применял кайло – крошил резкими ударами отточенного кайла неподатливую плоскость. Борозда получалась неровной; в одном месте была она глубже, в другом едва виден след борозды.

Освоил новое дело я скоро. Немного погодя, головной штрек продвинулся к месту зарезки штрека по жиле Гюзель. Рудное тело Гюзель в месте стыка с Чемпионом представлено была несколькими маломощными прожилками кварца с сульфидной минерализацией. И перед каждой последующей отпалкой, когда следовало откорректировать направление штрека, меня озадачивало, в какую сторону и на сколько необходимо подвернуть штрек, чтобы не потерять в забое жилу....

К счастью, жила вела себя нормально, плавно выкручивалась к северу, и вся помещалась в забое. Через 2-3 отпалки забой продвигался вперед на несколько метров, и надо было через примерно равные интервалы проходки идти с Тракаем в забой штрека и в специально отведённый геологический час зарисовать геологическую обстановку в незакреплённом призабойном интервале, после чего отобрать пробы.

Работы шли круглосуточно, и мне с Тракаем часто приходилось идти к штольне ночью. Или же подолгу сидели с Тракаем в балке возле устья штольни, выпивали с ним по несколько кружек чаю, особенно много ночью – ждали часа, когда можно идти к забою.

До штольни добирались обычно на вездеходе, иногда на

тракторе или водовозке. А вот оттуда чаще всего я возвращался пешком, не дожидаясь машины. Тракай оставался ждать, в посёлок идти не торопился, сидел в балке, отхлёбывал из кружки горячий чай и развлекал рабочих смешными рассказами из своих жизненных случаев.

Наезженная всеми видами транспорта дорога шла в объезд Аметистовой сопки. Летом в охотку, несмотря на привычный фон гудящего комарья в воздухе, вышагивал я домой расстояние в три километра. По пути можно спокойно поразмышлять над рабочими ситуациями в штольне и поесть ягоды, росшей на обочине дороги. Сначала морошка поспевала в тундре, позднее голубика. А вот зимой возвращаться уже невесело.

В морозную погоду редко бывает безветренно, по белому полотну постоянно стелется ковровое течение низкой поземки. Но особенно скверно идти по мутной, еле различимой дороге в пургу. Сгорбившись, шёл я по дороге, отворачивая в наветренную сторону лицо; закрыто оно было белым, из вигоневой ткани подшлемником (или намордником, как обычно мы его называли), открыты в нём воздействию стихии лишь глаза. Через прорези для глаз пробивался снег, от дыхания образовывалась ледяная корка, и я постоянно, особенно в студёные или пуржистые дни, отмораживал себе нос. Зимой он часто был у меня облупленным: отслаивалась старая кожа и взамен отрастала новая.

Старший горный мастер Александр Богатырев

Старшим горным мастером на штольне был в это время Александр Богатырев. Все его звали – Сан Саныч.

А до него Сальмин был за главного мастера. Но перед тем как я стал работать на подземке, он незаметно исчез из моего поля зрения – улетел в Корф, и года два в партии не появлялся. А вернулся уже не тот Сальмин – энергичный и толковый, а заметно потускневший, неактивный. По всему было видно, что потрепала его где-то жизнь. Поставили работать Сальмина, едва отошедшего от череды запоев, простым горнорабочим. Грел он на печке воду, подчищал рельсовые пути. Но недолго на той работе продержался – опять куда-то исчез, и больше его не видел.

С Александром Богатыревым я часто сталкивался по

работе. Руководил горными работами он грамотно, дисциплина на должном уровне держалась, заданный ритм работы давал ежемесячно плановые метры проходки. А вот, когда в Корфе бывал по каким-либо делам, сначала всё уладив с делами, он мог дать себе волю расслабиться – загуливал по нескольку дней. Пил он водку в компании с кем-то или один, не знаю. Видеть его в пьяном состоянии мне не приходилось.

В Корф я вылетал редко, в среднем один раз в год, обычно по личным делам. И бывало, тоже позволял себе в Корфе расслабиться.

В тот раз вылетели в Корф с электриком Василием Мищенко, и нашли себе жильё в одном заброшенном домике у морского залива, с кроватями и печкой. Топили печь углем. Прибойными волнами обломки бурого угля выбрасывало на берег, и мы его там собирали. Два дня жил я с Васей в том домике. Заходили к нам и другие товарищи, приносили выпивку.

О Василии Мищенко, который много и полезно трудился электриком в обеих партиях, Сергеевской и Аметистовой, в нулевые годы получил я в письме Игоря Луковникова нехорошую весточку: попался Вася Мищенко на краже золота, которое пытался вывезти с Магаданской области на большую землю. Судьба Мищенко неизвестна, возможно, дали ему тюремный срок.

Мищенко в домике дольше жил, а я на третий день, утром, пошёл с ведром в магазин, купил литров семь молока и принёс в домик уставшим от водки товарищам, решившим делать себе отходняк. Сам отправился в экспедицию – узнать насчёт борта в партию.

Борт не планировался, и в ожидании рейса я поселился в квартире Газизова. Рашид Газизов находился в партии, а в его квартире жил Богатырев, только что завершивший свой недолгий тихий загул.

Печальными глазами встретил меня Богатырев. Я признался ему, что тоже не совсем в форме. И тут он мне предложил идти утром в корфскую поликлинику – «сдаваться» (так он выразился) врачам. Никакой нужды туда идти мне не было: чувствовал себя, как обычно бывает с похмелья, и на здоровье редко жаловался. Не догадывался я, что он серьёзно

надумал «сдаться» врачам.

После мне стало понятно: с сердцем у него были проблемы. А я думал, что за прихоть такая у Богатырева – ни с того, ни с чего идти в больницу. Я считал, что идут «сдаваться» обычно те, к кому после резкого завязывания с запоем приходит неожиданно «кондрат», то есть белая горячка. А состояние Богатырева, пусть и угнетённое, было вполне нормальным.

Приходилось мне наблюдать в партии состояние некоторых жертв Бахуса, которых нещадно мучил «кондрат», выставляя страдальца, пока не отправляли его в Корф, людям на посмешище. К примеру, случился однажды такой комичный эпизод, в котором участвовали жертва «кондрата» канавщик Малахов и буровик Вася Попелло.

Живописно рассказал Вася про событие: «Захожу я к нему в балок. Вижу, ползает по грязному полу Петя Малахов, руками перебирает – что-то ищет. Что ищешь, спрашиваю, и уже сам догадался, что «кондрат» к нему пришел. «Пистолет! Где пистолет? – бормочет Петя. – Окружают, гады!». Тут я... поднял ногу над его головой и ка-ак садану громко газом! Шарахнулся Петя – и под нары. Как напуганный хорёк забился в угол.

Утром проснувшись, уже посвежевшим по сравнению со вчерашним днем, я присоединился к Богатыреву, чтобы составить компанию в походе в поликлинику, начав уже догадываться, что у Сан Саныча действительно проблема со здоровьем.

День был солнечным, чайки над заливом кричали, отбирая у более слабых пернатых хищниц рыбу. Шли мы, сокращая до больницы путь, вдоль берега по утрамбованному, гладко зализанному прибойными волнами, песку.

В поликлинике, дождавшись своей очереди к терапевту, Богатырев зашёл в кабинет и минут двадцать не выходил оттуда. А когда вышел, сказал мне: «Скажешь в экспедиции, что ложусь сюда сердце лечить».

Ещё год или два работал Богатырев на штольне старшим горным мастером, а потом из экспедиции уволился.

До конца подземных работ в партии сменилось несколько старших горных мастеров, и Сан Саныч запомнился мне больше остальных.

Геолог Николай Шевченко

В мае и до середины лета 1981 года в партии меня не было – проводил на материке отпуск. Пока я отсутствовал, коллектив геологов пополнился новыми людьми. Прибыли из посёлка Кавалерово (Приморский край) Николай Шевченко с женой Ниной. Там Шевченко работал геологом на одном из рудников, добывающих оловянную руду.

Приобретённый им опыт (было ему, когда к нам прилетел, около тридцати лет) пришёлся кстати: Аметистовой партии нужен был опытный геолог-подземщик. Его супруга Нина – тоже геолог. Женщина она полная, одевалась в яркие, чаще красного цвета, джемпера и кофты.

Трудилась Нинель (наши дамы её так за глаза называли, чтобы отличить от другой Нины – Булычевой), главным образом, в камералке – выполняла несложные задания по оформлению и систематизации полевого материала. Хворостов, видимо, посчитал: дородной женщине трудно подниматься на сопку, пусть работает в посёлке.

Нине, при её телесных габаритах, в тесной избе-камералке не хватало воздуха: «Дыхнуть негде» – говорила она. Её жалоба на скученную в избе обстановку понятна: становилась она из-за возросшего штата ИТР всё более тесным помещением. Особенно когда собиралось в ней одновременно большинство из работающих в партии геологов и мастеров.

Не в ущерб работе нашла она выход из ситуации, в которой было ей некомфортно. Но только летом применяла свою выдумку на практике. Если выдавался тёплый солнечный день и мало носилось в воздухе насекомых (обычно в июне комары не столь многочисленны и назойливы), вытаскивала Нина из камералки свой стол, ставила его у стены тамбура и, расположив на столе необходимые для работы письменные принадлежности, трудилась на виду у проходящих мимо поселковых жителей. Шутливые реплики проходящих мимо людей её не смущали.

Как и следовало ожидать, Шевченко проявил себя знающим подземным геологом; приобрёл он опыт в эксплуатационной разведке, и на других стадиях разведок тоже успел потрудиться.

- Мы сделаем так, чтобы одна рука и одна голова документировала свой участок, - такими словами встретил меня в камералке Шевченко. - Я буду вести жилу Марию и головной ствол, а ты – жилу Гюзель. Сосредоточимся каждый на своем участке – порядка больше, если документатор один; на своем месте ты хозяин, и в твоей ответственности держать жилу в забое.

Недолго, меньше года, работал в Аметистовой партии Виктор Шевченко. Причина его возвращения на рудники Приморья осталась мне неясной: то ли по семейным обстоятельствам решил уехать, или разрешилась проблема, из-за которой он уволился с рудника, и теперь вот – на прежнее место потянуло.

Об истинной причине отъезда Шевченко наверняка знал Газизов. Он сожалел, что опытный с немалым стажем работы на подземке геолог покидает Аметистовую партию в самое интересное время; на очереди проходка новых штолен, разворачивание всего комплекса работ по проекту детальной разведки, начатой в 1981 году, – и опыт Шевченко способствовал бы успеху в общем деле как нельзя кстати.

Видел я, как напрасно пытался Газизов уговорить коллегу остаться в партии. Не поддался Шевченко уговорам и погожим летним утром 1982 года Шевченко с женой, собрав в узлы и ящики свой скарб (мы с Газизовым им в этом помогали), погрузили вещи на тракторные сани и трактор отвёз их на вертолетную площадку.

Пробоотборщик Михаил Мордвин

С Николаем Шевченко работал пробоотборщик Михаил Мордвин, средних лет мужчина. Немного о нём расскажу.

Миша (Шевченко к нему так обращался), мужик видом угрюмый, медлительный, полная противоположность непоседливому, бойкому на язык Виктору Тракаю, который работал со мной. Но вместе с тем неулыбчивый Миша, будучи в хорошем настроении, мог отпускать собравшимся в бытовке рабочим грубоватые шуточки, подкрепляя их неприличными жестами. Участие в больших компанейских выпивках он не принимал. А когда позволял себе облегчиться на пресловутой

«размагнитке», то пил один или в малом кругу, обычно с кем-нибудь вдвоём.

Кроме грубых мужицких манер в поведении, у Мордвина были особые привычки, по которым узнавался скрытный старовер. Несомненно, родом он из семьи старообрядца; наглядным узнаванием в нём сибирского кержака была его привычка пить чай в бытовке из собственной кружки, которую приносил с собой. И с людьми он контактировал недружелюбно, сторонился шумных компаний.

Чувствовалось в нём воспитание в кержацкой семье: работал старательно и с усердием. Но, в целом, старовер нетипичный. Я никогда не замечал в его разговорах интереса к религиозной тематике, и если поминал он кого-то из сверхъестественных сил, будучи во взведенном состоянии, то обычно чёрта или чёртовую мать. Но это мягкий вариант, матерно ругался, как и все. Ходил он постоянно в брезентовых куртке и штанах — кургузых, с опущенными поверх сапог штанинами; на голову натягивал капюшон, тоже брезентовый.

Игоря Луковникова, поселкового эрудита и собирателя староверческих иконок для своей коллекции, заинтересовала личность Мордвина: хотел узнать хранит ли он при себе иконку, чтобы её выклянчить и прикрепить к уже имеющимся на красный холст в раме. Известно, староверы некоторых толков держали у себя именно металлические иконки, а не деревянные. Поведенческие особенности Мордвина тоже интересовали Луковникова.

Проживал взрывник Луковников возле штольни — сразу за породным отвалом. На растоптанной полянке стоял его заметный балок, сплошь обшитый, вместе с крышей, вентиляционным рукавом.

Игорь Николаевич имел обыкновение сближаться с людьми, чем-то особенным отличавшихся от большинства. Любил он, когда выпьет, нахваливать человека, с которым находил когда-то общий язык. Например, такой отзыв об одном из его знакомцев я услышал: «Бурмистров! Вот молодчага! Это же Бурмистров! Ах, ах!.. Выпить и поговорить с ним — одно удовольствие! — пафосно восклицал Луковников в пьяном состоянии. Междометие, которое он часто употреблял,

характерно для его речи.

В случае с Мордвиным, не получилось у Луковникова приятной с ним беседы. Брага и хозяин браги, вместе они, разговорить Мордвина сумели, но, к разочарованию Луковникова, косноязычный гость оказался заурядной личностью.

Кстати, тогда я был случайным свидетелем их встречи.

Приезжая на работу в штольне, заходил я иногда к Луковникову в балок. Там и застал однажды раскрепощенного брагой Мордвина. Ворочал он языком, расшевеленным выпивкой, неизобретательно; ничего особенного, чем мог потом восхищаться Луковников, он не обнаруживал в пьяной болтовне собеседника; напрасно покрасневшийся с браги поселковый эрудит пытался вовлечь Мордвина в умный разговор о старой вере. Выяснилось к тому же, что латунных иконок поселковый старовер при себе не держал.

Работать с Мордвиным мне не пришлось. Шевченко говорил про него, как об умелом пробоотборщике, добросовестно выполняющим свою работу.

- Работает он медленно, - говорил Шевченко, - но борозду ведет правильно, получается она у него ровной, по глубине выдержанной.

Ничем иным, кроме унаследованных бытовых староверческих привычек и угрюмостью, старательный в работе Мордвин не отличался от большинства рабочих.

«Исчезновение» жилы Гюзель

Про ответственность геолога за порученный ему участок, где он в своей работе корректирует действия проходчиков, Шевченко верно сказал. И я вспоминаю случившееся в проходке штрека событие, после которого несколько дней был не в своей тарелке, и даже приболел.

А случилось перед моим отпуском в 1981 году следующее.

Жила Гюзель с самого начала ответвления от Чемпиона «вела» себя в штреке спокойно – без резких виляний или смещений. Подправляя каждый раз направление штрека, я добивался, чтобы жила (мощность её в пределах метра) вписывалась в забой посередине – была тогда возможность

опробовать оба зальбанда. Бывало иногда, если я по какой-то причине не мог в нужное время явиться на штольню, вместо меня кто-то из геологов шёл к забою опробовать жилу.

В тот злополучный день жила Гюзель в штреке, после того как сделали проходчики пару циклов в уходку, была потеряна.

Утром геологи Людмила Афанасьева и Марина Соловейчик пришли на штольню. Оценили на своё соображение ситуацию перед пустым, без жилы, забоем и дали проходчикам команду повернуть штрек вправо.

И, как оказалось, ошиблись в выборе поворота.

Вечером я тоже был в штольне. Кровлю и обе стенки штрека проходчики закрепили металлической сеткой и затяжками, а сам штрек, насколько позволяла технология, повёрнут направо. В забое пустые малоизмененные породы, и нет намёка, что жила в том направлении вновь появится. Признаки разлома, хотя бы незначительные, и по которым можно определить, куда ушла жила, не просматривались.

Я вспомнил положение Гюзели на поверхности. Там жила поворачивала влево. Соответственно, спроецированная на подземный горизонт жила отклоняться должна в ту же сторону.

Газизов, ответственный за положение дел на подземной проходке, в партии отсутствовал. Учитывая субординацию (Афанасьева – геолог, я – техник), сразу не стал вписывать в рабочий журнал распоряжение, чтобы разворачивали штрек налево с того места, где потеряна жила. Я должен был это сделать, уверенный в своей правоте, – за проходку штрека в нужном направлении отвечаю я, а не сторонний геолог.

Я вернулся в камералку, застал там Афанасьеву и объяснил, что её решение неверно, и следует положение исправить – вернуться назад и поворачивать штрек налево.

Неожиданно для меня, Афанасьева с моими доводами не согласилась: упёрлась, и ей вторила присутствующая в камералке Марина Соловейчик. Чем они руководствовались, упорно отстаивая свой вариант, уже запомнил, а перепалка с неуступчивыми женщинами, в которой мы доказывали свою правоту, отразилась на мне: поднялось кровяное давление, и два дня болела голова.

Афанасьева вскоре признала свою ошибку. Проходчики,

сделав пять лишних циклов, выправили штрек и вышли на незначительно смещенную в сторону жилу Гюзель.

Рабочие занятия геолога Рашида Газизова

Прибытие Шевченко освободило старшего геолога Газизова от участия в документации и опробовании жил в штольне. На подземке и я работал уже полгода; проходка велась в темпе, и одному документатору было не справиться – помогал, часто посещая штольню, Газизов. С приходом Шевченко стало всем легче, каждый выполнял свои должностные обязанности.

До моего подключения к подземной документации, Газизову и Людмиле Безруковой приходилось идти в свой черед (как они договаривались) на штольню – опробовать забой или рассечку с жилой. А у Газизова хватало другой работы. И, надо отметить, успевал он бывать везде; фигура его, обычно с немного опущенной к земле головой, заметна была издали – энергичным шагом приближался он к участкам работ. А придя с участка в камералку, допоздна там работал.

Прежде чем начать продвигаться по должностной лестнице, испробовал себя Газизов рядовым геологом-исполнителем на всех направлениях и стадиях разведки. В Аметистовую партию он пришёл с накопленной практикой, вкладывал опыт уже в ответственные дела, где надо больше соображать головой.

Самым важным для него делом, на котором он, так сказать, «собаку съел», и оно за годы камеральной работы выкристаллизовалось у него в умение вдумчиво и ответственно работать с цифрами, стала специализация в подсчётах запасов.

Трудясь в Корфе в камеральной группе, аккуратно заносил Рашид в столбцы и таблицы правильные цифры – любил он эту ответственную работу, и в ней точность; не позволял он себе выискивать хитроумные лазейки для более высокой, но уже сомнительной цифры. Юрий Павлович Рожков (до своей опалы – начальник экспедиции, а с 1982 года – ведущий геолог), любящий перепроверять в отчётах данные по запасам, редко мог к его цифрам придраться.

Я, когда начинал трудиться в штольне, много для себя полезного по части документации подземных выработок перенимал от Газизова. На мой тогда неопытный взгляд, его журнальная

документация, (геологическое описание жилы, её понятная зарисовка цветными карандашами на развёртке штрека) была для меня эталоном; учился я по ней аккуратности и точности в рисовке и замерах наблюдаемых деталей.

«Не поворачивай часто штрек, проходчики виляния не любят, – говорил мне, начинающему работать в штольне, Газизов (касалось его замечание жилы Гюзель, мощный Чемпион не вилял, и штрек продвигался прямо, в полном сечении жила вскрывалась рассечками). – Разберись сначала, по каким признакам следует штрек подвернуть в сторону уходящей из забоя жилы, и чаще сверяйся с поверхностным планом. Если тебе что-то непонятно, полагайся на свою внимательность и опыт придёт».

В связи с последним замечанием, вспомнилось мне, что примерно то же самое говорил и Вениамин Зайцев студентам. Объясняя им как-то методику описания пород в поисковых маршрутах, с присущим в его разговорах юмором сказал: «Не знаешь, как назвать породу, что перед глазами, не напрягай мозги, всё равно назовёшь неверно, а детально напиши в пикетажку типа: вулканическая порода, далее все её особенности, которые видишь, щупаешь и берёшь на язык. Потом тебе подскажут верное название породы и к ней обязательно пояснительное прилагательное».

И такое бывало...

Рашид Баянович в классификации Хворостова попадал в категорию «пьющих» геологов, а значит и толковых. Геологи, без слишком больших переборов пьющие, считал Хворостов, являлись (так часто совпадает) хорошими специалистами. Каким критерием разбивал он геологов на категории толковых «пьющих» и «непьющих» середнячков, мне неизвестно. Знаю только, что вовсе непьющие геологи (наотрез отклоняющие рюмку: «ни-ни!») – большая редкость. Язвенники, конечно, не в счёт.

В Аметистовой партии любое спиртное употребляли все геологи. Большинство знали свою меру и мерку (уровень налитого в рюмку или кружку): «Ни капли больше». А после стрессовых ситуаций (в геологии часто они случались) снять

напряжение тем более нужно: «Как это – не выпить?». Самоотказ от разрядки выглядел бы странным.

Сосредоточенный всегда на работе, в компаниях Рашид Баянович расслаблялся, был инициатором неожиданных мероприятий.

Я вспоминаю комичные эпизоды, случившиеся отдельно со мной и Газизовым в штольне, куда однажды ночью приехали. А перед этим, вечером, в канун праздника 7-го ноября, собрались геологи в камералке. Организована была выпивка и закуска. К торжественному моменту появился Хворостов.

Надо сказать, дела в партии шли тогда хорошо: план на всех участках выполнялся, стабильно по жиле Чемпион шли из лаборатории хорошие результаты анализов. С канав и скважин тоже приходили неплохие по руде цифры.

Сел за стол Хворостов, поправил налитую ему рюмку и поднялся со стула. Поднаторевший на предпраздничных церемониях, бросил он машинально взгляд на боковую стену, словно чувствовал там несуществующий портрет Брежнева, и взял слово. Похвалил наш главный коллектив партии в слаженной работе, отметил в ней отдельно вклад геологов.

Сразу после речи приступили собравшиеся поглощать яства и выпивку, насколько позволяли каждому аппетит и привычка, все в охотку вкушали ото всего на столе.

- Коллеги! А давайте-ка, поедим все на штольню! Кто ещё не был, полезно там побывать, – час спустя, предложил экскурсию раздухарившийся с кубанской водки Рашид Газизов.

Хворостов мероприятие одобрил; выпил со всеми он немного, но этого хватило, чтобы расслабиться.

Кизюлин побежал в балок, где жил вездеходчик, велел ему, сославшись на Хворостова, заводить мотор и везти геологов к штольне. Водитель, привыкший ко всяким неожиданным распоряжениям, завёл вездеход, стоявший возле его балка, и компания геологов влезла в кузов. Пробоотборщик Тракай, живший вместе с вездеходчиком, тоже с нами сел. А Хворостов в последний момент раздумал ехать с нами, остался в посёлке.

Не у всех были аккумуляторы, когда в вездеход садились, рассчитывали найти фонари и каски на месте.

Уже смутно я помню, куда делись, кроме Газизова,

остальные геологи-экскурсанты. В штольне мы остались вдвоём, и ещё Тракай был с нами.

Проходчики занимались своим делом: вычищали с дальней расщелины породу. Нам с Рашидом, знающим штольню, экскурсия была ни к чему, и остались, наверное, ждать завершения очистки забоя в расщелине. Пока проходчики делали свою работу, мы пошли в бытовку, и в пути друг друга потеряли.

... Очнулся я на узкой скамье в бытовке. Неудобно на ней лежал, не сняв с головы каску с фонарем, и ждал рассвета. А про Газизова Тракай мне после эпизод расписывал:

- Сiju я в бытовке, курю. Вижу – ты один пришёл и на скамейку сразу лёг. Спрашиваю у тебя: «Где Рашид?», ты говоришь: «Не знаю, разминулись с ним, но скоро придёт». Полчаса ещё прошло. Проходчики последний состав выгрузили и зашли в бытовку. Сказали, что Рашида не видели. Я поднялся и пошёл в штольню. По штреку иду, слышу голос Рашида из расщелины, второй за аммонитным складом. Я туда свернул. Вижу: привалился к стенке Рашид, ноги вытянул, и бормочет что-то по-татарски. «А ну, давай поднимайся», - говорю ему. Он отмахнулся, не встаёт. Чуть ли не силком помог я Рашиду подняться. В бытовке он очухался, две кружки чаю выпил, и часа в три ночи ушёл в поселок. А ты в бытовке до утра оставался, вместе потом уехали на вездеходе.

Возможно, лишнего прибавил в рассказе Тракай, приплёл кое-что от себя в своей фантазии.

Солтон Эркенов

С осени 1981 года после отбытия в Корф Локмана Эркенова, бразды правления Аметистовой партией взял в свои руки его младший брат Солтон.

Спрашивали геологи у покидавшего партию Локмана, каков в деле и по характеру своему его брат Солтон. «Можете не сомневаться: строже меня, порядок у вас будет», - отвечал Локман.

Освободили младшему Эркенову домишко, выселив в другое место прежних жильцов, и он в нём обосновался.

Собрал черноволосый кавказец (отличался этим от рыжеватого брата) коллектив партии в большой палатке и выдал

назидательную речь. И как показала дальнейшая его деятельность на посту начальника, любил он проводить собрания и нудно произносить речи с большим креном в критику проводимых работ; подробно он разбирал случаи «распиздайства» (его выражение) среди рабочих.

С Ниной Булычевой, техником-геологом, моложавый Солтон вскоре сдружился (её муж Олег, поссорившись с женой, навсегда уехал в Ростов, откуда оба были родом). Начальник стал посещать одинокую Нину в её аккуратном чистом домике, стоявшем рядом с его невзрачным домишком. И когда посёлок был перевезён за реку, их избушки ещё ближе стояли друг к другу.

Первым поводом к сближению начальника и Булычевой стало совместное ухаживание за рыжей лисой, которую, с оборванной петлей на шее, поймал в посёлке Солтон. Лису, прежде чем томиться ей у Солтона в клетке, встретил я на сопке, когда шёл на штольню. По найденной зимней тропе семенила лиса *(на фото)* мне навстречу. Обрывок петли болтался на её шее. Остановилась обессиленная лиса передо мной, печально на меня взглянула и, свернув с тропы, на неё вернулась позади меня и побежала в сторону посёлка. Бежала она «сдаваться» людям, чтобы освободили от петли. Её-то и поймал в посёлке Солтон.

Названа была лиса Аксиньей. Запихал её Солтон в деревянную клетку, и у него в тамбуре жила несчастная Аксинья. Уход Булычевой и мясная кормёжка не помогли лисице поправить здоровье, а меху восстановить товарный вид. Скончалась Аксинья, и Солтон выбросил труп на помойку.

Зимними вечерами молодые геологи, да и кто постарше, собирались в избушке Нины Булычевой – развлекались игрой в узнавания спрятанных предметов по замысловатым подсказкам. Кому подсказывали больше, тот и проигрывал. Должен был проигравший выполнить потешный трюк. Солтон тоже иногда участвовал в этой школярской развлекаловке. И когда

проигрывал, должен чем-нибудь потешить участников игры, например, собачьим лаем.

Вёл руководство Солтон Эркенов, сообразуясь с планами геологов, и не мешал их работе. Производственные дела оставлял вести главному инженеру и техническим мастерам, а сам поправлял, подкручивал не самые важные колёсики процесса, и как все начальники сосредотачивался на бесперебойном снабжении бригад рабочим материалом.

На бытовые неурядицы обращал он много внимания, был въедлив до мелочей. Фигурально выражаясь, в любую дыру он влезал со своими придирками и оправдывал слова брата: требовал везде порядка и дисциплины.

К «размагнитке» у канавщиков отнёсся он со всей серьезностью, намеревался искоренить или свести до минимума их привычку бражничать по нескольку дней кряду. Но, как и предшественники, не преуспел Солтон в борьбе с неподдающимся контролю бражничеством. Ограничился начальник тем, что в двух-трёх рейдах с горным мастером вынесли с изб, где жили канавщики, фляги с созревающей брагой и вылили на землю содержимое. Корки хлеба тут же склевали вороны и весело каркали, кружась над избушкой начальника.

Вершиной деятельности младшего Эркенова стало сооружение на зыбкой тундре под его руководством грунтовой дороги, которая вела от посёлка к ближайшей сопке. При полёте борта к посёлку рукотворный объект в летние месяцы чётко выделялся на фоне заболоченной тундры.

Сорвалось у кого-то с языка – окрестили дорогу, учтя объём и затраты труда, громким именем (но в написании строчными буквами): «бам». Бабахнул Эркенов-младший по самолюбию некоторых начальников (сам, может, так считал), не оставивших после себя ничего значительного в памяти людей, с ними работавших.

Не преминул Веня Зайцев внести в свои анналы это достопамятное достижение Солтона. Амбициозные начальники, подмечал ироничный Зайцев постфактум, оставляли за собой после ухода главное свое деяние, чем и запоминались больше остальных.

Циклопический (по мерке возможностей партии) объект,

созданный младшим Эркеновым, внушал уважение к затраченным на него усилиям. Движущаяся техника, уже и колёсная, утрамбовывая под собой слой насыпного щебня, могла и летом одолеваять легко расстояние (пятьсот метров) до подъёма в сопку.

Одного не учёл Солтон: созрела в умах дальновидных производственников идея, была уже в проекте: переброска посёлка со всей инфраструктурой на обширную ровную террасу за рекой. Детище Эркенова-младшего, таким образом, оставлялось не у дел, без использования по назначению. Находилась дорога в стороне от путей, по которым позже двигались от нового посёлка трактора и вахтовка. По маршруту на новой дороге, где заболочено, тоже насыпали щебень.

Брошенный «бам» стали разрушать природные стихии. По обеим сторонам дороги наметились, и стали из года в год углубляться овраги. Дорога уже смотрелась как выпирающий из земли длинный хребет сдохшего монстра.

Геолог Людмила Безрукова

Энергичную и умелую Безрукову Людмилу, способную отдавать много сил и времени геологической работе, можно назвать трудоголиком.

По окончанию учёбы в вузе приехала она на Камчатку и несколько лет трудилась в Сергеевской ГРП. А после отпуска коллектива (геологи разъехались, кто куда) выбрала себе новое место работы – Аметистовую ПРП. Впрочем, и вариантов было раз-два, и обчёлся. Разведка выявленных золоторудных площадей на Камчатке, самых перспективных, велась тогда только в центре полуострова (Агинское месторождение) и на рудопроявлении Аметистовом в Пенжинском районе.

В августе 1979 года явилась Безрукова в Аметистовую партию, где её ждали коллеги по Сергеевской партии Хворостов и Газизов, прилетевшие тем же летом. Соединившись вместе (Зайцев и Федотов уже год работали в партии), составила пятёрка бывших сергеевцев ударный костяк геологов.

Обговорили они, собравшись вместе, положение дел в партии и пришли к выводу, что поисково-разведочные работы (буровые и на проходке канав) велись доселе не согласованно и

даже хаотично – отсюда удлинение сроков и незавершённость работ по проектам. Необходимо, решили они, навести на всех местах и в делах порядок.

Устроила наспех Людмила неприхотливый быт, какой обычен в геологическом посёлке (поселили её в «видавшем» многие лица старом балке), и приступила к работе в камералке.

Ознакомилась она с месторождением, перебрав вороха геологических материалов, расположенных в рабочем беспорядке на столах, стеллажах и подвесках (потратила на это пару дней), после чего отправилась поджарая и скорая на ходьбу Людмила в поисковые маршруты.

Обшлагала она, пока снег не накрыл землю, ближайшие и дальние сопки, уточняя геологическое строение, а со встреченных на пути кварцевых высыпок, интересных на её взгляд, набирала в рюкзак кусков на штучную пробу. Из всего увиденного и прошупанного составила Людмила Безрукова для себя общую картину. Она поняла: месторождение стоящее – и надо работать!

*В камералке Аметистовой партии.
Крайняя справа сидит Л. Безрукова.*

С воодушевлением бралась энергичная Людмила за любое дело, какое ей поручали в Аметистовой партии, и добросовестно его исполняла. Но основным её занятием на месторождении стало направлять и контролировать работу буровых бригад. Если

возникала необходимость, помогала техникам-геологам справляться с их работой, особенно, когда ожидалось пересечение скважиной известного рудного тела. Сама тогда отправлялась на буровую. Бывало, и в ночь там дежурила в ожидании встречи с подсчётной (по золоту) жилой.

Бурили скважины пневмоударниками. Жильная руда часто дробилась на мелкие обломки, образовывалось и много пыли, которая улавливалась пылеприемником. В тепляке во время бурения пыль в воздухе стояла столбом, рабочим полагалось надевать на лицо марлевые повязки.

Пыль вместе с дробленным керном шла в пробу. Присутствие геолога в это время было более чем желательно: буровикам, как и горным проходчикам, в первую очередь нужны были метры, могли небрежно пересечь снарядом жилу, в результате чего доставали из скважины мало рудного материала.

Когда началась проходка головного штрека по Чемпиону (в феврале 1980 года), Безрукова присоединилась к Газизову, и в течение года преимущественно вдвоем (изредка подключались другие геологи – опробовать с рабочим жилу) вели они документацию штольни.

К слову сказать, все геологи и техники партии, работающие на других направлениях разведки, и, разумеется, геологическое начальство из Корфа и Петропавловска, не упускали возможности побывать в штольне. Хотя бы ради зрительного впечатления при взгляде на свежий, после уборки взорванной руды, профиль жилы. Если долго оставить забой в покое, с притоком воздуха жила тускнела от химических реакций и пыли.

Жилы летом в грязных канавах, часто затопленные бурой водой, а зимой зализаны смёрзшимся породным сором и глиной, не впечатляли своим видом. А тут, под землей в штольне, пахнувшая взрывными газами жила красовалась в своём первозданном виде. Обохренная, с обилием глинистых минералов, поблёскивала она в свете фонаря параллельными, с завитками, полосками сульфидов. Всё минеральное разнообразие рудной жилы было перед глазами.

Разведочная штольня – важный производственный объект в геологии. И, видать, не торопился Газизов доверить ответственную работу (документацию подземных выработок)

кому-то из неопытных в этом деле техников-геологов, пока сам не изучил все особенности Чемпиона.

И только с ноября 1980 года привлёк он меня к работе в штольне. Для этого я был освобожден от работы с канавщиками, а дело с проходкой канав взяла в свои руки Марина Соловейчик.

С подключением меня, а через полгода Шевченко, к работе в штольне, сосредоточила Безрукова основное внимание на бурении скважин, или присоединялась к камеральной группе в Корфе. Но полевая жизнь ей больше нравилась и долго там не задерживалась. После написания своей главы в отчёте или проекте возвращалась она назад в партию.

Легко заметить, много места в этой главе я оставляю в основном трудовой деятельности Безруковой. Наверное, оттого концентрирую больше внимания к её работе и не касаюсь личной жизни, что чаще видел Людмилу на рабочем месте, будь с ней встреча на сопке или в посёлке.

Длительность трудового дня Людмилы Безруковой значительно превышала норму, мало ей было рабочего времени. Спустившись с сопки, допоздна сидела она за столом в камералке, вставала только, чтобы подбросить дров на догорающие в печке поленья.

Лишь в компании по случаю разных торжеств Людмила раскрепощалась и в полной мере, но без излишеств, снимала накопившееся в работе напряжение.

*Л. Безрукова и Р. Гизизов (вверху слева)
в компании геологов. Справа – В. Лахтин.*

Лишь в компании по случаю разных торжеств Людмила раскрепощалась и в полной мере, но без излишеств, снимала накопившееся в работе напряжение.

Первые два года жила она с Владимиром Беляевым (механиком) и сыном Ваней дошкольного возраста. Ваня всегда находился с ней рядом. Чего нельзя сказать о Беляеве, отце Вани.

Семейная жизнь у Людмилы с Беляевым давала трещины, и не раз трещина раздора отодвигала их врозь. Беляев уходил в холостяцкий балок. Прожив там некоторое время, возвращался к Людмиле. Но, в конце концов, разошлись насовсем.

Механик Владимир Беляев

Владимир Беляев был весьма неординарной личностью. Работал он в Аметистовой партии механиком по наладке и ремонту машин и разных технических устройств.

Хорошую голову имел на плечах Беляев, а руки умело разбирались в узлах машинной техники, а также радиотехники. Дело своё он знал и вёл толково. Все звенья в машинах и механизмах исправно работали до тех пор, пока трактор или что-то ещё из моторного парка не вляпывались в очередную аварию. Оперативно Беляев с рабочими проводил ремонт.

Дефицит запасных частей всегда был, тем более в геологии, и смекалистый механик как нельзя лучше справлялся с задачей: находил в железном хламе подходящую деталь для подгонки её в рабочее состояние, и, подправленная инструментами, деталь в машине работала.

Рабочих, находящихся у него в подчинении, держал он в узде, не давал спуску за огрехи в работе, порой изгонял наглого работягу, который на замечания в работе отвечал с гонором, а мышей не ловил. «Получай башмак!» - жаргонным словом чеканил приговор Беляев и давал ход формальностям по увольнению неугодного рабочего.

В обыденной обстановке, находясь в обществе, Беляев не проявлял активности и больше в тени оставался; предпочитал держать язык за зубами, пустой болтовни от него не услышишь. На просьбы жителей посёлка помочь разобраться в неполадках бытовых приборов откликался охотно.

Согласно классификации Хворостова, толковый механик

Беляев занимал место в ряду пьющих, но притяжение к спиртному было у него избыточное. Раз в году, а то и два, уходил он в загулы, и пребывал в них неделю и дольше.

Входило в привычку видеть его попеременно: старшим мастером мехцеха и рядовым исполнителем ремонтно-слесарных работ. Но он оставался в обойме ценных кадров, и спустя какое-то время начальство «забывало» о проступке.

Срок опалы заканчивался... и словно вещая птица Феникс, возрождался прощённый Беляев и ревностно приступал к своим обязанностям. Как и раньше, строго взыскивал с недобросовестных слесарей проколы в работе, и терпеть не мог спиртного запаха, которым дышал на него опохмелившийся с утра работник.

В конце восьмидесятых годов, когда всюду затрубили фанфары перестройки, Беляев из моего виду незаметно исчез. Увидел его вновь уже в Корфе, куда я перебрался в 1991 году и трудился в камеральной группе.

Невероятная метаморфоза произошла с Беляевым. Комплекция, холодные глаза те же, и только русая борода заметно подросла, добавив рослой фигуре солидности. Стоял Беляев, на нём атласный жилет, за прилавком в магазине и торговал пищевыми продуктами. Ассортимент продуктов в банках, уместившихся на одной полке, был скуден, как и везде в то время. Гайдаровские реформы только начинались.

Товар, который хорошо расходился и давал ему основную выручку, это спиртовой самопал, подогнанный в крепости к водке: смесь воды и спирта, без всяких смягчающих вкусов добавок. Сердито, но недёшево. Брал Беляев с рук покупателей двести обесцененных рублей («гайдаровок») за бутылку.

Его преображение — из умелого технаря в мелкого бизнесмена — было для меня удивительным. Правда, кто-то мне говорил, что распоряжалась торговым бизнесом его сожительница, а Беляеву отводилась функция реализатора товара. Так или иначе, а вот... приспособился он к жизни в рыночной экономике, и неплохо в ней себя чувствовал.

Работа Марины Соловейчик с канавщиками

С той поры, как я стал работать на подземке, проходкой

канав занималась Марина Соловейчик. Ей помогали, если она «зашивалась» с приёмкой канав, как и мне раньше, свободные от своих дел геологи. Помочь Марине принять канаву чаще других вызывалась Людмила Афанасьева, когда была свободна. Трудилась она геологом на бурении, но её личный интерес распространился на все виды горных работ.

В то лето буровая бригада целенаправленно бурила скважины на участке 1-й группы жил в заболоченной долине руч. Дожливого, подсекая на заданной глубине две субпараллельные жилы Ичигинскую и Изюминку. Содержание золота и серебра в жилах было стабильным на протяжении сотен метров.

Согласно проекту предварительной разведки, рассчитанной на 1981-86 годы, через год или два предстояла со стороны Ичигинвояма зарезка в жилу Ичигинскую штольни № 3. И надо было к этому времени определить расположение этих жил на горизонте будущей штольни и протяжённость рудного интервала.

Зимой Марина Соловейчик прослеживала канавами указанные рудные тела. За ручьем Дождливым жилы терялись.

Ещё ранее, начиная с магистральной канавы, опоясывающей подножье сопки перед рекой, пройдены были проходчиком Жереховым несколько канав. На одной из них, кстати (я уже рассказывал) Жерехов «погорел» – попал в переплёт разбирательства с особистом – по поводу найденных в мешке с пробой детонаторов. Да и мне пришлось перед особистом изворачиваться, доказывая, что я в инциденте не причём. С того случая Жерехов на канавах больше не работал, а меня кагэбэшник взял на заметку, пригрозил, не доверяя, видать, моим оправданиям: «С тобой ещё встретимся!».

Позднее, жереховские канавы пересекла протяжённая траншея по жиле Ичигинской. Сразу над устьем штольни № 3 – её начало. Наглядно высматривалась на крутом склоне сопки, если глядеть со стороны посёлка за рекой, две части траншеи с жилой, смещённые относительно друг друга. Это разлом «Президент» (название от геолога Махибороды) сработал – сдвинул жилу Ичигинскую в горизонтальной проекции на двадцать метров. А в штольне, перед «Президентом» и недалеко от устья штольни, был раньше встречен разлом, названный «Премьером». Выглядел он солидно, но амплитуда смещения

жили была незначительной.

Проходке штольни № 3 ещё предстояло стартовать в мае 1983 года. Пока же, в неспешном темпе, но целенаправленно и «не вяло» (нехорошим наречием определял Хворостов прежнюю работу) вела партия поисково-разведочные работы по двум проектам. На исполнение разных проектных заданий канавщиков попеременно дёргали с дальних участков на ближние, и наоборот; вместе с ними перемещался их балок-бытовка, порядочно уже расшатанный от частых перевозок. Поучаствовал в износе балка и медведь – забрёл в него однажды ночью; выломал косолапый дверь, разбросал и попортил шушлайки канавщиков (рабочие вещи), окно разбил и печку оставил с места сдвинутой и с высыпанной на пол золой.

Медлительная, но кропотливая в работе Соловейчик получила (неожиданно для себя) хорошую закалку на Спруте прошлой зимой. Там прошла недавняя студентка Марина трудовую адаптацию, ютясь в натопленном балке в компании суровых мужчин, – как сказочная Маша с медведями. И теперь она, трудясь на основных участках месторождения, успешно справлялась с делом, которое, по словам Марины, ей нравилось.

Взаимопонимание с канавщиками тоже было налажено; на замеры габаритов канав они не жаловались: как и я, бывало, добавляла в замер глубины лишние 10-20 см – поощрительную «премию» за хорошо подготовленную к сдаче канаву. Скоро пришло к ней понимание, где следует наверняка задать проходчику новую канаву. И ошибалась редко.

Веня Зайцев, поясняя умение Марины Соловейчик ставить горняка точно на жилу, говорил:

- Наблюдал я как-то со стороны: ходит Марина на сопке туда-сюда... потопчется в одном месте, затем к земле наклонится, словно собака что-то вынюхивает; сковырнет сапогом камень – отходит дальше, возвращается... и, наконец, отмеряет расстояние. Канавщик подходит – втыкает в мох лом.

К Марине домой заходил я часто. Ещё не обвыклась она со всей спецификой жизни в посёлке; общалась с немногими людьми, в основном только с коллегами. Характерной чертой в её поведении были настороженность и недоверие к проявлениям знаков внимания со стороны людей не её круга интересов.

Любила она поговорить на литературную тему, обсудить какой-нибудь роман из толстого журнала, и я пришёлся Марине кстати: приняла меня в число избранных друзей. К тому же, она помнила нашу первую встречу в моей хибаре, где с ней, тогда студенткой, жарили вместе картошку. Теперь у геолога Марины Соловейчик была своя хибарка, которую нельзя обозвать более солидно, без уменьшительного суффикса.

В старом посёлке не пристало мне удивляться проживанию работников в тесных комнатухах, а тут, у Марины, уж слишком тесно – яблоку негде упасть. Я уже описывал размещенную на квадрате два на два метра скученную обстановку в её единственном апартаменте.

Постоянно у Марины на печке стоял большой зелёный чайник с нагретой до кипятка водой, чаем меня угощала с мало насыщенной кофеином заваркой и печеньем. Кастрюли с едой на печке или возле неё, когда к ней заходил, я не замечал. Не имела она обыкновение что-то себе состряпать или сварить легкую пищу, дополнительно к той, чем питалась в столовой.

Скоро она обвыкла с порядками в посёлке и уже активно вмешивалась в дела и события, происходящие в партии. Прежде всего, напонила она поселковой молодёжи, что существует в Советском Союзе комсомол; возобновились комсомольские собрания. Этим мероприятием и ограничивались дела комсомольцев. Кроме самой Марины.

В свои руки взяла она выпуск стенгазеты «Поиск». Название, кстати, я придумал. Готовили её геологи ко всем большим праздникам, но не всегда регулярно – случались перерывы. А у Марины, живущей советскими идеалами, пропусков стенгазеты не было. Склеенная из листов большеформатной бумаги, четыре раза в году (по количеству важных праздников) она вывешивалась в большой палатке – нашем поселковом клубе.

Канавщики Голиков и Бобряшов

К тому времени в составе канавщиков, с которыми стала работать Соловейчик, произошли изменения. Ряд опытных проходчиков, заматеревших ещё в старой экспедиции на Первой речке (среди них – Москвичев, Анохин), незаметно для меня

убыли из Аметистовой партии. Причина их исчезновения, скорее всего, одна – самая банальная: вылетов по надуманным причинам в Корф, они длительное время «кувыркались» в загулах, и бедолаг по известной схеме сначала уволили и тут же вновь приняли на работу, но в другую партию. Кто-то позже вернулся в нашу партию, например Анохин и Зинченко.

На смену убывшим канавщикам прилетали, один за другим, опытные кадры, в основном бывшие сергеевцы. Среди них давно известные фигуры: Виктор Голиков, по прозвищу Папа, и Николай Бобряшов, откликающийся на укороченную фамилию – Бобряш. В одиссеях по геологическим организациям Камчатки умножили они себе цену и авторитет, а их жизненная стезя обросла былями и небылицами. Голикова, не иначе, как Папа, никто из его коллег не называл.

К слову сказать, у многих аметистовцев были прозвища. К ним они привыкали и терпеливо носили, а кто-то и гордился удачной кличкой. В разное время, достаточное для закрепления прозвища, работали в партии Конь, Зверёк, Чики-Пики, и даже Гитлер, названный так по замечательным усикам, красовавшимся у него под носом черным квадратиком; квадратик ершился, если «Гитлер» реагировал на обращение к нему нехорошей кличкой.

И к некоторым женщинам припаивались прозвища. Залетала иногда с Корфа (обычно вместе со своим «племянником» - толстощёким нормировщиком С. Бабкиным) инженер по ТБ, видная из себя особа: рослая блондинка, с прямыми, относительно оси туловища, плечами – Белая Лошадь. Фамилию, к сожалению, не могу вспомнить *(от редакции – Русенко Галина Николаевна)*.

Был ещё один колоритный кадр, носитель прозвища по родству, что и Папа, но работал не у нас: Валющенко, с погонялом Дядя. Его я однажды видел в Корфе. Сидел он, подавшись корпусом вперёд, за столом в пьяной компании, щетинистое лицо дотягивалось до середины стола, локти широко разведены. Заканчивая рассказывать о чём-то со своим участием, икнул удовлетворенно и в концовке медленно и с гонором произнес, видимо, так всегда завершал: «Я – Дядя». Завизировал, значит, случившееся с ним событие. Отсюда связанное с речевой визиткой прозвище.

Возвращаюсь к Голикову (*на фото*). Папа, хотя и являлся носителем авторитетного прозвища, солидным не выглядел: сухощавый, ниже среднего роста; лицо у него худосочное, бледное, но с подвижной мимикой; на голове (в летнее время) неизменно запыленная белая косынка, туго на затылке затянутая, на ногах короткие сапоги.

С Голиковым в первые годы, как он появился в партии, я редко сталкивался, и только, когда снова работал с канавщиками, узнавал о нём больше. А до этого имел о Голикове представление от его товарищей – рассказывали всякие истории, с ним ранее случавшиеся. Особо отмечали товарищи своеобразную манеру Папы, находящегося в изрядном подпитии. С их слов я представил себе следующую сцену.

В натоленном балке шумит компания. На нарах – полураздетый Голиков. У него нет сил принять сидячее положение, и он произносит единственное слово: «Дай!»; просьбу (подать ему спиртное) повторяет со всё более повелительной интонацией. Кто-то в компании откликается и услужливо подносит ко рту страждущего товарища кружку с водой. Голиков, приподняв голову, махом пьёт обманчивый напиток и, брезгливо морщась, отключается; спустя небольшое время, снова в общий гвалт голосов вмешивается его настойчивый голос: «Дай!».

Позже, ближе к перестроечным годам, когда я стал часто по работе встречаться с Голиковым, он уже потерял интерес к совместным попойкам. Жил в приземистой старой избе один, но в ней стояли вдоль стен трое нар и панцирная кровать, на которой спал; а нары временно, на пару ночей, занимали трактористы, приезжающие по зимнику с санным грузом.

Как многие канавщики, Голиков был мускулист и вынослив, но не эти качества характеризуют опытного аса канавной проходки. Физической силой и длительной выдержкой, какую имел, например, Киреев, органично сращенный с лопатой, когда ею мощно работал, Голиков не обладал, зато отличался нешаблонной мастеровитостью. К работе на очередной канаве подходил он творчески, хорошо разбирался в горных условиях, и

опыта подлаживаться под эти условия ему не занимать. Канавы, им выбитые, легко было принимать, даже летние: коренную жилу в борту тщательно обрабатывал кайлом, обнажал выше уровня воды. Знал Голиков и все названия местных пород, употребительные здесь геологические термины были в его разговорном словаре.

В избе у него – на столе, на нарах – лежали журналы; десяток изданий он выписывал, и в их числе литературные: «Октябрь», «Наш современник», «Молодая гвардия».

Когда в партии появилось телевидение (многие работники приобрели телевизоры, и Голиков – в первую очередь), появился у него интерес к политике: следил за происходящими в стране событиями, с удовольствием слушал голос новой России, исходящий с уст популярной ведущей в новостной программе Татьяны Митковой, во всём, ею сказанном, соглашаясь:

- Во даёт баба! Как здорово чехвостит их – коммуняк...

В те времена о политике говорили, спорили, выносили услышанное с телятника на обсуждение. Прилетал с Корфа Валерий Виноградов и подливал масла в огонь – разъяснял рабочим непонятные им две модели хозрасчёта. «Какую модель выберет начальство, вам не в последнюю очередь решать», - подытоживал речь Виноградов, мол, я довёл до вас суть, вы слышали.

Бобряшов, или более привычно – Бобряш, кряжистый, невысокого роста мужик, лет за сорок, с прокуренным до землистой желтизны лицом. Сквозь неухоженные волосы на голове у него пробивалась к свету лысина. В отличие от Голикова, которого в Аметистовой партии я не замечал пьяным, Бобряш не пропускал ни одной товарищеской попойки, проходя все этапы «размагничивания»: выпивка, отруб и поиск опохмелки, не всегда удачный. В шумном обществе старался находиться в центре внимания; свои истории из жизни, даже незначительные, расписывал громким голосом и жестами, ставя себя в ряду участников события в выгодном свете – умелым, правильным во всём, и с понятиями.

Нельзя сказать, что, трудясь в Аметистовой партии, Бобряшов был продуктивен по выдаче сверхплановых кубов. Годы и нежелание освободиться от вредных привычек, брали

своё. Но сноровку и умение распределять силы на выбивке канав, особенно глубоких, он не утратил. Достав в канаве коренную жилу, участок полотна с жилой вычищал метёлкой из прутьев; для кварца находил он в своем заглазнике касситеритовые мешки, и если таких не было, брал те, которые крепче. Завязки у него на мешки с кварцем были особые, так сказать «фирменные».

Жил Бобряшов один, как и Голиков, но апартамент у него гораздо меньше. Балок с соседом разделили они пополам, в обеих половинах своя печка и отдельно дверь. По стенам в комнатухе на гвоздях развешана вся его одежда, в комплектах по сезонам. В длительной носке впитала ткань в себя многие запахи: домашние, и те, что на Бобряшове с улицы в дом заносились. Нагреваясь от печки, источала одежда смесь запахов. К ним примешивался домашний запах-абориген, он же самый стойкий – бражный.

Ёська

Раньше я касался темы, повторяющейся в ряде сцен в других главах, о жилье и быте работников Аметистовой партии. К теме вставляю и этот фрагмент.

Трудился у нас в партии разнорабочим примечательный человек, которого все звали Ёской, фамилия осталась мне неизвестной. Никто при мне не произносил ни отчество его, ни фамилию. Ёська, и всё тут. Хилый с виду мужичок, но силёнку имел, с простыми физическими работами справлялся, у начальства к нему претензий не было. Кроме, как на работу или по хозяйственным делам, он никуда больше из своей конуры, где жил, не высывался – вёл уединенный образ жизни.

Расскажу о его жилье. Оригинальную постройку соорудил он, как только появился в посёлке. Место выбрал для сооружения жилья на краю посёлка и рядом с дорогой, ведущей на сопку. Натаскал он к месту кучу бзушных досок и старых бревен, которые находил в посёлке; лиственничное дерево от долгого лежания высыхало и становилось прочным; сырую древесину со штольни Ёська не брал.

Всё лето, в свободное от работы время, словно трудолюбивый бобёр мастерил он себе хату, и появилась в результате бревенчатая коробка-куб. Объём коробки, если для ровного счёта прибавить чуть высоту, 8 м³. Стыки бревен он

тщательно законопатил, стены обшил картоном от аммонитных ящиков. Тамбурок к халабуде не стал Ёська пристраивать, но с дверью хорошо постарался – надёжно обил её войлоком и брезентом, с нахлёстом в стороны от двери; утечки тепла были минимальны. На собачью конуру, но большую и с трубой, походило его приметное жилище, мимо которого, отправляясь пешком на сопку, проходили люди. Окна в сторону дороги не было. Предусмотрительный Ёська врезал в халабуду окошко в противоположной стене; не хотел он, чтобы в окно любопытные заглядывали, или брошенный к окну мельком взгляд побудил у прохожего возникнуть мысли: «Чем занят там Ёська?».

И, к слову сказать, мне тоже было неизвестно, чем он занимался дома по вечерам. Известно только, что книг Ёська в руки не брал, бражку для себя не ставил; иное дело – мелкие хлопоты по хозяйству, этим, скорее всего, был занят: что-то у себя вечерами латал, строгал, штопал. Печке нагреть воздух в халабуде не составляло большого труда, и заготавливать много дров нужды не было. Но старательный жилец запасался отборным кедром впрок. Внушительная куча, которую к зиме пополнял, свозя нарубленный кедр с сопки, лежала возле халабуды. Вызывала она, я полагаю, зависть у некоторых беспечных жителей, не потрудившихся летом в заготовке дров. Приходилось им в студёную зимнюю пору ехать с бульдозером в тундру за рекой – наламывать в сугробах сучьев и веток.

Прожил Ёська в своей халабуде несколько лет и когда решил уехать в Корф, продал её за пятьсот рублей кому-то из рабочих. Новый владелец (по натуре тоже необщительный) был рад-радешенек, что удалось приткнуться в собственном углу, уединиться в уютном гнёздышке, старательно «свитым» бывшим хозяином.

В Корфе Ёську одно время я встречал на улице, когда там бывал, семенил он рядом с неряшливо одетой женщиной, у которой, как говорят, не все дома. Разумеется, проживал с ней в бараке на правах сожителя.

Потом Ёська куда-то исчез, а место сожителя придурковатой женщины тут же занял другой бывший аметистовец Дуванский, известный тем, что держал в новом посёлке свиней. О нём будет речь впереди.

Состояние дел в АГРП перед перевозкой посёлка

Пришёл очередной 1982 год. Пережита календарная зима с метелями и морозами, побесновались в её продолжении мартовские пурги, и уже в начале апреля тёплый воздух с юга хлынул на территорию Корякского нагорья. Необычно долго, без отступлений к холодам и снегу, держалась ясная погода. И в середине месяца, опережая привычные сроки, первые пары лебедей пролетели над Аметистой сопкой.

С тундровых низин быстро сходил снег. Склоны сопки, особенно южные, контрастно запестрели, и на вытаявших участках поднимался кедрач. Бок Аметистой сопки, обращенный к посёлку (зимой подвергавшийся интенсивной «бомбардировке» выбросами из канав камней и пыли), весь обнажился, оставались тускло белеть сугробы в лощинах и распадках, да отчетливо видимая из посёлка извилистая тропа на косогоре сопки, утрамбованная за зиму пешеходами. В мае и эти места быстро сливались с общим рыжевато-бурым фоном. Освобожденный от снега, в низах распадков зазеленел и выпустил лимонно-желтые лепестки рододендрон.

Всё недвижимое в Аметистой партии по-прежнему стояло на своих местах. Изменить устоявшееся положение — начать летом перевозку посёлка на правый берег — взялся Локман Эркенов. Он вновь стал начальником вместо переведенного куда-то брата Солтона. Впрочем, могу ошибиться, возможно, кто-то ещё был между ними начальником. Но не столь это важно.

Для перевозки посёлка необходимо дожидаться обмеления реки летом. Пока же, обычным как у корабля крейсерским ходом продолжались в партии горные работы; в посёлке шла своя рабочая жизнь.

По старинке, как им привычно и удобно, трудились канавщики, переходя со своими шушлайками (рабочими и личными вещами) с сопки на сопку. У них основной костяк рабочих — сергеевцы во главе с авторитетным Голиковым. Буровая бригада выполняла задание по проекту предварительной разведки, станок СБА-500 бурил на участке 3-й группы жил. В бригаде неизменно стояли у станка знакомые фигуры: Дубовой, Попелло, Владимир Зайцев.

Углубка скважин в вечномёрзлых породах велась пневмоударником. Мучнистой силикатной пылью были густо покрыты оборудование; пол и стены тепляка, который тёплым не назовешь – продувался зимой и снег влетал в щели расшатанной двери; условия труда, можно сказать, экстремальные. Но люди как-то терпели, привыкали к таким условиям. На здоровье это в дальнейшем сказывалось. Владимир Зайцев позже жаловался на боли в легких, и в середине 1990-х годов отдал богу душу. Новые технологии бурения стали внедряться позднее, с приходом в партию начальником Ю.В. Неверова.

Производственное собрание на берегу реки

Проходческие и буровые работы на штольне № 1 близились к завершению. По «Чемпиону» головной штрек был остановлен; главное тектоническое нарушение уже не вмещало в своем щебневом шве рудное тело, и стало бессмысленно продвигать штрек дальше. Жила «Мария» тоже становилась практически безрудной, но проходка штрека продолжалась, из камер в расщелках бурились в обе стороны скважины, в надежде наткнуться на слепые рудные тела. Со штрека, идущего по «Гюзели», был сделан поворот к жиле № 21.

Рядом с устьем будущей штольни строился железный пешеходный мост, с выходом на широкую галечниковую террасу на правой стороне Ичигинваяма. Протягивалась терраса от

поворотной излучины реки до её притока Тклаваяма. Место для жилого посёлка и всей инфраструктуры – просторное и ровное. Лишь одно ждало жильцов неудобство: территория, отведённая посёлку, была открыта северным ветрам и позволяла пургам надувать к старым балкам и потрёпанным после перевозки избам огромные сугробы снега; отдельные низкие избышки скрывало под снегом вместе с трубой.

В июне прилетели две практикантки с Владивостока: Марианна с нежной фамилией – Ласковая, и Тоня Коваленко. Поставили им рабочие палатку с печкой возле обрыва к реке и в ста метрах от крайних домов в посёлке. Пьяный рабочий Ковяков, жаловались они, пугал их ночью.

Марианна – девушка жизнерадостная, улыбка не сходила с её лица. Обе студентки и я были заняты на разных работах, поэтому пересекались мы не часто. Но один раз я сводил студенток в штольню. Луковников возле своего балка сфотографировал нас в шахтерских касках. Когда они улетали, и мы прощались у вертолётки, Марианна меня обняла и поцеловала в щеку в соответствии с её ласковой фамилией. Тоня – её антипод: тихоня, мало с кем общалась, кроме своей приветливой подружки. В работе обе помогали нашим техникам-геологам.

М. Ласковая, В. Лахтин, Т. Коваленко

На тушении пожара

Пожар в тундре

За месяц до начала перевозки посёлка случился в тундре большой пожар. Очаг пожара возник за Мазуринской сопкой ближе к концу мая. В сторону участка Интересный – обширное пространство низменной тундры, и огню разгуляться вширь не

стоило труда. Сухая погода этому способствовала; привычные северные дожди – унылые, мелко частящие, ещё не мочили землю. В продолжительный период тёплой погоды трава и лишайник в тундре подсохли и легко воспламенялись.

В одной из глав выше я писал о причинах возникновения пожаров в тундре и про их ликвидацию – на примере случавшихся в окрестностях Аметистовой партии. Но этот пожар был самый памятный. И стоит о нём рассказать подробнее.

Пожар возник вечером, а заметила его утренняя смена буровиков, учуявшая запах гари, идущий со стороны Мазуринской сопки. Кто-то из бурильщиков, закончив смену, отправился осмотреть район пожара. И оттуда вернувшись, рассказал о размахе пожара – с его серьёзным намерением сжечь большую территорию. Охваченная огнем площадь числилась в кадастре у оленеводов пастбищем первой категории. До пожара от места, где работала на Аметистовой сопке буровая бригада, было три километра, от посёлка – километров пять с гаком.

Начальник партии Локман Эркенов вместе с главным инженером Виноградовым улетели накануне в Корф. Главный геолог Хворостов в это время находился в посёлке, и он организовал сбор людей на тушение пожара.

Свободные от смен рабочие, а геологи все без исключения, стали собраться возле камералки ближе к вечеру. Делились бывалые тушители пожаров опытом с новичками в партии, еще не нюхавшими дыма от сгорающей растительности в тундре. Подкатил вездеход, за ним – бульдозер с санями.

Ранцевых огнетушителей (водой) в партии не имелось. Они были у пожарной службы, прилетавшей тушить пожары на вертолётах, с задействованием в тушении коллектива партии. В этот раз служба не обещала по каким-то причинам послать нам вертолёт. «Надеемся, справитесь своими силами», - видимо, такой был ответ пожарного диспетчера.

Пригодные к тушению тундровых пожаров средства: лопаты, вёдра, сорванные со щитов огнетушители (немного от них будет пользы), были погружены в открытый кузов вездехода. Взяли с собой одну палатку. У каждого пожарника достаточно еды в тормозках: наверняка всю ночь придется сражаться с огнем.

Часть людей села в вездеход, остальные – в тракторные сани, и все вместе (два десятка человек) отправились к месту пожарища. Прямоком через Аметистовую сопку, потом по перешейку к сопке Мазуринской, проехали расстояние на её вершине... и глазам нашим (я тоже был в вездеходе) открылся огромный чёрный овал выгоревшей тундры.

Пепел, только что оставленный уходящим огнём, дымился и пошевеливался от горячего воздуха. Выгоревшая площадь была похожа на расплывчатую чернильную кляксу. Носились отчаянно в воздухе, поднявшись с гнёзд, куропатки.

На данный момент огонь выжигал тундру избирательно. В гору пожар не шёл, и в южную сторону огонь не продвигался – тундра там обводнённая и тряская.

Оставались активными два основных участка, охваченные огнем и густым дымом, – на юго-западе и юго-востоке, если смотреть на пожар со стороны Мазуринской сопки. Тундра на юго-западе всхолмлённая, пригорки устланы ягелем, с островками приземистого стланика. Дымилось в той стороне много изолированных друг от друга очагов. Огонь с опережающими выступами вклинивался в более «съедобные» для пламени места, а в арьергарде дымилась небольшие очаги.

Самый сильный огонь бушевал на юго-востоке. В подветренную сторону напирал огонь и приближался к зарослям сухого кедрача на протяженном увале. Достичь увала, вытянутого в сторону Интересного, огонь мог скоро – до ближайшего холма на прикидку километр расстояния.

Такая вырисовывалась картина. И надо было спешить.

Бульдозер отстал, вездеход на полчаса раньше подъехал к пожару. С вездехода выпрыгнули люди. Хворостов медленным взглядом обвёл зону пожара и скомандовал, куда в первую очередь надо идти, а сам остался дожидаться прихода бульдозера и остальных пожарников. Приехал бульдозер с людьми на санях. Хворостов этой группе аналогично скомандовал; пожарники разобрали оставшиеся орудия тушения, выгруженные из вездехода, и пошли, куда им было указано. Впрочем, и без подсказки было ясно, куда надо идти в первую очередь.

В кабину тракториста (это был Карпизенков) запрыгнул Хворостов, и бульдозер, тархтя мотором, двинулся к

отдаленному увалу. Трактор заехал к пожару с тыла. Надо было определить защитной полосе оптимальное расстояние до приближающейся огневой линии. Для этого нужно на месте вычислить скорость огня, с учётом опережающих фронт выступов.

Хворостов выпрыгнул с кабины и быстрыми шагами пошёл навстречу пожару. К огневой линии, заволоченной дымом, близко не подойти – жар невыносимый. Остановился Хворостов на пригорке, вытянул шею, и как командир-разведчик на пожарном фронте стал оценивать обстановку цепким на различимость деталей взглядом. Несколько минут всматривался пожарный командир в происходящее впереди него. Линия огня в поступательном движении была неровной. Главное внимание Хворостов сосредоточил на идущую в авангарде огневого фронта нестройную шеренгу пламени с клубами густого дыма над ней. Прикинул он на глазок скорость выгорания тундры по направлению к увалу и определил расстояние от огня до места, с которого надо вести бульдозером защитную полосу.

Пешие пожарники тем временем, вооруженные в большинстве своем пучками хвойных веток от кедрача (кто-то нёс более серьёзные орудия тушения: огнетушители, лопаты, ведра), рассредоточившись по два-три человека, вставали в оборону на своем пожарном фронте. На выбранных участках сильного огня не было, он был разобщённый – отдельными очагами и очажками. И не слишком жарким – позволял подойти к низкому пламени близко.

Из-за переменчивых токов неодинаково нагретого воздуха огонь кидался в разные стороны, перескакивал с помощью искр через глинистые плешины и сжигал в первую очередь податливую огню растительность. Натыкаясь на густой травяной сушняк, огонь, будто обрадовавшись хорошей поживе, ускорял движение.

Отдельные змейки, причудливо изгибаясь, передвигались впереди остальных и оставляли за собой нетронутые огнем перешейки и островки со скудной растительностью. В результате получалась причудливая мозаика, с контрастным чередованием выжженных дотла площадок и обойденных пламенем целиков.

Пригодным средством в тушении пожара были лопаты.

Зная местность, кое-кто вёдра взял; в заболоченной тундре имелись ямы с водой, да и снег оставался наверху в ложбинах; он таял и подпитывал водой ручейки.

По пути к пожару нашлось одно углубление с водой, и кто нёс вёдра, зачерпнули оттуда воду. Понимали – на раз плеснуть; в суматохе тушения пожара вряд ли кто будет тратить время в поисках ямы с водой. А вот пучок хвойных веток – средство, пусть и несерьёзное, но эффективное для гашения несильного пламени. Зародышевые змейки огня легко затоптать сапогами.

Предстояла долгая, на всю ночь, работа. Площадь с многочисленными очагами, большими и малыми, и отстоящими друг от друга на разных расстояниях, составляла (на глазок) три квадратных километра.

Одновременно с работой нашего коллектива трудился в отдалении бульдозер – создавал пожару заслон. До него от нашей бригады около двух километров. Оттуда глухо доносилось переменчивое по звуку тарахтенье мотора, усиливающееся, когда бульдозер вёл борозду. Почти всю ночь он там тарахтел, сооружая огню надежную преграду. Вдоль приближающейся линии огня ходил Хворостов и корректировал борозде направление.

На своем участке принимались мы в первый черёд тушить очаги, где огонь напористо подбирался к росшему на взгорках и низких холмах низкорослому кедрачу и кустарничку. Когда у него это получалось, пламя, сжигая лишайниковый подстил (для огня хорошее лакомство), набирало высоту и силу. Сухой ягель сгорал быстро, как порох. Набрав на ковровом лишайнике мощь, пламя принималось сжигать мелкий кустарник и обглаживать кедрач, лишая его хвои и тонких веток; сучья огонь обугливал и торопливо лез дальше. Сжигание древесной растительности сопровождалось шипением и треском. Было ощущение – получал огонь с этой какофонии дьявольское удовольствие.

На таких участках мы отходили от огня и работали лопатами, сдирая слабо сцепленный с почвой лишайник. Это помогало преградить пламени путь. Встретив обнаженную мерзлоту, огонь останавливался и затухал. Тушить огонь в тех очагах было трудно. Стлалась дымовая завеса, остро пахла она угарным газом, ела глаза и раздражала дыхательные пути до

тошноты. Дым наполнял бронхи, и когда становилось невмоготу, мы, чтобы продышаться, отступали от огня. Полминуты глотали задымленный воздух, в котором оставался кислород, и протирали слезящиеся глаза.

В случае если пожару на холме не было отпора (езде не успеть), огонь завершал на холме свой пир и спускался ниже. Например, на местность с травяными кочками.

Жухлая, обсохшая на солнце мертвая трава, прядями свисала с кочек, словно с давно не стриженной головы. Между кочками сыро. Но огонь, прогулявшись по сухому холму и за собой оставив черные скелеты кедрача и выжженный ягельник, обретал силу – выбрасывал вперед снопы искр и легко перескакивал с кочки на кочку. Кроме того, в неравномерно нагретом воздухе создавались завихрения, и огонь мог менять направления.

Постепенно на кочкастой местности пожар ослабевал, и было легче тушить огонь. Проблемных очагов не так уж и много, холмистые места с хилым кедрачом и карликовым кустарником занимали небольшую площадь. Выпуклости в тундре, которые я назвал холмами, это, конечно, преувеличение.

Чтобы везде успевать, людей мало. И всё же на большинстве таких участков нам удавалось справляться с огнём; оставляли потушенный очаг и шли к другому...

Отступаю к размышлению об экологической культуре местного населения – о его отношениях с природой. Заросль кедрача в прежней своей полноте восстанавливается через сто лет, а ягель, основная пища для оленей, спустя лет сорок после пожара. Тундровый пожар, надолго лишаящий оленей корма, большое бедствие для аборигенов севера. Имея многовековой опыт выживания в суровых условиях, выработали они навык осторожного обращения с огнём. По их вине, как правило, не возникали пожары. Бывало, в жаркую погоду самопроизвольно загорался сухой торфяник или от молнии в грозу начинал гореть на холмах кедровый стланик. Но у пастухов были бинокли, и они вовремя замечали начало пожара.

А вот многие пришельцы из развитых мест цивилизации утратили единство с природой. Банальная по их вине причина пожара: небрежно брошенный в мох папиросный окурочок или

плохо затушенный костёр. Наверняка и этот пожар возник по вине кого-то из самих аметистовцев.

Ветер, помогший пожару за день обуглить большую площадь, ночью ослаб. Но изобретательный огонь не хотел сдаваться и упрямо искал пути развития: пробирався, не задерживаясь на скудной растительности, к сухому лишайнику и наугад выбрасывал вперед искры.

Ближе к утру, вернулся с успешно сделанной полосы бульдозер. Выскочил с кабины Хворостов, засуетился, обегая участки с людьми, и на свой ум прикидывал: куда, нам в помощь, направить бульдозер. Определив проблемный участок, Хворостов махнул трактористу. Карпизенков вздёрнул с лязгом отвал, облепленный глиной, поехал к нему. Подъехав, принял тракторист в левое ухо команду, отъехал немного и с глухим стуком опустил нож на землю.

В мае ночи уже светлые. Солнце неглубоко ныряет за горизонт; кайма красной зари полностью не исчезает и за короткое время после красочного заката перемещается к востоку, увеличиваясь постепенно в ширине и яркости. Разглядеть в белую ночь пожарную обстановку было достаточно света зари.

Помощь бульдозера ускорила процесс борьбы с пожаром. Тяжёлый отвал трактора, тупо скользя по мерзлоте, грёб почвенный слой со всей в нём растительностью. Белая шапочка пожарного командира активно передвигалась по краю пожарища вместе с её носителем. Иногда на короткое время шапочка прекращала поступательное движение и начинала дёргаться. Это значило, что Хворостов впрягся в общее дело – энергично сбивал ползучее пламя пучком лапника. Срывался потом с места и в очередной раз шёл к бульдозеру посмотреть на изменение ситуации, дать трактористу новые указания. Ему, успевшему обегать все опасные на тот момент участки, было виднее, куда переместить трактор.

Рядом со мной Степанов глушил пламя совковой лопатой. К нам подошёл Хворостов. Выпрямился рослый Степанов и, на основе известного фразеологизма, бодро произнес несуразный по обстановке каламбур: «Даём, начальник, пожару жару!». За ним водилось: любил он придумывать нелепые сочетания слов.

Множество очагов, крупных и мелких, погашено было

нами подручными средствами тушения; бульдозер огораживал бороздой оставшиеся, наиболее крупные. Куда-то делась и бывлая удаль дерзкого огня. И всё-таки он продолжал огрызаться: втихаря разгорался от зарывшейся в мох горячей искры в уже потушенных, как нам казалось, очагах. И вёл себя огонь, как живой организм, подобный спруту с плазменными щупальцами. Их у него отрубали (то есть захлопывали, сапогами затаптывали), а они через какое-то время восстанавливались, и коварный огненный спрут, изгибая «отросшее» щупальце, искал себе подходящий корм.

Получив поневоле достойного, но злобного и изворотливого противника, практически без отдыха сражались аметистовцы с огнём. Сначала держали оборону, не давая огню захватывать новые площади, и постепенно переходили, так сказать, в атаку: добивали остатки пламени в изолированных очагах пожара.

Присесть на время и наполнить желудок калорийной едой – об этом забывали, урывками только перехватывали мы что-нибудь из съестного на короткой чаёвке. Чай организовывали женщины-геологи; благо, что костры горели повсюду, можно было выбрать изолированный очажок и «одомашнить».

Рано поднимающееся майское солнце ещё невысоко отошло от горизонта – пожар, наконец, был нами потушен.

Хворостов съездил на вездеходе на дальнюю защитную полосу, чтобы убедиться: не перескочил ли огонь каким-то замысловатым способом преграду? Вернулся оттуда, сказал, что всё в порядке. Двое рабочих по добровольному их согласию остались контролировать район пожара до приезда сменщиков, и уж потом выспаться в посёлке. Какое-то время нужно здесь оставаться людям. Всякое может быть: огонь где-нибудь мог воскреснуть.

Остальные пожарники разместились в вездеходе и санях – поехали в посёлок.

Анатолий Бурганов. Воспоминание о старом знакомстве.

Этой весной один за другим приезжали в Аметистовую партию новые люди: проходчики, буровики, другие рабочие. Прибывали технические специалисты. Партия набирала темп,

приращивая с каждым годом объёмы работ, и требовалось больше работников.

В постоянной текучке кадров не запоминал я многих из них; одни недолго работали в партии и никакого следа в моей памяти не оставляли, с другими контактировал мало. Лучше запоминал только геологов, в каком они порядке, один за другим, приезжали в партию.

Из новоприбывших в том году напомнил мне о себе Анатолий Бурганов, которого знал раньше. Примечательного следа в трудовой эпопее Аметистовой партии он не оставил, а сказать немного о нём побудило воспоминание – о первой с ним встрече.

Было это семь лет назад, когда оба плыли на теплоходе «Петропавловск» в Корф, и у обоих был вызов на работу в Олюторскую экспедицию.

В каюте место мне не досталось, и трое суток я кантовался и ночевал на открытой холодным ветрам палубе; навес над палубной галереей спасал только от дождя. Постели, разумеется, не было, дремал ночью на скамье – как на вокзале. С палубы спускался, чтобы зайти в галюн. В столовую, после того как у меня оставался всего один рубль, уже не ходил, вынужден был терпеть голод. Пароходу оставалось два дня пути.

После захода в очередной порт (следовал теплоход вдоль восточного побережья Камчатки, со стоянками у причалов и на рейде) в одной из кают освободилась верхняя койка сошедшего на берег пассажира.

Моими спутниками на оставшемся пути стали Анатолий Бурганов и моряк Костя, следовавший в рыболовецкий колхоз им. Горького. Когда ближе с ними познакомился, Бурганов, узнав, что я без денег, расплачивался в столовой за двоих. В каюте, чтобы нудно не тянулось время, моряк Костя, много чего выдавший в своих плаваниях на разных судах, рассказывал занятные истории.

Доплыли до Корфа. Проглядывался в туманной дымке длинная полоса корфской косы. К вставшему на рейде теплоходу подошёл замаранный мазутом плашкоут. Пройдя по качающемуся на весу трапу, спрыгнули мы на палубу плашкоута. Минут через десять широкий нос судна уткнулся в плотно

зализанный волнами песок. Справа на косе – территория рыбокомбината, огороженная высоким железным забором, а со стороны берега ещё и пакгаузами. Жилые здания и прочие строения, в большинстве они деревянные – из брусьев, выстроились вдоль улиц и переулков вглубь косы. До них совсем недалеко.

Зашли втроём в магазин, купили колбасы и большую банку яблочного сока. Возле магазина, прощаясь с Костей, позавтракали, закрепили прощание рукопожатием, после чего Костя от нас отделился – поехал в Тиличики. Мы с Бургановым, осведомившись у прохожего, куда идти, пошли в сторону двукрылого экспедиционного здания.

Шли по центральной улице посёлка. С правой стороны вонький запах тянуло в нос. В сторону морского залива небольшие дома барачного типа и домики на одного хозяина, с палисадниками и огородами, и вонь исходила оттуда, из огородов. Вонь была мне понятной, в детстве жил на Камчатке, и кто из хозяев имел огороды, перед посадкой картошки удобряли песчанистую землю содержимым выгребных ям. Перед копкой огорода в сортире выгребали содержимое ямы, в бадье его разжижали, и с ведра черпаком заливали огород.

Были и местные «предприниматели» – на телеге с запряжённой лошадей везли большую бадью с этим удобрением и предлагали его огородникам за плату. Не всякий хозяин огорода мог сам приготовить удобрение от своего отхожего места.

Свернув в переулок, пройдя по нему, и ещё раз два сворачивая, подошли мы к экспедиционному зданию. По одному заходили в отдел кадров. Худой и носатый кадровик Шкарупа назначил нам места предстоящей работы и поселил в рыбокомбинатовское общежитие. Выписала бухгалтерия аванс – тридцать рублей каждому, и мы пошли селиться в общагу.

В комнате, куда мы зашли, жил Рафик Илалов, прилетевший недавно из Сергеевской партии. Узнал я потом, что он из числа пятерых друзей, среди которых Вильданов и Кошелев, приехавших после армии все вместе на Камчатку. По образованию они техники-геофизики, и когда оказались в Сергеевской партии, поставил их начальник на канавы – с ходу

заниматься непривычным делом: мантулить лопатой и ломом.

Называя свои имена, я и Бурганов познакомились с Рафиком и ещё с одним комнатным соседом, лысоватым парнем в тельняшке. Бурганов побежал в магазин, принес оттуда в сетке четыре бутылки крепленого вина и закуску.

Рафик – крепкого телосложения парень. Когда выпили и развязали языки, засучил он рукав рубашки, и показал свой вздутый бицепс.

- Помахал я там лопатой и кувалдой, мускул, видите, какой нарастил?!

- Уважаю! - выкрикнул пьянеющий Бурганов.

Поднял Рафик прислонённую к тумбочке гитару, стал настраивать аккорды. Настроенная гитара зазвенела, и он запел песню, в которой я запомнил повторяющееся слово: «Шамбала, шамбала...»

Через неделю, проев и пропив вместе мой и свой аванс, Бурганов улетел в Сергеевскую партию, а я в Средне-Уннэвямскую.

В Аметистовой партии два года он работал горным мастером. За эти годы, как с ним расстались в Корфе, прибавил себе солидности в весе, стал менее поворотливым. Со мной сдержанно поздоровался, будто вчера разминулись, и вскоре затерялся в коллективе. Не наблюдалось с его участием показательных происшествий, чтобы их запомнить. Кроме одной.

Жил он в балке с гражданской женой, и работала она в столовой пекарем, хлеб пекла. С хлебом однажды получилась комичная история.

Навыков к пекарному делу у сожительницы Бурганова не было, и булка хлеба часто у нее получалась сырой и тяжелой. Взял как-то Луковников, возвращаясь домой со штольни, булку хлеба, и показалась она ему явно недопечённой. Потом он мне рассказывал:

- Иду я с этой булкой, и как раз мне навстречу Бурганов. Тычу ему булкой под нос, спрашиваю: «Что за хлеб твоя баба печёт, сам такой ешь?». Взял он с моих рук булку, помял, и говорит: «Нормальный хлеб». Тут я рассвирепел, выхватил у него булку и ему по башке этой булкой...

Техник-геолог Наталья Семенова

В марте приехала из Новосибирского техникума техник-геолог Наталья Семенова (*на фото*). Прилетела она бортом вместе с Хворостовым. Зайдя с нею в камералку, представил её коллективу:

- Принимайте, ребята, коллегу. Введите её в курс дел, девушка она понятливая, училась в техникуме хорошо.

Для женщины рост Семеновой выше среднего, лицо обыкновенное, но запоминающееся: пряди русых волос вольно переплетены на голове, серо-голубые глаза подвижные, в фокусе её внимания было всё для неё значащее, что встречал её взгляд. Ко всему (особенно к бытовой жизни) любопытная и с хорошей памятью, она скоро знала в партии больше имён и фамилий, чем я.

Поселили её в балок, где раньше жили подземные проходчики. Один из них уволился, к другому жена приехала, и он нашёл другое жильё.

На тот момент одну половину балка занимал горный мастер Гаськов, работающий с канавщиками. Худой и длинный, в чертах лица проглядывалось азиатское наследство, Гаськов по месту рождения – гуран. Называют так потомков казаков в Читинской области, ныне Забайкальском крае. Парень он неторопливый, а по характеру добродушный. Кроме работы и охоты его мало что интересовало. Вскоре он покинул партию, а его место в балке занял приехавший с материка однокурсник Марины Соловейчик.

Так получилось, что в балок к Гаськову (на его половину) следом за Семеновой подселился я, и устроил в прежнем виде свой угол у противоположной стены.

До переселения три последних года я постоянно жил в «офицерском» балке. В разное время знаменитый балок приютил под свою крышу не один десяток итээровцев. Как все старые балки, он изрядно обветшал, плохо сохранял тепло. Но к своему месту я привык; создал в нём неприветливый уют, и висела над нами картина: угрюмая женщина с прижатым к её груди ребёнком, которую три года назад купил за сто рублей у

художника Шинкарева в Ленинграде. Владимир Шинкарев (с ним, тогда студентом, я познакомился в Средне-Уннэиваямской партии) вырос в известного художника-модерниста, и купленная у него картина наверняка тоже выросла в цене. Рисует сейчас Шинкарев в основном городские пейзажи, на страницах интернета можно их найти.

Так уж сложились обстоятельства, что одно время я оказался единственным жильцом в балке. Сначала Людмила Афанасьева (она с дочкой Машей жила в соседней половине) перевелась в другую партию, а затем освободил соседние нары маркшейдер Михалкевич. До него поочередно занимали нары два Сергея: буровик Гаврилов (он из Ленинграда; узнав, что картина оттуда, единственный, кто положительно оценил мрачное художество Шинкарева) и горный мастер Брагин, который из-за своего роста едва помещался на нарах.

Место пусто не бывает, и в освобожденную Афанасьевой половину пришёл жить нелюдимый молодой канавщик (не помню его фамилию, работал в партии полгода). Взаимопонимания между нами не было, да и какое может быть с ним общение, кроме коротких реплик и замечаний.

Неуживчивый товарищ не ладил и с коллегами-канавщиками. Трудно давалось туповатому парню обучение работать ломом, тем более с взрывчаткой, и подвергался он с их стороны насмешкам. Гордился тем, что абсолютно непьющий, что ещё больше раздражало канавщиков. А рассудительный Анохин не в состоянии взять в толк: «С Луны что ли такой свалился – как это канавщику совсем не пить?».

Проходчик он, разумеется, никакой, самостоятельно выбить канаву не мог, работал с месяц стажером и неделю в спарке с Лозяном, пока тот его не прогнал. Какое-то время трудился он «затычкой» на разных работах, и потом улетел в Корф. Встречал его позже в Тиличихах – кочегарил в котельной возле школы.

От канавщика Степанова я слышал присказку: «Маленькие бичики едут работать в Тиличики, а большие бичи в моря и поля. Ай, ля-ля!».

Семенова уже месяц работала техником-геологом – документировала и оформляла буровой керн в штольне. Успела к

своей работе и быту привыкнуть, со многими завела знакомство. Со мной в первую очередь подружилась – оба оканчивали Новосибирский техникум, было о чём вспомнить. В одном с нею разговоре я посетовал, что скучно живу с соседом, достал уже своим унылым видом и ворчанием.

- Так переходи к нам в балок. Гаськов в своей клетушке один живёт, я в другой. Веселее троим будет. Гаськова, правда, трудно растормошить, не говорливый.

Я так и поступил – собрал свои шмутки, снял со стены картину и перешёл жить в соседний балок. Размером и внутренним строением он был идентичен «офицерскому» балку, разве что имелись двери в две половины.

В оставленный мною балок поселялись новоприбывшие в партию рабочие, и он утратил статус «офицерского».

Два моих заезда: к родителям Семеновой и в Первореченск.

Перескакиваю в этой главе от текущих дел и событий в Аметистовой партии и переносюсь на год вперед – ко времени моего отпуска в 1983 году. Коротко расскажу об эпизодах на двух запомнившихся мне остановках: на пути к моей родне в Киселевске и когда я возвращался из отпуска. На первой остановке я был гостем у родителей Натальи Семеновой. Вторая остановка на обратном пути из отпуска случилась в поселке на Первой Речке. Оказался я там по недоразумению, купив билет не на свой самолет.

В конце декабря, получив отпуск за два года, отправился я сначала к своим родителям, проживавшим в Кемеровской области.

Из Новосибирска, куда прилетел, мне дальше предстояло ехать поездом. Убивая время, днём я посмотрел в кинотеатре фильм, потом ходил по улицам знакомого мне города, заглядывая в магазины, а к вечеру поехал в Дзержинский район, где на улице Куприна, в доме № 8, жили мать Семеновой и отчим. Наталья просила зайти к ним, передать письмо и банку с лососевой икрой в зашитом мешочке. У меня было время до одиннадцати вечера.

Отыскал я дом, постучал в дверь квартиры на 5-ом этаже. Когда я назвал себя, мать Натальи была рада услышать вести о дочери. Пригласила пройти в комнату и стала расспрашивать, как

живет дочь. От меня ждала больше узнать, чем из письма Натальи.

Отчим этим временем организовывал стол для угощения. Мне он показался похожим на сказочного Карлсона, только нормального роста и без пропеллера: этакий упитанный добрячок. Его стараниями появилась вскоре на столе закуска и стеклянная баночка с медицинским спиртом. Натальяна мать работала медсестрой в больнице, спирт оттуда. На двоих с её словоохотливым мужем грамм двести с хорошей закуской выпили. В спирт я обычно не добавляю воду, а запиваю водой следом.

Рассказывала мать о дочери, положительно её характеризую:

- Умницей она росла у нас, в школе и техникуме – отличные оценки. С подругой своей она соперничала, оттого и был стимул *(что удивительно, когда позже я заочно учился в ТГУ, моей однокурсницей была Натальяна подруга – Татьяна Сорокина)*.

Дала мне родительница альбом с фотографиями Натальи. Рассматривал её фото – от детских лет до недавних.

Уходить пришло время. Собрала мать для дочери гостинцев, в их числе литровая банка клубничного варенья.

От выпитого спирта меня слегка покачивало. Время до отбытия поезда в Новокузнецк истекало, и я поймал такси. Еле успел на поезд.

В послесловие к рассказанному в этом эпизоде, добавлю немного о последней встрече с Натальей в Новосибирске. В 1995 году (я уже 2 года жил в Киселевске) узнал, что Наталья тяжело больна (лейкемия) и лежит в больнице. Недавно она вернулась с сыном Артёмом в Новосибирск, разведясь с мужем Волковым.

Решил навестить её. В то время я часто ездил в Новосибирск, там жила моя тетя и двоюродный брат, а через одну остановку дом Семеновых. В больницу поехали на автобусе втроём, с нами семилетний Артем.

Из палаты вышла к нам худая и бледная Наталья, стриженная голова накрыта платком. Неестественно мне

улыбнулась, сказала: «Видишь, какая я стала. Химией пичкают, а толку нет». От прежней жизнерадостной Натальи мало что осталось, глаза, прежде у нее выразительные, стали блеклыми. Рассказывала мне она, чего знала, – о пертурбациях в угасающей Северо-Камчатской экспедиции.

Через месяц Наталья умерла.

Возвращался я из отпуска, неожиданно для себя, через сёла Каменское, Манилы и посёлок на Первой Речке. В Елизовском аэропорту на рейс в Корф я не попал, а был рейс в Каменское. И меня надоумило лететь этим рейсом. Почему-то решил, что ЯК-40 сделает остановку в Корфе.

Мне ещё повезло: прилетаю в Каменское, а через час Ан-2 направлялся в село Манилы. Я уже осмыслил, каким способом попаду в Аметистовую партию. Из Манил приеду на каком-нибудь транспорте в Первореченск, а оттуда, в надежде на вертолёт, доберусь до своего геологического поселка.

Прилетаю к вечеру в Манилы. Прибывшие со мной люди пошли к своим домам, а я остался стоять с чемоданом на дороге возле небольшого здания аэровокзала. Температура воздуха близка к нулевой – весна всё-таки. Спросил у прохожего, ходят ли машины на Первую Речку? Отвечает он мне: «Ходят, но редко. Терпение есть ждать, может и повезёт, только вряд ли дождешься – уже поздно».

Опрометчиво, на свой риск, выбрал я ход конём: решил до посёлка геологов идти пешком. Не знал, сколько до него километров, думал: «часа за два дойду». Попеременно меняя руку с чемоданом, килограмм двадцать в нём, зашагал я по дороге. Местность холмистая с небольшими перепадами высот.

Пилил я неспешными шагами километра три. Уже устал идти по раскисшей и неровной, с ухабами, дороге. И тут, к счастью, догнал меня грузовик. Он остановился, и я залез в кузов. Далее на пути встретилась в понижении рельефа широко разлившаяся вода. Подумал: «Была бы проблема, не случись грузовику меня подобрать».

Приехали в посёлок. Здесь я уже бывал однажды. Локман Эркенов посылал меня сюда раздобыть шампанское: обмыть зарезку штольни. «Где его взять, тебе подскажут», - напутствовал

он; и я привёз тогда пол-ящика вина в партию.

С кабины грузовика вылезла с тяжелой сумкой женщина средних лет, я спрыгнул с чемоданом из кузова; чемодан от потери равновесия с руки сорвался и ударился о землю. «Как же вы неосторожно, - сказала женщина, подходя ко мне. Потом спросила, кто я и как оказался на дороге. Ответил ей о себе, и что рассчитываю улететь отсюда в Аметистовую на вертолете.

- Насчёт борта у Миши Поповича надо узнать, кажется, собирался отправлять туда груз.... Проголодались, поди. Столовая не работает, поздно уже. Рекомендую ко мне домой, я с мужем живу тут недалеко. Можете у нас остановиться.

Я согласился. И мы пошли к её дому.

По истечении стольких лет, я не могу вспомнить имя доброй женщины, а также последовательность всего того, что происходило в доме. Помню только, когда я открыл чемодан, обеспокоенный за состояние банки с вареньем для Натальи, увидел, что банка в хлопчатобумажном пакете лопнула, и жидкое варенье из неё вылилось. Часть варенья осталось в разбитой банке, другую часть женщина помогла собрать из пакета; в итоге содержимое банки уполовинилось.

Наутро, отоспавшись в приютившем меня доме (позади две бессонные ночи, проведённые в дороге из отпуска), пошёл я в контору. Попович был на месте. Сказал: «Тебе повезло, готовим борт в Аметистовую, улетит в полдень».

Дождался я вертолёта, и он доставил меня в Аметистовую партию.

Геологи Владимир Скляр и Михаил Махиборода

Летом два инженера-геолога, окончивших ВУЗы в разных городах, прибыли по распределению в нашу партию. Это Володя Скляр и Миша Махиборода. Со Скляром (он поработал у нас в партии около трёх лет) я мало сталкивался в работе и быту, поэтому след о нём в моей памяти остался незначительный. Приметен он был по внешнему виду: лицо по-юношески гладкое, не требующее частого бритья, волосы коротко постриженные; любая одежда сидела на нем аккуратно. Особого рвения к изучению геологии месторождения за ним не наблюдалось, но активен был в организации летом пикников на природе.

В пору перестройки покинул партию Скляр и затерялся. Я не следил, к какой организации он прибил, а в 1990-х годах услышал о нём. Местом его работы стало турагентство: организовывал приезжающим на Камчатку иностранцам турпоходы по экзотическим уголкам полуострова, и сам в походах участвовал. В сторону от геологии закрутилось у него колесо жизни – нашёл Скляр интересное ему дело, и чувствовал в нём себя комфортно.

С Мишей Махибородой я встретился в Корфе. Прилетел он утром из Петропавловска, и, после процедуры заходов в отдел кадров и к начальнику Рожкову, который ему сказал: «В Аметистовой партии будешь трудиться», зашел в комнату, где работала наша камеральная группа. Я тоже в это время был в комнате. В Корф я прилетел по своим личным делам, и в камералку заходил повидаться с коллегами, находил себе там работу.

Представился Махиборода, кто он и какой окончил ВУЗ.

- Устраивай свои дела, а завтра сюда, – сказал Веня Зайцев и, указав поворотом головы на меня, добавил: Володя тебе поможет, куда идти и к кому обращаться.

В комнате общежития, где я остановился, имелась свободная койка. Дня три, пока оба не улетели в Аметистовую, находились рядом. Эти три дня знакомился Махиборода с геологическими материалами. Держать язык во рту неподвижным, видать, не в его характере. Уже скоро общительный Миша со всеми геологами камеральной группы держался на дружеской ноге.

Особое внимание обратил он на Марину Соловейчик. Подсаживался на стул боком к Марине, чтобы видеть остальных, и, отвлекая её от работы, старался развлечь своими шутками. Марина – девушка серьезная и правильная комсомолка, умеющая во всех ситуациях сохранять самообладание, реагировала сначала на шуточки с подвохами настороженно, с еле заметной ухмылкой, но уже вскоре улыбка на её лице стала непринужденной.

Забегу вперед и скажу, чего достиг Миша во взаимоотношениях с Мариной. Было видно, что она приглянулась

ему.

Было ей в то время 24 года, задумывалась уже о замужестве. А тут, кстати, неглупый молодой геолог. Попала осторожная в выборе друзей Марина под обаяние Миши Махибороды, на язык бойкого и находчивого, а значит (это для неё существенно) не лузера на перспективу карьеры. Для раздумчивой Марины, приглядывающейся уже три года к мужчинам её круга интересов, было важно не ошибиться в выборе человека, с кем можно связать судьбу.

Так оно и вышло. Через полтора года они поженились, и в положенный после свадьбы срок на свет появился сын Егор. Не стала Марина менять свою благозвучную птичью фамилию на мужскую, откровенно хохлацкую; мужчине она сойдет, особенно бородатому будет к лицу, а женщине откликаться на эту фамилию неприятно; представила, если станут к ней обращаться по такой фамилии... «Нет уж...», - решила она.

Возвращаясь к текущим событиям.

С соображением показал себя Миша Махиборода, подсказывать ему не надо: перед отлётом в партию забежал в магазин и купил две бутылки водки – угостить новых товарищей, с которыми будет жить в балке. Обязательно по случаю знакомства надо их порадовать спиртным.

В балке, куда он вселился, жили Скляр и Волков, подземный горный мастер, недавно прибывший из Кузбасса. Шахтер со стажем Волков всегда рад, был бы повод, хорошо посидеть с товарищами за выпивкой. Скляр же, несмотря на то что любил весёлые компании, пил мало. Да и сам Махиборода, как показало дальнейшее его поведение, редко бывал дружен с Бахусом. Сказалось, видимо, влияние Марины Соловейчик. Она вообще не употребляла ничего из спиртных напитков, и к тому же стала играть первую скрипку в семье, когда он на ней женился.

Влился в трудовую колею Миша Махиборода, со всеми его талантами – балагура и активиста в общественных мероприятиях. Не любитель умничать, просто и без лишних придумок выполнял он свою работу. В отличие от Скляра, он не аккуратист в ношении повседневной одежды – сидела на нём не строго по

фигуре, карманы брюк бывали оттопыренными от груза разных мелочей. И лицо у него, можно сказать, мужиковатое, не хватало только бороды для согласия с фамилией.

Восемь лет набирался он опыта на Аметистовом месторождении, и последние два года трудился в камеральной группе в Корфе, куда вместе с семьёй переехал на постоянную работу.

В то время в Корфе, а может раньше, встроился Махиборода в ряды КПСС. Местные партийные товарищи заметили у него организаторскую жилку и плюсом к ней коммуникабельный характер, предложили ехать в Петропавловск на учёбу в ВПШ (высшую партийную школу). Светила разведчику недр земных карьера партийного функционера.

Но время уже наступило нестабильное: СССР, расшатанный митингами и забастовками, на ладан дышал; дальновидные коммунисты, вслед за Ельциным, выбрасывали в урну партбилеты. Не вышло у Махибороды партийной карьеры, да не очень, я думаю, он стремился к такому кульбиту в жизни.

В 1992 году советская власть в стране приказала долго жить, а в экспедицию пришла финансовая разлуха. Многие геологи и другие специалисты в тот год грузили в контейнеры свои вещи и уезжали на материк.

Махиборода тоже надумал стронуться с места.

Задним числом я предполагаю, что намерение уехать с Камчатки, а затем из России, возникло у Марины. Вероятно, кто-то из её евреев-родственников эмигрировал в Америку и оттуда прислал Марине приглашение – ехать с мужем за океан, начинать другую жизнь. Ей было легче адаптироваться в Америке, английским языком она владела.

В начале нулевых годов позвонил мне из Екатеринбурга Луковников. Из разговора с ним я услышал: живёт его землячка Марина в Канаде.

Позже, когда я стал пользоваться интернетом, решил разузнать, так ли это: в Канаде она проживает, и с ней ли муж Махиборода? Поискав в сети, нашел я на данный момент точное местонахождение семьи. Не в Канаде обосновалась семья, а в США. Это пригород столицы штата Коннектикут – Уэст Хартфорд. Городок приличный, входит в десятку лучших малых

городов США.

В том же городе живут два их сына, Егор и Антон. При желании можно узнать полный адрес – улицу и дом: на американском сайте следовали уточняющие адрес ссылки.

Начало строительства нового посёлка

С каждым годом нарастали объёмы поисково-разведочных работ в Аметистовой партии. Соответственно, возрастала численность работников. Людей надо обеспечить нормальным жильем.

В ближайшие годы ожидалась доставка серии новых балков, а посёлку на старом месте расти уже некуда. Разъезженная вдоль и поперек зыбкая тундра превратилась в окрестностях посёлка в месиво непролазной грязи. Назрела необходимость переноса посёлка на более просторную и удобную для жизни территорию.

Территорию, где будет стоять новый поселок, определили в долине на другом берегу р. Ичигинваям. За рекой – широкая галечниковая терраса с твёрдым грунтом. Никакого сравнения с местностью, на которой ютился старый посёлок, прижатый к реке заболоченной тундрой. И самое подходящее место новому посёлку – на внутренней стороне излучия реки.

В сопке, что напротив посёлка, планировалась в следующем году зарезка в жилу Ичигинскую штольни № 3. От приустьевой площадки штольни проложил бульдозер две дороги в противоположных направлениях, к рабочим участкам на других сопках.

Горнопроходческие и буровые работы охватывали территорию от южной оконечности сопки Рудной до группы жил на сопке Северной.

Сначала, чтобы узнать динамико-морфологические свойства верхних слоёв долины, станок УБСР-25 пробурил несколько скважин. Никаких сложностей и сюрпризов в грунте обнаружено не было.

Строительные работы начались ещё летом 1981 года. В первую очередь начали строить общежитие, используя брус от разобранный здания в Сергеевской партии. К сожалению, случился пожар, и недостроенное общежитие сгорело. Досадный

случай повлѣк за собой осложнение с устройством жилья. Пришлось перетаскивать за реку все имеющиеся в партии балки, а планировалось перевезти только их часть.

Весной 1982 года, когда паводок в реке сошёл, строительные работы были продолжены.

Зачастили выездами в правобережную долину трактора и вездеход. Замутились в пойме реки протоки и старицы. Покидали евражки обжитые норы под травяными кочками и уходили подальше с потревоженных мест. И только комарам было всё нипочѣм: гудели в заунывной пляске в воздухе, и рады были участвовавшим выходам людей за реку.

Кроме неудавшейся постройки общежития, строились ещё два важных объекта.

Бригада местных рабочих заложила бетонный фундамент под здание дизельной электростанции, планировалось за следующие два года завершить строительство. Этот самый значительный объект в партии достраивала бригада армян-шабашников, нанятых начальником экспедиции Кисилем. В просторном помещении здания были установлены в 1985 году два мощных ДГА-300.

Параллельно с закладкой фундамента под здание электростанции строился в двух километрах от будущего посёлка аммонитный склад, состоящий из двух деревянных зданий и сторожевой будки.

В одном из зданий склада, уже построенном, но пустом, устраивались летом ярмарки. Два раза прилетал с Корфа вертолѣт с промтоварами; аметистовцы переходили вброд реку, шли до склада 1,5 километра, и покупали себе нужные вещи.

К концу июня Ичигинваям значительно обмелел, и с Корфа была дана отмашка на перекочевку за реку старого посёлка со всем производственным имуществом и жильѣм, кроме большинства изб-зимовий. Камералку, а это бревенчатая изба, решили перевезти.

Зимовья стояли кучно, образуя короткую улицу на правой стороне ручья Дождливого. Восемь рубленых домиков, включая камералку. И жили в них со времени основания Аметистовой партии старые кадры рабочих.

Непосредственно руководить перевозкой был направлен

Валерий Вильданов. Вернувшийся из отпуска Виноградов, главный инженер, присоединился к командованию. Контроль над ходом перевозной кампании взял в свои руки Локман Эркенов. Он больше находился в Корфе, но эпизодически прилетал оттуда и контролировал знаменательный в истории Аметистовой процесс.

С Виноградовым в одной упряжке энергично взялся Вильданов за руководство перевозным процессом. Экспедиционное начальство знало о его организаторских способностях, об умении строго взыскивать с подчинённых за нерадивость в работе и за нарушение дисциплины.

Конфликт Вильданова с Лозяном

Вильданов, когда подвернулся случай, решительно взял «быка за рога».

В качестве «быка» под горячую руку Валерия Темирбулатовича попал Степан Лозян. Столкнулся Вильданов не с кем-нибудь, а с хитрым и дерзким канавщиком. Последнее слово в разборках коллег всегда оставалось за ним. Дюжий дядя впечатлял начальство производительностью в работе, и на его фортеля оно закрывало глаза.

Лозян только что сошёл с вертолёта, вернувшись в партию из отпуска, и нёс с собою чемодан в одной руке и в другой 10-литровую канистру водки, купленную в Корфе. Шёл он к своему балку, где с ним тогда жили помбур Тихомиров – старожил Аметистовой и ещё двое рабочих.

Возвратиться из отпуска и угостить по традиции товарищей водкой, дело пусть и не святое, но издавна заведенное в геологических партиях, удалённых от мест продажи спиртных напитков. Две, три бутылки, куда ни шло, возражений к рабочим нет у начальства. Но это уже чересчур – затарить такую ёмкость, и демонстративно на виду у всех нести её в свой балок, где у крыльца тебя поджидают товарищи. Можно полпартии спить. Поэтому реакция Вильданова на привоз в партию большого количества спиртного была предсказуемой и правильной.

Бдительное око начальника издали заметило в руке Лозяна канистру (нажитый в полях опыт подсказывал, что же ещё, кроме водки, может быть в канистре отпускника, вернувшегося в

партию?). Вильданов развернулся с направления, куда шёл, и встретился с Лозяном возле балка. Что-то ему сказал и потребовал отдать канистру.

Степан опустил чемодан и бачок с водкой на землю, грубо выругался.

Тогда Вильданов решительно, и неожиданно для опешившего Лозяна, поднял с земли канистру, отвернул колпачок и стал выливать водку на землю.

Знал Лозян, кто перед ним, но не стушевался, придя в себя. Вырвал он у Вильданова канистру, в ней, кажется, еще оставалась водка, выругался смачным хохлацким матом, ища взглядом понимание у собравшихся вокруг них людей.

Не стал Вильданов во второй раз отбирать у разъяренного Лозяна канистру, убежденный, что всё из нее вылил, и, уходя с места скандала, сказал:

- Чемодан можешь не распаковывать. Первым бортом в Корф улетишь!

Видать, оставалась у Лозяна водка. То ли с чемодана её достал, или с канистры не вся была вылита, угощал он после ухода начальника товарищей и сам напился.

Много позже, Вильданов уточнял мне ситуацию, с ним я связывался по Интернету. Было ещё, оказывается, продолжение стычки с Лозяном, и тот угрожал Вильданову ружьем, которое схватил в балке. Товарищи навалились на буяна и отобрали у него ружье. Вряд ли оно было заряжено. Но это не умаляло проступок, и таким вещам нет оправдания.

По рапорту Вильданова с объяснением безобразного поведения Лозяна последовал приказ по экспедиции об увольнении. Убытие авторитетного канавщика с неоднозначным к нему отношением его коллег, воспринято было ими равнодушно, и только рассудительный Анохин сказал с сожалением: «Такого веселого мужика прогнали. С гонором, а наше дело – мантулить ломиком – знал хорошо».

Через несколько лет прошёл слух: умер Лозян в Петропавловске-Камчатском, но причина смерти осталась неизвестной.

Колоритной, запоминающейся фигурой он был, и многое себе позволял со своим личным понятием о справедливости. В

пьяной разборке, видимо, нашла коса на камень.

Перевозка балков

Наладился в Пенжинском районе устойчивый летний антициклон с жаркой погодой. В партию из Корфа прилетел Эркенов и дал старт перевозке недвижимых донные объектов. Перетаскивание за реку всего хозяйства заняло недели две.

Балки стояли на прикопанных в землю полозьях, а старые обветшалые избы, разумеется, были без полозьев и прицепных приспособлений. За десяток лет своего стояния избы вросли в землю. Стронуть их с места, увезти в полной сохранности и поставить на правом берегу – проблема нелегко решаемая.

Тамбура к балкам, складские помещения и всякие сарайчики разобрали на брёвна и доски; освобождённые от всего лишнего, ждали строения своей очереди оказаться на другом берегу.

Длинноногий Вильданов размашистыми шагами подходил к каждому балку и проверял на прочность: надо ли что-то к нему приделывать, выдержит ли старый балок перевозку? Убедившись, что выдержит, давал рабочим команду к подготовке балка на перемещение за реку.

Пятясь задом, подходил к балку трактор. Рабочие прицепляли к нему балок, и трактор, усиливая обороты мотора, страгивал его с места – тащил к переправе через реку.

Река за период длительного бездождья сильно обмелела, обнажив песчаные косы и каменистые пороги; наибольшая глубина реки на переправе – меньше метра.

Благополучно, один за другим, балки были перетащены на другой берег и доведены до своих новых мест. Избу-камералку перевезли напоследок. Пришлось потрудиться над её перевозкой, но она выдержала испытание, хлебнув немного речной воды. Поставили её почему-то в низком месте. В весеннее половодье и в период затяжных дождей скапливалась под крыльцом камералки вода.

Вильданов, надо отдать ему должное, умело руководил перевозкой и сам непосредственно участвовал в процессе, требующем внимательность и смекалку. Главный инженер Виноградов с ним рядом суетился: контролировал перевозку

технического имущества — что из всего накопленного можно увезти, и что оставить пока на месте.

В качестве ручной силы привлечены были к делу, каждый день в разных сочетаниях, разнорабочие и часть канавщиков. Они готовили имущество к перевозке и разгружали его на новом месте.

Перевозка не мешала работе буровых и горных бригад, плановые задания выполнялись в положенные сроки.

Оставшиеся на левом берегу деревянные строения постепенно были разобраны. Доски пошли на строительство пристроек к старым и новым балкам, а брёвна на дрова.

Две избы ещё год, или два, простояли на краю опустевшего старого посёлка в первозданном виде. И жили в тех домах старожилы-рабочие, пожелавшие продлить на год, другой, своё там пребывание. На привычном старом месте.

Начальство не препятствовало их желанию, скорее из-за того, что не всем работникам партии хватало жилых мест в новом посёлке. Новые балки в партию станут доставляться по воздуху вертолётom МИ-6 через полтора-два года.

Остались зимовать в опустевшем посёлке три канавщика, тракторист Карпизенков, кто-то из подсобных рабочих. И, видать, хорошо им жилось на старом пепелище: начальство их не посещало, да и какая нужда начальнику тащиться туда зимой?

Без посторонних глаз отшельники регулярно ставили бражку, и под тусклым светом керосиновых ламп отмечали праздники и свои дни рождения. Приходил к ним иногда прямиком через замёрзшую реку Луковников (жил он уже в новом посёлке) и присоединялся к выпивающим, оставаясь у них ночевать.

Как-то незаметно и те две избы канули в лету. На месте балков и изб чернели только ямы с затхлой тундровой водой, и вокруг ям густо росла осока и пушица.

Обустройство жизни в новом поселке

Переселенцам нравилось новое место. Тундра сухая, под ногами упругая твердь, и только на мху оставались от следов вмятины. Под разноцветным чехлом мха, если сковырнуть сапогом, сразу же вскрывался присыпанный растительным сором

галечник. Какое-то время, пока территория не была заезжена и истоптана, можно было сорвать с кустика и поесть голубики рядом с балком.

Местность вблизи реки не нуждалась в выравнивании площадок для установки перевезённого жилья. Притащенный к месту балок, вмяв под себя росший на моховом подстиле мелкий кустарник, никуда больше не передвигался, навсегда оставаясь там, куда притянул его трактор. Жильцы, сопровождающие переезд, по своим предпочтениям выбирали место, куда поставить свой балок. Под разными углами друг к другу их ставили, и в результате не получилось порядка. Сразу же жильцы начинали окапываться: утепляли балки снаружи завалинками, пристраивали тамбура, используя старые доски.

Канавщики-сергеевцы выбрали себе укромное место, подальше от большинства жилищ и близко к реке. Их «шанхай» окружала тальниковая заросль, и было удобно, пока не построили сортиры, справлять в кустах естественную нужду. Мокренюк завел у себя рослую овчарку с подобающей большим собакам кличкой – Джульбарс. Непривязанный пёс выскакивал неожиданно из конуры и облаивал посторонних, заходивших на охраняемую им территорию.

Эркенов всё же успел распорядиться, чтобы оставалась свободная от балков площадь в посёлке – для сбора на ней трудящихся и проведения разных мероприятий.

Там года через два, с приходом больших денег на детальную разведку, появился на лобном месте блок-корпус, составленный из восьми балков, плотно приставленных в два ряда друг к другу, и между рядами просторный коридор. Пять балков заняли геологи, а в трёх разместилась администрация и конторские служащие.

Пока же для налаживания жизни в новом посёлке обходились имуществом, которое имелось в партии.

Свой участок канавщики расчистили, восстановили из привезённых старых досок тамбура к балкам, обшили их рубероидом и вентиляционным рукавом.

К дороге и тропам путь, ведущий через брод на Аметистовую сопку и дальше, был неудобный, к тому же обходной крюк увеличивал расстояние.

Чтобы облегчить путь пешеходам, взялся на первых порах Эркенов за сооружение пешеходного моста. Напротив будущей штольни.

Мост скоро был построен. На бетонных опорах стоял металлический каркас из арматуры и перфорированных листов железа. Мост узкий, предназначался для перехода только людям, да еще собакам. Трактора и вездеход переезжали реку немного выше течения. Но в большое половодье переехать реку было проблемой порой трудно разрешимой.

Пешеходный мост вода начала с каждым паводком корёжить, подмывать опоры, и они перекосились; люди с опаской шли по ненадежному мосту. А во время высоких паводков к нему нельзя было подойти. Спасала положение лодка, перевозившая через стремительное течение сменных рабочих. Крепкие на руку перевозчики боролись с течением, рискуя с ним не справиться.

Горных работ на сопках становилось больше, на очереди резка штольни в жилу Ичигинскую, – надо было обеспечить бесперебойную доставку людей и материалов на другой берег.

Следующий мост Эркенова (построен был в 1985 году) снял проблему с переправой людей и транспорта с грузами. Четыре пролёта трубчатого каркаса с вертикальными стойками, на несколько метров уходящими в речной грунт, держали широкий настил из лиственничных брусьев и брёвен. Не пожалели на мост древесины. Пришедший в негодность пешеходный мост долго ещё стоял рядом со вторым эркеновским мостом.

Строптивая река и этот мост терзала в большие паводки. Оба конца моста подмывала высокая вода и затопляла грунтовую насыпь; пешеходы преодолевали расстояние в несколько метров, подняв кверху отвороты болотных сапог. А в первый год после переезда, когда вода поднималась и далеко затопляла низкий берег, люди шли к мосту метров сто с задранными до паха отворотами болотников. В следующем году по затопляемой пойме проложили дощатые мостки на сваях.

Наш балок, где жили Наталья Семенова и я с Сергеем – однокурсником Марины Соловейчик в другой половине, поставлен был на краю пустой площади. Вокруг неё ещё несколько балков и старая изба-камералка.

Как и все переселенцы, взялись мы с Сергеем пристраивать к балку тамбур. Земляк Марины парень неразговорчивый, на его лице, обрамлённом коричневой бородкой, редко можно было увидеть улыбку. С геологами он тесно не общался, и у Марины не стал вызывать к себе интереса. Принимала она тогда ухаживания за нею Миши Махибороды.

Сергей неохотно и вяло включался в постройку тамбура, и объяснилось это его намерением уехать с Камчатки, что скоро и сделал. Возможно, имел планы на Марину, а тут расторопный Махиборода вмешался и не дал им осуществиться.

Освобождённые Сергеем нары занял Олег Тараско.

Попал он в Аметистовую партию после двухгодичной службы на Тихоокеанском флоте, демобилизован был в звании старшего лейтенанта. С Веней Зайцевым, когда он с ним познакомился, делились воспоминаниями о приятных моментах офицерской службы.

Стал Олег работать на бурильной установке СБА-500 буровым мастером. Был поначалу ошарашен суровыми условиями труда, технологически отсталым оснащением бурового хозяйства. Но с флотской закалкой трудности в работе держал Тараско стойко: терпел и ждал времени, когда обстоятельства вынудят начальство сойти с накатанной дорожки и станут внедрять в бурении современные методы.

Чтобы работать на буровой в облаке силикатной пыли при дующем ветре со снегом в расшатанные двери тепляка, нужен крепкий организм. Олег Тараско это понимал и заботился о своём здоровье. Взял он себе в привычку прорастивать в чашке овёс, и, приходя домой со смены, съедал пару ложек. Говорил: «Тонус поднимает такой овёс и прочищает печень». В следующем году он женился; нашёл себе в Тиличихах подругу, работавшую на меховой фабрике, и скрепил с ней супружеский союз. Оставив жену в Тиличихах, Тараско вернулся к прежней работе в партии.

Наталья Семенова перешла осенью жить в другой балок. С геологами она мало общалась, а больше с бурувиками и ещё с Лидией Ошмариной – нормировщицей с экспедиции, которая той осенью зачастила с приездами в нашу партию.

Примерно с год, или чуть больше, длилась у неё свободная холостяцкая жизнь. Обратил на неё внимание горный мастер

Александр Волков. Постепенно заладились у них отношения, и через полтора года стали жить вместе.

Луковников и Войт, не дожидаясь окончательной остановки первой штольни, свои балки перевезли в новый посёлок. Луковников балок поставил недалеко от реки.

Поселкового оригинала чаще стали навещать гости. Заходили к нему желающие сфотографироваться, другие побеседовать с ним на житейскую тему или порассуждать о жизни с более широким её охватом – от политики до эзотерики; последняя была его коньком и относился к ней с пиететом.

На берегу неширокой, но глубокой протоки, рядом с местом, где жил Луковников, уже строилась баня, совмещённая в одном здании с ламповой. Работать в ламповой зарядчицами шахтерских аккумуляторов станут жены подземных проходчиков.

К осени всё перевезенное хозяйство, жилое и производственное, широко раскинулось вдоль берега реки. Беспорядочно, обособленными группами, расположились на тундре балки.

На видном месте, рядом с камералкой, стоял общественный туалет, сколоченный из новых досок; позже появились другие, меньших размеров. На краю пустыря, оставленного без застроек, обслуживала жителей речной водой колонка в будке; вода шла из реки по трубопроводу. А кто жил близко к реке, черпали воду с глубокого места в протоке, рядом со строящейся баней.

К долгой зиме готовясь, достраивали жильцы тамбура к своим балкам, утепляли их стены. Возле каждого жилища стоял вкопанный в землю столб, с него в балки поступало электричество от вывезенной со старого поселка дизельной электростанции. Для потребностей поселка её мощности на ближайшие два года хватало.

Первую зиму в новом поселке аметистовцы пережили благополучно. Но были и нюансы, осложнившие у кого-то жизнь.

Неудачно поставил Рашид Газизов свой балок. Сильные бураны к тому месту, где он стоял под уступчиком, наметались сугробы по самую крышу балка, торчала лишь дымящаяся труба в снежном наносе. Приходилось Газизову, проснувшись утром, поработать лопатой, чтобы выбраться из сугроба наружу: рыл

туннельный проход в сугробе длиной 7 или больше метров. Другие жилища тоже не обходила снежная стихия, но к ним наметало меньше снега; полностью засыпала пурга только окна с подветренной стороны.

В остальном всё так же, как в старом посёлке. Значительно преобразится расширенный посёлок через 2-3 года.

По завершению перевозной кампании налаживалась на новом месте бытовая жизнь. Ностальгию по утраченному месту и времени мало кто испытывал; разве что старожилы вспоминали отдельные приятные моменты.

На опустевшей площади старого посёлка начала трудиться природа – восстанавливать нарушенный людьми участок тундры. На удобренной земле травы пошли в рост, скрыв в зелени оставленный на месте всякий хлам; его со временем засасывало в хлябкую тундру. Лет через десять, когда я там прошёлся, мало что напоминало о существовании геологического посёлка.

Шлиховка ручьев на участке Интересный

В конце сентября Вениамин Зайцев предложил мне ехать с ним на участок Интересный с целью отбора шлихов в аллювиальных отложениях ручьев Ложбинка и Туфовый. Предстояло нам исследовать ручьи на золотоносность; химический анализ определит минералогические особенности шлиха и отдельно золота.

В прошлом году станок УБСР-25 разбурил в бортах ручья Туфовый россыпь, и были подсчитаны запасы золота по категории С₂ - 22 килограмма.

Ещё раньше, в 1977-1978 гг., были пройдены на Интересном несколько десятков канав, в том числе на водоразделе с этими двумя ручьями. Залегающие в коренных породах кварцевые жилы не дали значимых содержаний золота. В двух канавах несколько бороздовых проб показали в жилах высокое содержание серебра, а золота менее пяти грамм, оно, как и на Аметистовом месторождении, связано с сульфидами и тонкодисперсное.

Получили мы на вещевом складе двухместную палатку, две лопаты и два деревянных лотка. Завхоз Машков долго искал, но нашел две пары резиновых перчаток. На недельный запас

набрали мы продуктов, в основном банки с тушенкой, крупы и чай.

Ясная погода благоприятствовала нашему предприятию. Ночные заморозки пока незначительные, в спальных мешках, полагали мы, справимся как-нибудь с ночным холодом.

Час езды на вездеходе, и мы на Интересном.

Знакомые места! Мимо проезжали – на сопках желтели старые канавы, две брошенные (четыре года назад) лагерные стоянки проводили глазами. Свернули налево, в сторону Ичигинваяма, и остановились на ровной местности долины.

Палатку поставили рядом с ручьем Туфовым. С него и начали промывку.

Поднявшись к верховью ручья, намыли первый шлих. Зайцев отметил на планшетке точку взятия шлиховой пробы, и мы пошли дальше вниз по течению.

Оба работали рядом. Со дна ручья или с борта, насыпали в лоток песок, гальку с илом, находили в ручье удобное для промывки место, а если такового близко не было, делали запруду, и доводили материал плавным в воде качанием до черного шлиха. Шлих сливали в пакетик из плотной бумаги. Расстояния между точками взятия проб были разные. На свое усмотрение выбирали мы место промывки, и чаще на изгибах русла ручья.

Ночные морозцы остужали горную воду до максимально низкой температуры. В ямах, где вода накапливалась и была спокойной, её покрывал хрупкий ледок.

К моей досаде, одна резиновая перчатка оказалась дырявой. Когда её надел и погрузил руки в воду, не заметив в перчатке надреза, студеная вода, проникшая внутрь перчатки, обожгла руку; жгучий холод пронизывал её по нерву до локтя.

Резиновые перчатки слабо защищают кожу от холода, но руки в перчатках не контактируют с водой, и терпят холод до окончания промывки шлиха.

Зайцев, если не был занят промывкой, давал мне свои перчатки. Да и с голыми руками я приноровился к ледяной воде: делал в работе перерывы и отогревал неповоротливые пальцы теплом тела, засовывая руки в штанины. А возвращались к палатке – долго держал над костром одеревеневшие кисти рук.

Энзушки золота (незначительные знаки) стали попадать в

лоток с первой промывки и продолжали попадаться в последующих пробах.

Перед концом промывки встряхивали мы свой лоток и волновой рябью распределяли шлих тонким слоем по плоскости лотка - замечали каждый раз в шлихе несколько мелких крупиц золота. Не заставил себя ждать и первый «знак».

До кондиции шлиха доводил ту пробу Зайцев. Ещё в массе грубой фракции заметил он сплюснутый окатыш золота; с ним вместе, но шустрее, катались в лотке зёрна граната и других минералов. Старательно он перекатывал в углублении лотка плоскую золотину, рукой осторожно отгребал с периферии кусочки всего прочего.

Подозвал меня Зайцев, когда получил готовый шлих, и показал поблёскивающий в черном шлихе ноздреватый окатышек золота.

- Вот и крупное золото пошло! - сказал он радостно.

Повеселели оба, будто мы старатели, которым улыбнулся фарт. Сам собой возник старательский азарт, и, оставив системное продвижение вниз по ручью, стали из того места накидывать в лотки галечного материала, перемешанного с суглинком и илом. Сделали ещё четыре промывки. Попались в лотки несколько знаков и много мелких зернышек. Одна проба показала вес.

Рабочий азарт, возбуждаемый хорошим золотом, мне знаком из опыта работы в Якутии на поиске россыпей. И серьёзного геолога притягивает как магнитом точка на местности (скважина или борт ручья – не важно), где намыта проба с «бешеным» содержанием золота.

Расскажу о курьёзном случае, который я запомнил, работая в Куларской ПРП (Янская ГРЭ) техником-геологом.

На магистральной буровой линии, после ряда пустых скважин, пробурена была станком ударно-канатного бурения скважина, и из одной «сороковки» (интервал 40 см) промывальщик, с которым я работал в ночную смену, отбуксировал в бадье и намыл в лотке золота более двадцати граммов. Лоток был усыпан множеством крупных и мелких золотинок. Такое содержание называют «бешеным» или «ураганным».

Не замедлил приехать с базы партии, находящейся в поселке Кулар, главный геолог Арчил Григорьевич Малтизов. Работавшие в Сергеевской партии его хорошо знают – он там трудился в 1973-1974 годах. Вернул Малтизов передвинутую на сорок метров буровую и распорядился бурить на линии две промежуточные скважины.

Скважины не дали ожидаемого результата, попались в лоток мелкие энзушки. Плохой результат не остановил Малтизова, и он задал ещё пару скважин, приблизив их по обе стороны к золотосодержащей точке. И те скважины оказались пустыми. «Сдаваться» обстоятельствам Малтизов и на этот раз не стал – задал буровикам снова две скважины, но уже вкрест линии. Результат опять отрицательный.

Вскоре партия нашла россыпь с весовым золотом в продуктивном слое на той же магистральной линии, но дальше. А одиночный «карман», куда набилась куча золота, оставался загадочным.

Вскоре меня призвали в армию, и найденную россыпь детально разведывали без моего участия.

В нашем с Зайцевым случае масштаб работы, конечно, не тот, да и цели разные.

Дальше по ручью встречались ещё знаки и веса. Промыв вес, мыли ещё в том месте золото. Замечена была закономерность: там, где в аллювии много зерен граната, больше и золота, вплоть до весового содержания. Из гранатов встречался в основном красноватый альмандин, но были и другого цвета кристаллы. Гранаты и укрупнённое в окислительных процессах золото, которое отличалось от тонкодисперсного в местных кварцевых жилах, связано, скорее всего, своим первичным нахождением с туфами.

На участке сохранилось несколько выходов слоистых туфов и туффитов. В небольших водоёмах отлагались они в процессах эксплозий вулкана. Встречались также на водоразделе (в сторону Ичигинваяма) игнимбритоподобные туфолавы.

Так себе я это представлял на свой взгляд. Мне не пришлось читать отчёт Зайцева (о результатах всех проведенных работ на участке); у него, я полагаю, есть более чёткое

представление об особенностях геологической истории Интересного.

Больше недели жили мы на Интересном. Завершив отбор шлиховых проб в ручье Туфовым, перешли мыть золото в ручье Ложбинка. Там тоже в шлих попадали крупные золотины.

Придя с работы к палатке, оживляли мы потухший костер. Пока варилась каша с тушёнкой, согревались жаром костра и крепким чаем. Поужинав, допоздна у костра сидели – оттягивали время влезания в холодные спальные мешки. Белые ночи давно закончились, и осеннее небо даже в полнолуние усыпано звёздами; чётко, как в астрономическом атласе, читались известные созвездия, выделенные яркими звёздами.

Любование ночным небом провоцировало нас к разговору о тайнах мироздания и прочим рассуждениям на высокие темы. Зайцеву интересно было раскидывать умом, если касались темы про планетологию. Космос тогда успешно осваивался, и мы резонно полагали, что можем дождаться времени, когда геологи начнут контактно изучать породы ближайших планет.

Приходила пора вползать в спальные мешки, и, как барсуки в норы, мы туда влезали, сняв только сапоги, и вместо снятой куртки надевали свитер. Тепла тела недостаточно, чтобы в ватном мешке сохранялся нагретый телом и дыханием воздух; мы съезживались в застегнутых мешках, оставив для пропуска в него воздуха узкую щель над головой. К утру ночной морозец основательно остужал спальник, обеливал чехол изморозью и вокруг дыхательной отдушины нарастала плотная корка инея.

Тундровая долина по утрам, когда мы просыпались и вылезали из мешков, вся серебрилась и сверкала разноцветьем мерцающих искорок.

Появились в тундре за рекой коряки, перегоняющие стадо оленей на новое пастбище. Река недалеко. Редкий лес в галечниковой пойме не мешал видеть противоположный берег. И мы заметили там палатку, размером, как и наша. Решили сходить к пастухам.

Коряки, а было их двое, сидели в палатке на слежавшемся травяном подстиле и ели варенное оленьё мясо. Сдержанно с нами они поздоровались и пригласили присоединиться к трапезе. Мы не отказались.

Ловко управлялись пастухи остро отточенными ножами: отрезали прямо около рта кусочки от большого жирного куска и поочередно отправляли в рот постную дольку мяса и следом жирный кусочек.

- Совсем нехорошо кушаешь, – обратил на меня коряк внимание. Взятый из котелка самый обезжиренный кусок мяса ел я привычным способом, откусывая от него понемногу.

У коряков имелись ещё ножи, источенные до узких, острых, как бритва, лезвий. Получили с Зайцевым ножи, и я по-корякски стал отрезать и есть мясо. И действительно, откушенный следом за мясом, жир ощущался во рту, как масло. И было вкусно. Но ловко орудовать ножами, как это делали коряки, у меня не получалось.

Заканчивали совместную с пастухами трапезу крепко настоящим чаем. После чего коряк, который постарше, отошёл от палатки, достал где-то там – из ямы, видимо, – кусок мяса от задней ноги оленя (в нём килограмма три) и отдал Зайцеву. С гостеприимными аборигенами мы попрощались и вернулись к своей палатке.

Закончив нашу работу, возвратились мы на базу в посёлок.

Александр Луковников. Случай с самогоноварением.

В начале прошлой зимы к Игорю Луковникову приехал с материка брат его Александр. Он был младше Игоря Николаевича на 17 лет.

До физических параметров брата Саня Луковников не дотянул: немного уступал в росте, по комплекции был худощавым и в плечах потуже. Сближала братьев во внешности родственная черта: у обоих на голове обширные залысины.

До приезда на Камчатку жил он где-то на среднем Урале и работал на руднике. Судя по разговорам между братьями, приезд Александра явился следствием развода с женой.

Бывая в гостях у братьев, я невольно становился свидетелем нравоучительных наставлений Игоря младшему брату.

Ссылаясь на принцип Дао в китайской философии, учил Игорь брата спокойно относиться к любым превратностям судьбы. Мол, всё идет своим естественным ходом, надо только

следить, созерцать и делать выводы. «Плывущий против течения зря тратит силы» - цитировал Игорь из памяти изречение мудрейшего Лао-Цзы. И надо сказать, Александр Луковников, не кончивший никаких вузов (Игорь, кстати, курс или два в вузе оканчивал) был достаточно эрудирован, и мог аргументированно, в силу своих знаний, согласиться или возразить старшему брату, используя философскую терминологию.

В партии младший Луковников тоже стал работать на подземке и жил с Игорем в балке, который, как и балок электрика Войта, стоял возле устья штольни.

В отличие от Игоря, не любившего без надобности высовываться из своего жилища, подвижный, веселый нравом Саня, показал себя общительным парнем. Со многими в партии, как с рабочими, так и с итээровцами держался на дружеской ноге, любил ходить к интересующим его людям в гости.

На людях молодой Луковников был трезв и опрятен. Кучные гульбища бражников, собирающихся в накуренной избе по случаю, а также без случая, он избегал, отличаясь этим от брата. И если был повод выпить или когда старший брат посчитает нужным расслабиться, у себя дома пили братья водку, доставленную кем-нибудь с Корфа по заказу.

Приглашался на совместную выпивку сосед Войт, приходил доставщик водки, или кто-то ещё навязывался к ним в гости. В узком кругу и без шума проходили в их балке выпивки; были они нечастыми и непродолжительными – ответственная работа не позволяла прихватывать на расслабление лишние часы. Не опохмеляясь, выходили братья на работу в свои смены.

Брагу Игорь не ставил у себя дома. А залётная водка в посёлке гостя редкая, и если приспичит дать уставшим от чтения мозгам отдушину, а единственному зрячему глазу передышку, попевал он тогда к початой фляге у канавщиков и присоединялся к выпивающим. Его присутствие в компании было всегда желательным, умел Игорь Николаевич направить шумные разговоры, заикленные в основном на работе, на нетривиальную тему. Словесным напором, войдя после двух кружек в раж, перекрикивал он самых громогласных канавщиков: Зинченко и Бобряшова.

В нарушение правила – у себя бражку не ставить,

надоумило однажды Саню изготовить её на свой день рождения, с последующей перегонкой на самогон.

Перегонка бражки на самогон, насколько мне помнится, в Аметистовой партии не практиковалась. Объяснял мне начитанный, по-философски рассуждающий Жора Плотников, когда я одно время жил в избе с рабочими, и там регулярно, один раз в месяц, изготовлялась брага: «К чему лишняя возня? Во фляге с брагой и в самогоне из нее спирта одинаково. В браге причем без потерь на процесс перегонки. Плюс к этому, с более слабого напитка пьянеешь медленнее, и времени на удовольствие – от полноты души поговорить с товарищами – получается больше».

Игорь инициативе брата препятствовать не стал, но отнесся к его затее неодобрительно. И на это была причина.

Больших пирушек, когда собирается много народу, Игорь Николаевич у себя в тесном балке не устраивал (хотя разгулявшимся аметистовцам скученность не проблема); опасался он ущерба своим фотопринадлежностям и коллекции иконок на стене: начнут пьяные гости лапать кресты и иконки, кто-то насмехаться, и не дай бог, не досчитается ценного раритета. А гости как пить дать обязательно нахлынут вовремя. Предательский запах, который ни с чем не спутать, выдаст поспевающую во фляге брагу любому в балок зашедшему. Опытный бражник мог по особенностям запаха определить степень готовности напитка; разнесёт он о браге молву, и жди тогда в положенный срок беспардонных гостей.

Вдобавок к сказанному, на практике канавщики (преимущественно эта категория рабочих ставила бражку) ухитрялись всякими способами приглушить специфический запах, чтобы начальство не учуяло, зайдя в их жилище. Флягу, стоящую в укромном месте за печкой, тщательно укутывали, а газы в играющей браге через шланг отводили в бутылку с водой, и добавляли туда соду; саму бутылку изолировали от сообщения с воздухом.

Своеобразие горняцкого быта тоже минимизировало сивушный запах. В их жилищах готовилась крепкая пища, сушились возле печки пропитанные потом чижи и портянки, добавлялись другие, свойственные жилью канавщиков запахи.

Всё это смешивалось воедино и притупляло бражный дух.

Если не было нужды опасаться начальника (не все были строги и на бражничество закрывали глаза, в особенности Сальмин, когда был начальником, сам любивший с канавщиками бражничать), умельцы не приделывали к фляге газоотводящих приспособлений, а просто открывали у фляги крышку и перемешивали пенистое сусло.

Мог ли Саня Луковников предвидеть, какое страдание он испытает на своей шкуре (то есть на коже), совершив оплошность в самогонварении?

Не ожидая никаких подвохов, и зная процесс выгонки самогона, уверенно Саня Луковников приступил к нехитрому, ему казалось, делу. В отгородке балка, служащем чуланом для размещения в нем житейского скарба, замутил он речную воду во фляге дрожжами, сахаром и хлебными корками. Летнее тепло и топящаяся печка в холодную погоду способствовали нормальному брожению.

Неделю выстаивала в чулане брага. Приходя со смены, прислонял Саня к фляге ухо и слушал тихое бражное шипенье. Дрожжи работали хорошо, один раз понадобилось добавить сахару.

Игорь отстраненно наблюдал за хлопотами брата, и лишь когда тот попросил подтвердить готовность браги, отхлебнул из кружки глоток, сказал: «Пойдёт».

Приготовил Саня всё необходимое для получения самогона. В выходной резиновый шланг в металлической оплётке вставил он конец изогнутой алюминиевой трубки, а её саму поместил в цинковый бак с краном, из него будет сливаться нагретая вода, а в бак подливаться холодная; другой конец трубки загнут кверху и выведен из бака наружу.

Флягу он поставил на мощную электроплитку. Сделана плитка грубо, но надёжно: в стальной каркас на высоких ножках вставлены два крупных кирпича, витая проволока вдавлена в прорези. Энергия в бак поступала от дизель-генератора с напряжением 380 вольт.

Жар включенной электроплитки охватил днище фляги, и брага стала быстро нагреваться...

В конструкции самогонного аппарата вроде всё было

предусмотрено. Да не учел Саня: жар простой самодельной плитки никак не регулировался. Пару создавал заслон слой теста, наклепленного на крышку, и в отсутствие градусника (без него нужен навык опытного самогонщика, тот бы знал, когда надо отключать плитку) нельзя было вовремя засечь момент испарения спирта, чтобы убавить нагрев.

Спусковой же причиной, приведшей к взрыву пара, стало, видимо, попадание из кипящей браги в шланг кусочка хлебной корки. К спиртовому пару добавился водяной, и произошел взрыв!

Взрывом крышку с грохотом разорвало, выплеснулась из фляги горячая брага с паром. Саня рядом стоял – ждал появление первых капель конденсата. И где тут время отпрянуть в сторону: моментально на него обрушились остро пахнущие сивухой брызги и пар.

Вскрикнул обрубком мата незадачливый самогонщик и выскочил из дома. Стал он бегать вокруг балка, накручивая круги.

Следом за Саней, не забыв отключить плитку, выбежал из балка встревоженный Игорь. Понятно ему состояние брата, испытывающего жгучую боль. Но хладнокровный рассудок он сохранил.

- Майку и штаны сними! - крикнул. - Беги к ручью, и где глубже, ложись в воду, жди там помощи Нелли Ильиничны с мазями и бинтами. Иду фельдшерицу вызывать по рации.

Саня услышал брата, побежал к ручью.

Через полчаса приехала на вездеходе Нелли Ильинична, склонная к полноте холостая женщина средних лет. Поочередно сожительствовала она с желающими её ласк холостяками, и последним в партии на её счету был Вася Попелло.

Нашёл с ней Игорь несчастного брата, лежащего плашмя в речной яме; там достаточно воды, чтобы вошло всё тело; голова страдальца лежала на гладком камне. Молодь ручьевого гольца смело подплывала к его голове.

Холодная горная вода, в которой здоровому человеку немоготу долго находиться, действовала на тело Сани, как анестезия, уменьшая острую боль. И когда он с ручья вылез, нетронутая ожогом кожа покрыта была гусиными пупырышками.

Оказать первую помощь решено было возле ручья.

С собой медичка принесла раствор марганцовки в банке, антисептическую мазь и бинты, Игорь прихватил из дома байковое одеяло и полотенце.

Осмотрела Нелли Ильинична ожоги на теле Сани. Заканчивая осмотр, спустила ему до паха мокрые трусы и удовлетворенно сказала:

- Главное, тут в порядке: мужское достоинство целёхонько. Бок и живот в основном обожжены. Ожоги везде второй степени. Сейчас мы обработаем марганцовочкой, мазью смажем и бинты намотаем.... Потерпи родной, через полмесяца будешь здоров, - приступила Нелли Михайловна к обработке ожоговых ран.

Бинтами обмотала она до плеча левую руку, а ошпаренный бок и живот обвернула нарезанными с куска марли лентами.

- Следи Саша за повязками, поправляй, если станут сползать, и больше лежи; Игорь Николаевич о тебе позаботится. На перевязку приезжать буду.

Недели две заживлялась у Сани кожа, а на работу выходить стал ещё раньше. Злополучную брагу, оставшуюся в покорёженной фляге, Игорь в тот день вылил; день рождения брата обошёлся без выпивки.

При мне два года работал младший Луковников в партии, и уехал с Камчатки. С братом, видать, он поссорился, писем ему не писал, Игорь от родных узнал, что брат живет в Усть-Нере.

Появился Саня вновь на Камчатке в 1994 году, устроился работать в Корфе. Нашёл одинокую женщину, сожительствовал с нею в доме около аэропорта. Брат Игорь тоже находился в Корфе (уехал на материк в 2001 году) и жил, будучи на пенсии, один. Но он не скучал, став холостяком после развода с женой № 2 (так именовал отставных жен), и развлекал у себя корячек, которых находил в Тиличихах и приводил домой; устраивал с ними поочередно или сразу с несколькими пьяные вечеринки.

Бестолковая тянучка времени длилась у него несколько лет.

«Увы и ах, глупею на старости лет» – сообразил Игорь на трезвую голову и уехал к своей родне – в город Березовский на среднем Урале.

О дальнейшей судьбе неудачливого в жизни Сани Луковникова узнал годы спустя от Игоря. В мае 2005 года, как

снег на голову, нагрязнул Игорь Луковников ко мне в Киселевск, где я живу; предупредил о своем приезде телефонным звонком, когда уже ехал поездом.

Моя последняя встреча с Игорем Луковниковым

Прежде чем начать писать о пребывании у меня в гостях Игоря, предварю написанное дальше в главе (скорее, это отдельный художественный очерк) примечанием.

В очерке – о событии десятилетней давности на то время, если вести отсчёт с года закрытия Аметистовой партии. Но я решил, что людям, знавшим Луковникова, будет интересно взглянуть на него ещё с одного ракурса.

Речь будет идти (кроме моей с ним встречи) о визите Игоря к его московским друзьям, людям творческих профессий. Некоторые из них в своей родословной были с дворянскими корнями. Евдокия Шереметьева (дочь одного из них – поэта Борозина), к которой я зашёл на сайт в «ВКонтакте», написала мне: «Конечно, я его помню, училась в МГУ, когда приезжал к нам, папа много о нём говорил».

Евдокия – журналист, известны её репортажи о событиях в Донбассе и острые статьи на политические темы, написанные живым лаконичным языком.

Я встречал его на вокзале. По-походному одетый вышел с вагона всё тот же Игорь Луковников. В Аметистовой партии были рядом 15 лет, и всё это время мне казалось, что возраст Игоря оставался замороженным с первой с ним встречи. Вот и сейчас он такой же, только широкая, во всю голову, лысина у него потемнела, и прибавилось на лбу морщин. На его плече рюкзак с вещами.

Подошёл я к нему со стороны его зрячего глаза, он меня увидел и с хрипотцой в голосе произнёс:

- Сколько зим!.. Но обойдёмся без сантиментов, – протянул навстречу моей руке свою узловатую кисть.

Зашли с ним в магазин, купили водки и на автобусе приехали ко мне домой. Выставил я из холодильника на стол закуску, Игорь налил в рюмки водку. Выпили. Стал он рассказывать о своей недавней поездке – сначала к сыну в Молдавию, а на обратном пути заехал в Москву. Подробно он

расписывал своё общение с друзьями из богемной среды – скульптором и двумя поэтами.

У меня сохранилось его последнее, перед заездом ко мне, письмо, где он подробно излагал свои дорожные приключения и визиты к сыну в Кишинёв и друзьям в Москву. И сейчас он мне озвучивал крепнущим с водки голосом то, что было в письме изложено. Я использовал это письмо, чтобы в прямой речи Луковникова показать его оригинальную риторику.

- В Москву прибыл утром, – уверенно вспоминал Луковников недавнюю встречу с близкими ему по духу московскими друзьями и прочие знакомства.

- Остановился у моего приятеля Андрея Борозина. Определил он меня в свою комнату, а сам перешёл в комнату жены Ольги. Она – архитектор с высшим образованием, очень своеобразна и умна. Два сына у него, один работает в какой-то фирме, другой – занят мелким бизнесом. Младшая дочь Дуня – спортсменка, учится в каком-то вузе. Активно участвует в митингах нацболов. Симпатичная деваха.

- Началось моё пятидневное пребывание и суматошные встречи с людьми, которые желали увидеться со мной вживую, ближе познакомиться и поговорить. Минуло 17 лет с той поры, когда я приезжал в Москву в роли отпускника-камчадала, и мои знакомства с людьми Андрея происходили по его неуёмной инициативе...

- Не те уже мы, – потёр Луковников лысину. – Я ещё бодрюсь, и пить могу, а вот Андрей сдал, и пьёт в компании понемногу – поддержать товарищей и для поэтического осмысления. Он поэт, тяготеет к символизму и мистике, и пишет заумные стихи со сложной образностью. От его стихов, когда стал их читать, у меня заболела шея...

Действительно, в подаренной мне Игорем книжечке со стихами и этическими сказками в прозе Андрея Борозина, с предисловием к ним Анастасии Цветаевой (сестры поэтессы Марины), трудно уловить смысл мистических откровений автора, да ещё нарочитые небрежности в грамматике. В отличие от стихов, в его метафоричной прозе порядок.

Как пример, такое четверостишие: «Кровь лазурна лозы виноградной. У вины даже привкус вина. Так лоза возвращает

обратно то, что вечно венчают со дна».

Неудивительно, что у Игоря заболела шея. Сам Игорь, между прочим, в Аметистовой партии изредка вдохновлялся на писание собственных стихов, и, будучи в подпитии, доставал с кармана потрёпанную записную книжку – читал стихи монотонным голосом.

Луковников продолжал:

- Выпили с ним в первый день моей молдавской водки и стали звонить общим друзьям. Надо четверым мужикам встретиться в одном месте, дабы выпить и закусить, и если возникнет надобность, там же заночевать, а поутру разойтись восвояси.

Потянулся Игорь к бутылке, наполнил до краёв рюмки. Выпили по второй. И он продолжил рассказ.

- После долгих телефонных переговоров определились с местом встречи – в мастерской скульптора и художника Машарова. Лучших вариантов и быть не могло. Поехали к нему на следующий день уже втроём – поэт Стас возле станции метро к нам присоединился.

- Пробежались мы по базарчику, берём там водку, закуску, садимся в троллейбус и спешим к Машарову. Тот встретил нас с уже накрытым столиком. Узнал меня. И даже строчку из моего: «Есть искра Божия у нас, ещё не всё потеряно...» вспомнил.

- Славно посидели, - продолжал рассказ Игорь после третьей рюмки, - были стихи, всякие разговоры об искусстве, за жизнь, как таковую. Скульптуры у Машарова трагически молчали или вопили пустотой вместо сердца...

- Ну, а тусовка наша имела такой конец: первым «набрался» Стас, самый молодой, и мгновенно отрубился на хозяйской кровати. Андрей следом лёг на коврик, который с собой принёс, и укрылся своей тёплой тужуркой. А мы с Машаровым, самые стойкие, потихоньку пили водочку, и остановились далеко за полночь.

- Первым я проснулся; слез с антресолей, куда меня определил Машаров, покурил.... Тут и скульптор открыл глаза. Спал он на полу, я ему тюфячок с полки сбросил и что-то под голову. За столиком глотнули с ним по рюмке водки. Стас с Андреем опохмеляться не стали по личным и семейным

соображениям. Простились с Машаровым, и на этом расстались. Я, скорей всего, навсегда.

С интернета взял я информацию о поэтах, друзьях Луковникова. Андрей Борозин (он ровесник Игоря) – сын советского композитора Льва Книппера и внучатый племянник знаменитой актрисы Книппер-Чеховой (жены писателя Антона Чехова). Учился Андрей в литинституте, но бросил учёбу. Станислав Стасенко по образованию геофизик (учился в МГРИ), но его совлекла лирика. Он член редколлегии православного журнала, и стихи у него на религиозную тематику: «От распада знания мир летит в изгнание. От избытка цифр и сфер возникает Люцифер», или: «Земля стоит на дураках, и очень недовольна, когда в безмолвных облаках грохочет слово «Больно!...».

Много чего еще рассказывал мне Игорь, сидя за этой выпивкой и последующими. Дней пять гостил он у меня, столько же, как и в Москве. В повадках, как и во внешности, он не изменился; навык в употреблении за один присест много спиртного, и при этом банальным образом не напиваться до вырубав, потерял им не был.

В первый день я старался, как мог, поддерживать нашу компанию; синхронно подносили мы к губам рюмки, тянулись закусить салатом и кушаньем, что мать моя (была тогда жива) приготовила. После чего Игорь продолжал говорить про свои приключения, переходил к другим темам.

На второй день я уже с трудом подстраивался под его возможности – пить водку ровно и в охотку, как и вчера. Оставалось мне завидовать его печени, разлагающей быстро, почти до нуля, токсичный ацетальдегид. А ведь он старше меня на восемь лет.

Последние три дня в его обществе прошли у меня как в тумане, хотя водку оба уже не пили, перешли на пиво. Правда, с утра Игорь опохмелялся одной рюмкой водки.

О гибели в Корфе брата его Александра рассказал он мне в первый день, после того как наговорил мне кучу подробностей о своем вояже к друзьям и сыну. Мозг мой к вечеру был затуманен алкоголем, и причина, а также обстоятельства самоубийства Сани Луковникова не отложились в памяти, а переспрашивать потом

на трезвую голову не стал.

- Дуло ружья засунул он себе в рот и выстрелил... не стало брата Сани, – только эту фразу Игоря помню.

На шестой день, утром, проводил я его до вокзала, попрощался с ним у двери вагона, и он уехал.

Потом он периодически звонил мне на домашний телефон. 5-го ноября очередной его звонок я услышал, и он оказался последним: «Знаешь, Володя, - вещала трубка хриловатым баритоном, – любят меня, старика, молодые женщины. Приходит ко мне одна, интеллект у нее на уровне выпить и закусить, но собою недурна».

Через несколько дней после его звонка позвонила мне с Урала сестра Луковникова и сообщила о смерти Игоря. «Нормален был до этого, на здоровье не жаловался, – говорила она, – ждал почтальона с пенсией, и вдруг на пол рухнул – сердечную артерию закупорил тромб».

Не покидала его при жизни уверенность: душа после смерти вознесётся в астрал, а оттуда опять на Землю в другом перевоплощении.

Потопление вездехода на речной переправе

Сергей Брагин рассказал мне однажды о жутком происшествии на реке. Случилось это в мае 1983 года. Вездеход, переправлявшийся на другой берег с аммонитом и людьми, из-за неосторожных действий водителя утонул в реке. Обошлось без жертв; люди спаслись, бросившись в воду и доплыв до берега.

На основе того, что мне рассказал участник этого события Брагин, воссоздаю подробную картину.

Надежный деревянный мост через реку Ичигинную еще не был, стоял только узкий пешеходный мост, сваренный в его надводной части из железной арматуры. К нему не было подхода в бурное половодье, рабочие переправлялись через реку на резиновой лодке.

Река, когда находилась в своем русле, позволяла без особых проблем переехать гусеничной технике, а людям перейти реку вброд, чего не скажешь о переправе во время больших паводков весной и после обильных дождей. Буйное течение могло вынести вездеход, куда стихии угодно. В эти периоды возникала

сложность доставки людей и грузов к участкам горных работ, и был риск получить неприятности на переправе.

Взрывчатка требовалась канавщикам ежедневно, временных хранилищ на сопке, разумеется, не было. Чтобы лишний раз не рисковать, приходилось нарушать порядок доставки взрывчатки, брать её с аммонитного склада впрок – тонну и больше, на несколько дней работы.

В тот злополучный день на вездеходе со старого посёлка поехали на аммонитный склад горный мастер Брагин и взрывник Иван Афанасьев. Сел в вездеход и Вильданов, курирующий тогда строительство в новом посёлке, какие-то дела у него были со строителями. На водительском месте сидел Коник.

Вездеходчик успокоил Брагина, усомнившегося: «Сможешь ли, чтобы без проблем?»:

- Не ссы, начальник! Будет тип-топ! Не раз в такую большую воду ездил – и ничего. Машина у меня – зверь!

Вездеход направился преодолевать реку косо по течению, и чуть всплыл в фарватере. Переехали реку всё же удачно.

Брагин рассказывал: «Я тогда подумал: как же мы поедем с большим грузом обратно, ведь будет против течения? Но решил, что вездеходчик лучше меня знает».

С загруженным со склада аммонитом вездеход заехал сначала в новый посёлок, чтобы взять строителей.

«Ещё кто-то из женщин собрался ехать в старый поселок, - рассказывал Брагин, - но Вильданов ей отказал и правильно сделал: был бы верный труп».

Развернулся вездеход и двинулся к переправе. В кабине рядом с водителем Вильданов, в кузове – ответственные за перевозку взрывчатки Брагин с Афанасьевым и двое строителей.

Неторопливо и, казалось, «неохотно» бывалый (как и его водитель) вездеход приближался к реке. Видал он всякие виды на своем машинном веку, зависал однажды над крутым обрывом, и лишь чудом, разувшись в двух метрах перед ним, избежал рухнуть вниз вместе с нетрезвым водителем и канавщиками, которые тоже были навеселе.

Проехал бесстрашный Коник по затопленной песчаной косе, с которой всегда въезжал в реку, и съехал в глубокую воду. На выбранное водителем направление машины, к удобному

въезду на другой берег, быстрое течение тут же стало вносить свои коррективы.

На середине реки вездеход приподняло, и течение стало смещать его в правую сторону. Отнесло вездеход течением к высокому мыску, заросшему кустарником и деревьями. К тому же и глубина воды там порядочная, а ниже, как потом оказалось, еще глубже, и течение скорое по более крутому в том месте наклону дна.

Въехать на берег нельзя, и Коник решил сдать назад. Сдал..., но манёвр оказался неудачным: вездеход вдруг провалился в подводную яму, кабину захлестнула волна, и мотор заглох. Неподдающийся управлению вездеход понесло по течению как консервную банку. Люди, находящиеся в кузове, стали прыгать в воду...!

Берег был рядом. Оба строителя и взрывник смогли вплавь добраться до берега. Хватались они за свисающие с мыска ветки тальника и выбирались из воды. Их вид был как у мокрых куриц.

Брагин в отчаянной ситуации раздваивался соображением: «Выпрыгивать в воду или еще подождать? Поди, вынесет вездеход на мель...». Но задницей чувствовал, что надо спасать себя! В кузов стала набираться вода, заплескали ящики с аммонитом и ДШ, на одном из них он сидел.... Надо, понял горный мастер, выпрыгивать!

Рослая фигура Брагина вывалилась с кузова и целиком ушла в холодную воду. Он вынырнул и поплыл. Широкие ладони разгребали воду, точно лопасти вёсел.

Доплыв до берега, оглянулся назад и увидел, как вездеход начал погружаться в воду, из него стали всплывать ящики. Потом вздыбился зад вездехода, мелькнули гусеницы, и, перевернувшись прощальным кульбитом через свою морду, вездеход исчез под водой.

У Вильданова с Коником эвакуация из кабины прошла хуже. Вездеход речным потоком вынесло на середину реки. Коник успел покинуть кабину до её погружения, но стремительная быстрота реки тут же его подхватила и понесла по течению. Дверцу кабины, со стороны, где сидел Вильданов, прижало сильным водным напором, он силился кабину открыть,

но не мог. Соображать было некогда – мозг отсчитывал быстрые секунды, и руководство действиями взял на себя инстинкт. Только когда кабина ушла под воду, Вильданов толкнул дверцу. Вперёд ногами из кабины он катапультировался и всплыл на поверхность реки, выпустив изо рта струю воды. Энергичными махами длинных рук стал улепётывать от тонущего вездехода.

Стрессовое состояние вскоре покинуло спасшихся бедолаг. Кто находился при крушении в кузове, на берегу оказались неподалеку друг от друга и суматошно бегали в мокрой одежде, ища в береговом кустарнике не откликающихся на их крики Вильданова и Коника.

Но вот Вильданов откликнулся, да и сам уже вышел из кустов навстречу.

- Ети твою мать! Где Коник?! - он громко выругался, обращаясь встревоженным взглядом к речной окрестности, безразличной к его психическому состоянию.

Пятеро вымокших до последней нитки мужиков, лишь из сапог воду вылили и отжали портянки, двинулись вдоль берега искать Коника.

Нашли его в двухстах метрах от места крушения вездехода. Слава богу, живой, но с травмой. Когда он выпрыгивал из кабины, ударился головой о ребро дверцы, и, видать, будучи ошарашенным ударом, не справился с увлекающим его вниз течением. На плаву как-то продержался, и течение несло на сушу.

Вездеход достали на следующий день, выволокли со дна реки трактором. Аммонит уже не собирали.

«Хорошо, женщину не взяли, был бы верный труп», - повторил Брагин в своем рассказе фразу, сказанную им в начале, и перекрестился.

3. ОТЪЕЗД С КАМЧАТКИ В КУЗБАСС

Прощание с коллегами

В январе 1983 года я получил от профсоюза экспедиции путевку в санаторий Кисловодска и улетел в трехмесячный отпуск. После санатория проводил отпуск в городе Киселевске Кемеровской области, где жили мои родители. Там я познакомился с моей будущей женой Ниной Годлевской.

Возвратился я из отпуска и задумал покинуть Камчатку. Решил устроить свою личную жизнь на материке.

О своем желании уволиться известил я руководство партии. Мое решение стало неожиданным для наших геологов и рабочих-старожилов. Недоумевали коллеги, что я в это время оставляю партию, когда самое интересное в её работе впереди. А Игорь Луковников пророчески сказал: «С год помыкаешься на материке и вернёшься».

Перед вылетом в Корф устроили для меня геологи пикник на песчаной косе Ичигинная. Мангал мы разожгли и жарили шашлыки из оленьего мяса. Выпивки не было, пили чай.

Попрощался я со всеми, Марина дала мне на память коробочку с частью её слайдов — с гористыми видами Тклаваямского рудного поля, где она бывала.

На следующий день я прилетел в Корф. Со мной из Аметистовой улетала техник-геолог Нина Булычева — в декретный отпуск.

В квартире Людмилы Афанасьевой была организована небольшая пирушка. Со мной и Булычевой попрощались наши геологи, находящиеся в Корфе. Всех уже не перечислю. Веня Зайцев подарил мне от коллектива геологов-аметистовцев фотоаппарат «Зенит» и зонт от дождя, обшитый синей материей с белым крапом.

На следующий день я улетел в Петропавловск, оттуда на большую землю.

Проблемы с работой в Киселевске

В городе Киселевске, куда прилетел, девять шахт. На одной из них после армейской службы я работал участковым геологом.

Не смог я, как рассчитывал, найти работу по специальности на шахтах города. Надо было где-то трудиться, и мне ничего не оставалось, как устроиться на шахту простым рабочим в ожидании свободной вакансии геолога.

Пройдя месячный курс обучения в КРО (учебный комбинат), получил я низший стартовый разряд горнорабочего в очистном забое и присоединился к бригаде на шахте Тайбинской.

К этому времени я уже был женат на Нине.

Недолго я трудился в шахте – месяца четыре, и познакомился случайно с одним человеком, который работал главным инженером в спецконторе – по профилактике и тушению подземных пожаров. Предложил он мне должность старшего бурового мастера. Бригада бурила скважины станком ЗИФ-650, после чего проводилась заилровка глинистой пульпой отработанных выработок в шахте.

Разумеется, никакой буровой практики до этого я не имел; моей обязанностью в бригаде была доставка из мехцеха на место работы бурильных и обсадных труб – на замену изношенных и аварийных, но чаще – коронок и шарошечных долотьев, а в конце месяца закрывал буровикам наряды. Приходилось часто замещать в работе помбуров, не являвшихся на смену.

Место геолога на какой-нибудь шахте в городе не освобождалось, и меня стала одолевать ностальгия по утраченной интересной работе в Аметистовой партии. Связи с коллегами я не терял, посылал им письма, интересуясь делами в партии, мне писали в ответ. И всё более хотелось вернуться на Камчатку. Жена была согласна на возвращение вместе с нею.

О событиях в Аметистовой партии в 1983-84 гг. (из писем)

О жизни в посёлке и делах на сопках в тот период времени, когда отсутствовал в Аметистовой партии, извлёк я из писем коллег-геологов. Два письма были от Игоря Луковникова, который любил писать широко, с фрагментами его философских поучений.

Письма Газизова и Безруковой изложу своими словами, с цитированием отдельных мест. А письма Соловейчик, Семеновой и Луковникова будут в оригинале, но с сокращениями. Мои комментарии к ним минимальны.

Разложил я перед собой на столе письма и начал отстукивать буквы на «клаве» компьютера. Начал с письма Газизова. Его письменную речь в своем изложении я приукрасил и добавил кое-чего из писем Марины Соловейчик.

Работа в партии, писал Газизов, продолжает идти своим неторопливым ходом. Заканчивается продвижение штрека по жиле Мария. Трещина, вмещающая рудную жилу, схлопнулась в невзрачный глинисто-кварцевый шов, и прежняя красивая жила перестала впечатлять ни своим прежним видом, ни содержанием в ней золота. Второй штрек (по Гюзели) уткнулся в пострудный разлом Луч, который сместил жилу на метр вправо. За разломом жила выхолостилась в серию мелких жилок субширотного простирания. Не стало прельщающей глаз геолога жилы Гюзели, насыщенной блестящими сульфидами, вместо неё – невзрачный молочно-белый кварц. Дальше не было смысла вести штрек. Работы были сосредоточены на проходке скреперных рассечек и камер для подземного бурения, в плане стояла проходка по Чемпиону восстающего.

Люда Безрукова пессимистично сообщала в своем письме о положении с планом на подземной проходке: *«К концу года плановая задолженность на подземке составила 300 метров, и на прорыв – выручать план – прилетел в Аметистовую начальник ПТО Богатырев».*

Об изменениях в руководящем звене партии сообщал Рашид Газизов.

Со скандалом, как явствует из его письма, покинул партию её начальник Солтон Эркенов. Поводом послужила статья бурового мастера Василия Попелло в «Камчатской правде», после чего *«начались в партии собрания, разговоры по углам и так далее».*

Исполняющим обязанности начальника партии был поставлен Виктор Хворостов. Вслед за Солтоном Эркеновым уволился главный механик Святец. Видимо, тоже «отличился» совместно с Эркеновым в каком-то проступке. Чем оба оплошали, Рашид Баянович не пояснил.

Конечно, инициировал опалу начальникам правдолюбец

Попелло. Мне было известно, что Вася Попелло – любитель под разное настроение чиркать статейки для местных газет. Обычно писал о позитиве в нашей полевой жизни, а тут – на тебе.

Касаясь производственных дел в партии, Газизов писал: *«Работы в Аметистовой идут медленно, ведётся их мало и со сбоями».*

И через абзац продолжал:

«Не лучшие идут дела и в экспедиции. В съёмочных и поисковых партиях творится мрак, работы проводят с грехом пополам. С должности главного инженера СКГРЭ сняли Гурцика. На его место пришёл некий Печенюк. Что он собой представляет, бог его знает. Скорей всего, ничего хорошего», – сомневался Газизов в деловых качествах новоявленного главного инженера.

Первую половину письма с негативной информацией Газизов заканчивал: *«Не поладил с корфским начальством и подал заявление на увольнение Стас Шелудченко. Рожков улетел в отпуск, Локман Эркенов тоже».*

Вторая половина письма у Рашида Баяновича – перечень результатов работы геологов и о бытовых новшествах в партии.

«Получены хорошие результаты по западному флангу жил Ичигинской и Изюминки, в канавах. Пришли анализы по жиле Западная. В твоей канаве № 375 содержание золота 156,9 г/т, серебра 3466,9 г/т! Руда схожа с рудами Спрута. Пробурили одну скважину с водой под жилу Ичигинскую на горизонт 0. Руда Аи-хлорит-сульфидная».

Далее он писал о его выброске вместе с Вениамином Зайцевым и студентом на Резниковское рудное поле, где пробыли 10 дней.

«С рудой там плохо, но с геологической точки зрения весьма интересно. Набрали 50 штучных проб, силикатных и т. д. По шиховым пробам на Резниковском рудном поле золото идёт в ассоциации с гранатом. Магматизм там наш – Ичигинский комплекс, а вот с оловом надо ещё разобраться».

Побывали они после на участке Спрут и на Светлом.

Безрукова, размышляя об итогах вылазки геологов на эти участки, дополнила впечатление Газизова о странностях геологии

в тех местах:

«Всё очень непросто. На Светлом наряду с киноварью – гранат! Казалось бы, породы те же, что обнажаются на водоразделе, а вот, поди ж ты... неужели так близко от поверхности соседствуют наши безликие покровы и гранатсодержащие гранитоиды, которые наши умы относят к Уннейскому комплексу?»

Серию писем, в которых значительную часть текста оставил я в оригинале, начну с письма Марины Соловейчик. С первых строк дает она краткую информацию о делах с проходкой канав, уместив всё в один абзац. Далее уже не упоминала о результатах своей работы, в которой она одна, «чумахая и замученная», обслуживала работу десяти канавщиков. Очень уставала и имела большую задолженность по оформлению документации.

Мне известно, что она левша и пишет левой рукой. Почерк Марины близок к печатному, буквы в словах не соединяются чёрточками. Её текст привожу почти без изменений, исправлял только явную стилистическую небрежность и пунктуацию. Тон писем Марины, в отличие от сухого слога Газизова, где ничего лишнего, только по делу, у неё наполнен эмоциональными отступлениями и даже лирикой.

«Наконец-то получила от тебя письмо, - начала она. - Без стихов, правда, но с обещаниями. Насилу выбрала время ответить, совсем закрутилась.

Мои канавщики дают план со страшной силой! Идёт добивка бульдозерных канав на «Марии», и я с сопки почти не вылажу. Хожу чумахая и замученная, долгов накопилось уйма. По зимним канавам на Ичигинской и Изюминке пришли отличные результаты. В конце октября нам сдавать этап по IV группе жил и Марии, а там как раз ничего не набито. Вот сейчас и подгоняем грехи.

Мои настроения, ты знаешь, часто меняются. Желания возникают: душой отдохнуть от поселковой суеты и надоевших физиономий. Порой хочется остаться одной...

Отдушину дал мне летом Петрович – устроил нам со студентом поездку на Спрут. В полном блаженстве две недели

отдыхала я душой. Немного успокоилась. Ходила в маршруты, студент промывал в ручье аллювий на золото и киноварь. Пришли в поселок пешком со Спрута (вездеход сломался), и меня сразу взяли в оборот. Начала я ходить в маршруты по северному флангу 1-й группы жил. Это время ознаменовалось перепиской с Петровичем в стихах, строчили друг другу такое:

*Я иду, иду маршрутом,
экономлю я минуты.
Мимо шишек, мимо ягод,
мимо Миши с псиной Ягой.
Дождик в спину мне щебечет –
не волнует, не калечит...
Шеф в маршруты нас гоняет,
сам всё время просыпает.
Пожимаем мы плечами –
всё понятно: он начальник!*

Петрович в ответ пародировал мой стих так:

*Распроклятые маршруты
грабят годы, дни, минуты.
Камни бью и мну я травы,
и от ягод след кровавый
оставляю за собой.
А начальник... божье, мой! –
на меня рычит, как Яга.
Ах, бедняга я, бедняга!»*

Миша, упомянутый в её стихе, – будущий муж Марины Махиборода, а Петрович – это Веня Зайцев. Марина тоже Петровна.

Собрались они однажды втроём в камералке (третьим был Хворостов) – думали, какое имя дать рудной жиле, и их осенило: они трое – Петровичи, и назвали жилу в честь своих отцов – Петровской.

Едва коснулась в письме Марина о новостях производственных, и больше о бытовых:

«Сейчас идёт монтаж новой ДГА. Машина по габаритам внушительная и сложная. Начали печь хлеб в новой пекарне. Появилось у нас телевидение, народ смотрит фильмы.

Последний раз магазин привёз 25 штук – все расхватали. А так как программа начинается поздно, и хорошие фильмы идут ночью, все стали по утрам просыпаться. Моя соседка (за стеной) тоже приобрела телевизор, и при нашей слышимости я тоже почти «смотрю».

Женщин в партии уже уйма, даже не всех знаю...

И вот еще... меня это рассмешило, – резко сменила Марина тему, – прибыл из отпуска наш общий друг Карпуза-тракторист – в новой большущей кепке, как у грузина. Уж не знаю, какие жизненные испытания заставили его расстаться со старой кепкой, столь бережно им хранимой и любезной его сердцу.

Тебя это заинтересует: свершилось грандиозное событие! Игорь Луковников со всем своим имуществом переезжает в нашу новую деревню. Уже неделю не может разобрать барахло – таким хозяйственным оказался.

Брат его Санька где-то на Чукотке. А жаль, мы все очень любили Саньку. Вообще, я всегда очень болезненно воспринимаю отъезды людей, мне симпатичных, а когда ещё и родственные души...».

Письменный рассказ Марины на этом закончу, и перейду к письму Натальи Семеновой. Она пишет мне:

«Горячий тебе привет, друг мой! Начну повествование о нашей аметистовской жизни и о моей личной. Казалось, что может произойти существенного с тех пор, как ты месяца три назад уехал, а изменений уйма. Произошла смена административного аппарата не только в экспедиции, но и у нас. И. о. начальника АГРП (кто бы мог подумать?) – товарищ Хворостов, наш Витюша! А исполняет обязанности главного геолога партии Веня Зайцев. Марина недавно вернулась со Спрута и снова на канавах. Люба Хворостова документировала подземную скважину. Сейчас улетела в Корф, оставив мне это «грязное» дело.

Со Скларом у нас круглосуточное дежурство на буровой. Ждём пробурку интервала с рудной жилой. Сижу сейчас в бытовке, время пятый час ночи, пытаюсь бестолковое письмо тебе написать. Про работу тебе лучше напишет Марина.

Получила я отдельный хатон, бывшую «усадебку» Ковальчука. Представляешь, Вовка, – сама себе хозяйка! В последнее время занимаюсь домашним хозяйством: благоустройством балка, заготовкой грибов, ягод. Думать надо и о дровах, пока позволяет погода. Она теплая – до 30 градусов, ветерок южный гнус отгоняет.

Настроение и самочувствие у меня отличные. Скучать не приходится: вечерами собираемся компашкой у меня, балдеем. Расходимся далеко за полночь. Удалось мне сплотить разваливающийся было коллектив. Жену Склера приняли очень тепло, хорошая она девка. В ноябре, правда, уезжает в декретный отпуск.

У меня в личной жизни грядет перемена. Скоро выйду замуж за Саньку Волкова. Присушил меня парень всерьёз. Предложил вчера за него замуж. Я пока думаю.

Будешь в Новосибирске, и надумаешь зайти к моим родителям, будь, пожалуйста, осторожным в разговоре с моей мамой. За меня она слишком волнуется, даже больше, чем я этого заслуживаю.

Стихи-то пишешь? Пришли что-нибудь на тему... сам выбери какую.

Заканчиваю писать. Побегу сейчас в камеру – будут делать подъём. Ожидаем жилую зону.

А твои жилы я в обиду не дам. Пиши, буду очень рада. Крепко тебя мы все обнимаем, целуем. Будь счастлив!».

Своей «фирменной» стилистикой отличался Игорь Луковников.

«Здесь у нас всё почти то же. За неимением начальства функции таковых выполняет Валерий Иванович Григоренко, что приводит его к катастрофической полноте. Недавно была вертолавка, завезли партию уцененных рублёвых плавок 60-го размера. Вся толпа выдохнула: «Для Григоренко!» Правда, отдельные энтузиасты высказали мысль, что это для семейных, на двоих. Балдой радист взял 12 комплектов постельного белья. Кто-то тотчас прокомментировал: «На год. Чтобы не стирать!». А бичики наши определили: багрово-грязно-красный, с зелеными листочками, материал – самый подходящий для

занавесочек, и вмиг разобрали.

Брагин из отпуска привёз жену, Олег Тараско отыскал своё счастье в Тиличихах; отпраздновал вступление в брак и один прилетел сюда. Махиборода заштамповался с Мариной. И даже медичка Нелли недолго после Волкова (канавицка) одна давила постель – нашла родственную душу, Бакишеева, и сейчас досыта его ублажает, но ещё сомневается: «Чи выходить замуж, чи нет, говорят: вин дурний».

Я переехал в деревню и поселился возле быткомбината. Вода рядом, дрова у бани. Тамбур изладил из рукава, что сначала бросилось всем в глаза, но потом примелькалось. Живу один. Санькины нары разбросал по стене, забил книгами и журналами, там же поставил телевизор. Таким образом, даже одному уже тесновато. Летом из части тамбура скрою комнату и назову её кухней».

Обо мне Луковников такое написал:

«Взглянул на твою жену, запечатленную на фото, и меня охватила печаль.... Нет! Не видеть мне больше в Аметистовой Лахтина, не видеть. Когда сладкоежки с родинками позволяют себя любить, они до копейки забирают свободу. Ах, Вова, Вова! Не ходить тебе больше без пуговиц, не носить тебе рубах на свитерах! Здесь ты ходил часто не по погоде одетый, в лёгкой куртке в мороз, а в жару шапку на шапку надевал. И зря будет вопить с полки Гегель, ты будешь глух. И напрасно в твоей картине появится новая крыса – ты её не увидишь».

Об упомянутой Луковниковым картине надо пояснить.

Картину я привёз из Ленинграда, купленную у Шинкарева (о нём уже писал). Висела она на стене в балке и всегда была на глазах в тесной комнатухе. Что было удивительным для меня, когда взор долго на ней останавливался: каждый раз чудились на густо замалёванном красками холсте разные сторонние фигуры, в том числе и бледная крыса однажды появилась, а потом исчезла.

Постскрипtum в письме Луковников приписал:

«Мой совет: дабы дом ваш не развалился, предлагаю метод: раз в одну-две недели меняться ролями. Ты – она, она – ты. Это несколько развлечёт и поможет увидеть реальные ошибки в отношениях».

Примерно в то же время, что и от Луковникова, пришло второе письмо от Марины. Описывала она в нём события, происшедшие в Корфе и партии осенью и в конце 1983 года. Начала с себя. Разумеется, летала на крыльях медового месяца.

«Первого декабря я ступила на стезю семейной жизни! Мы с Мишей расписались, никому ничего не сказав. Жили у Людки Безруковой, и она одна была в курсе нашего тайного поступка. Бдительный Корф в лицах геологов оставался в неведении почти месяц, пока мы сами не проболтались. Петрович начал сразу слать Мишку в магазин.

Сейчас всё начало снова работать. Штольной по жиле Ичигинской прошли 70 метров в этом году. Собираемся штольню номер два зарезать – на жилу Фантазию.

У меня трудятся 8 канавщиков, работаем на 1-й группе жил. Очень хорошо протянули жилу Изюминку, вышла не хуже Ичигинской, а содержание золота даже выше, особенно на западном фланге. Осенью добили все бульдозерные канавы на Марии и защитили этап на «хорошо». Мише (от авт. – Махибороде) на штольне помогает техник-геолог Гасков. Но за три года его мало чему удалось научить; толку от него мало, приходится Мише переделывать документацию.

Натали Семенова одна пашет на бурении, Вова Скляр (от авт. – геолог) от этого дела самоустранился. В поле нас геологов осталось трое: мы с Мишей и Натали. Остальные до весны будут сидеть в Корфе, заниматься, кто ТЭДом, кто проектом на предварительную разведку. А летом все собираются в отпуск. Но не всем посчастливится позагорать на материковых пляжах.

«Дворцовый переворот» в Корфе кончился снятием Рожкова. Теперь он сидит в геолотделе. На его место прислали молодого парня, ему 31 год (от авт. – В. Кисиль). По образованию – горняк, и в разведке смыслит. Мужик он вроде нормальный, без ложного пафоса. На месяц закатился в Аметистовую. Обегал все сопки, каждый день бывал на канавах. Даже выдавшим виды канавщикам пришёлся он по душе. Чаю выпил с нами не один чайник.

Хворостову пророчат место главного геолога СКГРЭ. Новый начальник пока против, говорит, что не нравятся ему

Витюшины человеческие качества. У нас в партии продолжает властвовать Григоренко, ему на смену никак не подберут кандидатуру. Бывший наш начальник Солтон Эркенов плотничает в Корфе.

Новая деревня хорошеет. На все общественные здания повесили красивые таблички. Посреди площади стоит ёлка. Пришли первые балки из комплекта «геолог», с откидными диванами и шкапами. Скоро запустят банно-прачечный комбинат и дизельную электростанцию.

Ну, а как ты – ностальгия одолевает, признайся? Мы все с нетерпением ждём твоего возвращения в Аметистовую».

Следом за письмом Марины пришло второе письмо от Луковникова.

«Прими мои поздравления по случаю дня Геолога, желаю тебе всяких открытий на почве исканий, особенно в семейной жизни, и да процветает геология, даже комнатная!

Калифствует у нас временно Эркенов-старший. Но скоро начальник экспедиции привезёт нам начальника партии или же главного инженера. Возвратился на свою должность Вильданов. В подвешенном состоянии находится пока товарищ Григоренко. После окончания пертурбации можно будет смотреть очередную серию здешней клоунады.

Работа идет еле-еле. Из геологов в партии Махиборода, Марина и Наташка, остальные в Корфе. Пишут. Наша ТБ-шница Наталья Овинова уехала в Корф – временно занять место отпускницы Дюймовочки (она же – Белая Лошадь). Ездила Наталья в Тулу, привезла мне пряник тульский; пожурил я её за дурь, и понял, что она склонна восстановить семью с Овиновым.

Установилась хорошая погода, и в партию мало-мальски завозят грузы, балки тоже. Колбанцеву с Карпузой выделили на двоих новячий, но они не спешат переезжать, живут в старой деревне в антисанитарных условиях, не очень жаждут приобщения к цивилизации.

По случаю 8-го Марта завезён был наполовину сокращённый Эркеновым праздничный груз, что составило по бутылке водки и шампанского на рыло. Сей день я встретил в обществе Войта и Мордовина, и когда я предложил тост за

женщин, они единодушно его отвергли и заменили тостом за матерей. Гм... странные мужчины.

Сегодня жду борт с почтой – привезёт журналы. Месяц – Март, а ещё январских номеров нет. А всё из-за того, что сейчас на почте корфской непосредственно для Аметистовой собирают корреспонденцию, для чего выделены специальные мешки. Сие сделано, дабы в экспедиции журналы наши не дербанили. Теперь почту нашу забывают захватить на борт. Прелесть! Журналы почему-то всё равно пропадают. Видишь, Володя, как стабилен мир, из коего ты отбыл.

Женщин у меня сейчас, слава богу, не бывает, а потому разучиваю дзен, и даже несколько этим счастлив. Изредка, правда, забегают жена Брагина. Она из учительниц, что сказалоcь на её менторском поведении – досконально объясняет мне, бичу тёмному, от кулинарных рецептов до повестей в журнале «Человек и закон» (она очень любит этот журнал), и я улыбаюсь после её краткого визита 3 дня».

Дальше пошли его философские рассуждения о человеческих отношениях.

Мне он так отвечал на мнение жены моего знакомого, соглашаясь с нею в её жизненной позиции:

«Существуют нужды и желания. Удовлетворение нужд естественно, а удовлетворение желания невозможно. Это как горизонт, который маячит всегда где-то, вроде бы вполне достижимый. Вот почему Будда и говорил об уничтожении желаний, а не нужд. Ибо желания – это всего лишь проекции нашего ума. Жизнь – экран, мы – зрители, ум – проектор. Мы – между проектором и экраном.

Что такое реальный человек? Это определённая форма, с присущими ему качествами. Включается проектор – ум, и мы начинаем видеть в человеке то, чего нет. Реальный человек совершает какой-то поступок, который не соответствует нашей проекции. Мы в ужасе – ах, ах! – он бяка. А он не бяка, он реален, просто мы не видели реальность, а видели свою проекцию реальности, и на проекцию подключили своё отношение. А надо не проецировать, а просто наблюдать реальность, отбросив ум.

Если у человека разлад с внешним миром, причина внутри себя».

Как видно из писем женщин, просили они прислать им мои стихи. Законченных, доведенных до ума, у меня было немного. Что-то им отсылал в ответных письмах. Какие, уже не помню. Может это, написанное в шуточном стиле:

Насмешница Вега

*Труба нальётся цветом вишен, станет
Клонить воздушный бес огонь свечи,
А с жерла разгоревшейся печи
Взлетит на ступе фурия преданий –
Удобно время для воспоминаний.
И вот с теплом, наполнившим балок,
Из банка запахов дым старый поволок
Без приворотных чар или камланий.
Сонм виртуально пахнущих молекул
Мне память отмыкают, как ключи.
И голубая Вега, там в ночи,
Задористо мигает человеку.
От магий Веги, в этом весь секрет,
Хохлушки замаячило виденье.
С тумана, словно парусный корвет,
К ее глазам сближаюсь, как на свет,
И слышу: Чу!...»
Обрыв.
Ах, невезенье! –
Ушел в туман ее ко мне привет.
«Ну, так и есть!»
В явь поворот ключа –
Сижу привычно на дощатых нарах.
Я не учел вмешательство нагара.
Все те же: печь, разлучница свеча.
«Тьфу, таинств атрибут!» - клянусь свечу, -
Подружка ведьмы ты!», и прочей бранью
За казусный обрыв на междометьи «Чу!»,
За срыв досадный нашему свиданью.
Душой астральной снова вдалеке.
Едва дышу в глухое ухо ночи.*

*Очнулся на капроновом шнурке
Забавный чёртик - рожицы мне корчить.
«Исчезни с глаз!» - и расслабляюсь вновь.
«Ау, Тамара!..»
Хруст за дверью снега.
Огонь свечи плашмя – вошел коллега.
От шубы псиный дух...
Прощай, любовь.
А за окном вовсю хохочет Вега!*

И ещё одно стихотворение. Его в первом варианте я отправлял Игорю Луковникову. Написано оно в жанре фантастики, и, может, для кого-то покажется страшноватым – в смысле фатальной перспективы для человечества. Но это всего лишь моя фантазия, и серьезно к ней относиться не надо.

Откровение йети

*В скрижали Моисей не внёс одну строку.
Был неудачен первый опыт Бога.
Швырнул Он в горы глины ком жестоко,
Сказал: «Живи! Но спрячься. Ни гу-гу!»
... Став племенем, верны табу пока.
Тысячелетья мимо нас – мы немые.
Когда Адам был изгнан из Эдема,
Шли с глаз его долой – под облака.
Куда уж выше! Скалы, вечный снег.
Изгой мы на ледяной планете.
Но Бог стерёг. И великаны йети
Таились, жизнь влача из века в век...
Нам не понять о нас досужий бред.
В глубинах гор не так уж важен разум,
Хребты шутя ломаем снежным барсам.
Знак тайны роковой в снегу наш след!
И терпеливо ждем свой звёздный час.
Уже близка! Грядёт земная драма!
Ужасный рок настигнет род Адама,
Бог вспомнит сбереженных про запас.
... Облагородит Бог звериный лик
И с тела уберет излишек глины.*

*Он скажет, показав нам на руины:
«Адамов род был безнадёжно дик.
Исправить всё – дам разума вам свет!
Отныне вы – хранители планеты.
Да святы будут веющие заветы! –
Вас пас в горах Я сорок тысяч лет!
Чумному люди предались веселью,
Стал идол потребления им – кумир!
И Я пресёк их ненасытный пир!
Вы призваны очистить... вашу Землю!»*

Поселок Аметистовой ГРП. Вид со штольни.

4. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КАМЧАТКУ

Вызов на Камчатку и прибытие в Корф

Год с небольшим трудился я в Кузбассе на двух работах, мало связанных с моей профессией, и в августе 1984 года вновь улетаю на Камчатку.

Ускорило меня туда вернуться письмо Рашида Газизова. Он рассказывал об изменениях в жизни коллектива партии, о преобразованиях в поселке, спрашивал, хочу ли я возвратиться в Аметистовую партию.

«Дела в Аметистовой – писал Газизов, – разворачиваются в сторону убыстрения темпов разведки; на новый проект министерство не поскупилось выделить необходимые средства: деньги и материалы, о которых раньше приходилось только мечтать.

... Приезжай, Володя. Жене твоей Нине найдется работа, и с жильем сейчас у нас без проблем: новые балки со встроенной мебелью начали приходить, и доставят ещё полтора десятка. Начальная школа строится, есть телевидение. Согласен будешь – пришлём вызов на работу».

Я не раздумывал: с начала года держал в голове мысли о возвращении на Камчатку.

Вызов пришел, я сразу подал заявление об увольнении из спецконторы. Месяц ещё отработал и стал готовиться к отъезду.

С женой было согласовано, что заберу её на Камчатку в следующем году. Для этого я планировал взять зимой отпуск и поступить в Томский госуниверситет, на заочное обучение. После вступительной сессии заеду за женой, уже подготовленной покинуть родные пенаты, и вместе с ней и её сыном полетим на Камчатку.

В августе я летел туда один. Самолет сел на полосу аэропорта Елизово ближе к вечеру. На автобусе я поехал в город – переночевать у Сергея Рычагова, бывшего геолога Аметистовой. Дом, в котором Сергей жил с семьей, рядом с институтом вулканологии, где он работал научным сотрудником.

На следующий день к 10-ти часам утра я вернулся в порт.

В здании аэровокзала неожиданно увидел Виктора Хворостова. Судя по его разговору с молодой женщиной, провожал он геологиню, улетающую в командировку на материк; давал ей какие-то напутствия, связанные с работой.

Подошел я к нему, поздоровались. Хворостов, как и Газизов в письме, стал говорить о нынешних делах в Аметистовой партии. Сам он к этому времени являлся главным геологом СКГРЭ, но уже нацеливался на должность главного геолога в Камчатском ПГО.

Оказалось, Хворостов был в курсе, что я женат и моя жена – фотограф.

- В штатное расписание введена должность фотодокументатора, – сказал Хворостов и добавил: – В партию уже немало жён к мужьям приехало, и всем нашлась работа.

Хворостов ушел, а я продолжал дожидаться регистрации рейса в Корф.

Встретить случайно ещё одного аметистовца в Елизовском порту – вероятность редкая. Но это случилось.

Прогуливаясь возле здания аэровокзала, увидел я незабываемого Гошу Козловского. Это он застрелил Босса, собаку Татаржицкого. О Гоше я уже писал в одной из начальных глав. Можно о нём еще раз вспомнить.

Работал Козловский дизелистом в партии и примечателен был тем, что, находясь в глубокой депрессии после вчерашней выпивки, а брагу нигде уже не найти (с ним часто это бывало, но больным он больше притворялся), Гоша правдоподобно являл

женщинам, к которым заходил, своё гнетущее состояние: «Не могу, умоляю... Одеколончик меня спасёт», – и для сущей убедительности падал иной раз на колени. Женщины, конечно, понимали, что он притворяется несчастным, но восхищала бесподобная игра Козловского, и они легко расставались с флаконом одеколona; позабавил их артистизм Гоши.

Шагал Козловский, когда его заметил, к павильону, где была столовая. На художавой фигуре модный клетчатый пиджак, на голове загнутая по-ковбойски шляпа, и в руке изящный чемоданчик. Прямо – джентльмен.

Едва узнав, окликнул я его. Гоша остановился. Сказал после рукопожатия, что он живёт и работает в Петропавловске, и улетает сейчас на материк в отпуск.

...Прилетел я в Корф ближе к концу рабочего дня и знакомой дорогой направился к двухкорпусному как океанский катамаран зданию экспедиции.

Несколько дней я пробыл в Корфе. Уже не помню, кого я застал из геологов-аметистовцев. Кажется, никого из наших в экспедиционной камералке не было: очередной проект (на предварительную разведку) претворялся в жизнь, и до написания очередного отчёта было не близко.

Ясным утром 8 августа распорядитель вертолётными перевозками Березкин, наречённый в силу своих достоинств маршалом авиации, известил о вылете борта в Аметистовую.

Привычным мне маршрутом летел в Аметистовую борт, и я как и в первый раз, когда туда летел, любовался сменой красочных пейзажей с тем же впечатлением, но на этот раз зрелого лета.

Гряда крутых сопok с голыми серыми вершинами стала вырастать; вертолёт, летя уже над долиной Ичигиннаяяма, пошёл на снижение.

Снова в Аметистовой партии

Хорошо мне знакомая сутолока поселковых жителей и прибежавших с ними собак на вертолётной площадке: собрались у борта аметистовцы, чтобы узнать, какой груз привез вертолёт, кто прилетел, и, обступив плотно человека, держащего стопку писем, выхватить из его рук, услышав свою фамилию, письмо.

Разгрузкой вертолѐта командовал спортивного сложения мужчина. Это был Павел Маслов, нынешний начальник партии. Прибыл он в нашу партию с Чукотки по приглашению начальника СКГРЭ Владимира Кисиля, который в свою очередь (это было решение начальника КПГО В.И. Лаштабега) недавно заменил прежнего руководителя экспедиции Ю.П. Рожкова, оставив того руководить геологическим отделом. Все они, друг друга знающие, работали на Чукотке.

Среди собравшихся у вертолѐта знакомых лиц я не видел, и подошёл к тому деловитому мужчине, распорядителю разгрузкой борта. По репликам толпящихся у борта людей я уже понял: он тут главный начальник.

Привезѐнный груз, а это продукты в мешках и ящиках, рабочие материалы, тут же грузились на тракторные сани. Привычный и несложный процесс. Присутствие главного лица партии не обязательно, но Маслов, как я потом узнал, когда с ним ближе познакомился, успевал в течение рабочего дня во многих местах побывать, и всё это время был на ногах.

Выждав момент (Маслов уже не суетился, а стоял и наблюдал за процессом), я назвал себя. Начальник тоже представился, сказал, что обо мне знает, и что с жильѐм для прибывающих в партию людей проблем нет.

- Временно поселишься где-нибудь. Геологи покажут место, – закончил Маслов со мной знакомство и вернулся к своим делам. А я пошёл в сторону нашей старой камералки.

Камеральная изба стояла на том же месте, куда её поставили при переезде в новый посѐлок. Восемь героических лет, можно о них так сказать, провела она вместе с геологами; неоднократно её подправляли и латали; наклеенная на стены жѐлтая бумага потемнела от печного дыма.

Показалась камералка мне более обветшалой и приземистой, чем до моего отъезда на материк. Внутри, когда я зашёл, та же обстановка, только стало заметно теснее. В рабочем беспорядке бумажная мешанина: журнальные подшивки, синьки с геологической фактурой, книги, а на столах и полках образцы руд и столбики керна. Стеллажей вдоль стен прибавилось, на них всё то же, что и на столах, графический материал свѐрнут в рулоны и подвешен на веревочках.

Улыбающийся Махиборода, башкирский хохол, как он о себе говорил, поднялся со стула, спугнув спящую у стола собаку, и вышел навстречу. С ним в камералке находились двое незнакомых мне парней и девушка, они тоже встали со своих мест и с любопытством на меня смотрели.

- С возвращением! Завтра, в горсть задницу, – забой в штольне примешь, – шутливой фразой, протягивая руку, встретил меня Миша.

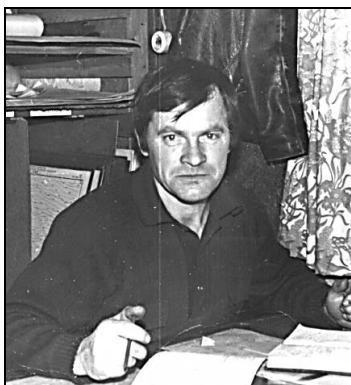
Не буду останавливаться, как провёл я время в тот день. Подробности позабылись, высвечиваются в памяти отдельные эпизоды; я даже не помню, где ночевал в первую ночь. Были ещё встречи с пришедшими с сопок геологами, заходил к Луковникову....

Выхожу на прежнюю работу

В камералке утром, когда я туда явился, увидел знакомые и новые лица. Тех, кого знал, перечислять не буду. А из прибывших за время моего отсутствия – это инженеры-геологи Олег Симаков и Владимир Трегуб. К техникам-геологам прибавились Галина Желтова, Юлия Макарова и Ирина Кузьмина.

*Геологи:сидят - Ольга Барышева,
Галина Желтова, Людмила Безрукова*

Геолог Владимир Трегуб

Кто чем занимался и за какую часть геологической работы в партии был ответственным, сложно сказать. Каждый был на своем месте, и дел всем хватало. В дальнейшем мне стало

понятно, кто чем занят.

Командовал коллективом геологов Вениамин Зайцев. Он занял место ушедшего Хворостова, назначенного главным геологом СКГРЭ.

Не всем геологам в экспедиции, в большинстве своем съёмщикам, пришёлся по душе геолог-разведчик, «наш Витюша» (геологиням партии нравилось так его называть). Устанавливал он в их налаженном коллективе свои порядки и свое понимание в геологической работе. В конце концов не ужился там Хворостов, не нашёл со съёмщиками общий язык, и, получив через министерские связи добро (в Москве уже задумывались о расширении на Камчатке геологоразведочных работ на золото и другие металлы – для этого нужен был именно активный геолог-разведчик во главе камчатской геологии), поднялся возмужалый Виктор Петрович ещё выше в карьере, став вскоре главным геологом ПГО «Камчатгеология».

В первый рабочий день на старом месте читал я проект на предварительную разведку, рассматривал лежащие на столе синьки с фактурой геологоразведочных работ, – видел, что было сделано без моего участия. И, конечно, больше внимания уделял делам на подземной проходке. Трудиться мне предстояло, как и раньше, в штольне – вести документацию подземных выработок.

В штольне № 3, где мне предстояло работать, трудился неторопливый геолог Трегуб и, видимо, не успевал за проходчиками. Метраж быстро наращивался работой опытных горняков, особенно за счёт длинных скреперных рассечек на жилу Изюминку, которая шла параллельно Ичигинской, и была от неё недалеко.

Кстати, о скреперных рассечках. Уборка породы скрепером (в рассечках малого сечения) стала применяться в первой штольне два года назад. Из проходчиков, осуществлявших погрузку взорванной породы в вагонетки, выделялся своей производительностью Серов. Сидел он в нише, словно паук в засаде, и доведенными до автоматизма движениями рук управлял тросами лебедки. Беспреданно туда-сюда ходил у него черпак скрепера. В его смену забой продвигался на 15 и более метров.

Стенки и кровля в скреперной рассечке, по которой надо ходить, пригибая голову, становились после уборки породы

сильно запыленными, что затрудняло геологу их зарисовывать.

Газизов рекомендовал мне взять пробоотборщиком шустрого горнорабочего Тertyшного. Напоминал он мне работавшего раньше со мной Тракая: невысоким ростом, возрастом, приближающимся к сорока годам, и повадками. Такой же говорливый и любящий вставлять свои суждения в работе, чтобы выглядеть толковым и сообразительным.

На другой день я отправился с Тertyшным в штольню.

Перед узким пешеходным мостом насыпь шалой водой подмыта, и первоначальная её ширина укорочена. Испытание наводнениями в последующие паводки мост явно не выдержит. Прошли мы по шаткому мосту, держась руками за тросовые поручни. Сразу за мостом, на площадке у подножье сопки, слева от устья штольни стоял нетипичный балок с железным каркасом. Это бытовка.

Рабочей сменой руководил горный мастер Волков. В это время он и проходчики сидели в бытовке. Волков сказал, чтобы я поторопился со своими делами в забое.

- Сколько потребуется, столько и будем там, - огрызнулся Тertyшный, чувствуя себя с этого дня независимым от горного начальства.

Прошли мы с Тertyшным оба внушительных по виду разлома. Это были, названные Махибородой, «Премьер» и «Президент». Оба разлома вмещали однородную глинистую массу желтого цвета; Премьер смещал жилу Ичигинскую на три метра, Президент «постарался» больше – отодвинул жилу вправо метров на 15. Оглядел я в забое жилу, она метра три в ширину, похожая по облику и составу на большинство жил средней мощности в сопке Аметистой.

Тertyшный видел работу пробоотборщика и уверенно приступил к отбору проб, «награждая» неподатливый зубилу участок на линии борозды бранными словечками. Закончили мы свои дела и пошли на выход.

Первое посещение штольни после годичного перерыва состоялось в своем привычном порядке.

Обзор строительных работ в поселке

Случилось мне беседовать с начальником партии

Масловым. Он этим летом возглавил партию.

В восторженных тонах стал он говорить о свершениях и перспективе в устройстве бытовой жизни в посёлке, делая акцент на свою руководящую роль.

- Школа сейчас моя забота, – заканчивал начальник со мной разговор, в котором он перечислял объекты, где с его активным участием как руководителя, велись или завершены были строительные работы. – В сентябре следующего года примет школа учеников.

Действительно, изменения в партии заметные.

Протяжённая долина с её преимущественно плоским рельефом позволяла посёлку беспрепятственно расти вширь. Строители за два последних лета хорошо потрудились, преобразив в целом облик поселка.

На обжитом месте, ставшем уже старым районом нового поселка, изменений немного.

Территория, занятая под жилье, облысела, лишённая растительности; грунт утоптан и залит глиной, принесённой на подошвах сапог. На прежнем месте стояли неказистые видом балки – наследство от старого поселка; ко всем балкам сколочены тамбура с разной вместимостью и разной формы. Насыпная земля в обшитых доской завалинках успела обрасти мхом.

Сидела по-прежнему возле балка Степанова лохматая сука Тайга и стерегла недавно родившихся щенят, облаивая идущих мимо прохожих. Знаменита она была тем, что регулярно спаривалась с породистым кобелем Ингулом (других к себе не подпускала), и рождалось красивое потомство с преобладанием черт от отца-лайки; щенков охотно разбирали жители. Популярной у Степанова была и густошерстная, сибирской породы, кошка. Котят, которых он оставлял, разбирали тоже.

Старая камералка доживала свой непростой век. Ей на замену было выбрано место на незанятой строениями площадке. Там будет расположен комплекс из новых балков в два ряда, с устройством комнат для камеральных работ и конторы.

Возле глубокой речной протоки стоял оштукатуренный и побеленный известью быткомбинат. В нём баня и помещение для зарядки и хранения шахтовых аккумуляторов. С ним рядом располагались прикопанные и обшитые со всех сторон толем

балки. Со старого посёлка их привезли в первую очередь, и места выбирали первые новоселы для своих жилищ поближе к воде. Ставили жильцы балки, где им удобнее. Какой уж тут уличный ряд, получился маленький «шанхай», обособленный от остального жилья в посёлке.

Выделялся там балок Луковникова, сплошь, вместе с тамбуром, обшитый вентиляционным рукавом. К нему рядом, как стояли раньше их балки возле первой штольни, поставил свой горбатый балок электрик Войт.

Местность в «шанхае» в сравнении с остальной, позже обжитой частью посёлка, самая низкая и в каждый большой паводок заливалась водой. Территория замусорена разным хламом, оставшемся от строительных дел по благоустройству жилищ. Во время наводнений захваченные водой чурки, обрезки досок и щепки перемещались в воде, и, встретив преграду, сбивались в кучи. После отступления воды в русло возникал на территории поселкового «шанхая» ещё больший беспорядок.

Со временем, когда там закончились дела с устройством жилья, «шанхай» стал выглядеть приличнее. Деревяшки сгорели в печах, остальной мусорный хлам больше не накапливался.

Через низину поймы (её заливало в каждое наводнение, причиняя людям неудобства при подходе к мосту) протянуты мостки на сваях. Правда, в большой паводок вода поднималась выше мостков.

Наводнение в новом посёлке. 1985 г.

Бытовой комбинат с баней. 1985 г.

На пути к вертолётной площадке появилось интересное

строение. Удивили меня архитектура и место – на отшибе посёлка. Небольшое деревянное здание, почти достроенное, было похожем на сказочный теремок: с двумя невысокими шпильями над трапециевидной крышей и с фигурными украшениями.

Застал я там за работой плотника, пожилого низкорослого мужичка. Спросил у него, для кого сооружает он тут причудливую постройку. Он ответил, что старается для женщин, мол, здесь будут работать конторские служащие, а это в основном женщины, и они любят красоту. Озадачил он меня этим объяснением, я не поверил ему, зная точно, где будет контора. Прилетел осенью Эркенов и велел снести недостроенный теремок.

В отдалении от обжитой части посёлка наращивалась в длину улица приходящими по воздуху балками. Вертолёт МИ-6 доставлял их на подвеске, и ставились они, подвозимые к месту трактором, по обеим сторонам расчищенной полосы, образуя протяжённую прямую улицу. Этот, так сказать, спальный район предназначался в основном для семейных работников.

Расстановкой балков первоначально командовал Валерий Вильданов. Ему или Эркенову пришла мысль ставить балки парами с промежутком между ними три метра. Промежуток закладывался с двух сторон бревнами и брусом, сверху на стропила пришивались плахи. Построенное помещение разделяла на две половины стенная перегородка. Таким образом, получались дополнительно комнаты для двух хозяев, и там устраивалась кухня с печью. Над балками возводилась двускатная крыша.

Недостроенная школа (велись там внутренние работы) стояла на краю жилой новостройки. Здание предназначалось не только для обучения школьников начальных классов, в нём по вечерам планировалось крутить привезённые из села Тиличики фильмы и проводить поселковые собрания.

Ещё дальше от посёлка, в восточной его стороне, заканчивалось строительство дизельной электростанции. Отделочные и монтажные работы шли внутри капитального здания. Испытание станции скоро должно состояться. Энергию будут вырабатывать три ДГА, каждая мощностью 300 киловатт.

Руководили монтажом габаритных дизель-генераторов

главный инженер экспедиции Юрий Викторович Неверов и опытный энергетик Борис Павлович Зинченко.

В километре от посёлка тундра была разрыта в широкую полосу длиной восемьсот метров. Обнаженный в ней глинистый галечник утрамбован гусеницами трактора. Но не везде там ровно и гладко, в неровностях полосы во время дождей скапливалась вода. Это поселковый аэродром для приёма непритомливых к пробегу по грунтовой полосе самолетов АН-2. К аэродрому накатана тракторами и грузовиком дорога. На середине её пути, на холмике возле ямы с талой водой, стояли два примечательных тополя, единственные деревья в обозримой окрестности долины, не считая пойму реки.

В уединенном местечке, у заросшей травой дороги к реке, находилось в большой палатке кернахранилище. Приходили туда геологи для работы с кернами. Рядом поляны с кустами красной смородины и жимолости – можно прерваться от работы и поесть с кустов ягоды.

К новым объектам в посёлке можно добавить здание столовой с пекарней, построенное возле школы.

Геолог Владимир Трегуб

Поселился я временно в новом балке, в котором жил прибывший с Украины геолог Владимир Трегуб, замкнутый в себе, редко улыбающийся парень на излёте третьего десятка своих лет. Обычны на его лице грустные глаза при любом настроении и плотно сжатые губы.

Жил он в балке один. Возможно (о его планах я не расспрашивал), готовился к приезду своей женщины: обустроивал с удобствами балок.

Удивляла меня и других в геологическом коллективе нетипичная для геолога хозяйская хватка в его натуре. Веня Зайцев, за эту его страсть к хозяйскому порядку в доме, над ним подтрунивал, но невозмутимый Трегуб не реагировал на шутки, отмалчивался.

Придя с работы домой, а трудился он в штольне, сразу принимался за хлопоты по домашнему хозяйству. Всегда находил он себе дело. С хохлацким трудолюбием (украинцы ради своего гнезда, особенно с Галичины, старательные) возился он с

инструментами в руках возле и внутри дома.

Ко времени моего появления в партии тамбур был им построен. И теперь он пристраивал в нём полки и отгораживал дощечками и ширмами закутки – для размещения множества вещей, успев их накопить за полгода. Когда всё разложил, чего только не было в закутках и на широких, во всю длину тамбура, полках под потолком – от асбеста и цемента в мешках, ящиков и коробок с разным инструментом и фурнитурой, до всяких мелких штук. Всего не перечислить.

В тесном тамбуре нашлось место для аккуратно сложенной поленицы дров; кедрач перед балком всегда лежал в отсортированной по толщине суков куче.

В балке и пристройке к нему, с прорубленной туда дверью, тоже порядок и чистота. Железная печка в пристройке обложена кирпичом, обкладка обмазана глиной с добавлением асбеста и побелена известкой.

Телевизор себе Трегуб не купил. У большинства поселковых жителей стояли в домах телевизоры, и допоздна, порой захватывая половину ночи, смотрели они фильмы. Но Трегуб считал, что в просмотре телепередач упускалось много времени, нужное для хозяйственных дел, и ограничивался в минуты отдыха чтением журналов.

Когда я с вещами пришёл к нему на подселение, домовитый хозяйственник Трегуб, судя по его виду, был недоволен. Освободил он деревянную кровать в углу от своих вещей, перенёс их в тамбур, и я занял тот угол.

Разговоры, не связанные с какой-либо текущей в данный момент работой, Трегуб не поддерживал, ограничивался короткими репликами только по делу; о себе он не рассказывал.

Работал Трегуб с пробоотборщиком Махлом, бывшим канавщиком. Молчаливый эстонец Махл соответствовал немногословному геологу.

У Трегуба была своеобразная манера зарисовки штрека. Вместо того чтобы для ясности спрямлять линии контактов жил с вмещающей породой, скрупулёзно вырисовывал ситуацию, которую наблюдал на неровной (с выпуклостями и впадинами) стенке штрека или рассечки: рисовал жилу, как видел – со всеми кажущимися завитками.

В работе на штольне он в целом был аккуратен, выполнял её строго по инструкции, от пробоотборщика требовал такого же отношения к своим обязанностям.

Производственный процесс и строительство

В согласии с намеченными целями и в более оживленном (с прибытием новых людей) темпе шли на Аметистовом месторождении горные и буровые работы.

На канавной проходке людей новых, кроме одного, не прибавилось в бригаде. С ломами склонялись над бурками в грязных канавах те же знакомые фигуры.

Добавился к вольнице канавщиков только Усатенко – огрузневший к зрелым годам своим мужчина. Работал он неторопливо и надёжно; как и Киреев когда-то больше на лопату нажимал, чем на лишние взрывы.

Короткими отрезками сгущали канавщики выработки по рудным жилам сопки Аметистовой, реализуя проектное задание в стадии предварительной разведки.

На дальних сопках в это лето было тихо. Но скоро и там возобновится проходка, преимущественно на сопке Северной с очень перспективной жилой Юникой в её недрах. Раньше там не велась канавная проходка, но местоположение рудных тел в общих чертах установлено, только ясности не было; геологам предстоит разбираться в хитросплетениях рудных и безрудных тел на низкой сопке, опускающейся пологим склоном на холмистую равнину Парапольского дола.

Не останется без внимания и сопка Рудная. На её конечном пригорке, густо залесённом ольхачом и кедровым стлаником, взятые с развалов жил штуфные пробы показали в руде содержание золота более 10 г/т.

Заканчивались подземные работы в штольне № 1. Там трудился на документации выработок Махиборода. Будучи уже старшим геологом, он контролировал и направлял (наряду с Газизовым, занятым общей стратегией в подземной разведке) текущий ход работ на обеих штольнях.

Готовилась к резке и третья на месторождении штольня (под номером 2) – на жилу Фантазию.

Видимо, на рудный свал от жилы Фантазии наткнулся

когда-то Юрий Воеводин, первооткрыватель месторождения Аметистовое. Можно себе представить: поднял он с земли камень, и когда разбил молотком, потускневший и обросший мхом от вечного лежания камень оказался бледно-фиолетовым аметистом. В жиле Фантазия встречаются аметистовидные включения. Наверняка, это Воеводин дал сопке имя – Аметистовая.

На том участке (группа жил № 2) выбито за прошлые годы много канав. Ориентация большинства выработок варьирует в пределах сорока градусов относительно друг друга. Ряд канав не дотянулись до основной рудной жилы – были остановлены в нескольких метрах от нее. Выявлена в итоге система субпараллельных жил и прожилков – с рудой и пустых. Пришлось геологам потрудиться мозгами, чтобы разобраться во всём этом многообразии и выбрать оптимальное место зарезки. И нескоро проходчики вышли на искомую жилу, несколько десятков метров шли полевым штреком.

Дорожные строители проложили к будущей штольне грунтовую дорогу. Подвозился к ней щебень, по распоряжению Эркенова, с отвала штольни № 1, в котором порода лежала попеременно с рудой, и укладывался крупнокусовой щебень на болотистую местность. В шутку можно сказать, что золотая дорога получилась.

Хорошо утрамбованная дорога шла поперек наклонного рельефа, и поэтому бока её не размывались и не углублялись стекающей с сопки водой, как это было у «Бама», проложенного к горе со старого посёлка.

В следующем году вдоль дороги протянули трубомагистраль – для подачи к штольне сжатого воздуха с центральной компрессорной станции. По трубопроводу, идя к штольне, удобно было шагать.

Улучшалась ситуация с бурением скважин. Работали на сопке уже две буровые бригады, ожидалось к ним ещё прибавление. Тепляки – уже не продуваемые ветром и не загаженные слоями силикатной пыли, а построенные из бруса и хорошо утепленные. Мачта от погодного воздействия полностью закрыта вентиляционным рукавом. Работать бурильщикам в тепляках стало намного удобнее.

По инициативе Виктора Уварова доставлены были в партию комплексы ССК. Применение снаряда со съёмным керноприемником намного увеличило скорость бурения наряду с качественным выходом керна. Мёрзлые породы, в отличие от работы всухую пневмоударником, укреплялись промывочной жидкостью, в результате чего не происходило частого обрушения оттаявших пород в стволе скважины.

Оживили процесс бурения своим умением и настроем приехавшие в партию выпускники вузов и техникумов: Гужеля, Рублев, Годлевский, Кузьминов и другие; всех не помню. Активно внедрял новые методы в буровой работе Валерий Виноградов. Он с перерывами появлялся в партии в качестве главного инженера или куратора от ПТО экспедиции.

Веселей и геологам стало работать на буровой, документируя извлечённый из керноприемника материал. Керна (геолога особенно интересовал рудный) выбивался из трубы столбиками, а не обломками, как это было раньше. И не требовался уже сбор в мешки рудной пыли, дополняющей материал жилы.

Гибель человека на речной переправе

Недолго продолжалось начальство Павла Маслова.

В сентябре после непрерывных сильных дождей высоко поднялась вода в Ичигиннаяме. Рекордным в осеннее время был тот подъём.

На вездеходе переправляться людям опасно. Стремительный в фарватере речной поток, где и глубина большая, не даёт водителю шанса справиться с управлением.

Пешеходный мост (по нему отправлялись на смены рабочие ближайшей штольни) с обоих концов окружала вода. Тонкую надводную арматуру моста в нескольких местах перекосило, прогнулись тросовые поручни. Стоял мост посередине разлившейся реки. Залиты водой и мостки перед рекою. Ни с этой, ни с другой стороны не подойти к мосту сменным рабочим.

Оставалось единственное средство переправы – резиновая лодка. В большие паводки, когда возникала подобная ситуация, но с меньшим, чем ныне размахом стихии, на лодке люди

переправлялись без особых проблем. Крепкие мужчины, из молодых, становились перевозчиками.

С гребцом в лодку садились два человека. Быстрый поток моментально подхватывал лодку и начинал уносить её по течению. Гребец, борясь с трудноодолимой силой водного потока, напрягал грудные мышцы и с усилием врезал в тугую воду вёсла. Работали все суставы рук гребца. Пассажиры в лодке тоже без дела не сидели: движениями тел меняли центр тяжести лодки, иногда кто-то доской или ещё чем-нибудь подгребал – этими действиями помогали гребцу выправлять лодку, когда попеременно её нос и зад напористый поток разворачивал в направлении течения.

С учетом силы течения (опыт в переправах был накоплен), лодка причаливала примерно туда, куда перевозчик рассчитывал пристать.

И в этот раз, в хмурый сентябрьский день, шла перевозка рабочей смены на другой берег.

Я не был свидетелем той перевозки, когда произошел трагический случай: утонул рабочий из буровой бригады. Бузорин – его фамилия. Перевозчик не справился с водной стихией, но всех обстоятельств, как это произошло, не знаю. Два человека спаслись, а Бузорина выбросило из лодки, и его понесло вниз по реке. Нашли потом тело на значительном расстоянии от места переправы.

Разбираться в причине гибели человека прилетела из Корфа серьезная комиссия, кажется, и особист был в её составе. Главная причина, вывела комиссия заключение, и как часто это бывает, – несоблюдение техники безопасности. В данном случае не была организована должным образом переправа через реку людей. Начальник партии в первую очередь несёт ответственность за случившееся – гибель человека.

Павел Маслов немедленно был снят с должности. Временно взял на себя руководство партией Локман Эркенов. В который уж раз назначался он в Аметистовую начальником или посылался сюда как организатор важных работ в партии.

Плотничаем с коллегами – делаем пристройку к балку

Незадолго до прилёта в партию Эркенова прежний

начальник Маслов предложил мне занять балок, в котором когда-то размещалась первая камералка. Из старых балков он был самым вместительным, и я согласился его занять.

Но в этот балок обычно поселялся Эркенов. Когда он после снятия Маслова прилетел в партию, захотел жить на прежнем месте. Пришёл он ко мне в балок и сказал:

- Володя, вот что я предлагаю: в новом балке тебе будет удобнее жить с семьей. Поставят его в паре с другим балком на место, и ты соорудишь к нему пристройку. С материалами помогу, крышу поставят строители. С Зайцевым я говорил, помогут геологи со строительством. Ну а я, как обычно, человек здесь временный, мне сойдет в этом старом балке жить.

Предложение Эркенова меня устроило, но также и озадачило. Уже октябрь на носу и до наступления стойких зимних холодов осталось немного времени. К тому же мне надо подготовиться к сдаче экзаменов для поступления в университет.

Лет 20 прошло, как я сдал последние в техникуме экзамены по математике и физике. С физикой, полагал, будет проще, а вот математику нужно вспомнить: смутно маячили в памяти логарифмы и алгебраические уравнения. Но что тут поделаешь, надо успевать и со строительством, и в подготовке к экзаменам.

На своём примере – в делах по налаживанию жизни в новых балках – хочу показать, как новосёлы справлялись с устройством домашнего очага.

В постройке дополнительного помещения к балку взялись помочь мне геологи-коллеги. Образовался постоянный костяк строителей: это Веня Зайцев, Миша Махиборода и Олег Симаков. Подключались иногда другие наши геологи. Один раз Хворостов пришёл и поработал топором.

Каждый вечер отправлялись мы вчетвером к моему будущему жилищу. Бревна и плахи, как и обещал Эркенов, подвёз к балкам трактор. Не все бревна годились на укладку стен и потолочного перекрытия. Рыскали мы по всему посёлку и отыскивали хорошие бревна или брус. Находили их возле уже построенных производственных зданий; лежали они порой, вдавленные в грязь тракторами, и были малозаметны. Потому и забыты строителями.

В балке рядом уже поселилась геолог Надежда

Городничева, она недавно прилетела в партию. Успела находчивая и бойкая на язык Надя сблизиться с буровиками одной из бригад, и они построили ей к балку тамбур. Печки у неё не было, ставили их только в пристройке, и балок обогревал самодельный ТЭН, опущенный в ёмкость с водой. Все новые балки в то время обогревали ТЭНы, дополняющие тепло от печек, пока не появилось в посёлке центральное отопление. Его провели от дизельной станции в 1986 году.

На половину площади между балками Городничева не претендовала, и вся площадь, таким образом, будет моей.

Светлое время дня становилось короче, вечера более холодными, на землю ложилась изморозь, а к середине октября выпал снег. Плотники из нас не ахти какие умельцы, успевали до темноты нарастить на стены два-три бревна.

К началу ноября, наконец, мы закончили основное строительство. Зайцев намекнул, чтобы я приготовил магарыч на новоселье.

Остальную работу, но уже внутри бревенчатой постройки, завершал я один: застлал плахами пол, приделал к стенкам полки, и только железную печку поставил с помощью Луковникова, знающего толк в печных делах. Электропроводку в построенное помещение провёл электрик. ТЭН (изготавливали их в мехцехе) я вставил в обрезок обсадной трубы, налил туда воду. Стояк с ТЭНом обогревал балок, а печка – пристройку.

За водой к реке идти метров двести. На концы кривой ольховой ветки цеплял я вёдра и нёс на плече к балку. Все здешние обитатели пользовались этим способом доставки воды, когда её требовалось много. В летнее время постиранное бельё полоскали жильцы в реке.

На заснеженных холмах долины наломал мне бульдозер кедрача, подвёз к балку, и я окончательно перешел в него жить.

Согласие на отпуск для поступления в ВУЗ я получил и теперь следовало налечь на подготовку к экзаменам.

Позабытые знания восстанавливались медленно. К тому же, занятый по вечерам плотницким делом, свободного времени у меня оставалось мало – как кот наплакал.

В декабре начались пурги. Особенно сильная пурга случилась перед моим вылетом в Корф.

Днем был штиль и морозная погода, а вечером, когда я лежал с учебником на кровати, с северной стороны долины стали надвигаться тёмные тучи. Зашумела стихия, приближаясь к посёлку, и вдруг резко рвануло из тундры свистящим снежным валом. Непроглядная белая тьма заволокла посёлок.

Тамбура к балку не было, дверь на внутренний крючок я забыл закрыть – распахнулась она от удара ветра, и снег непрошенным гостем ворвался в балок.

Каждую зиму огромные сугробы снега наметали пурги к балкам, до уровня с крышей. В сугробах снег плотный, и по нему легко ходить.

В Томске. Сдача экзаменов в ТГУ

Новый год встречал я на материке в семье, затем на поезде приехал в Томск. На подготовку к первому экзамену – математике письменно – оставалось три дня. В аспирантском общежитии, куда я поселился вместе с другими абитуриентами, допоздна вгрызался в учебники. Тишина в секции общежития способствовала усвоению забытых знаний.

Нас было восемь человек в двух комнатах, в одной – молодые женщины, в другой – тех же возрастов мужчины. Будущие сокурсники гораздо моложе меня. Старшему из них – лет двадцать семь. Никакого геологического образования он не имел, но два года учился где-то на физико-математическом факультете, потом бросил учебу и подался в геологию. Товарищ отменно «рубил» в математике и был для нас остальных хорошим репетитором. Во многом благодаря его репетиторству мы все успешно сдали экзамены.

Остальным приезжим абитуриентам повезло меньше. Поселили их в студенческое общежитие (в знаменитую «семёрку»), но не в комнаты на этажах. Готовились они к экзаменам в подвальном помещении, где стояли на бетонном полу койки в два яруса как в солдатской казарме, но без удобств и воздух влажный. Позже и я одну сессию жил в том подвале.

Сдал я экзамены успешно. Физика прошла на отлично, а по математике (устно и письменно) и сочинению – четверки.

В ожидании решения приёмной комиссии гулял я с группой абитуриентов по городу. А когда в фойе главного корпуса искал в

списке свою фамилию, за спиной неожиданно оказалась Наталья Семенова. Она сдавала экзамены в Томский ПТИ. Я и не знал, что Наталья тоже в Томске. Сюда она явилась встретиться не только со мной, но и с подругой по техникуму Татьяной Сорокиной, с которой я буду учиться в группе.

После банкета, с выпивкой и танцами, где присутствовали и провалившие экзамен товарищи, на следующий день поехал я в общежитие, где поселилась Семенова. Со мной была бутылка коньяка.

Наталья в тот день готовилась к последнему экзамену. Находились с нею в комнате, куда я зашёл, двое парней и две девицы, с которыми жила Наталья. Парни не отказались выпить со мной коньяк, и дамы чуть пригубили – для взбодрения духа перед экзаменом.

В ПТИ Семенова поступила, но на сессию в следующем году не приехала – ушла в декретный отпуск. А после рождения сына Артёма не стала восстанавливаться.

Во время вступительной сессии приехала ко мне жена. На два дня перешёл я с ней жить в привокзальную гостиницу. Потом она вернулась в Киселевск.

Туда и я вернулся после сессии, чтобы забрать с собой Нину и её сына Игоря. Были сборы перед отъездом, прощания с родственниками... и, закончив со всем этим, улетели вдвоем на Камчатку.

Изменения в геологическом коллективе

Спустя месяц, как я вернулся из Томска, приказом по экспедиции перевели меня на должность геолога, до этого был старшим техником-геологом. Меня это сначала удивило: считал, что только диплом ВУЗа дает право занимать инженерную должность, а я всего лишь первокурсник, и впереди шесть лет до защиты дипломной работы.

Понятна обратная передвижка, но чаще всего без снятия с исполняемой должности.

Веня Зайцев рассказывал, что участи быть формально пониженным до техника-геолога не избежал когда-то давно и Юрий Павлович Рожков. Правда, оставили его исполнять прежнюю обязанность – начальника партии.

А молодому специалисту, окончившему учёбу на геологическом факультете в ВУЗе, начинать карьеру с техника-геолога – обычная практика.

Потом я узнал, что старший техник-геолог с 3-х летним стажем работы на этой должности может быть повышен до геолога.

Пока я находился в Томске, на работу в Аметистовую партию – геологом на подземку – была принята Анна Слегина, женщина лет сорока, имеющая немалый опыт на документации подземных выработок. То ли с Аги, то ли ещё откуда она прибыла, но Хворостов её знал хорошо.

Мне, таким образом, предстояло трудиться на документации открытых горных выработок. Приход на мое место Слегиной был связан с уходом Марины Соловейчик в декретный отпуск. Геологическое начальство решило, что заменить её лучше мне, хорошо знакомому со спецификой работы на проходке канав.

Видимо, перевели меня в геологи, чтобы я не потерял в зарплате. На подземке полагается надбавка за вредность, и должность геолога компенсировала потерю.

До перехода на штольню в 1980 году лет пять вёл я документацию канав на сопках, поэтому знал у канавщиков их индивидуальные особенности и привычки в работе.

Историю проходки своих канав и немало канав других документаторов, до меня и позже работавших, держал я в памяти и хорошо ориентировался в путанице старых и недавно пройденных выработок, где далеко не у каждой канавы сохранились штаги с номером на бирке. Число канав, если все посчитать, – более пятисот на месторождении.

Заниматься проходкой канав, а потом и траншей, стал не сразу. Запущена была в работу штольня № 2, и подземным геологам прибавилось работы. Почти весь этот год и нередко в последующие годы ходил я на обе штольни, помогал Слегиной, Трегубу и позже Пантюшину вести документацию выработок и опробовать забои.

А руководил проходкой канав на сопках в 1985 году Володя Скляр, и его попеременно меняли другие геологи.

Ведущие наши геологи на ступень выше поднялись по

должностной лестнице. Вениамин Зайцев, после отбытия Хворостова на руководство камчатской геологией, получил в свои руки воображаемый символ – «шашку», стал главным геологом Северо-Камчатской ГРЭ. Рашид Газизов переместился на его место в Аметистовой партии.

Неутомимая Безрукова, взяв на себя часть прежних обязанностей Газизова, успевала везде. Поджарую фигуру Людмилы в бледно-желтой курточке можно было увидеть на всех участках, где велась работа, и за их пределами. Там она, соскучившаяся в Корфе по полевой работе, обследовала в поисковых маршрутах окраины месторождения. В её привычке было также подолгу засиживаться в камералке. Энергии у неё на всё хватало, можно только позавидовать.

Большое майское наводнение 1985 г.

Активное таяние снега в речной долине и посёлке началось сразу после пурги. Старицы и ямы в тундре за поселком заполнялись талой водой. Верхушки кедрача выходили из-под сугробов. На отдаленном хребте обозначились черные полосы по ребрам распадков; хребет становился контрастно пестрым как шкура зебры.

Прилетели озерные чайки; своей многочисленностью оттеснили они воронов от оттаявших помойных куч и смело выхватывали из-под носа собак лакомые кусочки пищевых отбросов.

С верхней улицы бульдозер проложил в осевшем снегу дорогу в сторону камералки и к бане. Снежные борта дороги в дневное время оттаивали, и плотно заполняла вода. Люди шли по дороге и хлюпали по лужицам сапогами, поскальзываясь на льду. Конусообразные сугробы, наметенные в просветы между балками и понижающиеся в сторону реки, вытягивались полностью только к концу мая.

В пойменной части поселка, где располагались старые балки, банный комбинат и камералка, сход снега под ярким солнцем шел веселее. Обнажалась мерзлая земля, в плюсовую температуру днем она оттаивала, и на подошвы сапог густо налипала грязь. У входа в тамбур камералки – большая лужа, через неё положили плаху. В сапогах лучше идти по луже,

скользящими шагами смывая грязь с сапог.

В сугробе, наметенном к балку Газизова, вытянула снежная кровля туннельного прохода; Рашид перестал быть подобным хоббиту, исчезая зимой в проходной норе за 10 метров до двери в свое старое, но уютное жилище. В нем он прожил последнюю зиму и перешел жить в новый балок на верхней улице.

Перед первомайским праздником с гоготом или с певучими звуками летели к Парапольскому долу вереницы гусей и уток.

Ринулись к Таловскому озеру охотники, некоторые из них уходили вглубь Параполы к низовьям Куюла. На оттаявших пригорках гуси подкреплялись ягодой. Бродивший сок в дряблой голубике гусей взбадривал, восстанавливал силу махать крыльями. Не всем птицам везло остаться в живых и продолжить полет: с меткого выстрела охотника прощались невезучие гуси и утки со своим предназначением к продолжению рода.

Горбы голубых зимних наледей на Ичигиннываяме стали тускнеть, оседать, из новых трещин выдавливалась вода и растекалась по льду.

Какое-то время продолжалась пауза затишья, в природе шла подготовка к вскрытию реки.

И вот – лед тронулся!

Торжественное событие сопровождалось трескучими звуками ломающихся льдин. Крупные ледовые пластины, всплывая на водную поверхность, сталкивались с другими льдинами и с шумом раскалывались на более мелкие куски.

В месиве льдин и шуги река быстро раздавалась вширь.

Способствовал быстрому подъему воды ледяной затор. За мостом – крутой поворот реки и сужение русла, льдины у места прижима замедляли движение, нагромождались друг на друга и закупоривали воде проход. В результате вода в пойме поднялась высоко.

Эркеновский мост был почти построен, оставалось доделать кое-какие мелочи. В эту весну получил он первое серьёзное испытание водной стихией. Испытание мост в целом выдержал, но подходы к нему с обеих сторон были затоплены. Вода, оставив стоять мост изолированным от берегов, по протоке вышла к бане и жилым балкам; растекалась она по низинам в поселковом «шанхае». Всплывали доски, всякий плавучий мусор;

некоторые балки со всех сторон окружала мутная вода. К уборной, поставленной за балками, не подойти в коротких сапогах, да и бесполезно: уровень воды выше очка.

Как я уже отмечал, уличную уборную посещали только мужчины, женщины приспособливались справить нужду в своем тамбуре.

К пику весеннего паводка подоспел прилетевший из Корфа, вместе с начальником экспедиции Кисилем, гендиректор ПГО «Камчатгеология» Виктор Иванович Лаштабег.

Подивился суровый генерал, гроза всех подвластных ему начальников, разгулом стихии. И пока не испортил он себе настроение (в его привычке было в первую очередь обращать внимание на упущения в работе, и без втыка кому-нибудь из руководителей не уезжал), зашел он в фотолабораторию, где работала Нина. Упрекнул он её в недогадливости насчёт оставленной без внимания фотографа примечательной картины с разливом реки.

- Такие пейзажи нельзя пропускать. Надо заснять наводнение. Дайте мне заряженный фотоаппарат.

Получил Лаштабег камеру, завхоз выдал большому начальнику болотные сапоги; натянул их генерал на ноги выше колен и пошел фотографировать виды затопленного «шанхая».

*«Эркеновский» мост устоял
в наводнение. Фото В. Лаштабега*

*Вид с моста на сопку.
Вдали – устье штольни № 2*

В тот же день Нина проявила пленку и напечатала снимки в нескольких экземплярах. Под разными ракурсами сняты были Лаштабегом пейзажи с наводнением. Снимки получились

четкими. Лаштабег, видимо, умел выбрать оптимальную экспозицию.

Начало лета. Появление домашних хозяйств в посёлке

К концу мая высота воды в Ичигиннываяме начала спадать; в одиночестве плыли, разворачиваясь по течению, лишь запоздалые льдины. Был, правда, ещё один непродолжительный подъем воды, когда стронулся лед в верховьях Тклаваяма, но и он спал к обычному сроку.

Полностью освобожденная от снега тундра в долине стала приукрашиваться: вылезал из влажной почвы молодой ягель, густо зацвели на мху низкорослые сиренево-розовые цветы с мелкими розетками; группами и поодиночке вырастали на лишайниковом подстиле тундровые фиалки. На холмах расправлялся кедровый стланик.

В пойме разноцветье богаче. Травы на увлажненной после половодья почве пошли в рост, а в середине июня кустарники и деревья покрылись листвой. К этому времени стали появляться комары, но в большом количестве докучать людям станут в июле.

Едва успела подсохнуть территория около балка Трегуба, первым делом расчистил он её от мусора. И задумал заняться огородничеством. Рядом с балком выбрал он под огород место, вырыл в землю колья и вентиляционным рукавом обтянул участок, защитив его от гуляющих поросят, которых этой весной привез из Корфа сосед Дуванский.

Огород небольшой, не более восьми квадратных метров. Землю, подходящую для огорода, он нашел под речным обрывом и смешал её со вскопанным песчанистым грунтом. Удобрил Трегуб огородную землю содержимым выгребной ямы, взятой из уличного туалета. Дав время пахучему удобрению подсохнуть, посадил он картошку и редиску.

И, надо сказать, нарыл осенью усердный хозяйственник на своем миниатюрном огороде три ведра картофеля. Редиска тоже уродилась. Поселковые дети, играя возле жилья Трегуба, залезали в огород и тырили у него подросшую редиску.

Параллельно с устройством огорода сооружал Трегуб под стеной балка теплицу. И не он первый взялся за это дело. В том году многие аметистовцы, главным образом семейные, строили

себе теплицы. По заказу Эркенова доставил из Корфа борт полиэтиленовую пленку. Разобрали её сразу. На каркас шли старые доски и рейки.

Высадили хозяева на грядки рассаду помидоров и семена огурцов. Старания по уходу за растениями дали результат: за короткое лето созрели в теплицах овощи; заманчиво в теплице светились красные помидоры, и огурцы уродились.

Вслед за первым огородником объявился в поселке первый свиновод. Это был Дуванский, мой уличный сосед. Жил он с двумя рабочими, но те редко помогали ему в хозяйстве.

Привезенных из Корфа в мешке двух поросят Дуванский поместил в тамбур. Он рассчитывал, что поросята на хорошей кормежке с корыта и, подбирая на улице всё съедобное, что им непривередливый нюх подскажет, подрастут до убойной кондиции, и тогда их под нож.

Ежедневно с утра выпускал Дуванский поросят на подножное довольствие. Резво они выпрыгивали с крыльца на землю и убегали за пределы двора. Собаки отпугивали поросят от помойных ям, но когда собак близко не было, подбирали в помойках остатки условно съедобной пищи, которой даже чайки брезговали.

К тому времени взяла Нина щенка у Степанова от плодovитой суки Тайги. Назвал я её (оказалась сукой) Гердой. Едва окрепли её ноги, стала она выходить во двор и дальше к другим дворам.

Увидели Герду поросята и, помня о взбучке от взрослых собак, решили отыгаться на щенке. Догнали они Герду и, поддевая рыльца под её голый живот, стали валять по земле.

Недолго поросята измывались над щенком. Уже к осени подросшая Герда, став ловкой и бесстрашной, гоняла по улице своих прежних обидчиц, потяжелевших с накопленного жира.

Горнопроходческие работы по поисково-оценочному проекту

Заканчивался первый этап предварительной разведки Аметистового месторождения. Готово было проектное задание на второй этап – разведку флангов и нижних горизонтов. Проект планировалось реализовать до конца 1990 года.

За тот же период (1986-1990 гг.) планировалось провести

оценочно-поисковые работы на участках Рудном, Светлом и Северном, главным образом силами горнопроходческой бригады.

Поисковые работы на сопке Рудной, а также проверка на рудоносность группы жил № 6 (западнее Мазуринской сопки) начнут проводиться в намеченные сроки, но уже в 1985 году работы были начаты на участке Северном.

Ранее на сопке Северной проходка канав не проводилась; участок исследовался пешеходными маршрутами, последней исполнительницей поисковых маршрутов была неутомимая Людмила Безрукова. Взятые ею и предшественниками штучные пробы указали на места, где залегали золоторудные жилы.

Кварцевые обломки разбросаны по всей сопке, и, чтобы определить простираание жил и не упустить более важные, геолог Складар, не мудрствуя лукаво, задал в прошлом году бульдозеристу направления двух магистральных канав под прямым углом друг к другу.

На добивке бульдозерных канав и прослеживании вскрытых рудных тел проходкой «с нуля» трудилась бригада проходчиков в полном составе. Их количество оставалось прежним. Всё те же лица во главе с Папой (Виктором Голиковым).

Натруженные горняцкие руки взялись за привычное дело. Трактор притащил на сопку балок. В нём на ночь, как было раньше, никто не оставался, и палатки близко к местам работы горняки уже не ставили. Мобильность (по доставке рабочих и материалов на отдаленные участки) значительно улучшилась к тому времени. До участка по наезженной дороге мог добираться не только вездеход, но и вахтовка.

В отсутствие горняков влез однажды медведь в балок и, не найдя в нем еды, выломал оконную раму, своротил печку и разбросал по полу горняцкий инвентарь и разное шмутьё. Уходя, расписался медведь на потолке меткой.

Два летних сезона трудились канавщики на участке Северном. В первое же лето успели они добыть в магистральных канавах все интервалы с жилами.

В бульдозерной расчистке неглубоко до коренных пород; нож бульдозера фиксировал места жил, выворачивая из мерзлоты обломки кварца, и не было необходимости добывать весь метраж

по явно пустым породам.

В добытых отрезках было вскрыто немало жил и прожилков, но значимое содержание золота показали две или три. Короткими канавами их недалеко проследили и оставили как малоперспективные.

А «счастливая судьба» (стать востребованной) выпала рудной жиле Юнике. До неё Скляр добрался в первую очередь. Жила не пересекала ни одну из магистральных канав, простиралась она вдоль северной оконечности сопки, близко к подножью. Дальше болотистая тундра.

Как только первой канавой «с нуля» была вскрыта Юника, оказавшейся на участке самой интересной (с полосчатой текстурой и минеральным разнообразием в составе), на нее в основном было обращено внимание геологов.

Под моховым чехлом слой делювия небольшой, что позволило канавщикам без проблем проследить жилу по простиранию. Но не более чем на триста метров. Дальше оба её конца уперлись в болотистую тундру, причем на востоке Юника неожиданно выклинилась, издевательски представ взору документатора небольшим (30 см) прожилком пустого кварца. Мощный рудный столб остался позади совсем рядом.

На западном продолжении жилы тоже было непонятно.

В 1987 году, зимой, заехала туда буровая установка и пробурила несколько скважин. В одной из них была встречена рудная жила с золотом. Не исключено, что скважина зацепила Юнику. Тогда протяженность рудного тела увеличивалась вдвое и становилась сопоставимой по длине с Чемпионом.

В том месте на следующий год, и тоже зимой, попробовал геолог Игорь Матюшкин выбить в тундре, открытой всем ветрам, канаву. Но ничего у канавщиков с проходкой не получилось: вместо ожидаемых каменных коренных по всему полотну и бортам в глубокой канаве встречалась красная глина.

Дальнейшие поиски жилы уже не велись. По продолговатому рудному столбу (в мощности на поверхности столб не уступал Чемпиону) была пройдена траншея. Я её вместе со студенткой опробовал в 1989 году.

Старалась Юля, девушка рослая и физически сильная, но когда пришли анализы, обнаружилось, что вмещающие породы,

если не брать в расчёт примыкающий к жиле глинистый зальбанд, показали в оконтуривающих пробах лежачего бока почти то же содержание золота, что и в самой жиле. Таких «грязных» бороздовых проб более десятка. Студентка, надо полагать, плохо очищала вмещающую породу от мелких камешков, занесенных с жилы, а я недоглядел за её работой.

Газизов, разумеется, отбраковал эти пробы. Следующим летом был проведен повторный отбор проб, на замену забракованных.

На участках Рудном (восточная окраина) и Мазуринском (группа жил № 6) проходка канав началась в 1987 году.

Группа жил № 6 располагается на отроге высокой сопки Мазуринской. Бульдозер пробороzdил по голому, лишенному растительности, склону одну магистральную канаву длиной более 100 м. Двое канавщиков трудились на добивке. В итоге было вскрыто десять или чуть больше безрудных кварцевых прожилков, дружно простирающихся в одном направлении.

В который уже раз разочаровывал геологов обманчивый потенциал рудоносности на обширном Мазуринском участке, усыпанном на отдельных площадях, кроме самой вершины, глыбами и обломками кварца, и особенно много развалов на седловине, за которой к востоку располагался участок Рудный.

Несколькими заходами в разные годы заезжали на сопку канавщики – добывали километровую магистральную канаву. На всю длину сопки она прорыта, захватив часть сопки Рудной. Пройдено много канав «с нуля».

Большой объем выполненной работы не прибавил месторождению ни одной жилы, за которую можно зацепиться, проследить её рудную часть и включить в подсчёт запасов. Правда, несколько проб из жил в канавах показали небольшое содержание золота и серебра. Всего лишь изолированные рудопроявления.

На участке Рудном перспектива с рудопоявлением лучше. В нижней части склона, опускающегося от седловины к ручью Рудному, ещё в 1979 году вскрыл канавщик Клишов жилу, которую долго искали на склоне методом «тыка». Безрукова там раньше отобрала несколько штучных проб, и они показали наличие хорошего золота. Свалы полосчатого кварца, среди

которых крупные глыбы до полуметра в поперечнике, встречались по всему склону, а жила почему-то оказалась в самом низу. Выше в коренных породах – только пустые прожилки.

В отличие от штучных проб Безруковой, трёхметровая жила, представленная тонкополосчатым кварцем, оказалась практически безрудной. Объём горной проходки большой, а гора, согласно поговорке, родила мышь. Наверное, мы, геологи, недостаточно разобрались в ситуации на том участке.

В 1988 году очередь оценочно-поисковых работ дошла по новому проекту до самого дальнего участка на Рудной сопке. Геолог Миша Махиборода наметил там заверку канавами золотосодержащих штучных проб. Участок, где залегали жилы, располагался на уступе сопки. Пологая площадка уступа густо заросла кустами ольхи и стлаником.

Бульдозер, роя канаву, выворачивал из грунта корни стланика и вместе с ними бурые куски кварца. Добили канавщики все три канавы, вырытые бульдозером.

В итоге оказалось, что жил, привлекающих к себе интерес, не обнаружено. Их несколько, но небольшой мощности: от 30 см до 0,5 м, и с невысоким содержанием золота.

Расширяя поисковую зону на дальние окраины, распорядился Газизов пробороздить бульдозером длинную магистральную канаву на вершине протяжённой сопочной гряды – от водораздела (между ручьем Дождливый и спуском к Парапольскому долу) в сторону низовья Ичигиннаяяма.

Тракторист сделал свою работу: прочистил слой делювия до глубины не более полуметра. Ничего больше на канаве не делали. И длинная (несколько сотен метров) канава была забыта в текучке более важных горных работ.

Смысла не было выборочно её добывать: в делювии на полотное однообразные андезиты, затронутые пропиловитизацией; в обломках редко нитевидные кварцевые прожилки.

Предварительная разведка. Новые технологии бурения

В комплексе работ на стадии разведки основным видом является бурение. О состоянии бурения в Аметистовой партии, о качественных изменениях, пойдет речь в этой главе.

В проектное задание на предварительную разведку включена детализация нижних горизонтов и разведка флангов месторождения. Объектами разведки являются основные рудные тела месторождения. Таких тел на то время было полтора десятка, большинство находятся в центральной части месторождения.

Из буровых камер на горизонтах штолен продолжится бурение на удаленные рудные тела. Опоискованные канавами жилы на флангах – Петровская, Ринг и самая дальняя Юника – также включены во второй этап предварительной разведки, с подсчетом запасов по категории C_2 .

Большой объем бурения, в том числе глубоких скважин, заложен в проекте. Применяемое на месторождении пневмоударное бурение было не способно всё это осилить.

В проекте предусматривалось внедрение в буровой процесс современных технологий. На месторождениях Сибири и Дальнего Востока, в аналогичных горных условиях, уже давно велось бурение снарядами со съёмным керноприемником и промывкой глинистыми растворами и эмульсиями.

Уваров, главный специалист Северо-Камчатской ГРЭ по инновациям в бурении, это понимал. И вскоре его стараниями в сотрудничестве с Ленинградским институтом ВИТР было налажено в партии бурение скважин снарядами ССК и КССК.

Теперь колонна гладкоствольных бурильных труб не извлекалась на поверхность до износа алмазной коронки, а поднималась только керноприемная труба. Скорость чистого бурения значительно возрастала, резко сокращалось количество аварий, а выход керна достигал 100 процентов.

Новое бурение освоили все буровики; успешно и легко пошла проходка скважин по твердым скальным породам; пневмоударное бурение забывалось, как прошлогодний снег.

А ведь совсем недавно буровики работали в облаке силикатной пыли и терпели прочие неудобства. Геологам тоже доставалось: выдерживали некомфортное дежурство на буровой, раздражая своим присутствием сменного мастера, когда выкладывалось в керновый ящик то немного, что оставалось от пробуренной жилы. Недостачу керна приходилось компенсировать сбором в мешки буровой пыли.

На участках, где велось бурение с поверхности, работали в то время три буровых бригады. К ним позже присоединилась ещё одна.

В отличие от прежних условий, здания новых буровых были построены из бруса, а снаружи обшиты использованным вентиляционным рукавом, включая мачту. Внутри буровых чисто, согревала помещение всё та же печь-бочка.

В организации буровых работ тоже произошли изменения. Построена была централизованная глинистая станция, с буровыми установлена связь.

Судьбы буровиков-аметистовцев

Старшими мастерами в буровых бригадах были тогда Валерий Григоренко, вторично вернувшийся в партию в 1983 году, и два Олега – Гирин и Тараско.

В Аметистовую партию Валерий Григоренко прибыл в 1980 году. Выглядел он тогда русоволосым парнем среднего роста со спортивным телосложением.

В первую же зиму привлек он мужчин Аметистовой к игре в хоккей. На замерзшем озере гоняли мы по льду шайбу. Ключки Григоренко привез из Корфа, но на коньках катался только он, остальные бегали в валенках, да и ключки были не у всех, пинали шайбу ногами как в футболе. На настоящий хоккей наша игра была мало похожа, но удовольствие от игры получали сполна. Резвились на льду, как школяры.

В 1984 году, до прихода Маслова, полгода Григоренко исполнял обязанности начальника партии, и опять вернулся в свою бригаду.

После ликвидации Аметистовой партии выпал он из поля зрения (возможно уезжал на Украину, свою родину) и вновь появился в Корфе в 2001 году, заняв должность инженера по буровым работам в ЗАО «Корякгеолдобыча». Поработав несколько лет в этой организации, оказался затем в ЗАО «Камголд» в должности директора по обеспечению производства, и затем перешел на работу в ЗАО «Корякгеолдобыча». Ушел он на пенсию в 2018 году с должности заместителя гендиректора по производству. В том же году Григоренко внезапно умер.

Олег Гирин года два руководил бригадой, затем трудился в

ПТО экспедиции старшим инженером по буровому делу. В смутное время начала 1990 гг. он уволился и уехал на Украину.

Олег Тараско, как и Григоренко, остался на Камчатке. После всех потрясений с реорганизацией экспедиции и отпчкованием от неё части, ставшей негосударственным предприятием, названным ЗАО «Корякгеолдобыча», Олег перешел туда, заняв должность ведущего инженера по бурению.

В итоге дорос он до грамотного специалиста. А было время – буровой мастер Шевцов учил его в Аметистовой партии правильно закрывать наряды.

Несколько лет трудился Тараско в ЗАО «Корякгеолдобыча», затем в ПГО «Камчатгеология», и за это время превратился в солидного мужчину со строгим взглядом. Избавил он свою голову от волос, отрастил черную кучерявую бороду – стал похож на кавказца. В 2001 году занял Тараско чиновничью должность консультанта в Министерстве природных ресурсов Камчатского края. В последние годы работал он в ПТО ЗАО «Тревожное Зарево».

В период, совпавший с внедрением в партии новых технологий бурения, один за другим приезжали на работу молодые буровики, окончившие учебу в Иркутском и Киевском геологоразведочных техникумах.

Это следующие буровые мастера и бурильщики: Сергей Варкалов, Виктор Гужеля, Сергей Рублев (камчатский «стахановец» и новатор), Федор Портунаев, Сергей Кузьминов, Леонид Годлевский, Владимир Максименко, Владимир Семенов, Николай Наймушин, Виктор Гребенюк, Николай Арёфьев, Александр Николаев (бывший воин – «афганец»), Александр Макаров, Валерий Шадуро и другие.

Из молодых специалистов лучше остальных запомнил я Сергея Кузьмина. Приехал он в Аметистовую партию, кажется, в 1984 году. Прежде чем стать буровым мастером, работал Кузьминов в партии взрывником, горным мастером, бурильщиком. В работе и быту Сергей парень общительный, веселый, любил подшутить над товарищами. Его можно было часто видеть с ружьем и рюкзаком на плечах; уходил к рошицам в пойме реки и сбивал с деревьев глупых куропаток, не пропуская ни одной гусиной охоты.

С приходом молодых специалистов, обученных работе с современными технологиями, активизировался старожил партии Василий Шевцов (в прошлом Попелло) – критик закоряченных методов работы и общественный активист. Шевцов до прибытия молодых буровиков был самым результативным буровым мастером в Аметистовой партии. Приход на бурение дипломированных коллег подстегнул Шевцова в соревновании с молодежью не снижать достигнутую им планку. Его рекорд (56 метров за смену) остался непревзойденным.

В своей бригаде он был настоящим руководителем, следил за порядком и делился богатым опытом с бурильщиками и молодыми мастерами.

Вспоминая своих бывших коллег, он отмечал:

«Всякие были кадры, и грамотные, инициативные, были и откровенные лодыри, и туповатые».

Шевцов после закрытия Аметистовой партии, которой отдал 17 лет, оказался не у дел. Вот что он мне написал:

«После ликвидации Аметистовой партии я не уехал на материк как многие. Год у меня был безработным. Заехал я на зиму в пустую Аметистовую, охотился и добыл десяток лис и две россомахи. Видел, как проезжали на свой участок старатели-хохлы и грабили поселок, не брезгуя брошенной робой, ржавыми чайниками, умывальниками и прочим хламом.

Потом два сезона работал у В. Мелкомукова на платине, намыли 200 кг металла и отлично заработали. Там же работал Папа (Голиков), негласно был у нас старшим.

Во второй сезон тем же составом работали на каком-то безымянном ручье, у чёрта на куличках. Это была «фирма» Кизюлина и Ворогушина – ООО «НеоГей» по добыче золота. Ни хрена мы там не взяли. Заработали за три месяца по полторы тысячи рублей на человека, курам на смех. Может и была россыпь, но не было возможности работать – ручей высох, а дожди тем летом шли мало.

Потом до весны 1999 года долбил я Олюторскую и Пенжинскую тундры в поисках новых платиновых и золотых россыпей. Переквалифицировался в буровики-долбо...бы. Сначала было дико, будто в каменный век попал, но скоро привык.

...И, оформив себе пенсию, завязал с бурением навсегда,

хотя до сих пор снится буровая и друзья-буровики, 30 с лишним лет ведь не шутка».

У остальных буровиков, после роспуска Аметистовой партии, по-разному сложилась жизнь.

Сергей Рублев, ставивший на бурении в Аметистовой рекорды, стал экологом. Арефьев живет в Горловке, на Украине. Оставил он в прошлом мирскую жизнь и погрузился в религию, став священником, причём на религиозном поприще преуспел: защитил докторскую диссертацию по богословию.

Сергей Кузьминов работает в Метрострое горным инженером, и по прежней привычке, когда бывает в отпуске, не выпускает возможности поохотиться и порыбачить в северных областях европейской части России.

Фёдор Портунаев, как и задумывал в 1999 году, когда Гайдар и его команда распахнули бизнесу широкие двери в России, уехал в свою родную Бурятию и занялся там предпринимательской деятельностью. Начал он восхождение к успехам в бизнесе с брокерской конторы; сумел устоять в гонке первичного накопления капитала, и сейчас Портунаев известный в Улан-Удэ предприниматель и меценат.

Нежданно, можно сказать — нелепо, прервалась жизнь одного из старожилов-буровиков Владимира Зайцева. В 1988 году укусила его за руку крыса, в результате чего заразился непонятной болезнью; корфские врачи не смогли вернуть ему здоровье. И до болезни Зайцев, выглядевший старше своих лет, ещё более исхудал, осунулся, на землистом лице рельефно обозначились впалые щеки и морщины. Странный недуг скоро его доконал, и Зайцев, остававшийся последним «могиканином» из числа первых буровиков партии, умер на больничной койке.

В то беспокойное время, болезненно встряхнутое малообдуманнными реформами, умерло несколько бывших аметистовцев, среди которых подземный пробоотборщик Мордвин и электрик Войт.

Налаживание работы и бытовой жизни

В 1985 году до середины лета начальником Аметистовой партией оставался Локман Эркенов. Пришедший ему на смену Валерий Вильданов недолго руководил партией, и уже в сентябре

уступил место начальника вернувшегося на Камчатку Виктору Романову.

Активно начал Романов свою деятельность. Чувствовалась прежняя хозяйственная хватка, не утраченная за десятилетний перерыв, когда после закрытия Сергеевской ГРП, уехал он на материк.

Первым его большим делом стала протяжка ЛЭП от трех дизельных ДГА на участки буровых работ. На сооружение ЛЭП привлекли канавщиков, оторвав их от своей работы. На столбы канавщики использовали рудстойку. Ямы копать привычная для них работа. За короткий срок справились канавщики с задачей, ко всем буровым протянули ЛЭП.

Налажена была проводная связь с бригадами. А ведь как раньше было, особенно в начальные годы партии?

Случалась авария или другое ЧП на буровой, кто-нибудь из бурильщиков чуть ли не бегом спускался с сопки в поселок – уведомить старшего мастера о случившемся, и тот, тоже пешком, поднимался на гору и оценивал ситуацию. Потом принимал нужные решения. На такие неурядицы в рабочем процессе, тратилось много времени.

В 1986 году появилось в поселке водяное отопление; горячая вода шла с электростанции по трубам, закопанным в землю, и подводилась к каждому балку и производственным помещениям. Подводку воды в балок выполняли сами жильцы, отводя от центральной нитки трубопровода неглубокую канаву.

Мне, правда, не пришлось копать канаву к своему жилью.

В буровой камере штольни, запнувшись о канат, ударился я плечом об стену и получил сильный ушиб, после чего две недели лежал в тиличкинской больнице. Помог вырыть канаву сосед, буровой мастер Сергей Кузьмин.

Встревожил меня травма. Врач, который лечил, сказал, что рука вряд ли возвратится в прежнее состояние. Я ему не поверил и, вернувшись в партию, стал по утрам бегать кроссы. Я рисковал. Сомнительный способ залечить поврежденные связки мог еще больше навредить суставам.

Начал я с малых пробежек и довел количество пробегаемых километров до десяти и более. После бега, догола раздевшись, окунался с головой в реку. Даже в осенний мороз, разбив кромку

льда у берега, заходил в воду, ложился на спину, и студёный речной поток нёс меня по мелководью вблизи берега, словно с горки катился по скользкому галечному дну.

После таких моционов, с бегом и купанием, тело становилось непривычно легким, будто убавилась сила тяжести на Земле. Вопреки прогнозу врача, сустав скоро восстановился полностью.

С тех пор все свои временные болезни, даже не связанные с опорно-двигательным аппаратом, стал излечивать бегом и быстрой ходьбой. И этот метод давал положительный результат.

Бесперебойно в поселке работала столовая. Работницами питания были приехавшие к мужьям жёны. Вкусно они готовили пищу, часто лепили на вечер пельмени с начинкой из оленины.

Начали снабженцы завозить австралийскую баранину. Туши баранов, откормленных гормонами, видом белые, от обилия в них жира. Вкус значительно уступал оленьему мясу.

Первого сентября в торжественной обстановке открылась к приему первоклассников школа. В поселке к этому времени до школьного возраста подросло несколько детей, в их числе сын Людмилы Безруковой Ваня. Учила ребят молодая учительница. Забылась её фамилия, звали её, кажется, Галина.

Не все ученики заканчивали в поселке начальные классы; уезжали из партии родители, с ними уезжали и дети. Года два или три, если не ошибаюсь, учила детей грамоте Галина, и потом уволилась. Обучение детей с её уходом, кажется, остановилось, точно не помню. Возможно, детей школьного возраста на то время не стало.

Школьное здание было просторное. В широком коридоре проводились профсоюзные и предпраздничные собрания. На расставленные в ряды стулья усаживались работники партии, слушали отчеты начальства; кто-то принимал критику в свой адрес, а кого-то отмечали, как умелого работника.

По вечерам в школе шел показ кинофильмов. Бабины с кинолентами отбирал на свой вкус кто-нибудь из аметистовцев в фильмотеке кинотеатра с. Тиличики.

Одно небольшое время классную комнату в школе занимали геологи, приспособив её под камералку, пока не

построили здание, составленное из новых балков, и в нём геологам отвели несколько камеральных комнат.

А старая камералка, изба-труженица, уже не вмещающая всех геологов, вернулась к своему давнему предназначению – вновь стать кому-то жильем.

14 лет служила она геологам. Своим тихим ворчанием, когда угасал огонь в печке, или бодрым потрескиванием подброшенных в печь дров, разделяла, нам казалось, неприятности и радости геологов, как разумное существо.

В те годы про камералку написано мной стихотворение, называется «Исповедь старой камералки». Привожу здесь короткий отрывок.

*Начну я без преамбулы.
В основе нет вранья.
Мне трудный век накаркали
Кликуши воронья.
Избушка от канавщиков
В наследство перешла
Писцам и рисовальщикам.
Ум я от них взяла.
Всё вижу и кумекаю.
Ворчит кривая дверь:
Толкались здесь при Мегале,
Умножилось теперь.
Бумагами и камнями
Набит мой интерьер.
Плеснут... и, скалясь пламенем,
Печь зарычит, как зверь.
При раннем Виноградове,
При позднем неурядь...
Шли годы безотрадные.
Порой, не стану врать, –
В замаранный, весь в копоты,
Ногою в потолок
Бил Татаржицкий походя:
Следы там от сапог.
Увидеть волю чаяла.
Дорогой кочевой*

*За реку процыганила,
Довольная собой.
Утехе час. Поставлена.
Снуют... туда-сюда.
И моет пол продавленный
Лишь майская вода.*

О геологическом коллективе

По всем направлениям поисков и разведки увеличивались объемы работ. Соответственно, рабочих и ИТР требовалось больше. На бурение и подземную проходку продолжали прибывать специалисты, окончившие вузы и техникумы.

Геологический коллектив тоже пополнялся кадрами.

На длительную командировку прилетела из Корфа Татьяна Виноградова. В партии накопилось много ответственной геодезической работы, и её надо проделать качественно; она это умела, и район месторождения знала хорошо, вместе с техником-топографом Надей Жериховой не раз прилетала в Аметистовую партию.

Воссоединилась с геологом Олегом Симаковым жена его, симпатичная блондинка Люба, тоже геолог. Как и для большинства прибывших за последнее время геологов и техникумов-геологов работа её была связана с бурением.

Маркшейдером на подземке недавно стал работать Ильин, унылого вида 30-летний парень. Худощавый и небольшого роста, был незаметен, приятельские отношения ни с кем не заводил, держался особняком.

Кроме маркшейдерской работы в штольне, ходил с геологами на сопку, привязывал к реперным точкам канавы и скважины. Безвыездно находился он в поселке партии, лишь один раз съездил в отпуск.

После завершения горных работ в Аметистовой работал Ильин в Корфе. Чем в экспедиции занимался, не знаю, в нашу камералку он не заглядывал. И за его личной жизнью я не следил; смерть Ильина в январе 1992 года стала для меня неожиданной. Геологов камеральной группы она тоже шокировала.

В начале рабочего дня кто-то нам сообщил, что в старом общежитии скончался ночью Ильин. Газизов велел мне и Олегу

Симакову сходить в общежитие и разузнать всё о покойнике, какие обстоятельства привели его к смерти.

Зашли мы с Олегом в комнату старого общежития. Комната насыщена спиртовым запахом, с добавлением в воздух пищевой кислоты. На столе большая чашка с остатком винегрета и недоеденные куски вяленой рыбы. На грязном полу, без всякой на нем подстилки, лежал труп Ильина, накрытый суконным одеялом. На своих кроватях в понурых позах сидели стародавние аметистовцы: Мокренко, Тихомиров и кто-то еще, мне незнакомый.

Долговязый и темнолицый Мокренко был трезвее своих собутыльников, успевших, как он и сам, опохмелиться за упокой души умершего.

- Говорили ему, остановись, с твоим ли здоровьем пить с нами наравне, - стал Мокренко объяснять, как всё случилось. - Он отрубился, положили его на кровать и сами легли потом. А в 6 часов я встал, будить всех на опохмелку, и к нему подошел. За лицо тронул. Ё-моё! Лицо холодное и нос заострился.

Больное сердце Ильина не выдержало нагрузки некачественным алкоголем. В посёлке Аметистовой ГРП я никогда не замечал его пьяным, даже слегка выпившим. А в Корфе, видимо, умел маскировать свое состояние и на людях в пьяном виде не показывался.

Что за причина толкнула его зайти к нашим работягам, оставшимся после выезда из Аметистовой не у дел, и до смерти напиться, осталась мне неизвестной.

Больше знала об Ильине Мария Егоровна Федосеева, которая в Корфе его опекала, зная, видимо, о проблемных сторонах его жизни. Федосеева и одновременно с ней Бушина (геологи опытные, в возрасте, перевалившим 40-летний рубеж) прилетели в Аметистовую ГРП летом 1985 года. В поселке они выполняли камеральную работу. Федосеева – подвижная, энергичная женщина, часто поднималась на сопку, выезжала на дальние участки Тклаваямского рудного поля, где выполняла полевую работу. Бушина занималась в поселке партии только камеральной работой и выглядела гораздо солидней Федосеевой: неторопливая в движениях и рассудительная.

Защитив в вузе диплом, вернулся в Аметистовую Слава

Барышников. В прошлом году он был здесь на преддипломной практике.

Слава – парень веселый и расторопный в повседневных делах. Инициативу в работе, уместную или часто с фантазиями, проявлять не старался, просто она сама собой от него исходила в силу легкости его характера.

Тем же летом возвратилась в партию техник-геолог Нина Булычева. Не пошла у неё материковская жизнь, развелась с мужем. К прежней работе она приступила – документировать буровой керн в штольне. В конце следующего года поехала Булычева поступать в горно-геологический институт и потерялась.

С полгода, до прихода Ильина в 1986 году, работала маркшейдером в АГРП молодая девушка Елена, девичьей фамилии не помню, сейчас она Дорофеева и живет в Бурятии. Хотя и мало она работала в партии, но ностальгирует по Аметистовой, в которой ей многое нравилось.

Ситуация с доставленными в партию балками

Летом 1985 года и в следующем году продолжалась доставка в партию (на подвеске вертолетом МИ-6) новых балков серии «Геолог». Прилетевший с юга вертолет зависал в воздухе, плавно снижал вертикальную скорость, и очередной балок аккуратно опускался на землю. Потом проходила отцепка строп, и вертолет улетал обратно.

Перевозка грузов на подвеске требует от вертолетчика опыта и внимания. Пилоту необходимо свести к минимуму разбалансировку габаритного груза. Пилоты, осуществлявшие перевозку грузов на подвеске, были люди опытные, и доставка балков в посёлок проходила гладко. Балки опускались в стороне от поселка.

Новые балки укомплектовывались мебелью: двумя деревянными кроватями и шкафом под одежду. Ответственным за сохранность встроенной внутри балка мебели был одно время Миша Махиборода.

В отсутствие главного геолога Газизова (он часто улетал в Корф по рабочим делам) Махиборода оставался за старшего у геологов. Ему Эркенов поручил следить за порядком с балками;

сам он долго в партии не задерживался, на руководстве рабочим процессом оставался главный инженер.

Балки не сразу ставились в уличный ряд, стояли на месте, куда приземлились в долине, и ждали момента своей востребованности.

К ним, никем не охраняемым, устремлялись жильцы старых балков в «шанхае». Обычно ночью вытаскивали они из балков шкафы или кровати и тащили в свои обжитые, прокопченные печным жаром, жилища. В свою очередь новоселы, которым привозили балки (они ставились в уличный ряд), обнаружив недостачу мебели, доукомплектовали полученное жилье подобным же образом.

Достался и нам с Ниной недоукомплектованный мебелью балок. Шкафа под одежду в нём не было. И предприимчивая Нина уговорила долговязого и жилистого канавщика Пахоменко принести шкаф, вытащив его из доставленного накануне балка. Она знала о безотказном характере Пахоменко, поэтому и выбрала его в качестве носильщика.

Родом Нина из шахтерской семьи, младшая дочь (наравне с её близняшкой) Семёна Годлевского – немногословного рассудительного человека, с которым общаться было приятно. Не в пример отцу, дочь была гораздо словоохотливей и изобретательней в решении бытовых проблем.

Прилетев со мной в 1985 году в партию, она успела завести знакомства со многими жителями в поселке, особенно с теми, от которых могла получить пользу. Нина быстро сориентировалась, как и чем привлечь кого-нибудь из рабочих, чтобы оказывали ей хозяйственные услуги.

Однажды, когда я улетел в Томск на сессию, замутила она в ведре бражку – для угощения электрика Коли Бурого, пригласив его поставить в балке электросчётчик. Говорила мне, когда я вернулся: «Голубые глазёнки у Коли так и заблестели, когда увидел ведро с брагой. Расплылся в улыбке и унёс ведро себе в балок». А простодушного Пахоменко, к его душе несложно найти лазейки, эксплуатировала Нина не первый раз. Возле её фотолаборатории вырыл он аккуратную канавку для слива воды.

Из геологов, с которыми она больше общалась, это были Надежда Городничева и тёзка Нина Булычева. Городничева –

близкая соседка, стена её балка смежная с нашей кухней. С Булычёвой Нина ходила в штольню фотографировать выложенный в ящики керн из подземных скважин. Это её работа. Булычева, закончив свое дело, помогала ей в перемещении керновых ящиков.

К начальникам партии, даже к неуступчивому Романову, умела Нина найти подход, решая проблему со строительными материалами для устройства нашего жилья. А ещё с Игорем Луковниковым была на дружеской ноге. Их сблизил общий интерес к фотографии; подарила она Игорю антикварный фотоаппарат, на который он положил глаз и намеками вынудил сделать ему подарок.

Возвращаюсь к событию.

Я постеснялся участвовать в перемещении шкафа, но и не препятствовал этой инициативе. Пахоменко уверял, что один справится с тяжелой и неудобной ношей, мол, уже приходилось помогать своим товарищам в «шанхае» – тащить на своей длинной спине мебель. «Одному нести удобнее», – сказал он.

Чтобы не смущать встречающих прохожих, дождались Нина с Пахоменко, когда в посёлке к полночи всё утихло, кроме редкого лая собак, и люди после дневных трудов настраивались на сновидения, – отправились они вдвоем к новым балкам. От нашего жилья метров двести.

Полчаса спустя, в хорошо проглядываемых сумерках белой ночи появилась в отдалении Г-образно согнутая фигура Пахоменко; вытянутые назад длинные руки держали задние углы шифоньера, взгроможденного на его худую мускулистую спину. Он покачивался, выбирая, куда надежней ступить, чтобы не споткнуться о кочку. За ним следом шагала торжествующая Нина, весьма довольная результатом ночной вылазки.

Махиборода, конечно, знал об устоявшейся цепочке перемещений казенного имущества из одного балка в другой и просто закрывал на это глаза.

Канашик Владимир Пахоменко

Владимир Пахоменко – натура слишком простоватая, он не был склонен ни к каким хитростям. Уговорить его на что-то или обмануть было легко, хотя и не сказать, что был обделен умом и

сообразительностью. Но его способности касаются в основном работы. В ней, если можно так выразиться, находил он отраду и успокоение от прилипших к душе нехороших воспоминаний.

Трудился Пахоменко на проходке канав. Никогда с геологом не спорил, когда тот оценивал выбитую им канаву, соглашался со всеми замечаниями. Целей на свое будущее он не ставил, жил как бог на душу положит. Деньги не были ему приоритетом. Прилетая в Корф, без сожаления от них освобождался.

С ним я мало общался помимо работы. Характер Пахоменко лучше раскусила Нина и, как уже отметил, не раз прибегала к его помощи.

В 1987 году попала Нина под сокращение и, не согласившись на предложенную Эркеновым другую работу в партии, улетела в Корф. Поселилась она с сыном Игорем в экспедиционном общежитии, а трудоустроилась в Дом культуры, где вела с детьми фотокружок; ездила с ними на экскурсии в южные районы Корякии.

В Корфе Нина вновь встретилась с Пахоменко. Прилетел он осенью в Корф, забрал из сберкассы все деньги и обитал в какой-то трущобе. В Корфе Пахоменко уже сам просил у Нины помощи и советов. Но недолго она была ему советчицей.

Поведала она мне о двух эпизодах в общении с незадачливым Пахоменко, которые более всего отложились в её памяти.

«Попросил меня Пахоменко, – рассказывала Нина, – сшить ему чехол на посылку. Её он собирался затарить красной икрой и отправить родственникам, с которыми давно потерял связь; хотел удивить их щедрым подарком.

Зашли сначала в магазин – купить под икру полиэтиленовый пакет. Таких пакетов в магазине не оказалось, но в продаже были упаковки с дорогими красивыми салфетками, пять штук в комплекте. Несколько упаковок купил Пахоменко, выпростал из них салфетки, сказал: «Салфетки себе забирай, а пакеты мне пригодятся. Один под икру».

Небрежное отношение Пахоменко к своим деньгам, удивили тогда Нину.

К слову сказать, и другие канавщики, по выезду в Корф на

«размагнитку», также транжирили свои деньги, но в трезвом состоянии скупилась потратить лишний рубль на иной товар, кроме водки.

О последней с ним встрече Нина рассказала следующее.

«Жила я, ты знаешь, в общежитии, в комнате за фанерной перегородкой, которая отделяла нас с Игорем от временных поселенцев в другой половине комнаты. Мыши по полу нагло шастали. Вспоминала нашего кота Гришку, вот бы здесь пригодился. Ставила я банку с приманкой, и они в нее попадали, – издавека, с не относящимся к сути введением, что для нее характерно, начала рассказывать Нина о той встрече. – Зашел ко мне Пахоменко и предложил взять на сохранение деньги, довольно большая сумма. Я отказалась и теперь жалею об этом. Узнала потом: широко – душа нараспашку – загулял с друзьями Пахоменко. И нашли его позже в какой-то грязной рытвине. Мёртвый лежал».

Постройка тамбура

Летом 1985 года новоселы самой отдалённой в посёлке улицы, где в ряду и моё жильё, взялись за пилы и молотки – начали пристраивать к жилью тамбуры. Я тоже приступил в свободное время строить тамбур.

А перед этим (до моего строительства), поселковые плотники соорудили над двумя балками, моим и Городничевой, двухскатную крышу.

Крыша облегчила нашу с Ниной бытовую жизнь. Весной покоя не давал потолок пристройки, открытый всем атмосферным воздействиям. Снег на потолочном перекрытии таял, а позже в тундре задождило, – в комнату с потолка текли струйки воды. Расставляла Нина на полу всякую посуду: тазы, вёдра, банки. Кое-как справлялись с водой.

Когда крыша была готова, закрыл я досками боковины чердака и взялся, как и другие жильцы, за строительство тамбура.

Досок не хватало. Рыскали новоселы по посёлку и шли дальше – разбирали брошенные за пределами посёлка строения, находили годные доски на старых лагерных стоянках и в других местах.

Я тоже нашел объект для разборки. Рядом с устьем 1-й

штольни, немного выше, стоял полуразобранный остов бурового здания заводской конструкции. Крышу и стены в нем успели разобрать на доски строители тамбуров. Оголенным стоял железный каркас, но пол, крепко сбитый из широких толстых плах, оставался нетронутым.

Приступил я к разборке пола. Трудным оказалось это дело. Плахи в два слоя были плотно сбиты крупными гвоздями и укреплены в боках скобами, пол зализан окаменевшим глинистым раствором; зазоров между плахами не видно. Орудую большой гвоздевыдергой и топором, кое-как я справился с разборкой, отодрал от пола несколько хороших плах.

Мелкие доски для обшивки тамбура я находил где попало. В ход шли любые бзушные доски, лишь бы трухлявыми не были. Участие в их поисках принимала жена Нина, притаскивала откуда-то новые доски. В решениях хозяйственных проблем она ориентировалась лучше меня.

Собрав достаточное количество деревянного материала, стал я сооружать тамбур. С бревнами для опорных стоек и поперечин проблем не было, на это хорошо годилась рудстойка. Крышу накрыл двумя большими листами жести, покрашенной зеленой краской; листы нашёл валявшимися возле бесхозного, никому не нужного старого балка.

К середине лета тамбур был готов; обшитый толем из свежего рулона, получился он не хуже, чем у других новоселов; в нём я отгородил стенкой место для кладовки.

Новые веяния и корректировка традиций у канавщиков

Штат работающих людей в Аметистой партии достиг на пике численности полторы сотни человек. Жилья всем хватало. Прибывшие в партию семейные работники поселялись в новые балки на образцовой (по её строго линейной протяженности) улице.

В перевезенных из старого поселка балках продолжали жить в основном холостые переселенцы. Хорошо они на новом месте устроились и не меняли, особенно канавщики, своих прежних привычек.

Цивилизация, правда, пришла и к ним.

Например, Голиков, более известный по прозвищу «Папа»,

одним из первых купил телевизор. Он стоял на тумбочке, а на столе – очередная газета-толстушка и журналы. Спиртное в это время он не пил с товарищами, жил один, и увлекся политикой, когда началась перестройка. Вечером приходил с работы, до полночи его просвещал телевизор голосами ведущих на политические темы.

Самый возрастной из канавщиков, Колбанцев, был консервативен к новшествам. Тоже жил особняком. В балке у него спартанская обстановка – ничего лишнего. Телевизора не было, и досуг Колбанцева заменяло эмалированное ведро с брагой, стоявшее в шкафу возле отопительной трубы. У него брага не переводилась, и пил он втихаря, без гостей, придя с работы. Выпить позволял себе не более двух кружек, но в четыре захода ныряла кружка в ведро – растягивал удовольствие.

Сужу по общению с ним в его доме, куда однажды зашел. Заглянул я тогда к нему из любопытства: послушать рассуждения бывшего и тёртого всякой жизнью человека.

Слегка уже под хмельком, брага у него крепкая, предложил он и мне выпить с ним. Раскрепощенный брагой язык Колбанцева (в трезвости он молчаливый) пустился в рассуждения о своем понимании жизни, и как ангел-хранитель научил его обходить подводные камни соблазнов.

Сказал о своих планах на будущее:

«Всё перетерпел на своем веку, и в награду за терпение ждет меня купленный домик в деревне. Скоро туда уеду, поставлю в огороде улья и вместо этого пойла, – кивнул на недопитую кружку, – буду с устатку пить медовуху».

Надо сказать, заработки он не транжирил в загульных попойках как большинство его коллег, а потихоньку копил себе на старость.

А вот закоренелые в своих привычках канавщики, остающиеся верными традициям, предпочитали не думать о будущем, понятии для них абстрактном, понимали значение лишь настоящего времени. Прошел день, знали, что будет завтра, но не более того.

Живущие по старым традициям канавщики составляли в партии костяк самых трудоспособных. Постепенно они старились, утрачивали прежнюю производительность. Веяние

нового времени их насторожило, и они уходили в тень, меньше стали заметны, растворившись в возросшем населении поселка.

Хранителем традиций выдвинулся на первый план горластый Валерий Мокренко, заняв после ухода Лозяна роль лидера. Папа (Голиков), безусловно, оставался авторитетом, но всё более отстранялся от общения с коллегами в нерабочее время; с годами Папа мудрел, подевалась куда-то бывшая активность в обществе его коллег.

Балок Мокренка, где жил он с двумя товарищами, стоял на задворках «шанхая» и стал центром сбора канавщиков и других рабочих, проверенных на вшивость.

Сторожила балок рослая овчарка. Бдительный Джульбарс (так звали пса) узнавал завсегдатаев и яростно облаивал посторонних, приближающихся к границе охраняемой территории. Сам же, не будучи привязанным, за условную черту не уходил в отличие от собак, гуляющих по всему поселку.

Притяжением дружеских сборов служила всё та же брага. Мокренко, надо отдать ему должное, был щедр на угощение собравшимся приятелям; основную часть расходов на изготовление браги брал на себя.

Совместные выпивки случались не столь часто, как раньше, но по-прежнему сопровождались шумными разговорами и энергичной жестикуляцией. Тема работы уже не была главной, всё чаще вклинивались голоса о политике. Нутром чуяли канавщики неясную для них перспективу, ломку привычных традиций.

Бытовая жизнь в поселке. Создание новых семей.

С выделением значительных денежных сумм на работы по новым проектам пришла возможность значительно улучшить бытовую жизнь в геологическом посёлке.

Появившееся в 1984 году телевизионное вещание развеяло скуку однообразных вечеров, особенно долгих зимних. У большинства жителей стояли в балках телевизоры.

Самые интересные телепередачи (концерты и фильмы) шли поздно; далеко за полночь задерживались люди у голубых экранов и недосыпали, на работу вставали вялыми. Чтобы как-то минимизировать недосып, в подходящее время спутниковое

вещание с одобрения начальства стало в поселке отключаться, вместо него шел показ фильмов с видеокассет, в том числе порнофильмы. Просмотрев поздний полуторачасовой фильм, аметистовцы этим ограничивались и ложились спать.

В остальном бытовая жизнь проходила в свойственном всем геологоразведочным партиям распорядке.

По-прежнему в большие праздники вертолет привозил праздничный груз. Желающие веселиться в обществе собирались в здании школы. После застолья включалась музыка, и начинались танцы. Дни рождения стали чаще отмечаться в компаниях.

В партию на работу прибывали новые люди, некоторые из них приезжали со своим малолетними детьми.

К детям-дошколятам (число их выросло до десятка) прибавились вскоре дети, рожденные нашими геологинями. Марина Соловейчик родила сына, отец Махиборода нарёк его Егором. Встав на ноги, взял в привычку шустрый Гошенька теряться с родительских глаз. Бегали Марина с Мишей по поселку, искали сына, и находили его чумазым, часто в обществе с какой-нибудь собакой.

У Натальи Волковой (Семеновой) родился в 1988 году сын Артём. В Аметишовой видел я его в коляске, а через семь лет увидел в Новосибирске. Дом, куда возвратилась Наталья с сыном, рядом с домом, где я останавливался у родственницы. Знаком был с её родителями. Наталья лежала в больнице и угасала от раковой болезни. Я с её матерью и Артемом пришли тогда к ней в больничную палату.

Поняв безнадежное состояние Натальи (вскоре оно подтвердилось), написал я стихи. Заканчивались строками: «К Покрову, сырой и жалкий, лист последний отпоет, на тебя на катафалке, обессилев... упадет». Последние строки дописал позже, когда она умерла. Печально, – рано ушла на тот свет жизнерадостная Наталья, особенно, когда была незамужней.

Из отпуска вернулся Игорь Луковников с женой №2 (или №3; всех своих бывших жен предпочитал называть по номерам). Александра, как и Игорь, – уральцы, из города Березовского, друг друга знали раньше. Узы брака, неожиданные даже для него самого, заставили бросить повадки: захаживать к друзьям-

канавщикам по случаю созревшей браги; фотографировал уже не пейзажи, а больше свою любезную Шуру. С год или несколько дольше жила Александра в Аметистовой. Потом улетела в Корф, где стала работать бухгалтером в экспедиции. Луковников вскоре тоже в Корф перебрался.

Жили они с Шурой в 2-комнатной квартире на улице Луговой. С 1991 года я тоже жил в Корфе, работал в камеральной группе. Заходил по вечерам в гости к Луковникову. Шура занималась хозяйственными делами, а мы с Игорем уходили в угловую комнатуху, где у них стоял титан. Игорь закуривал, я тоже вынужден был закурить (уж если глотать дым, то лучше свой), и шли у нас долгие беседы на разные темы, без выпивки.

Лет восемь длилась у него с Шурой совместная жизнь, и в 1993 году супружеский союз пал. Меня уже не было в Корфе.

Рашид Газизов тоже стал женатым. Привез он в Аметистовую из отпуска жену Татьяну. Как и Луковников, познакомился с нею в отпуске, кажется, в санатории. Старался Рашид угодить своенравной Татьяне, но свойственная её натуре нервозность, едкие замечания на всякие бытовые мелочи, стали раздражать спокойного в своем характере Газизова. Расстались они через несколько лет.

Почти все геологи к тому времени скреплены были брачными узами. Из женщин-геологов Надя Городничева и Галя Желтова оставались незамужними, но и они скоро нашли себе пару; обе вышли замуж за буровиков. Городничева с мужем незаметно оформили брак, а у Желтовой с Сергеем Костенко была в Аметистовой сыграна свадьба.

Оригинальным способом, входящим тогда в моду – по объявлению и последующей переписке – нашел свою суженную закоренелый холостяк Вася Попелло.

На пароходе в Корф приплыла его Люда. Радостный Вася, вылетая из Аметистовой её встретить, говорил нам: «Вот дура, придумала морем плыть».

В загсе они зарегистрировались, Попелло взял фамилию жены и стал Шевцовым.

После выезда жены Нины в Корф (её должность фотографа была сокращена) ко мне в балок вселился геолог Саша Пантюшин. Аккуратен был в делах Пантюшин и умелец на все

руки. Кое-что не понравилось ему в балке – стал усовершенствовать интерьер своими поделками. За личной гигиеной он следил, в ношении одежды не допускал небрежности, на торжества в поселке надевал галстук.

Мне он, когда пришло время выбрать тему для защиты диплома, дал брошюру с инструкцией по трехмерному моделированию геологических структур. Темой диплома стала: «Объемная модель месторождения Аметистовое». Пришлось мне покорпеть над проекциями, в то время как другие студенты списывали почти всё с готовых отчетов.

Года два трудился Пантюшин на документации штолен и вернулся в Корф на камеральную работу. Уволился он из СКГРЭ в 1994 году, стал работать в налоговой службе района.

Время реформенных преобразований в стране

На партийном пленуме в 1987 году генсек Горбачев инициировал в СССР перестройку. Слово «перестройка» вошло скоро во все иностранные словари.

Неясные очертания обновленного социализма будоражили мозги аметистовцев. Представление об идущих в стране переменах у населения поселка было разное, но смятения и тревоги в головах не возникало. «Наконец-то петух клюнул коммунистов в задницу, – говорили оптимисты, отмеченные давним инакомыслием в политических взглядах. Большинству перестройка была интересна как тема для разговоров. А чем закончится набравший обороты процесс, об этом меньше люди задумывались.

Собирались аметистовцы в бытовке во время перерыва в работе или у кого-нибудь дома в компании и обсуждали последние новости, услышанные по телевизору. Не все, правда, безоговорочно и дружно поддерживали намерения генсека Горбачева «усовершенствовать социализм», внедрить в экономику передовые идеи хозрасчета и другие новшества.

Впереди маячила точка невозврата к прежним порядкам. Кто-то из догадливых предрекал: латание дыр социализма этим не ограничится, и усилится атака на стронутые с мертвой точки устои прежней жизни.

Одни из таких догадливых тревожились, особенно (как уже

отметил) канавщики, другие, наоборот, ждали улучшений в организации труда и жизни.

Приезжали в Аметистовую начальники производственных отделов СКГРЭ и разъясняли суть хозрасчета двух типов. Рабочие, да и многие ИТР, не понимали разницу между типами, какой из них лучше подходит нашей геологоразведке. Молча выслушивали рабочие объяснения толкователя этих схем; знали: начальству всегда виднее, какое решение самое верное.

Оптимистический настрой у людей дал трещину во время запущенной в стране антиалкогольной компании. Следом возник дефицит продовольствия и ввод карточной системы. Люди были уже недовольны зашедшей в тупик перестройкой.

Для смягчения недостатка в пищевых продуктах появились на продовольственном складе, ставшие притчей во языцех, «ножки Буша». Упакованы они были в целлофановый пакет, килограмма два в пакете. Стояло лето, а холодильников у жителей поселка не имелось. У кого было в жилье подполье (в тамбуре или межбалковой пристройке) хранил там недолгое время скоропортящиеся продукты. Но погребок, вырытый в талике речной террасы, не спасал «ножки Буша» от протухания, если находились в земле долгое время; съесть содержимое пакета за два, три дня невозможно. К тому же, вкус «бушевых ножек», напичканных стероидами, не располагал к аппетиту.

У канавщиков закончились дрожжи, скоро конфеты и джемы исчезли в корфских складах, сахар получали по норме. К критическому минимуму свелись бражные посиделки. Унылая перспектива длительной трезвости их угнетала; к тому же стал неприятным отпуск души на загульные странствия в Корфе, куда вылетали раз в год. Угасал стимул в хорошем заработке.

Рабочие, занятые более квалифицированным трудом, и ИТР (немало среди них семейных) страдали меньше от дефицита алкоголя, ограничивались нормой. Возрастом преимущественно молодые, они заглядывали, отличаясь этим от канавщиков, в будущее. Ход мыслей у многих был таков: «Всё в природе и истории со временем перетирается и устаканивается на новый лад, переживем и эту бестолковую пертурбацию».

Два года руководство страны боролось с вредным пережитком. Потом образовумилось; мозги просветила старая

истина: трезвым трудящимся труднее вешать лапшу на уши. Незамедлительно создана была противоположная крайность: заполонили прилавки магазинов дешевые немецкие и голландские спирты. «Пей, народ, вдоволь».

Ситуация в стране

Горбачев шаг за шагом расшатывал конструкцию советского режима. Грянули существенные поправки в Конституцию. И «Процесс пошел!..». Возродилась государственная Дума и на всех парах пустилась клепать законы. «Народ созрел», – думалось в правительственных верхах.

Обществу, встрянутому реформами и гласностью, досадный продуктовый дефицит успешно компенсировали зрелища: ТВ программы «Взгляд», «До и после полуночи» Молчанова, но особенно шумные заседания народных избранников в Думе. Зрителям, сидящим перед телевизором, интересно было слушать красноречивых ораторов, среди которых было больше творческой интеллигенции, чем читающих с бумажки коммунистов-ретроградов. Редакции художественных журналов, конкурируя с другими редакциями, наперегонки печатала произведения опальных в прошлом писателей; разбуженные гласностью публицисты обрели популярность и были у редакторов нарасхват.

Народу с трибун внушалось: «Надо потерпеть, и жизнь наладится». Людям ничего не оставалось, как в это верить. Было, правда, немало скептиков.

Трудно шел процесс перестройки. Верные старым порядкам коммунисты не сдавались; подспудно на политической кухне зрел реванш.

В связи с этим, помнится мне сдача в университете экзамена по политэкономии в 1990 году. Горбачев тогда под давлением влиятельных партийных бонз стал отступать от запущенной в стране программы по переустройству общества. Попятные сигналы уловили чутким ухом региональные партийцы. Студенты-заочники, сдававшие вместе со мной экзамен, не ожидая подвоха, смело корректировали в ответах изжитые (в этом были уверены) догмы. Удивлялись, когда в зачетках за бойкий ответ ставили им троечку.

Я вовремя разглядел намечающийся разворот идей вспять и осторожничал в ответах на задаваемые вопросы. Получил хорошую оценку.

Потом, как известно, да и не стоит об этом напоминать, произошла неудачная попытка реванша. Горбачев отделался неприятным испугом, как сам об этом говорил, а в обособленной от отделившихся республик России взвинтилось переустройство основ на капиталистический лад. Не успели рядовые граждане глазом моргнуть, как бывшие комсомольские вожаки получили от государства даром сказочные богатства и нарекли себя господами.

Продолжение ГРР. Гибель Чечулина.

В период перестройки приток новых работников в партию пошел на спад. Заканчивалась в 1989 году проходка штреков в штольне № 3, а еще через год (или полтора) завершались они в штольне № 2.

Продолжались работы, и не убавлялся темп ещё несколько лет, на бурении скважин. На подземке из подготовленных проходчиками камер велось бурение по заданиям предварительной разведки.

Проходку канав выполняла бригада прежним составом: те же привычные лица состарившихся ветеранов проходческого труда.

Камеральная группа геологов занята была написанием отчетов и готовила проект на детальную разведку; началась она в 1991-м и закончилась в 1994 году.

Бурение скважин по новому проекту сосредоточилось в центральной части месторождения: на сопке Аметистовой и прилегающей к ней 1-й группе жил.

Канавщики в 1990-х годах, трудясь на результат детальной разведки, сгущали выборочно канавами сеть выработок. Газизов находил такие места и сообщал геологу, работавшему с канавщиками, где нужно выбить канаву.

Рашид Баянович к тому времени стал главным геологом Северо-Камчатской ГРЭ. Свои обязанности он совмещал с работой над отчётами в камеральной группе. Две комнаты занимала камералка. В дальней комнате стоял рабочий стол

Газизова. Чаще его видели сидящим за этим столом, чем у себя в кабинете.

В Аметистовую он возвращался часто – узнать текущее состояние дел и скорректировать ведущиеся на месторождении работы. В очередной его приезд выразил я желание перевестись в камеральную группу; пора уже приобретать опыт в камеральной работе. Осенью 1991 года я отбыл в Корф.

За месяц до вылета, в августе, мне на замену прибыл молодой специалист Чечулин, коряк по национальности. Полтора месяца жили с ним в моём балке, пока я окончательно не расстался с полевой жизнью в партии.

В среде малочисленной корякской интеллигенции гордились выходцами из коренного народа, сумевшими получить университетские знания. Раньше образованных коряков я не встречал, знал только тундровых пастухов. Чечулин оказался к тому же интересным собеседником. Привез он с собой три десятка книг в деревянном ящике, большинство – геологические, и среди них «География» и «геология» Марса». С удовольствием я прочитал эту книгу.

Недолго работал Чечулин в Аметистовой партии, месяцев пять. В конце декабря вылетел он из партии, чтобы встретить Новый год с друзьями в Первореченске, где раньше работал.

Нелепой гибелью оборвалась в Первореченске жизнь, а с ней карьера молодого геолога-коряка. Обстоятельства его смерти мне плохо известны, но приблизительно, что слышал, немного опишу.

С друзьями и бывшими сослуживцами хорошо выпил Чечулин на встрече Нового года. Спиртная нагрузка на его малорослую худощавую фигуру оказалась чрезмерной, и мозг отказал ему в соображении и контроле над своими поступками.

Мало кто в компании обратил внимание на уход Чечулина. Наверное, пошел он куда-то к другим своим товарищам.

Темно на улице и пурга разразилась, силуэты домов еле различимы в снежном мареве. Подгоняемый дующим в спину ветром, забрел пьяный Чечулин в сторону от поселка и потерял ориентацию. Ко сну стало его клонить; прилег он у сугроба и замёрз. Тело утром нашли.

Слетал я на вертолете в Аметистовую и забрал из балка

вещи Чечулина. Кроме ящика с книгами и мелких вещей, забирать было нечего.

Разбирая в Корфе книги, нашел в ящике блокнот. В нем красивым каллиграфическим почерком разные записи и его стихи шуточного содержания. На дне ящика лежал выпуклый шлиховой пакетик из плотной бумаги. Когда вскрыл, блеснуло в глаза золото. Примерно тридцать грамм в пакетике. Сам ли в каком-то ручье намыл или другим путем попало в ящик золото, осталось неизвестным.

Вскоре зашел ко мне родственник Чечулина, и я отдал ему пакетик с золотом вместе с другими вещами. Ящик с книгами остался у меня. Наверно, необдуманно я поступил, надо было сообщить, кому следует о найденном золоте.

Камеральная работа. Прогулки по Корфу и впечатления.

Последние два года, пока не уехал с Камчатки, занимался я с нашими геологами камеральной работой. Все выполняли свою часть дела, готовя отчет по завершившейся предварительной разведке. Мне была поручена работа с графическим материалом. Напротив меня, за столом у окна, сидел Саня Пантюшин и работал с фактурой подземной проходки.

На постоянной основе трудились в камеральной группе геологи Федосеева, Безрукова, Симаков, Калинин. Позже, в связи с сокращением геологоразведочных работ в Аметистовой партии, возвращались в Корф геологи и присоединялись трудиться над отчетами.

В экспедиции в ту пору появился учебный класс информатики. На добровольных началах обучал работников экспедиции, желающих научиться основам программирования, геофизик Борис Зайченко. В его рабочем кабинете стояла отечественная ПЭВМ. От наших геологов постоянно ходил на занятия Пантюшин.

Сеть интернета в России не существовала в те годы. Возможности операционной системы были ограничены. Поэтому пользователю ПК было важно уметь создавать свои программы для решения прикладных задач. Пантюшин скоро этому научился, и пробовал созданные им программы применять в своей работе.

В стране на то время персональные компьютеры были в новинку. Внедрялись они сначала, главным образом, в организациях.

Вспоминаю на конкретном примере как руководство предприятия, на котором я, уехав с Камчатки, работал, использовало ПК в роли соглядата.

Трудился я геологом на шахте, ставшей одной из первых в Кузбассе частным предприятием. Администрация шахты ввела строгую дисциплину для инженерно-технических работников. В каждом отделе комбината стоял компьютер, и работник, придя утром в отдел, должен себя зафиксировать вводом в память компьютера своей фамилии. Даже за минуту опоздания работник наказывался в лучшем случае выговором, а за серию опозданий мог быть уволен.

Практиковался во время перестройки и в СКГРЭ учет опаздывающих на работу. Но не машиной велся учет, а человеком из отдела кадров. Татьяна Виноградова или кто-то другой, выходили из здания во двор и фиксировали поздний приход работника, занося в блокнот отметку.

Повседневная жизнь в Корфе в постперестроечное время была (в моем восприятии) унылой, население с трудом привыкало к новым порядкам. Внедряющиеся зачинателями капитализма рыночные правила не радовали жителей. Цены в магазинах росли не по дням, а по часам. Всё выше и выше поднималась стоимость билетов на перелеты авиарейсами. Становилось фактом: северные зарплаты, со всеми коэффициентами, уже не такая надежная опора, как прежде.

Появились доморощенные предприниматели. Брали они в аренду помещения в магазинах и выставляли продукцию; самым ходовым товаром была паленая водка, изготовленная кустарным способом. Основой водки был импортный спирт сомнительного качества.

Возникли, как черти из табакерки, приезжие кавказцы. Ходили они по организациям и вынюхивали, что можно за дешево урвать из упавших хозяйств.

В Корфе я продолжил утренние пробежки, начатые в Аметистовой. Вставал рано, в шесть часов, и бежал по дороге до

паромной переправы и обратно. Один раз до Тиличик добежал по льду, и тем же темпом назад, после чего прихрамывал три дня на левую ногу. Попробовал я, пока в заливе у берега не образовался ледовый припай, окунуться после бега в холодную воду. В партии я так и делал: по окончании кросса смывал с тела пот купанием в реке.

На берег накатывались крупные волны. Зашел я подальше вслед за отступающей от берега волной – возвратной волной меня тут же с головой накрыло; я потерял в темноте ориентировку. Следующей большой волной меня отбросило к берегу. После я уже не пытался повторить купание в заливе. Тем более в темные часы поздней осени.

Заключительная глава

Политическая жизнь в стране была напряженная. Заместитель Ельцина по экономике Гайдар безжалостно крушил советскую систему. Чубайс (по собственному видению перспективы) делил на неравные куски общенародную собственность. Госдума шумела, как потревоженный пчелиный улей, в спорах «ломались копыя», но большинством в итоге принимались нужные правительству РФ законы.

В это тревожное время часть работников экспедиции собирали чемоданы, забивали контейнеры вещами и уезжали на материк. Кто не успел приватизировать квартиру (компания по приватизации жилья началась в 1992 году), возвращались назад, оформляли брошенное жилье в свою собственность и уезжали вновь. Оформлял приватизированные квартиры и выдавал владельцу документ с гербовым орлом Вильданов, работавший тогда в администрации Олюторского района.

Затормозил безудержное бегство из экспедиции специалистов и рабочих В.Б. Уваров, главный инженер СКГРЭ. Осенью 1992 года состоялось в экспедиции общее собрание. С инициативой создать акционерное общество перед собравшимися работниками выступил Уваров. Он доходчиво объяснил перспективы нового предприятия, к которому равноправными участниками присоединились АО «Виллой» и Пенжинская ГРЭ. Собрание было оживленным, работники задавали много вопросов и в итоге поддержали начин создания АО. В том же году в

Петропавловске-Камчатском состоялось учредительное собрание. Предприятие получило название: АОЗТ (акционерное общество закрытого типа) «Корякгеолдобыча».

Многие рабочие и специалисты перешли туда на работу. Акцент делался да добычу золота из разведанных россыпей в Олюторском и Пенжинском районах, и попутно будут идти геологоразведочные работы.

Успешно пройдя процедуру конкурсов и получив лицензии, акционерное предприятие сразу же, без раскачки, приступило к отработке россыпей. Тогда же дирекция АО рискнула получить лицензии на геологоразведку и добычу платины на недостаточно изученных россыпях участков Ледяной и Левтыриновьям. Риск оправдался, и в 1994 году на участке Ледяном было добыто 620 кг платины.

Коренной источник платины – Гальмоэнский интрузив. Его исследование силами «Корякгеолдобычи» началось в 2004 году.

Поредевшая кадрами СКГРЭ продолжала свою нелегкую, из-за недостатка государственного финансирования, жизнь. Кредиты частными банками выдавались под бешеные проценты. Экспедиция, ставшая позже акционерным предприятием, не обладала возможностью их вовремя погасить. На зарабатывание денег, используя ресурсную и людскую базы экспедиции, отпускались опытные геологи; создавали они старательские фирмы и работали на мелких россыпях.

Конкретно, что там происходило, когда я уехал, знают лучше люди, оставшиеся там работать.

На месторождении Аметистовое детальную разведку заканчивала в 1994 году АО «Горнорудная компания «Корякия». В 1995 году Государственной комиссией по запасам утверждены запасы золота по категориям $C_1 + C_2$ в количестве 52, 5 тонн.

В историю работавших в те годы людей ушла достопамятная Аметистовская эпопея. И ведь не зря мы трудились – с 2012 года началась на месторождении добыча руды, а в сентябре 2015 года запущен в эксплуатацию ГОК и произведен первый слиток золота.

Владимир Лахтин. СТИХИ

В публикуемых ниже стихах иронично и с мягким юмором описываются давние события из жизни Аметистовой ГРП, проводившей геологоразведочные работы на одноимённом золотосеребряном месторождении, расположенном на севере Камчатского края. Автор проработал на месторождении 18 лет (1975-1993 гг.), т. е. практически весь период существования одной из крупнейших в тот период геологоразведочных партий на Камчатке.

В своём произведении В. Лахтин, с позиции полевого геолога и творческого человека, показал лишь небольшой срез деятельности Аметистовой ГРП. Конечно же, история партии, как и Северо-Камчатской ГРЭ в целом, была гораздо сложнее и многообразней.

ИСТОРИЯ СМЕН НАЧАЛЬСТВА В АМЕТИСТОВОЙ ПАРТИИ

Был мир Таловский мраком тайн окутан,
холоден, дик, - поэтому безлюден.
Да будет свет! И дал тогда Смирнову¹
Рожков² добро. И откликаясь зову,
романтики – бичи и джентльмены
поехали к границе Ойкумены.
Не мог дремать Нечистый в это время –
от 1-ой группы жил до Диатремы.

С началом Аметистовой синхронно
стык в космосе Союза с Аполлоном.
Нельзя ровнять – события в контрасте.

¹ Смирнов Владимир Леонидович – первый начальник Аметистовой ГРП (январь 1975 г. – апрель 1976 г.).

² Рожков Юрий Павлович – начальник Северо-Камчатской ГРЭ, в 1976 году удостоенный звания «Заслуженный геолог РСФСР».

Рассказ мой, в основном, о сменах власти,
к действительности в близком варианте, -
той чехарде по срокам нет гарантий.
Не стану застревать на вводной плути,
начну с того, что знаю я по сути.

Итак, Смирнов стал первым патриархом;
народ его с Христом тут и с Аллахом.
Хиляк-движок пытит в своем сарае,
включил уют – свет тут же угасает.
Борьбою тешась в бытовой разрядке,
Смирнов и осетин в запале схватки,
Исаков³ щиплет струны на гитаре,
в согласьи с нею печь гудит в хибаре.

С балка, - он у оврага, посерёдке,
в два яруса там нары, как в подлодке,
и два отсека с лампой Аладдина
(он звался офицерским), - утром зимним:
на душу мат – шагал в пургу Уваров⁴
до буровой, заклётой для аварий.
От летнего тепла – к зиме суровой
рассохлись брёвна тополя в зимовьях.

В мешках холодных – ждет народ героя,
кто печку оживит в избе до зноя;
сортир, потом в столовую, и дальше,
насытись наспех полумёрзлой кашей.
У печки, в шубе, фляга; - редко сухо, -
для философий брага в дни досуга
канавщикам и прочим. Каждый - стоик
по образу мышленья и устоев.

³ Исаков Александр Борисович – геолог Аметистовой ГРП.

⁴ Уваров Виктор Борисович – буровой мастер Аметистовой ГРП. В начале 1990-х годов стал одним из организаторов и первым руководителем ЗАО «Корякгеолодобыча». В 2011 году уехал на постоянное местожительство в г. Санкт-Петербург.

По верху сопки, там, где хаотично
валялся кварц, и рудный, и обычный,
особо не мудря, пробороzдили сопку,
сняв талый слой. А после – взрыв и копка,
участками на длинной магистрали,
не обольстяться в отрытом драгметалле.
Когда сосульки удлинялись течью,
унёс Смирнова борт гусям навстречу.
Он – первая отстрелянная гильза.

Рожков гадал. Как раз Сальмин⁵ явился.
Канавщикам его приход на благо -
взбодряет дух Абу-Симбэл и брага.
Отчёт начальству был незаурядным:
«Имею – от соплей до бриллиантов!»
Но в горном деле он, конечно, дока,
пусть и хитрил, коль с планом было плохо.
Хозяйство вёл ни шатко и ни валко,
не важно,- иногда благоухал фиалкой.
Орлан жил для забав. Бывало любо,
как злил собак: их бил крылом и клювом.
Отпущен был, когда подрост для лёта.
А какова гусятинная охота!..

В кожанке чёрной под «а ля Урицкий»
явился осторожный Татаржицкий⁶.
Расхаживал в унтах собачьих барсом,
боясь лишь только дело кончить фарсом.
И походя, к хорошему настрою
решительно бил в потолок ногою.
Припав к окну, следил и знал, кто с сопки,-
«Не рано ли?» - вышагивал по тропке.
Причина схода часто не в работе -

⁵ Сальмин Александр Иванович – начальник партии (с апреля по декабрь 1976 г.).

⁶ Татаржицкий Евгений Стефанович – начальник партии (декабрь 1976 г. - февраль 1979 г.).

с канистрой водки кто-то на подлёте.
Зимой, в позёмку, место для канавы
отмерил с ним..., а результатом: «Браво! -
ему Рожков,- трудились не напрасно»
За штольной дело – сразу стало ясно.

Рожков гадал: « В колоде кто ж попался?» -
причалил к Корфу поворотным галсом
технический новатор Виноградов⁷.
«Лети-ка в Аметистовую, надо
отладить сжатым воздухом буренье».
...Неспешно осмотрелся. Не до рвенья
в запущенном хозяйстве инженеру -
нахрапом не возьмёшь, не зная меру.
Любивший отмечать прогресс заграники,
тут навернул к болотникам портянки,
и начал здесь и там по грязи топтать.
Знакомо всё – Сергеевский⁸ был опыт.
Помимо браги, общим интересом
спаял, как мог, сергеевцев и местных.
Жил за ручьём в обшарпанной халупе,
там рядом с кузней хлам железный, трубы;
косой кузнец, по прозвищу Вакула,
там выпрямлял железки или гнул их.
К зарезке штольни пребывали кадры,
и зиждилось уже лихое завтра!..
В чехол уклад свой офицерский спальник,
сутуло к «вертаку» шагал начальник.
Облаянный бегущими вслед псами,
борт улетал с попутными гусями.
Тогда на счёт с лихвой хватало пальцев.

⁷ Виноградов Валерий Дмитриевич – работал в ПТО экспедиции, главным инженером Аметистовой ГРП. После Камчатки уехал на ПМЖ в Германию.

⁸ Имеется в виду опыт работы в Сергеевской ГРП, на разведке одноимённого золоторудного месторождения.

На дни межвластья был посажен Зайцев⁹.
Взял Веня Шашку. Правил без коллизий.
А первым делом выучил он дизель.
Вникал умом в гудящее железо –
для пущего технического веса.
Но лучше там, где Спрут¹⁰ или Омега¹¹.

В Китае гуси, а на тундре Мегал¹².
С Карпатами сравнил вид хмурых сопок,
вздыхнул – и за ручей со свитой обок.
Где жить ему, там пристань показали.
Как якорь – с плеч рюкзак. И он причалил.
(Жена, тинэйджер-сын явились позже).
Хозяйство осмотрел – и дёрнул вожжи!
Канавщиков – на Спрут. А Соловейчик¹³
им Белоснежкой на топчан над печкой.
Сама она, семь бичеватых «гномов» –
в названиях группы жил – бренд от Петровны.
Поглядывал ревниво с юга кто-то –
ему с Косы¹⁴ видней. И Мегал промахнулся.
Насмарку наработанные плюсы.
(Как тут не вспомнить старого Акелу).
В анналах быть – к престижному тут делу
все рано или поздно приступали.
Почёт, хвала, когда всё в идеале.

Прикинул Мегал глазом, да и в силу

⁹ Зайцев Вениамин Петрович – начальник партии (февраль – июль 1979 г.), потом работал старшим, главным геологом Аметистовой ГРП. Впоследствии работал в должностях директора по геологии, заместителя генерального директора ЗАО «Корякгеолдобыча». В 1998 году удостоен звания «Заслуженный геолог России». С Камчатки выехал в 2011 году.

¹⁰ Спрут – участок (рудная зона) Аметистового месторождения.

¹¹ Омега – участок (рудная зона) Аметистового месторождения.

¹² Мегал Павел Дионисович – начальник Аметистовой партии (1980-81 гг.).

¹³ Соловейчик Марина Петровна – геолог партии (сейчас проживает в Канаде).

¹⁴ Корфская коса, на которой располагались база и жилой поселок работников Северо-Камчатской ГРЭ.

того, что есть,- расчёт его не к Нилу,-
на дно реки вкопал с балластом бочки –
быками в русло сели, вроде, прочно, -
построил мост!.. Ан, нет... Не тут-то было –
и в паводок все бочки напрочь смыло.
Не в этом ли предвестие опалы?
Врать не хочу, но Мегала не стало.

На северах, при частых переменах,
раскручен был универсал Эркенов¹⁵.
Мудрён и хваток. Оказался кстати.
Понять, что происходит и наладить
работу в Аметистовой, Рожкову
легко сказать ему всего три слова:
«Лети и действуй!». Эмиссарил Локман
у нас и раньше. Всё ему знакомо.
Был на плаву в балансе обстоятельств –
Успехи – в плюс, огрехи вычитались.
У технарей любые экивоки
распознавал, и уличал в подлоге.
Спросили как-то Локмана ребята:
«Министром смог бы? – «Всё могу, коль надо».

Умелой тягой воз всего хозяйства
он потянул, лягая за слюнтяйство,
кто тормозил бодрей идти упряжке.
Не строг порой лишь к выпивалам бражки,-
и в ус себе не дул к их выкрутасам,
когда он сам срывался чьим-то сглазом;
был на посылках: лишь подымет веки –
пойдёт, найдёт и принесёт Кожекин¹⁶.
Но возрождался – и взлетал, как Феникс!
А прошлый оступ Корфу был до фени.

¹⁵ Эркенов Локман Хусейнович – работал начальником Аметистовой партии, заместителем начальника Северо-Камчатской ГРЭ. В конце 1980-х годов руководил Центрально-Камчатской ГРЭ.

¹⁶ Кем работал, неизвестно. Видимо, рабочим.

И тут... Эркенов ни при чём, он в силе,-
брус привозной и труд – под хвост кобыле:
нервною ночью лаяли собаки,
а утром – в недостроенной общаге
обуглены все номерные брусья...

Ему на смену, тоже с Приэльбрусья,
явился в Корф молодцеватый Солтон¹⁷,
брат Локмана. Сюда бортом – и вот он:
на нары чемодан – и сразу к делу.
«Там оботрись и стань, как брат, умелым»,-
держал слова Рожкова, став предтечей
здесь перемен. И дело начал с речи
в палатке-клубе на всеобщем сходе.
Запомнилось, как нудно о работе
долбил ушам, располагая к сплину.
Он в клетке заморил лису Аксиною,
два раза лаял, проигравшись в фанты.
Но вот... построил Бам, и не затратно.
Стрёб с тундры грунт, в боках дав рост оврагам,
насыпал щебень. Хорошо!.. Однако
недолго тракт утюжил весом трактор.

Поднаторевший в разных передрягах,
штаб Корфа размышлял умом синклита:
когда ж всю базу, скarb, вплоть до корыта,
за речку увезти? Гадал недолго.
На становленье нового посёлка
решеньем смелым брошен был Вильданов¹⁸.
Сначала брагу вылил у Лозяна¹⁹.
Неоднозначно понятое рвенье
списало время в будущем движеньи.
Имея энергичную закваску,

¹⁷ Солтан Хусейнович Эркенов - работал начальником Аметистовой партии в начале 1980-х годов.

¹⁸ Вильданов Валерий Темирбулатович – начальник Аметистовой ГРП.

¹⁹ Лозян Александр – проходчик на открытых горных работах.

сам лично трос цеплял к балку в обвязку,
зимовья ветхие – и те в кочёвку стронул,
все в целости за речку, без урону.
Корф оценил: не гонит, мол, халтуру,
и позже взял в свою номенклатуру.

Мелькал еще тогда Эркенов-младший.
Не пожелал южанин править дальше –
сошёл с Седла, затёртого до лоска.

Кончалось лето, с ним и перевозка.
Подкрался незаметно Виноградов.
Крутиться стала властная триада:
Вильданов, он, еще Эркенов-старший,
куратор корфский, – трое в бодром раже
закончили возить. Пусть и не ладно –
по выбору жильцов – стоят безрядно
балки на тундре. В целом, без претензий.
Забьётся в срок и дизельное сердце –
всему хозяйству главная основа.
Храню я слайд, подаренный Петровной:
как астроблема – полость котлована,
там ДЭС построят пришлые армяне.

Так кто ж в Седле? Как Цезарь или Август
триумвират Эркенов взятой властью
счёл лишним, опасаясь пертурбаций?
Пасую здесь. Для будущих ований
в триаде каждый был Седла достоин.
В ту путаницу с год я не был встроен,
как наблюдатель. С лени не пристало
мне ворошить известные анналы...

Ушел, исчез из виду Виноградов,
Эркенов – восвоясь. На кадровой шараде
Рожков съел не одну уже собаку.

Приехал Григоренко²⁰ – ждать по знаку
с большой Косы к Седлу уже причастья.
Корф знал его – толковый был бурмастер,
в хоккей на льду вовлѣкший нас когда-то.
Стареющий Рожков решал шарады.

Теснить тут стали кадры Лаштабега²¹
штаб на Косе. Кто – муравьѐм забегал,
а кто – пассивно ждал в карьере знака.
Владеть хозяйством звать пришлось варяга.
Явился Маслов²²! Элегантный Паша
решил посѣлок сделать много краше.
Тем паче – из Москвы заброс финансов
всѣ позволял. Не упустил он шанса
в отличники попасть: построить школу, -
себе там место, и осталась доля
там камералке, - факт, конечно, веский;
МИ-6 балки возить стал на подвеске,
стучали молотки, топор работал, пилы...
но не в ущерб объектам. С лязгом в жилы
лихачил поршень – вдалбливал коронки
и керн крошил, а пыль субстратом тонким
и с золотом, - на воздух в каждом акте,
а часть – в мешки геологу на вахте.
Мол, объяснялось: с разницы давлений,
чем глубже – керн на выходе дробнее.

Фарт и фиаско ходят врозь, но рядом
не уловить изменчивость угадом.
На переправе в паводок до штолен

²⁰ Григоренко Валерий Иванович – начальник Аметистовой ГРП. Впоследствии работал заместителем генерального директора ЗАО «Камголд», ЗАО «Корякгеолдобыча».

²¹ Лаштабег Виктор Иванович – в 1983 году был назначен генеральным директором ПГО «Камчатгеология». Прославился своим крутым нравом по отношению к руководителям и главным специалистам экспедиций.

²² Маслов Павел (отчество неизвестно) – начальник Аметистовой партии.

(водой размыло мост) – утоп Бузорин²³.
Клуб бывших вождедеет о реванше,
и в очередь все те, кто были раньше.

...Серьёзно за работу взялся Локман.
Ко всяким есть вопрос каменоломням.
Но шаткий мост.... Ходили опасаясь
мы по нему, за поручни цепляясь,
к тому же пешеходный – из железных
листов и тросов, - был уж бесполезным.
Без никаких «на глаз» или халтуры
по чертежу он рассчитал эпюры.
Построил мост! Напрасно бьются воды –
на хитрость рек есть умные расчёты.

*«Эркеновский» мост, подмытый во время паводка. Вдали виднеется устье
2-й штольни, пройденной по жилам Ичигинская и Изюминка.
На сопке – магистральные канавы и траншея (фото В.И. Лаштабега)*

²³ Бузорин (имя, отчество неизвестны) – проходчик.

На время с Корфа послан был Неверов²⁴ –
с плеяды «зубы съевших» инженеров
на всяком деле. Запустил в движенье
компрессор, два ДГА и ССК в буреньи.

Свой шанс и долг – в Седло себя впечатать -
дождался и Вильданов – обозначить
приоритет жилья, а с ним и быта.
В ряд улицы, бульдозером подрытой,
свезли балки. Их ставили по паре
и общей крышей оба накрывали,
просвет с боков закладывали брусом.
С неприхотливым это всё искусством
снаружи прочно обшивали толем,
доской б/у и рукавом из штолен.
Как раз к зиме отбыл свой срок Вильданов.

Вскочил в Седло потёртое Романов²⁵.
Люд разный – от бича и до масона -
в Сергеевской держал во время оно;
не тишь да гладь там, а с людьми он ладил
и был от их усердий не в накладе.
Не разминался. И уже на старте -
нырнул и выплыл в курсовой фарватер.
Решений ждали то или другое.
Не задним местом – думал головою.
Водой от дизелей, - стекала зряшной, -
он трубы напичкал, и та по каждой
шла нужной ветке – до балков и школы.
Наладил связь, глинстанцию построил,
столбы врыл в землю – ЛЭП зашла на сопки.
Да мало ли чего из черепной коробки

²⁴ Неверов Юрий Викторович – главный инженер, впоследствии начальник Северо-Камчатской ГРЭ.

²⁵ Романов Виктор Павлович – начальник Аметистовой партии, ранее работавший начальником Сергеевской партии, а позднее начальником Южно-Камчатской партии в составе Центрально-Камчатской ГРЭ.

на результат...

Сменил в заходе третьем,
подкравшийся всё также незаметно,
но с ходу ногу в Стремя, Виноградов.
Как все, и он явился для налада,
на свой манер, партийного хозяйства.
Его он обошёл, и где-то рыкнул властно.
Привычно деловит, не распускает слюни.
Буреньем, в основном, делами штолен Шунин²⁶,
занялись там, где не ударишь в пьянку –
работать надо! – выше ставя планку.
На вид жираф – скакал по сопкам хмурым
конь резвый буровой своим аллюром.
На весь Союз успехами в буреньи
гремел Рублёв²⁷, наращивал уменье.
И Виноградов должен быть доволен
работой буровых, канав и штолен.

Рожков в опале. В Корфе генералом
ходил Кисиль²⁸, а бывший стал вассалом.
Вильданов поджимал... Там сел и Виноградов.
А в партии командовал «парадом»
откуда-то вдруг взявшийся Колесник²⁹.
Всё рушилось. Увы, он не кудесник,
реформы ему допинг не давали -
у ног с тупою Шашкой либералил.
Народ с канав, при всякой власти вольный,
был вне прицела Глаза. Глохли штольни.
Финансы – кот наплакал. Но остаток

²⁶ Шунин Владимир Иванович – главный инженер Аметишовой ГРП. Во второй половине 90-х и в начале 2000-х годов работал генеральным директором ЗАО «Камгео».

²⁷ Рублёв Сергей Степанович – буровой мастер молодёжной бригады.

²⁸ Кисиль Владимир Иванович – сменил Ю. П. Рожкова на посту начальника Северо-Камчатской ГРЭ.

²⁹ Колесник Алексей (отчество – неизвестно) – начальник Аметишовой партии с 1988 года.

есть на буренье, меньше на порядок.
Восторженно гудеть в тон сводкам – дизель
отказывал начальству. Не с каприза, -
по обстоятельствам, - набравший силу,
с Седла Неверов либерала скинул.

К Седлу подвел Годлевского³⁰. Как Вр.и.о.
Тот Шашку, ржой поеденную, живо...
нет, не к ноге – отбросил прочь куда-то, -
найдет историк – будет артефактом.
Престижных дел не совершал Годлевский.
Геолог же мечтал, и место для зарезки
нашел для дальней штольни. Но финансы...
петь не способны даже и романсы.
Сипеют, - стихли окрики по связи;
всё знали, понимали в Корфе князи:
едва проросший на московской ниве,
стал стебель перестроечный паршиветь.
Энтузиазм угас. Ну, разве, только бражка
бодрит ещё канавщиков. Нет Шашки –
тем более им всё «по-барабану».
Весёлый их тотем – он никуда не канул –
бурдюжный дух. Но вёл себя скромнее.
Жил около печи, теперь – у батарее.

Освоить не ахти какие деньги
успел в Седло запрыгнуть Григоренко.
Повёз хозяйство, словно волокушу.
Тут... Киев отделился, - «Мать их в душу!
Нехай себе на площадях горланят,
из сала там валюту чистоганят».
Он здесь в разрухе видел перспективу,
и отказал дороге в стольный Киев.
Охват работ, вся, в целом, панорама
сужалась, точно, фото диафрагма.

³⁰ Годлевский Леонид Алексеевич – вр.и.о. начальника Аметистовой ГРП в 1991 году.

К отчёту, для коррекции деталей,
шумело где-то: выгрызали кайла
отдельные на доразведке жилы...

И брезжить стал металл альтернативы!
С уходом Григоренко, стало ль пусто
Седло правленья? Или как Августул
(в сравнении некорректном – с крахом Рима),
был он последним? Знать другое имя
не довелось.... Всё это есть в анналах -
в разделе «Кадры». С самого Начала.
Где что не так – вопрос уже педанту,
архив поднимет и напишет складно.

Примечание:

Стихотворение написано в начале 1990-х гг., окончательную редакцию автор сделал в 2012 году. Иллюстрация – из фотоархива автора.

ГУСИНАЯ ОХОТА

Над сопкой шел разведчик-гусь.
Летел он низко, горбя крылья.
И первым кто увидел? Филя!
Залаял звонко. «Филя, кусь!»
Лишь только взглядом проводили.

В своих балках наводим шмон.
А не находим – в память свищем,
Как белки по заначкам рыщем.
Столпотворенье! Вавилон!
В балочном нашем городище.

Изрублен войлок на пыжи.
Хорош и валенок обычный.
И Филя-пёс, гусей открытчик,
На чаек лает от души,
А заодно - на прочих птичек.

Блестят ружейные стволы,
И жуть таится в чёрных зраках,
И знает каждая собака:
Когда расстегнуты чехлы –
С пернатым братом будет драка!

Морщинистые рюкзаки,
Как дряблые старушки лица, -
Но полагают округлиться,
Сползя с удачливой руки,
Набитые убитой птицей.

Окончен сбор. Пора в поход!
Авансом выпить бы за праздник!
А кто от выпивки отказник?!
Охотник за удачу пьёт,
Но в меру он сегодня бражник.

Нашелся талисман удач.
С шампанского взлетали пробки!...

Султан зари горел на сопке!
И краснобровый куронач
Ходил по куроначьей тропке!

Не чует гусь свою беду.
Заря по окоёму -
Спешит к их роковому
Лихому дню; заря в цвету
Малиновой истомы.

На гуся идем гуськом.
Настроенъе на подъеме!
Посторонних мыслей, кроме
Как о птице, нет, - притом
Я бывалыми ведомый!

Дальше – сузилась тропа.
Наст держал, морозцем схвачен.
И в набродах куроначьих
На проталинах крупа
Снега, выпавшего за ночь.

Не увидеть бы химер.
Взгляду дол за перевалом:
Желтоватым старым салом
Лёд на озере хирел,
Шевелились в сопках скалы.

Не взяли Филю на гусей:
Был ловок жрать лишь из гусятниц
(бывало, наводил в них глянец).
Как вспомнили – уж Филя здесь!
Задаст нам пороху, поганец.

Пришли к избушке. Ветер дул.
Внесли, согреться, дров и воду.
Попили чай. «Дай, Бог, погоду!» -
И ходу к Месту, где Куюл
Уже готов был к ледоходу.

Выл Филя вслед: «Такой кобель! -
Привязан вот... к суку лозины.
А этот лопоухий Пиня
(шел с нами пегий спаниель)-
Оболтус! Бестолочь! Дубина!»

Хрустели звонко две версты
По льду озерному – до Места,
Где срезать будет делом чести
Гуся с хорошей высоты,
Открыв ружейную фиесту.

Какая это благодать! -
Взять на язык кусочек льдины,
И перекрёстный гвалт гусиный
Ушами, как вино вкушать,
Брусникой заедать с дернины.

Под ерник в мох сырой упав,
Сидим и пялим в небо очи.
Вдыхаем запах клейких почек;
Солома вытаявших трав
Свисает камуфляжем с кочек.

В зените, где синей всего лазурь,
Два журавля, крыло к крылу, летели,
Вели беседу звуками свирели,
Достаточно одно лишь слово: «Курль» -
Чтоб всё сказать, всё – о любви и цели.

В сапфировых изломах лёд.
На нем проталины и лужи.
Садятся гуси неуклюже...
И грохнуло! – с двух точек влёт, -
Запахло гарью масло ружей.

Взят патрон, - приёма три -
С лязгом в дуло смерти всажен!
День Большой Пальбы налажен!
И куда ни посмотри –

Птичья кровь на снежной каше.

Садился гусь на тундру – поклевать
Подснежной ягоды брусники...
Свинец в крыло! – и птица в смертном тике.
Как бился гусь за жизнь и силился взлетать
В родное небо с кровью в крике!

Перегнуть – вогнать – щелчок –
Чок за целью повело –
Бьёт ударник в жевело –
Дуло плюнуло – толчок –
Камнем гусь – не повезло.

Гусь-альбинос, фиксируя замах,
Хорошей целью вытянулся фертом.
Прошел за лебедя, хотя и с черной метой.
На гордых птиц табу, уж впопыхах
«ловец ворон» вдогон стрелял дуплетом.

Дышал на солнышке Куюл
Ноздрями узкими продушин.
Не хочет пуночка на суше
Мочить в лосином следе клюв
И воду пьёт с лазурной лужи.

Блуждал, нигде не хоронясь,
И вынуждал всех к переходам, -
Таким быть надо ж идиотом, -
Лупил, пугая птиц, Тарас
Впустую уж патроном сотым.

Не позволяя в рост потяг,
Ждём полусидя, чуть не в лёжку,
Гусей к нам близко на кормёжку.
Чу! Сузив крыльями размах,
Гуменник шел, садясь сторожко.

Качала воздух в крылья-паруса
Станица птиц над долом вдоль Куюла.

Казалось: до зубчатых гор тянулась
Казарок лёгких черная коса
И тёрлась там о каменные скулы.

С полудня фарт ушел от нас,
Сидящих врозь на тундре жёсткой,
По-майски жухлой и неброской;
Пунктир гусей смеялся в глаз,
В ушах звенело отголоском.

Похолодало. Вовсе гусь исчез.
Но оживились вороны и совы,
Да куропад наглел и дергал бровью.
И, наконец, сойдя с пустых небес,
с гусём кто, без – идём назад к зимовью.

Втихую надо льдом работал день.
На озере разводья стали шире.
По льду вода.... Дождаться ночи, или –
Не сожалеть о том, что не тюлень,
А стать им, одолев всего полмили.

Преодолели всё же кое-как.
В зимовье докрасна шуруем печку,
А на столе, с латиницей в насечке,
На лапе у гуся, как обручальный знак,
Блестело иноземное колечко.

А запад – сущий изумруд!
В диговину закат зеленый!
Но быть ночью примадонной
Спешит луна, явившись тут,
Над цирком, как алмаз короны...

Ступая на хрустящий слуд,
Не как вчера, не дуло к дулу, -
Бредёт по озеру к Куюлу
Врастяжку одичавший люд,
Воинственным кагалом зулу.

Заря еще была, как красный нож.
И, словно ветром, над ландшафтным кругом
Серебротрубным потянуло звуком.
Охотничья всех обуяла дрожь:
«Ух, и завертим! И пером, и пухом!»

Лениво, сонно отзовясь на клик,
Облило солнце тундру позолотой.
И вот, сам Свет - сияющей зевотой
На сопку алый положил язык.
Пошла она! – гусятинная охота!

Пошла охота! Хлебе всех монган
Пальба из ружей. Наблюдай и дергай!
До мокроты дрожали мыши в норках,
Погадкой плюнув, удирал орлан,
Олень брезгливо за Куюлом хоркал.

Палец плавно на крючок –
Бьет курок в торец латунный –
Импульс в порох – выстрел! – плюнул
Боевою дробью чок –
В кость толчок – дымок из дула.

Метались гуси, делая финты.
Матерый гусь спикировал на Пиню:
Терзал тот белолобую гусыню, -
Как бабочки взлетали на кусты
С подранка перья.

И еще картину,
Забавней прежней, видел, как курьёз:
Охотник над кедровником куницей
Скакал по сучьям за проворной птицей,
Упал там, в стланике, расквасил нос,
А сбитый гусь сумел из виду скрыться.

Навесил лапник на ольховый куст.
В нем бродят соки с горьким ароматом.

Сижу, укрытый хвойным маскхалатом,
И ранних комаров укус,
Когда тут снег, казался странноватым.

Тарас, как бешенный палил,
Круша безоблачную бездну, -
Переходил от места к месту.
Но лишь неверный глаз страшил
Гусей, за их живучесть, мезью.

Сидели мудро, как чероки,
Копальщики канав, артель,
С терпеньем ожидая Цель.
«Чирка убить? С него и проку...
Дождемся главного отсель!»

И дожидались. И валили
Гуменников, и там, и здесь;
Те камнем падали с небес, -
Когда – с подругой рядом, или –
На тундру одиноко без.

Клацал старый получок.
«Мушка! – верно. Ладно, - с Богом!»
Упади! – коль выбран роком».
Взрыв заряда! – дробь в пучок –
Шмяк с небес! – об лёд гусь боком.

На тундре снежные лепёшки,
Снег вязкий, словно на клею.
Губами ком с горсти дою, -
Отплюнул ягельные крошки, -
Аж зубы ломит! – снова пью...

Сопротивляться птицы не могли:
Воюет человек! С гусиным родом.
И куст любой мог оказаться дзотом.
Но гуси стали к вечеру хитры,
Минуя место страшное облётом.

Весна свой припускала флаг.
И вот: сиреневые тени
На заиневшем мху оленьем;
Вблизи снег белый на холмах,
Был розовым на отдалении.

Смотреться стали рюкзаки.
Бугры карманов стали глаже,
Торчали перья, как плюмажи, -
А сядут, соскользнув с руки,
Обширнозадой бабой ражей.

Тому, кто Артемиды фаворит -
Ему все в руки козыри и дамки;
Наградой – дичь оттягивает лямки.
Как у волков, - кто гуще снег желтит, -
У меткого стрелка на следе глубже ямки.

До берега мельчили мы шаги,
Шли ощупью, не доверяясь льдинам.
Нам слева горизонт светил кармином,
По ягодицам били рюкзаки
С парной, в крови, убоиной гусиной.

Рассыпая хохот на дорогу,
Вспугнутый шарахнул куропач.
Позади казарки вдовий плач
Утихал. И, словно кровь, к востоку
Натекая, полз зари кумач.

Живописать, бессильны словари:
Минуя с кликом место птичьей драмы,
В долины рек обоих океанов –
Шесть лебедей летят вдоль лав зари,
Труся над тундрой соль морских туманов.

1980-е годы

К ОТКРЫТИЮ АМЕТИСТОВОГО ГОКа

Помним время и в нём свои роли.
Увлекло нас, как горный экстрим,
Тклаваямское рудное поле
с золотой сердцевиной внутри.

В пик величия советской Державы
луноход шлялся в лунной пыли.
Не ревнуя к космической славе,
устремленные в недра Земли,
были искренни в духе упёртом.
Под дождями и пург дикий свист
у канавы бледнел год за годом
оберег-талисман аметист.

Пурги здесь соответствуют шторму:
в борт балка волны снежные бьют.
Нары вбиты в углы по-морскому –
на манер корабельных кают.

Позже быт преуспел в обустройстве.
Министерский проник к нему взгляд,
коль с труда, не без доли геройства,
выдавать стал Объект результат.

Взяли ритм, как второе дыхание,
на участках станки буровых,
заработали штольни. ... Воспрянул
дух геолога, всех остальных.

Сопки скоро, утратив идилию,
в шрамах, бороздах, как у комет;
покрывал техногенною пылью
взрыв с канав златорудный объект.

Но извечно – у речек поляны
от грибов, трав и ягод пестры.
Точно в огнистый цвет икебаны
в сентябре наряжались кусты.

Все работники в труд свой вложили
силы, знания. Был интерес:
с каждым разом уверенней жилы
набирали в отчётах свой вес.

Той, что вскрыта вдоль южного склона,
самой мощной, с богатой рудой,
дали имя и ранг Чемпиона, -
козырь стал он иметь золотой.

... Как-то вдруг опустела здесь тундра.
Сдан в защиту последний отчёт.
Переключен на платину мудро
в том безденежья вектор работ.

Сход эпохи, с заменой на новый
её лад, в деле трудный проект -
слишком долго входило всё в норму.
Лет пятнадцать дремал и Объект.

Но дождался и он инвестиций.
Всем сомненьям и спорам конец:
частный бизнес пришёл из столицы.
Был разбужен, и вздрогнул телец!

В плане порты построить, дороги
с побережных к Объекту сторон.
Старый зимник уже путь нелёгкий
для нагруженных санных колонн.

«С делом сладим!» - вживалась, как мантра,
в мозг уверенность. Денег приток
позволял направлять сюда кадры
всех профессий, и целью был ГОК!

С юга груз приходил на подвеске.
Сопки, тундру и всё, что там есть,
оглашали раскатистым треском
прилетающие МИ-26.

Меру стимула, быт нетепличный
принимали тут многие. И
уезжало с Объекта обычно
только слабое духом звено.

А работали в темпе другие.
Стройка шла, и пылил самосвал, -
не мешала работе стихия
пополнять на площадке отвал.

Чемпион был достоин карьера -
с лестным имиджем горной «звезды».
На отвале объёмы в замерах
прибавляют для ГОКа руды.

Близок час, тот, который все ждали.
Из руды, что везут «на-гора»,
в слитки ЗИФ упакует металлы
сплавом золота и серебра.

И геологи ждали, как чуда,
столько лет с их отчётов эффект:
помнят, как уходили отсюда
не без веры в свершённый проект.

К извлеченью на месте рожденья
драгоценных металлов из руд
ГОК готов! Он всему даст движенье,
а строителям славу за труд!

2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Биография В.А. Лахтина	2
<i>ПРЕДИСЛОВИЕ</i>	3
1. МОЯ СУДЬБА – АМЕТИСТОВАЯ ПАРТИЯ	6
<i>Первый полевой сезон на Камчатке. Проблемы в Корфе</i>	6
<i>Прибытие в Амелистовую партию</i>	12
<i>Знакомство с поселком и окрестностями</i>	22
<i>Начало работы</i>	26
2. ГОД ЗА ГОДОМ. ЖИЗНЬ И РАБОТА АМЕТИСТОВЦЕВ ...	34
<i>Старый геологический посёлок</i>	34
<i>Главный объект работ</i>	37
<i>Первопроходчики разведочных канав</i>	38
<i>В партию прибывают новые кадры</i>	41
<i>Трудовые будни канавщиков. Пьяный досуг в дни ненастья</i>	43
<i>Немного об охоте. Квартет новоприбывших канавщиков</i>	45
<i>Пришло лето. Комары досаждают</i>	47
<i>Работа на Мазуринской сопке</i>	47
<i>Литературные чтения</i>	49
<i>Геолог Сергей Рычагов</i>	50
<i>Горно-геологические сложности. Казус с Сальминым</i>	52
<i>В зимовье у рабочих. Поединок орлана с собаками</i>	55
<i>Наступление холодов. Заготовка кедров на зиму</i>	58
<i>Начальник партии Е. С. Татаржицкий</i>	60
<i>Застольные празднества в старом посёлке. И не только</i>	61
<i>Смена жилья. Рабочие Черемных и Тучков</i>	65
<i>Мой вылет в Корф. Погрузка цемента в вертолёт</i>	67
<i>Обзорный очерк о канавщиках</i>	70
<i>Бражный пир во время пурги</i>	75
<i>Вскрытие канавы № 165 рудной жилы «Чемпион»</i>	77
<i>Горняк Шведов и его злосчастная канава</i>	81
<i>«Бывшие интеллигенты»</i>	83
<i>Канавная проходка вблизи жилы Чемпион. Буровая бригада</i>	85
<i>Весенняя охота на гусей</i>	86
<i>Перехожу жить к Рычагову. Его интересы и цели</i>	96

<i>Две студентки</i>	100
<i>Работа и жизнь на Интересном</i>	104
<i>Аварийная ситуация с трактором ДТ-75</i>	106
<i>Убытие С. Рычагова в Петропавловск, история с дровами</i> ...	107
<i>«Лечение» отита одеколоном</i>	108
<i>Объединение двух экспедиций в одну структуру</i>	108
<i>Геолог Вениамин Зайцев</i>	109
<i>Взрывник Игорь Луковников</i>	111
<i>Подготовка к работе на флангах рудного поля</i>	114
<i>Сергеевский проходчик Степан Лозян</i>	115
<i>Канавщик Валентин Степанов</i>	118
<i>О собаках</i>	119
<i>Студентка Марина Соловейчик</i>	123
<i>Обустройство быта и работа на Интересном</i>	126
<i>Инцидент с дракой</i>	129
<i>Охота на домашних оленей</i>	131
<i>Владимир Шинкарев</i>	137
<i>Текущее состояние дел в Аметистовой партии</i>	144
<i>На каналы добавляются новые проходчики</i>	144
<i>О пожарах в тундре</i>	146
<i>Зарезка штольни. Переход канавщиков на сопку Рудную</i>	148
<i>Студентка Глаголева и другие практиканты</i>	148
<i>О Рашиде Газизове и не только</i>	152
<i>Чехарда в руководстве Аметистовой партии</i>	156
<i>Валерий Виноградов – главный инженер и начальник</i>	156
<i>Локман Хусейнович Эркенов</i>	157
<i>Виктор Хворостов, главный геолог партии</i>	160
<i>О названии рудных жил</i>	163
<i>Николай Кизюлин, техник-геолог</i>	165
<i>Нина Булычева, техник-гидрогеолог</i>	167
<i>Немного о бытовой жизни взрывника Луковникова</i>	169
<i>Павел Дионизович Мегал, начальник партии</i>	170
<i>О майских половодьях. Случай с опасной переправой</i>	173
<i>Возвращение Марины Соловейчик</i>	175
<i>О начале моей работы в штольне</i>	177
<i>Старший горный мастер Александр Богатырев</i>	179
<i>Геолог Николай Шевченко</i>	182

<i>Пробоотборщик Михаил Мордвин</i>	183
<i>«Исчезновение» жилы Гюзель</i>	185
<i>Рабочие занятия геолога Рашида Газизова</i>	187
<i>И такое бывало...</i>	188
<i>Солтон Эркенов</i>	190
<i>Геолог Людмила Безрукова</i>	193
<i>Механик Владимир Беляев</i>	197
<i>Работа Марины Соловейчик с канавщиками</i>	198
<i>Канавщики Голиков и Бобряшов</i>	201
<i>Ёська</i>	205
<i>Состояние дел в АГРП перед перевозкой посёлка</i>	207
<i>Пожар в тундре</i>	209
<i>Анатолий Бурганов. Воспоминание о старом знакомстве</i>	216
<i>Техник-геолог Наталья Семенова</i>	220
<i>Два моих заезда: к родителям Семеновой и в Первореченск</i> ...	222
<i>Геологи Владимир Скляр и Михаил Махиборода</i>	225
<i>Начало строительства нового посёлка</i>	229
<i>Конфликт Вильданова с Лозяном</i>	231
<i>Перевозка балков</i>	233
<i>Обустройство жизни в новом поселке</i>	234
<i>Шлифовка ручьев на участке Интересный</i>	239
<i>Александр Луковников. Случай с самогонварением</i>	244
<i>Моя последняя встреча с Игорем Луковниковым</i>	250
<i>Потопление вездехода на речной переправе</i>	254
 3. ОТЪЕЗД С КАМЧАТКИ В КУЗБАСС	258
<i>Прощание с коллегами</i>	258
<i>Проблемы с работой в Киселевске</i>	258
<i>О событиях в Аметистовой ГРП в 1983-84 гг. (из писем)</i>	259
 4. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КАМЧАТКУ	273
<i>Вызов на Камчатку и прибытие в Корф</i>	273
<i>Снова в Аметистовой партии</i>	275
<i>Выхожу на прежнюю работу</i>	277
<i>Обзор строительных работ в поселке</i>	279
<i>Геолог Владимир Трегуб</i>	283
<i>Производственный процесс и строительство</i>	285

<i>Гибель человека на речной переправе</i>	287
<i>Плотничаем с коллегами – делаем пристройку к балку</i>	288
<i>В Томске. Сдача экзаменов в ТГУ</i>	291
<i>Изменения в геологическом коллективе</i>	292
<i>Большое майское наводнение 1985 г.</i>	294
<i>Начало лета. Появление домашних хозяйств в посёлке</i>	297
<i>Горнопроходческие работы по поисково-оценочному проекту</i>	298
<i>Предварительная разведка. Новые технологии бурения</i>	302
<i>Судьбы буровиков-аметистовцев</i>	304
<i>Налаживание работы и бытовой жизни</i>	307
<i>О геологическом коллективе</i>	311
<i>Ситуация с доставленными в партию балками</i>	313
<i>Канавицки Владимир Пахоменко</i>	315
<i>Постройка тамбура</i>	317
<i>Новые веяния и корректировка традиций у канавицкиков</i>	318
<i>Бытовая жизнь в поселке. Создание новых семей</i>	320
<i>Время реформенных преобразований в стране</i>	323
<i>Ситуация в стране</i>	325
<i>Продолжение ГРР. Гибель Чечулина</i>	326
<i>Камеральная работа. Прогулки по Корфу и впечатления</i>	328
<i>Заключительная глава</i>	330

ВЛАДИМИР ЛАХТИН. СТИХИ 332

ИСТОРИЯ СМЕН НАЧАЛЬСТВА АМЕТИСТОВОЙ

ПАРТИИ	332
ГУСИНАЯ ОХОТА	346
К ОТКРЫТИЮ АМЕТИСТОВОГО ГОКа	354

Владимир Лахтин

ЗОЛОТЫЕ СОПКИ КОРЯКСКОГО НАГОРЬЯ

*воспоминания полевого геолога
о разведке Аметистового месторождения*

НП «Горнопромышленная ассоциация Камчатки»

Оформление, макет и вёрстка – *Б.А. Шеунов*

Редактор – *Б.А. Шеунов*

Подписано к печати – 20.12.2022 г.

Тираж – 100 экз.

Отпечатано в ООО «Вуокса»

683000 г. Петропавловск-Камчатский, ул. Ленинградская, 100

«В Аметистовой партии о поэте-геологе Володе Лахтине ходили легенды, как о человеке очень неординарном. Его необычность заключалась в обширном кругозоре, степенности действий и самоуглубленности. Документация канав в его переложении иногда являлась историей геологического развития региона. Все попытки его перехода на подземку или бурение, где регламент времени и действий был жесткий, заканчивались неудачей. Его душа не выносила надсадного распорядка дисциплины.

Зато Володя был выручалочкой всегда спешных изданий праздничных газетных листов. В одну ночь им сочинялся шедевр на заданную тему. Даже заказные вещи отличались оригинальностью и самобытностью мироощущения.

Володя Лахтин был признанным первым поэтом партии, где тогда, в 1970-1980 годы, многие писали стихи»

Л. Безрукова